

НОМОТНЕТКА:

Философия. Социология. Право

2022. Том 47, № 4

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право».

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ», Издательский дом «БелГУ». Адрес редакции, издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Римский В.Л., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Заместители главного редактора:

Бабинцев В.П., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Тонков Е.Е., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Ведущий редактор

Почепцов С.С., кандидат философских наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Ответственные секретари:

Новикова А.Е., доктор юридических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Вангородская С.А., доктор социологических наук, доцент (НИУ «БелГУ»)

Члены редколлегии:

Беляева Г.С., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Борисов С.Н., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Петар Боянич, доктор философии, профессор (Белградский университет, Сербия)

Быкова М.Ф., доктор философских наук, профессор (Университет Северной Каролины, США)

Барков С.А., доктор социологических наук, профессор (МГУ)

Габов А.В., доктор юридических наук, член-корреспондент РАН (Институт государства и права РАН)

Драч Г.В., доктор философских наук, профессор (Южный федеральный университет)

Зубок Ю.А., доктор социологических наук, профессор (Институт социально-политических исследований РАН)

Власенко Н.А., доктор юридических наук, профессор (Российский университет дружбы народов)

Калинина Г.Н., доктор философских наук, профессор (Белгородский государственный институт искусств и культуры)

Климова С.М., доктор философских наук, профессор (НИУ «Высшая школа экономики»)

Майданский А.Д., доктор философских наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Мареева Е.В., доктор философских наук, профессор Московского государственного института культуры (Москва, Россия)

Малько А.В., доктор юридических наук, профессор Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета правосудия, профессор (Саратов, Россия)

Назаров В.Н., доктор философских наук, профессор (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Никольский С.А., доктор философских наук, профессор (Институт философии РАН)

Проказина Н.В., доктор социологических наук, профессор (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ)

Сивков Ц.Г., доктор юридических наук, профессор (Софийский университет имени Св. Климента Охридского, Болгария)

Старилов Ю.Н., доктор юридических наук, профессор (Воронежский государственный университет)

Туранин В.Ю., доктор юридических наук, профессор (НИУ «БелГУ»)

Шнопер Дариуш, доктор юридических наук, профессор (Поморская академия, Польша)

Куксин И.Н., доктор юридических наук, профессор (Московский городской педагогический университет)

Таболин В.В., доктор юридических наук, профессор (Государственный университет управления)

ISSN 2712-746X

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл № ФС 77-77841 от 31.01.2020. Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Иващенко. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; rosheptsov@bsu.edu.ru. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 27,5. Дата выхода 30.12.2022. Оригинал-макет подготовлен от делом объединенной редакции научных журналов НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

- 625 Назаров В.Н., Назарова Ю.В. Символика комического в философии древнегреческих мудрецов и современная философская практика
633 Лыткин В.В. Космизм и русская религиозная философия

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

- 642 Цветкова А.О. Эпистемологические проблемы Dasein-анализа Людвиг Бинсвангера. Введение к переводу Э. Бассо
647 Бассо Э. От проблемы природы психоза к феноменологической реформе психиатрии. Исторические и эпистемологические замечания о психиатрическом проекте Людвиг Бинсвангера. Перевод с англ. Цветковой О.А. (Basso E. From the Problem of the Nature of Psychosis to the Phenomenological Reform of Psychiatry. Historical and Epistemological Remarks on Ludwig Binswanger's Psychiatric Project. Medicine Studies, 2012. 3:215–232)
670 Швырков И.А. Искусственный интеллект как философская проблема и искусственные интеллектуальные системы

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

- 682 Зотов В.В. Общественно-профессиональная экспертиза управленческих решений по социально значимым проблемам города как инструмент достижения консолидации
691 Лукашук В.И. Становление и развитие современного спорта: между игрой и культурной индустрией
700 Реутов Е.В., Вангородская С.А., Гайдукова Г.Н. Пандемическая реальность: актуальные проблемы и перспективы

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

- 712 Даренская В.Н., Лугуценко Т.В. Консервативная социальность в философии П. Кулиша
725 Каргаполов Е.П. Российская цивилизация: процессы кодирования и декодирования
736 Черкашин М.Д., Дагаев Р.Р. Медиа социализация в процессах социализации молодежи в современном обществе

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

- 747 Белова С.Н., Строгович Ю.Н., Аристархов О.А. Традиционные семейные ценности и суррогатное материнство: неразрешимые проблемы совместного сосуществования
756 Володина О.В., Акименко Е.С., Стоноженко К.А. Юридическое понятие семьи в нормативном регулировании социального обеспечения военнослужащих в 1920–1940-е годы
763 Гуторова А.Н. Доверие гражданского общества органам публичной власти Российской Федерации
770 Емельянов А.С. Привилегия как разновидность правового преимущества в первые годы советской власти
779 Кутько В.В., Косолапова Н.А., Долженко Н.И. Общетеоретические аспекты соотношения понятий «юридический процесс», «правовая процедура», «судопроизводство»
788 Масуфранова Е.А., Кораблёва А.А. Актуальные проблемы конституционно-правового закрепления и реализации соматических прав в Российской Федерации
801 Трофимова С.А. Общественное право в воззрениях полицейстов
812 Туралин В.Ю., Волков Д.А. Юридическая терминология в ракурсе зарубежного опыта нормативного конструирования
819 Фоминская М.Д. Достоинство личности и права человека как традиционные российские духовно-нравственные ценности

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

- 830 Бахтин В.А. Этномедицина как социокультурный феномен
839 Казаков Е.Ф., Грицкевич Т.И., Жукова О.И. Диалог философии и религии в контексте современной социокультурной реальности: может ли философия быть «новой религией»?

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

- 847 Липич Т.И., Липич Д.В. Право и идея высшей нравственной справедливости у славянофилов и почвенников
855 Кропивка Н.В., Пономарева Е.А. Анализ развития современной информационной культуры

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

- 863 Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. Контексты социального недовольства в социальных медиа региональных кластеров РФ: материалы Международного круглого стола «Консолидация городских сообществ: проблемы диагностики и регулирования» (09 сентября 2022 г., Белгород)
869 Зинурова Р.И., Никитина Т.Н. Этноконфессиональные риски консолидации городского сообщества: материалы Международного круглого стола «Консолидация городских сообществ: проблемы диагностики и регулирования» (09 сентября 2022 г., Белгород)

РЕЦЕНЗИИ

- 873 Домбровская А.Ю., Тарабаева В.Б. Социальная консолидация городских сообществ: возможности регулирования (рецензия на монографию «Консолидация городских сообществ: проблемы и перспективы в условиях цифровизации урбанизированной среды». Белгород: ООО «Эпицентр», 2022)
878 Римский В.П. Герменевтика «Божественной комедии» Данте (рецензия на книгу В.Н. Назарова «Данте: Восхождение к небесам Рая. Морально-эстетическая символика «Рая» в «Божественной Комедии»)

NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law

2022. Volume 47, No. 4

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific Bulletin. Philosophy. Sociology. Law series".

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers.

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod National Research University».

Publisher: Belgorod National Research University «BelSU» Publishing House. Address of editorial office, publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Rimskiy, V.P., Doctor of philosophy, professor (Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

Babintsev, V.P., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Tonkov, E.E., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Commissioning Editor

Pocheptsov, S.S., Candidate of philosophy (Belgorod National Research University)

Responsible Secretary

Novikova, A.E., Doctor of Law, Associate Professor (Belgorod National Research University)

Vangorodskaya, S.A., Doctor of sociology (Belgorod National Research University)

Members of editorial board:

Belyaeva, G.S., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Borisov, S.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research)

Petar Bojanic, Doctor of philosophy, Professor (Belgrade University, Serbia)

Bykova, M.F., Doctor of philosophy, Professor (North Carolina State University, USA)

Vlasenko, N.A., Doctor of law, Professor (Peoples' Friendship University of Russia)

Barkov, S.A., Doctor of sociology, Professor (Moscow State University)

Gabov, A.V., doctor of law, corresponding member of the RAS, honored lawyer of the Russian Federation, chief researcher of the Institute of state and law of the RAS

Drach, G.V., Doctor of philosophy, Professor (Southern Federal University)

Zubok, Y.A., Doctor of sociology, Professor (Institute of Social and Political Research, Russian Academy of Science)

Kalinina, G.N., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State Institute of Arts and Culture)

Klimova, S.M., Doctor of philosophy, Professor (Higher School of Economics)

Maydanskiy, A.D., Doctor of philosophy, Professor (Belgorod National Research University)

Mareeva E. V., Doctor of Philosophy, Professor of the Moscow State Institute of Culture (Moscow, Russia)

Malko A.V., Doctor of Law, Professor of the Volga Institute (branch) All-Russian State University of Justice, Professor (Saratov, Russia)

Nazarov, V.N., Doctor of philosophy, Professor (Tolstoy Tula State Pedagogical University)

Nikolskiy, S.A., Doctor of philosophy, Professor (Institute of Philosophy, Russian Academy of Science)

Prokazina, N.V., Doctor of sociology, Professor (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

Sivkov, C.G., Doctor of law, Professor (University of Sofia "St. Kliment Ohridski", Bulgaria)

Starilov, Y.N., Doctor of law, Professor (Voronezh State University)

Turanin, V.Yu., Doctor of law, Professor (Belgorod National Research University)

Dariusz Shpopier, Doctor of law, Professor (Akademia Pomorska, Poland)

Kuksin, I.N., Doctor of law, Professor (Moscow City University)

Tabolin, V.V., Doctor of law, Professor (The State University of Management)

ISSN 2712-746X

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor). Mass media registration certificate ЭП№ ФС 77-77841 dd 31.01.2020. Publication frequency: 4 /year

Commissioning Editor YU.V. Ivakhnenko. Editing, computer imposition O.G. Tomusyak. E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru; pocheptsov@bsu.edu.ru. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 27,5. Date of publishing 30.12.2022. The layout was prepared by the Department of the joint editorial Board of scientific journals of NRU "BelSU". Address: 85, Pobedy St, Belgorod, Russia, 308015.

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

- 625 **Nazarov V.N., Nazarova Y. V.** The Symbolism of the Comic in the Philosophy of the Ancient Greek Sages and Modern Philosophical Practice
633 **Lytkin V.V.** Cosmism and Russian Religious Philosophy

LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- 642 **Tsvetkova O.A.** Epistemological Problems of Ludwig Binswanger's Dasein Analysis. Introduction to the Translation of E. Basso
647 **Basso E.** From the Problem of the Nature of Psychosis to the Phenomenological Reform of Psychiatry. Historical and Epistemological Remarks on Ludwig Binswanger's Psychiatric Project. Translated from English
Tsvetkova O.A. (Basso E. From the Problem of the Nature of Psychosis to the Phenomenological Reform of Psychiatry. Historical and Epistemological Remarks on Ludwig Binswanger's Psychiatric Project. *Medicine Studies*, 2012. 3:215–232)
670 **Shvyrkov A.I.** Artificial Intelligence as a Philosophical Problem and Artificial Intellectual Systems

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

- 682 **Zotov V.V.** Social and Professional Expertise of Managerial Decisions on Socially Significant Problems of the City as a Tool for Reaching Consolidation
691 **Lukashchuk V.I.** The formation and development of modern sports: Between play and the cultural industry
700 **Reutov E.V., Vangorodskaya S.A., Gaidukova G.N.** Pandemic Reality: Current Problems and Prospects

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

- 712 **Darenskaya V.N., Lugutsenko T.V.** Conservative Sociality in P. Kulish's Philosophy
725 **Kargapolov E.P.** Russian Civilization: Encoding and Decoding Processes
736 **Cherkashin M.D., Dagaev R.R.** Media Culture in the Processes of Youth Socialization in Modern Society

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

- 747 **Belova S.N., Strogovich Y.N., Aristarhov O.A.** Traditional Family Values and Surrogacy: Unresolvable Problems of Coexistence
756 **Volodina O.V., Akimenko E.S., Stonozhenko K.A.** The Legal Concept of the Family in the Normative Regulation of the Social Security of Military Personnel in the 1920–1940s.
763 **Gutorova A.N.** Trust of Civil Society to Public Authorities of the Russian Federation
770 **Emelyanov A.S.** Privilege as a Type of Legal Advantage in the Early Years of the Soviet State
779 **Kutko V.V., Kosolapova N.A., Dolzhenko N.I.** General Theoretical Aspects of the Relation of Concepts "Legal Process", "Process of Law", "Legal Proceedings"
788 **Masufanova E.A., Korableva A.A.** Current Problems of Constitutional and Legal Strengthening and Realization of Somatic Rights in the Russian Federation
801 **Trofimova S.A.** The Public Law in the Views of the Polizei
812 **Turanin V.U., Volkov D.A.** Legal Terminology in the Context of Foreign Law-making Experience
819 **Fominskaya M.D.** Individual Dignity and Human Rights as Traditional Russian Spiritual and Moral Values

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

- 830 **Bakhtin V.A.** Ethnomedicine as a Socio-Cultural Phenomenon
839 **Kazakov E.F., Gritskevich T.I., Zhukova O.I.** The Dialogue of Philosophy and Religion in the Context of Modern Socio-Cultural Reality: Can Philosophy Be a "New Religion"?

THESIS

- 847 **Lipich T.I., Lipich D.V.** Law and the Idea of Higher Moral Justice Among Slavophiles and Soil Scientists
855 **Kropivka N.V., Ponomareva E.A.** Analysis of the Development of Modern Information Culture

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATIONS

- 863 **Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu.** Social Discontent and Deconsolidation Contexts on Social Media of the Russian Federation Regional Clusters: Materials of the International Round Table "Consolidation of urban communities: problems of diagnostics and regulation" (September 09, 2022, Belgorod)
869 **Зиурова Р.И., Никитина Т.И.** Этноконфессиональные риски консолидации городского сообщества: материалы Международного круглого стола «Консолидация городских сообществ: проблемы диагностики и регулирования» (09 сентября 2022 г., Белгород)

REVIEWS

- 873 **Dombrovskaya A.Yu., Tarabaeva V.B.** Social consolidation of urban communities: regulatory opportunities (review of the monograph "Consolidation of urban communities: problems and prospects in the conditions of digitalization of the urban environment". Belgorod: Epicenter LLC, 2022)
878 **Rimsky V.P.** Hermeneutics of Dante's Divine Comedy (Review of the book by V.N. Nazarov "Dante: Ascent to heaven of Paradise. Moral and aesthetic symbolism of "Paradise" in the "Divine Comedy")

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 101.2

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-625-632

Символика комического в философии древнегреческих мудрецов и современная философская практика

Назаров В.Н., Назарова Ю. В.

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого
Россия, 300026, г. Тула, проспект Ленина, 125

E-mail: fox353@yandex.ru

Аннотация. Символические смыслы комического начала философии появляются на ранней стадии ее зарождения как особой формы любви к мудрости. Философская практика как одно из новейших, актуальных и малоисследованных направлений в современной философии имеет прямую связь с античной традицией философствования. Цель исследования – определение смыслов комической модели философствования для современной философской практики. На материале жизни и творчества древнегреческих мудрецов показаны способы и приемы манифестации истины и высшего знания через комические типы поведения, проявляющиеся в «лукавстве духа»: ироническом шутовстве, лицедействе, чудачестве, остроумии и острословии и т.п. Подчеркнуто, что комическая маска философа символизирует самоумаление субъективного духа, притворно смиряющегося перед абсолютным знанием. Сделан вывод о том, что анализ вербальных и поведенческих моделей античных философов-мудрецов, одной из которых является комическая модель, может быть использован в процессе современной философской практики, открывая возможность донесения духовной Истины в наиболее возможной и доступной для человеческого восприятия форме. Полученные результаты вносят вклад в развитие теории философской практики, философской антропологии, философии культуры и нравственной философии.

Ключевые слова: философское консультирование, софология, мудрость, комическое, шутовская ирония, диалектика, абсолютное знание, мистика, добродетель

Для цитирования: Назаров В.Н., Назарова Ю.В. 2022. Символика комического в философии древнегреческих мудрецов и современная философская практика. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 47(4): 625–632. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-625-632

The Symbolism of the Comic in the Philosophy of the Ancient Greek Sages and Modern Philosophical Practice

Vladimir N. Nazarov, Yuliya V. Nazarova

L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University,
125 Lenin Av., Tula 300026, Russian Federation

E-mail: fox353@yandex.ru

Abstract. The symbolic meanings of the comic beginning of philosophy appear at an early stage of its inception, as a special form of love for wisdom. Philosophical practice, as one of the newest, topical and

little-studied trends in modern philosophy, has a direct connection with the ancient tradition of philosophizing. The comic mask of the ancient Greek philosopher-sage is analyzed for the first time as a special model of philosophizing that will help resolve topical issues in the field of modern philosophical practice. The purpose of the article is to study the meanings of the comic model of philosophizing for modern philosophical practice. Based on the material of the life and work of the ancient Greek sages, the methods and techniques of manifesting truth and higher knowledge through comic types of behavior, manifested in the “cunning of the spirit”: ironic trickery, hypocrisy, eccentricity, wit and wit, etc. are shown. The article emphasizes that the comic mask of the philosopher symbolizes the self-deprecation of the subjective spirit, pretending to humble itself before absolute knowledge. This pretense of self-deprecation grows on the basis of the mystical participation of the subjective spirit in the Absolute, which projects a special view of life, seeing through the conventionality, limitation and fluidity of things. As a result, the authors come to the conclusion that the analysis of the verbal and behavioral models of the ancient philosophers-sages, one of which is the comic model, can be used in the process of modern philosophical practice, opening up the possibility of conveying the spiritual Truth in the most possible and accessible form for human perception. The results obtained contribute to the development of the theory of philosophical practice, philosophical anthropology, philosophy of culture and moral philosophy.

Keywords: philosophical counseling, sophology, wisdom, comic, picaresque irony, dialectics, absolute knowledge, mysticism, virtue

For citation: Nazarov V.N., Nazarova Y. V. 2022. The Symbolism of the Comic in the Philosophy of the Ancient Greek Sages and Modern Philosophical Practice. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 625–632 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-625-632

Введение

Философская практика является одним из новейших направлений в современной философии [Балашов, 2007; Борисов, 2022; Борисов 2016; Борисов и др., 2018; Конопляник и др., 2021; Lahav, 2016; Achenbach, 1995; Amir, 2014, 2019; Brenifier, 2018; Marinoff, 1999; Schuster, 1999]. В философской практике (софологии) [Балашов, 2007] можно выделить две отличительные черты: во-первых, она сохраняет связь с античным пониманием философствования и, во-вторых, подчеркивает и поощряет связь философии с жизнью. Современная философская практика представляет собой «направление современной философии, использующее философствование как средство для постановки, анализа и решения мировоззренческих проблем, которые определяются исходя из духовных запросов клиента» [Язык философской практики, 2018, с. 79].

Актуальность изучения истоков, направлений и методов философской практики обусловлена нарастающей в современном обществе необходимостью «заботы о себе» – совершенствовании собственной души, самоанализе, самопознании, что особенно важно в период глобальной перестройки культур, идеологий, отношений, ведь обращение к религии, мистике, психотерапии подходит не всегда и не всем. В этом смысле, по словам практического философа Лидии Амир, отличительной чертой философского подхода является «рефлексия адекватного». Так, «адекватность проистекает из строгости мышления, из аргументов, которые обеспечивают надежность выводов. Это делает эпистемологию и логику центром философской практики» [Борисов, 2022, с. 68]. Практикующий философ, или философ – консультант, выступает здесь не в роли наставника (мудреца), а в роли проводника (то есть, любителя) мудрости.

Цель исследования – определение смыслов комической модели философствования для современной философской практики.

Объект и методы исследования

Методология исследования строится на комплексе методов, таких как дескриптивный метод, метод сравнительного анализа, метод культурно-исторического анализа, метод диалектического анализа.

Философская практика институализируется в 1982 году, когда появляется первая Международная ассоциация философской практики, основанная немецким философом Г. Ахенбахом [Язык философской практики, 2018]. На данный момент выделяются ряд направлений философской практики, таких как «сократический диалог»; «философское консультирование», «философское партнерство» [Язык философской практики, 2018, с. 80]. Философская практика несет функции философской терапии; выступает как средство переоценки и осмысления опыта жизни и как техника глубинного понимания реальности; определяется как изменение состояния ума для эффективного философствования. В практическом смысле философская практика применяется для работы с детьми, больными, заключенным; используется при психотерапии, в социокультурных исследованиях, в образовании, менеджменте [Восьмой Российский Философский Конгресс, 2020].

Практикующие философы настаивают, что философская практика возрождает истинный, античный дух философии, восстанавливает связь философии с жизнью, потерянную со времен «университетской» средневековой философии. В этом смысле важным представляется обращение к первоначалам практической философии, коренящимся в Античности, в частности к анализу особых способов и приемов, побуждавших к философствованию, символически манифестировавших истину и знание, которые приобретали специфические формы, одна из которых – форма комического. Ирония является важной частью одной из форм философской практики – сократического диалога [Amir, 2014, 2019]. Но, на наш взгляд, комическая маска мудреца – более глубокое понятие, формирующее особый подход к философствованию.

Философствующий мудрец Античности и его комическая маска

В заключительном эпизоде платоновского диалога «Пир» Сократ заставляет своих собеседников согласиться, «что один и тот же человек должен уметь сочинять и комедии, и трагедии и что искусный трагический поэт должен быть также и комическим» [Платон, 1922, с. 75], как бы намекая на то, что и истинному любителю мудрости подобает выступать в той же роли. И действительно, древние философы-мудрецы в своем духовном самовыражении нередко предстают в комическом свете, подкрепляя свою любовь к истине «лукавством духа»: лицедейством, плутовством, иронией, остроумием, чудачеством, шутковством и т. п. Что означает этот комический компонент практической философии?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, прежде всего, принять во внимание тот факт, что философ-мудрец перестает ощущать себя собственно мудрецом, т. е. оракулом божественной премудрости, и начинает воспринимать себя лишь любителем мудрости (любомудром) и искателем истины, а не ее носителем или глашатаем, что характерно в целом для мудрецов мистического склада – магов, пророков, иерофантов, духовидцев и т. п. Именно потому, что философствующий мудрец не считает себя больше собственно мудрецом, он должен доказывать свою причастность к высшему знанию, свое право на Истину определенным образом жизни. Он может привлечь к себе общественное внимание не чудотворством и не пророческим откровением, но искусством мысли, игрой ума, перерастающей в искусство жизни и игру поступков.

Пророчествующий мудрец в этом смысле в принципе не нуждается в комическом преломлении своей миссии. Ему верят и так. Живой посредник божественной Премудрости не может быть смешным. Ему не обязательно быть и остроумным: главное для него оставаться значительным и таинственным, несущим отпечаток божественного избранни-

чества. Некоторую дань плутовству и театральной комичности пророческий мудрец отдаст только в случае игрового вовлечения зрителей в ситуацию откровения.

Иное дело – философствующий мудрец. Его знание начинает утрачивать характер непосредственного откровения. Ему уже не могут только верить, но хотят понять. Он должен постоянно задумываться о том, как доказать свою причастность к Абсолюту. Он вынужден окружать себя учениками, чтобы иметь в их лице постоянную опору своему авторитету. Ему важно не утратить живой связи с окружающим миром. Подобно фольклорному мудрецу, он ищет «язык общения», который был бы понятен всем – и верхам, и низам общества. В силу этого он и вынужден прибегнуть к комическим приемам и маскам, облекая сокровенные принципы своего учения в зрелищную форму универсальной игры духа. И это не просто клоунада, но путь «возвышения души» в условиях господства житейских мотиваций профанного сознания. Именно об этой трагикомической судьбе философской мудрости очень точно сказал Жан Поль: «Человек, возвышающийся над жизнью и ее мотивами, уготовил себе самую длинную комедию, поскольку вынужден подставлять высшие мотивы под более низменные устремления толпы, обращая эти последние в несурязицу; но только даже самый жалкий человек может отплатить ему той же монетой, подставляя свои низменные мотивы под его высокие устремления» [Jean Paul, 1981, с. 138]

В этом участие не только истинного философа, но и любого мудреца, живущего в миру. Но особенно глубоко это преломляется в жизни любомудра, ибо доказательство своей причастности к Абсолюту становится его профессиональным занятием, сутью его миссии. И здесь уже никак не обойтись без того, чтобы не выработать соответствующие приемы «подставления» высших мотивов под более низменные устремления, начиная с остроумия и игры ума и кончая киническим юродством. Комическая маска философа символизирует в данном случае самоумаление субъективного духа, притворно смиряющегося перед абсолютным, «божественным» знанием. Это самоумаление притворно, ибо оно вырастает на почве причастности субъективного духа к Абсолюту, что определяет особый взгляд на жизнь, прозревающий ограниченность и текучесть материальных форм жизни.

Смех и слезы мудреца

Зерна комичности можно видеть уже в «гераклитовском плаче» и «демокритовском смехе»: «Гераклит, всякий раз, как выходил на люди, и видел вокруг себя столько дурно живущих, а верней, дурно погибающих людей, плакал и жалел всех, кто сам себе казался радостным и счастливым. Демокрит же, напротив, смеялся. Одному все, что мы делаем казалось жалким, а другому – нелепым [Фрагменты..., 1989, с. 181].

Что такое «смех» и «слезы» философа-мудреца? Это – претворение высших мотивов духа в чувственные, телесные формы, выражение своей причастности к абсолютному знанию в символах притворного человеколюбия и притворной мизантропии.

Комический смысл «философского плача» Гераклита выпукло показан Лукианом. Здесь Гераклит, выставленный на продажу и в этом положении не перестающий оплакивать жалкую участь людей, да и вообще бессмысленность мирового порядка, в сердцах признается, что, собственно, до самих людей ему нет никакого дела. Вот как выглядит этот «нелогичный» скачок Гераклита от «филантропии» к «мизантропии»:

[Покупатель] – А ты что плачешь, любезнейший?

[Гераклит] – О, чужеземец, я думаю, что жизнь человеческая несчастна и полна слез, и нет в ней ничего, неподвластного смерти; потому-то я вас жалею и плачу. И настоящее мне не кажется великим, а уж будущее и давно печально – я разумею мировые пожары и гибель Вселенной. Об этом я и плачу, а еще о том, что нет ничего постоянного в мире, но все перемешано и все одно и то же: удовольствие – неудовольствие, знание – незнание, великое – малое – все превращается друг в друга в игре Вечности.

[Покупатель] – А что такое Вечность?

[Гераклит] – *Дитя играющее, кости бросающее, то выигрывающее, то проигрывающее.*

[Покупатель] – *А что такое люди?*

[Гераклит] – *Смертные боги.*

[Покупатель] – *А боги?*

[Гераклит] – *Бессмертные люди.*

[Покупатель] – *Ты что это загадками говоришь да головоломки сочиняешь?*

[Гераклит] – *А мне до вас и дела нет... Сгиньте вы все поголовно — и покупатели, и не покупатели!* [Фрагменты... 1989, с. 180].

Смысл этой сцены становится предельно ясным в свете комической логики поведения. Здесь все притворно: плач и жалость, филантропия и мизантропия, комедия и трагедия. И Лукиан, как мастер сатиры, глубоко обнажает это притворство. Непритворно здесь только одно: гераклитовские загадки и головоломки. И плач Гераклита есть аккомпанемент загадочности его высшего знания, перевод этой загадочности с языка разума на язык чувств. Плач – это своего рода «чувственная головоломка». Гераклит «плачет» не потому, что скорбит, жалеет или сострадает, также, как и Демокрит смеется не по причине насмешки или злорадства. Этим они выражают свою причастность к трансцендентному, свое глубокое знание Истины. И пускаясь в смех или слезы, они хотят подвинуть людей к самопознанию, понимая, что сострадание, сорадование, как и любые другие нравственные чувства, в данном случае бесполезны. Человек достоин большего, чем жалость, вот что хочет сказать Гераклит. Он достоин того, чтобы осознать свою причастность к вечному и абсолютному, ибо человек — это «смертный бог». А разве можно жалеть бога? Разве жалость не унижает его?

Результаты и обсуждение

Гераклит, конечно же, лукавит, когда говорит, что до людей ему нет никакого дела. Его мизантропия притворна. Это – мизантропия плута, который изображает притворную ненависть к ближнему и кипит злобой, чтобы открыть человеку глаза на его действительную участь и дать в руки нить истинного спасения. Это – ненависть и злоба к человеку физическому, смертному и любовь, и забота о человеке духовном, бессмертном.

Это любовь к богу в человеке. И комический прием здесь нужен для того, чтобы открыть человеку его божественное лицо. Ни искреннее непритворное сочувствие, ни серьезное разъяснение истины здесь не помогут. Первое не выведет человека на путь духовного самопознания, хотя и облегчит ему душу, подсластит горечь смертной участи. Второе же будет ему непонятно. И здесь остаются только загадки и головоломки – этот вербальный и познавательный прообраз плутовства, усиленный чувственными, практическими «головоломками»: плачем, смехом и подобными им плутовскими приемами. Отсюда такой широкий, общечеловеческий резонанс философского плутовства. Плачущий Гераклит – комический символ философской мудрости, как и смеющийся Демокрит, пирующий Сократ или бродяжничающий Диоген. Подлинное лицо практического философа открывается в способности комической символизации высшего знания в психофизические или поведенческие формы общезначимого характера. Способность к символично-игровому претворению знания в поступки и есть настоящая харизма практического философа. В своем классическом, жизненно-поведенческом виде эта способность реализуется не сразу. Вначале она выступает как игра ума. Значимой формой такой игры является остроумие, столь характерное для первых философов-мудрецов. Сущность остроумия состоит в способности смотреть на вещи в свете их духовно преображенной природы, эйдетической сущности, что позволяет через игру слов выявлять глубинные смыслы бытия. Игра ума соединяется здесь с глубоким метафизическим видением мира. Эффект остроумия состоит в том, что трансцендентная сторона явления как бы накладывается на его обыденную сторону,

порождая неожиданный ракурс мира, когда поверхностное выглядит глубоким, явное – тайным, смешное – серьезным, комическое – трагическим, и наоборот. Таков, например, остроумный и вместе с тем полный глубокого метафизического смысла, свидетельствующего о посвящении в высшее знание, ответ Фалеса, который заявил, что между жизнью и смертью нет разницы. Когда же его спросили, почему он в таком случае не умрет, он ответил: «Именно поэтому» [Диоген Лаэртский, 1979, с. 74]. В том же духе выдержаны и слова Солона, оплакивающего смерть сына. Когда некто сказал ему: «Этим ты ничего не добьешься», он возразил: «Именно потому я и плачу, что ничего не добьюсь» [Диоген Лаэртский, 1989, с. 82]. Игра ума, переливающаяся в игру слов, обнаруживает здесь глубинный смысл традиционных форм этоса и сверхситуативную многозначность жизненно-поведенческих реакций.

Совершенно очевидно, что плач Солона не является непосредственной ситуативной реакцией скорби на смерть сына. Скажем еще раз: мудрец плачет не потому, что ему больно, горько, жалко, а потому, что ему слишком многое понятно. Однако это вовсе не тот случай, когда «многие знания умножают скорбь». В ситуации с философом-мудрецом они, скорее, вызывают игру духа, выступающую в форме символического претворения высшего знания в поступки. Это несколько не напоминает и игру актера на сцене, поставленного в искусственную ситуацию, требующую естественного выражения чувств. Философ-мудрец «играет» совершенно в другом, «витальном» значении этого слова. Эта игра по своей сути есть выражение истинной жизни духа. В данном случае не жизнь есть игра, а игра есть жизнь, т. е. не реальная жизнь людей есть игра (в смысле: «весь мир театр, а люди в нем актеры»), а высшая игра духовных сил в человеке есть реальная жизнь.

Остроумие во многом и является одной из начальных форм такой игры, выступающей еще не в своей духовной целостности, а в логическом преломлении ума и слова.

Остроумие и острословие прокладывают путь диалектике как искусству спора. В свете идеи философско-плутовской мудрости диалектика есть переходная ступень от чистой игры ума, сущностью которой является остроумие, к символично-игровому претворению поступка, воплощенному в киническом юродстве философствующего мудреца. Вырождение диалектики как игры духа в диалектику как метод познания знаменует собой переход от философской мудрости к философской метафизике, приводящий к подмене жизненной приверженности истине ее логическим обоснованием.

В своем же изначально-жизненном смысле диалектика есть форма живого общения мудреца с миром, обнаруживающая его глубокое знание Логоса. Внешним, формальным выражением этого знания является способность мудреца виртуозно владеть Словом (Логосом). Со стороны это нередко выглядит как жонглирование словами, а сам диалектик выступает в роли своего рода «интеллектуального шута». Ф. Ницше хорошо понимал это, когда писал: «Всюду, где авторитет относится еще к числу хороших обычаев, где не "обосновывают", а повелевают, диалектик является чем-то вроде шута: над ним смеются, к нему не относятся серьезно» [Ницше, 1990, с. 565]. Однако Ницше судит здесь о диалектике не с позиций Логоса, а с позиций Этоса. Для него эта ситуация означает, что Этос заслуженно смеется над Логосом. Но в действительности здесь Логос юродствует и смеется над Этосом, над миром человеческих нравов. Пусть люди тешатся хотя бы софистическим жонглированием слов, словесной перепалкой и состязаниями в споре, лишь бы они прислушались к вечному зову Духа, ощутили за внешней игрой ума духовные глубины бытия.

Заключение

Одними из наиболее сложных вопросов в современной философской практике являются следующие:

- как настроить человека на философствование,
- как наладить контакт между философом и нефилософом,

- как описать философские истины понятными словами,
- стоит ли философу-практику выбирать определенный тип поведения при проведении консультаций?

В сообществе философов-практиков в основном идет обсуждение методов беседы или диалога, например, утверждается принцип «рефлексии адекватного», доказывается центральная роль эпистемологии и логики в философской терапии, признается эффективность майевтики. Тем не менее, на наш взгляд, вопрос о моделях поведения философа-практика остается не до конца проясненным. В этом смысле опыт трансляции философского знания, присущий античной культуре, может стать основой для современной философской практики. В то же самое время этот опыт поможет найти ответ на поставленные выше вопросы. Комическая маска – лишь одна из множества ликов античного философа-мудреца. Таким образом, и подлинное лицо философа-практика может открываться в способности комической символизации высшего знания в вербальные и поведенческие формы, понятные массовому сознанию.

Список источников

- Диоген Лаэртский. 1979. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., Мысль, 620 с.
- Жан Поль. 1981. Приготовительная школа эстетики. М., Искусство, 448 с.
- Ницше Ф. 1990. Сумерки идолов. В кн.: Ницше Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М., Мысль: 556–630.
- Платон. 1922. Пир. В кн.: Полное собрание творений Платона в 15 томах. Т. V. Пир. Федр. Пб., Academia, 173 с.
- Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. 1989. М., Наука, 571 с.
- Язык философской практики. Краткий словарь-презентация. 2018. Челябинск, изд. центр ЮУрГУ, 192 с.

Список литературы

- Балашов Л.Е. 2007. Практическая философия или софология. М., 574 с.
- Борисов С.В. 2016. Философия понимания и партнёрства: заметки о XIV международной конференции по философской практике (4-8 августа 2016 г., Берн, Швейцария). Социум и власть, 5(61): 134–138.
- Борисов С.В. 2022. Сократы современности. Философская практика в технообществе. Изд.: Издательские решения, 262 с.
- Борисов С.В., Гинзбург Л., Пеннер Р.В. 2018. Философская практика «на распутье»: итоги 15-й международной конференции по философской практике (25–29 июня 2018 года, Мехико, Мексика). Социум и власть, 4(72): 124–134.
- Коноплиник А.А., Кондратьева Т.Р. 2021. Философская практика в современном мире. Этическая мысль, 21(1): 148–162.
- Лажав Р. 2016. Философская практика – quo vadis? Социум и власть, 1(57): 7–14.
- Лосев А.Ф. 1969. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М., Искусство, 716 с.
- Gerd B. Achenbach. Philosophy, Philosophical Practice, and Psychotherapy. Available at: https://www.achenbach-pp.de/de/en_what_is_philosophical_practice.asp (accessed: 18 October 2022)
- Amir L. 2014. Humor and the Good Life in Modern Philosophy: Shaftesbury, Hamann, Kierkegaard. Albany, NY, State University of New York Press, 403 p.
- Amir, Lydia. 2019. Philosophy, Humor, and the Human Condition: Taking Ridicule Seriously. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-32671-5
- Brenifier O. The art of philosophical practice. Available at: <http://www.pratiques-philosophiques.fr/wp-content/uploads/2015/08/The-art-of-philosophical-practice-mise-en-page-1.pdf> (accessed: 18 October 2022)
- Marinoff L. 1999. Plato, not Prozac! Applying Eternal Wisdom to Everyday Problems. New York, HarperCollins, 299 p.
- Schuster Shlomit C. Philosophy Practice: An Alternative to Counseling and Psychotherapy. Available at: <http://www.radpsynet.org/journal/vol1-1/Schuster.html>. (accessed: 18 October 2022)

References

- Balashov L.Ye. 2007. Prakticheskaya filosofiya ili sofologiya [Practical philosophy or sophology], M., 574 p.
- Borisov S.V. 2016. Filosofiya ponimaniya i partnerstva: zametki o XIV mezhdunarodnoy konferentsii po filosofskoy praktike (4-8 avgusta 2016 g., Bern, Shveysariya) [Philosophy of Understanding and Partnership: Notes on the XIV International Conference on Philosophical Practice (August 4-8, 2016, Bern, Switzerland)]. *Sotsium i vlast'*, 5(61): 134–138.
- Borisov S.V. 2022. Sokraty sovremennosti. Filosofskaya praktika v tekhnobshchestve [Modern Socrates. Philosophical practice in technosociety]. Izdatel'skiye resheniya Publ., 262 p.
- Borisov S.V., Ginzburg L., Penner R.V. 2018. Filosofskaya praktika «na rasput'ye»: itogi 15-y mezhdunarodnoy konferentsii po filosofskoy praktike (25–29 iyunya 2018 goda, Meksiko, Meksika) [Philosophical Practice "at the Crossroads": Results of the 15th International Conference on Philosophical Practice (June 25-29, 2018, Mexico City, Mexico)]. *Sotsium i vlast'*, 4(72): 124–134.
- Konoplyanik A.A., Kondrat'yeva T.R. 2021. Filosofskaya praktika v sovremennom mire [Philosophical practice in the modern world]. *Eticheskaya mysl'*, 21(1): 148–162.
- Lakhav R. 2016. Filosofskaya praktika – quo vadis? [Philosophical practice – quo vadis?]. *Sotsium i vlast'*, 1(57): 7–14.
- Losev A.F. 1969. Istoriya antichnoy estetiki. Sofisty. Sokrat. Platon [History of ancient aesthetics. Sophists. Socrates. Plato]. Moscow, Publ. Iskusstvo, 716 p.
- Gerd B. Achenbach. Philosophy, Philosophical Practice, and Psychotherapy. Available at: https://www.achenbach-pp.de/de/en_what_is_philosophical_practice.asp (accessed: 18 August 2022)
- Amir L. 2014. Humor and the Good Life in Modern Philosophy: Shaftesbury, Hamann, Kierkegaard. Albany, NY, State University of New York Press, 403 p.
- Amir, Lydia. 2019. Philosophy, Humor, and the Human Condition: Taking Ridicule Seriously. London: Palgrave Macmillan. DOI: 10.1007/978-3-030-32671-5
- Brenifier O. The art of philosophical practice. Available at: <http://www.pratiques-philosophiques.fr/wp-content/uploads/2015/08/The-art-of-philosophical-practice-mise-en-page-1.pdf> (accessed: 18 October 2022)
- Marinoff L. 1999. Plato, not Prozac! Applying Eternal Wisdom to Everyday Problems. New York, HarperCollins, 299 p.
- Schuster Shlomit C. Philosophy Practice: An Alternative to Counseling and Psychotherapy. Available at: <http://www.radpsynet.org/journal/vol1-1/Schuster.html>. (accessed: 18 August 2022)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 29.05.2022
Поступила после рецензирования 30.08.2022
Принята к публикации 30.10.2022

Received May 29, 2022
Revised August 30, 2022
Accepted October 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Назаров Владимир Николаевич, профессор кафедры социальных наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

Назарова Юлия Владимировна, профессор кафедры социальных наук, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, г. Тула, Россия

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vladimir N. Nazarov, Professor of the Department of Social Sciences, L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russia

Yuliya V. Nazarova, Professor of the Department of Social Sciences, L.N. Tolstoy Tula State Pedagogical University, Tula, Russia

УДК 1.091.470

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-633-641

Космизм и русская религиозная философия

Лыткин В.В.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
Россия, 248023, Калуга, ул. Степана Разина, 26
Email: vlad-lytkin@yandex.ru

Аннотация. Философия русского космизма имеет свои глубокие основания в традиции отечественной религиозной философии. Философия русского космизма основывалась на естественнонаучной мировоззренческой парадигме, в то время как русская религиозная философия развивалась в рамках мировоззренческой парадигмы христианской, религиозной. Однако и та, и другая философская традиция, формировались в рамках отечественной культуры с её специфическими мировоззренческими концепциями и принципами, особенными ценностными ориентациями. В то же время русская религиозно-философская традиция так или иначе оказала и своё собственное, прямое и косвенное, влияние на становление философии русского космизма.

Ключевые слова: философия, русская философия, космизм, взаимовлияние

Для цитирования: Лыткин В.В. 2022. Космизм и русская религиозная философия. НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право, 47(4): 633–641. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-633-641

Cosmism and Russian Religious Philosophy

Vladimir V. Lytkin

Tsiolkovsky's Kaluga State University,
26 Stepan Razin St, Kaluga 248023, Russian Federation
Email: vlad-lytkin@yandex.ru

Abstract. The philosophy of Russian cosmism has its deep foundations in the tradition of Russian religious philosophy. Russian cosmism philosophy was based, first of all, on the natural-scientific worldview paradigm, while Russian religious philosophy developed within the framework of the Christian, religious worldview paradigm. However, both philosophical traditions were formed within the framework of Russian culture, with its specific ideological concepts and principles, with its special value orientations. Russian religious and philosophical tradition, in one way or another, had its own direct and indirect influence on the formation of the philosophy of Russian cosmism.

Keywords: philosophy, Russian philosophy, cosmism, mutual influence

For citation: Lytkin V.V. 2022. Cosmism and Russian Religious Philosophy. NOMOTNETKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 633–641. (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-633-641

Введение

Философия отечественного космизма возникла и получила своё развитие несколько позже, нежели отечественная религиозная философия XIX в. Поэтому их взаимовлияние неравноценно. Влияние философии русского космизма на отечественную философскую религиозную традицию было значительно меньшим, разве что только в некоторых част-

ностях, нюансах. Это влияние было связано лишь с первым автором, работавшим в русле философии русского космизма, Н.Ф. Фёдоровым, некоторые мотивы философии которого так или иначе можно обнаружить в философии В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева, К.Э. Циолковского и некоторых других отечественных философов, мысливших в русле христианской религиозной парадигмы и традиции и русского космизма. В то же время взгляды отечественных философов религиозного направления так или иначе оказали влияние на формирование мировоззрения философов естественнонаучного направления русского космизма.

Попытаемся кратко проанализировать основные идеи русской религиозной философии, которые в том или ином виде реализовывались с соответствующими изменениями в учениях мыслителей космизма.

Соборность и всеединство

Прежде всего, необходимо обратить внимание на такой основополагающий концепт русской религиозной философии, который сформировался в рамках философского учения славянофилов, как *соборность*. Разумеется, то, что славянофилы (А.С. Хомяков, в частности) называли «соборностью» все то, что есть, всеобщее. У него основная идея единства и соборности лежит в представлении о жизни в живом организме, едином организме Православной Церкви [Хоружий, 2002] Это один из основополагающих концептов отечественной культуры и философии, пусть и обозначаемый различными мыслителями в различных, иных, с соответствующими изменениями, терминах. Этот основополагающий концепт может именоваться как «общинность», «коллективизм», «соборность», «всеединство» и т.д. Однако надо заметить, что каждое из вышеуказанных понятий несёт в себе всё же довольно специфический смысл, хотя, разумеется, и охватывает некий общий, важный момент. Соборность, в отличие от того же коллективизма, как культурный жизненный принцип русского народа, общества зиждется прежде всего на духовных ценностных христианских православных основаниях; и люди, объединённые в то, что называется «собор», реализующие данный принцип «соборности», действуют именно на основании указанных ценностных принципов, добровольно и свободно; на основании объединяющего их, если угодно, этоса, на основании духовно-нравственных православных принципов. Собственно, и Софийную теорию В.С. Соловьёва, по нашему мнению, можно рассматривать как вариант соборности и всеединства [Лыткин, 2020, с.13].

В свою очередь, коллективизм в отличие от соборности предполагает более формальные, объединяющие общество принципы, например, государственную власть или экономические факторы, хотя в то же время тут обязательно присутствует и внутренний, духовный, или идеологический фактор. Однако фактор этот уже вряд ли православный, христианский. Например, при формировании советской социокультурной идентичности реализовывался в обществе принцип коллективизма, с одной стороны, как основанный на отечественной культурной традиции («общинности»), с соответствующими изменениями, «соборности»), а с другой – как цель грядущего общества и нового человека в нём («коммунизм»). Причём в рамках данной, коммунистической, модели человек, новый человек, должен был формироваться как всесторонне развитая личность, как человек-творец. Кстати, в эту систему довольно удачно вписывался и русский космизм, с его естественнонаучным пафосом покорения природы и формирования нового во всех смыслах, духовном и материальном, человека.

Здесь необходимо заметить, что существует и сегодня, на наш взгляд, довольно расхожее понимание коллективизма как чего-то якобы сугубо подавляющего человека, противопоставляя его, коллективизм, с отрицательными смысловыми ассоциациями, индивидуализму, ассоциирующемуся со свободой, – однако подобное представление мыслится нам, во-первых, односторонним, а во-вторых, плодом современной либеральной идеоло-

гии, связывающей концепты свободы и индивидуализма; подобное связывание, надо заметить, позволяет легко манипулировать атомизированными подобным образом людьми и, напротив, закрывать от них вообще возможность свободы.

Возвращаясь к философии русского космизма, можно утверждать, что философы данного направления пытались утверждать принцип соборности, пусть даже и в виде коллективизма, как базовый принцип формирования нового человека, человека-творца и преобразователя природы, человека строителя нового мира, нового Космоса. А.Л. Чижевский считал писал: «В единении сила! Мы верим, что всемирная солидарность учёных поможет преодолеть все трудности и сломать все преграды во имя защиты жизни на земле и её преобразовании...» [Чижевский, 1924, с. 69]. Философия «Общего Дела» Н.Ф. Фёдорова [1982], наверное, здесь может выступать как своего рода переходный этап в трансформации принципа славянофильской соборности, как общинности, основанной на православных христианских духовных ценностях, к *само собой разумеющемуся* коллективизму – концепту мыслителей космизма естественнонаучного направления. Н.Ф. Фёдоров пытался, удержать и православные христианские принципы в своём «космическом проекте», с одной стороны, и естественнонаучные мировоззренческие принципы – с другой.

С 60-х гг. XIX в. начинает работать над «Философией общего дела» и Н.Ф. Федоров, мыслитель, одним из первых создавший достаточно стройную систему взглядов, в основе которой лежала космизированная идея «супраморализма» – природорегуляции, воскрешения умерших поколений и расселения их в космосе. Весьма показательна оценка, данная его творчеству Н.А. Бердяевым: «Это был русский писатель всеобщего спасения. В нем достигло предельной остроты чувство ответственности всех за всех – каждый ответствен за весь мир и за всех людей, и каждый должен стремиться к спасению всех и всего» [Бердяев, 1990, с. 228]. Тот факт, что уже в середине прошлого века Н.Ф. Федоров предпринял попытку создать некую более или менее стройную систему космизма, в которой идея единства Земли и вселенной является определяющей, показывает, что уже в то время существовала определенная общественная потребность представить земную жизнь как проявление жизни космоса. Философы же более позднего периода русского космизма (К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский и др.) уже никак не апеллировали к христианству, переключаясь в регистр новой идеологической ценностной парадигмы, с соответствующими изменениями марксистского диалектического материализма. Однако вышеупомянутые христианские православные ценностные принципы, вроде отброшенные, так или иначе определяли мировоззренческие и концептуальные стратегии философов русского космизма естественнонаучного его направления. В частности, и в отношении того, что называется соборностью как созидательной открытости человека (в любви, в творчестве и т.д.) обществу, вследствие чего человек как раз и реализуется как Человек, как творец, как целостная личность. Более того, надо заметить, что в русском космизме данный концепт в широком смысле соборности проецируется не только на некие общины, и даже не на Россию в целом и, более того, даже не на всё земное человеческое общество, а на общество космическое, общество, которое реализуется в космическом масштабе, масштабе вселенной. В русском космизме происходит своего рода расширение, пусть и в несколько преобразованном виде, русского культурно-религиозного принципа соборности, на новых, более светских основаниях, на весь космос, всю вселенную (в перспективе) в целом.

Есть ещё один немаловажный момент, касающийся концепта русской «соборности», находящий своё, с соответствующими изменениями, воплощение в русском космизме. Дело в том, что при капиталистическом укладе с его культом частной собственности, культом индивидуализма, хоть сколько-нибудь реальное воплощение идеалов и принципов христианской «соборности» оказывается невозможным. Насколько реализуется капиталистический принцип атомизации общества с его концептами «индивида», живущего прежде всего своими частными интересами, и частной собственности, настолько человек, очевидно, отъединяется от человека, отчуждается, отчуждается от общества в целом и,

значит, от своей собственной (социальной) сущности; индивид, здесь, в либеральной идеологии – квинтэссенции идеологии капитализма – представляется приоритетным по отношению к обществу, и, значит, очевидно, что разделение человека от человека, вплоть до реализации идеологического либерального концепта «война всех против всех» так или иначе блокирует на корню всякую возможность реализации упомянутого соборного принципа с его соответствующим идеалами.

Аналогично своё специфическое воплощение в концепции русского космизма находит и ещё один из основополагающих тезисов отечественной религиозной философии – тезис о цельной, можно сказать, «соборной» личности. Здесь реализуется идеал абсолютной совершенной личности, достижение которого И. Кант и Ф. Ницше считали возможным на пути самосовершенствования. Позднее об этом же писали Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и русские космисты. Здесь совершенный человек меняет не только себя, но и мир, вселенную [Лыткин, 2020]. Отечественная религиозно-философская традиция утверждала – в противовес этой тенденции, которая становилась всё явственней в западноевропейской философии и западноевропейской цивилизации вообще – концепт целостной личности, личности, в которой органично уживаются и развиваются все стороны её бытия: и разумное, именно разумное, а не рациональное (от лат. *ratio* – рассудок), т. е. рассудочное, начало, и чувственное, и религиозное; т. е. органично и гармонично уживаются и разум, и вера, и ум и чувства. То же можно сказать и о гармонии таких онтологических аспектов человека, как этический и эстетический, религиозный и гносеологический, в то время, как на Западе всё очевидней становился процесс распада и «измельчания» человека, обращение его в «массового индивида» – распада и отчуждения одних аспектов его бытия, от других: внутреннего и внешнего, рационального и чувственного, религиозного и повседневного, и т.д. Западный человек, во-первых, всё более обращался в совокупность своих масок, в существо отчуждённое от самого себя, от своей сущности; а с другой стороны, впрочем, вполне в канве вышеуказанного процесса, обращался в сугубого «человека экономического», т. е. в крайне отчуждённое от общества существо, в «индивида», в своей отчуждённости всё более безнадежно *утрачивающего христианскую любовь*.

Космизация всеединства

В русском космизме цельность личности становится воистину *космической*. Человек, с одной стороны, становится *творцом самого себя*, причём во всех ракурсах своего бытия: не только в духовном, но и в телесном (здесь, впрочем, принципиальное отличие учения космистов от традиционной русской религиозной христианской философии, потому как, очевидно, образ Бога в рамках её парадигмы никак не мог быть затронут, в принципе не мог никак «преобразовываться»). С другой стороны, человек, подобным образом совершенствуясь, и в нравственном смысле, непременно, тоже, начинает освоение космоса, познание его, его законов и как итог *творит новый свой Космос*. Космос таким образом, можно сказать, очеловечивается; становится, действительно, большим домом человека.

В этой связи можно отметить и такой аспект в концепциях мыслителей и русского космизма, и отечественных религиозных философов, как *всеединство*. Данный термин принадлежит, собственно, философской концепции В.С. Соловьёва [1988], однако с соответствующими изменениями, он присутствует и в концепциях космистов, пусть и в несколько иных понятийных рядах. И русские религиозные философы, в частности, и представители русского космизма естественнонаучного направления отстаивали принцип единства человека и общества, человека и мира, человека и Космоса. Продолжая развивать эту традицию, К.Э. Циолковский полагал: «Всё порождено вселенной. Она начало всех вещей, всё от неё зависит. Человек или другое высшее существо и его воля есть только проявление воли вселенной...» [Циолковский, 2004, с. 105]. В свою очередь, объединенное человечество, по мнению К.Э. Циолковского, преобразует вселенную, достигнув с нею единства.

Парадигма русской религиозной философии, очевидно, теоцентрична; человек в ней выступает как тоже творец, но творчество его предстаёт здесь как укоренённое в Боге – без Бога оно просто невозможно; без Бога, здесь, человек как тоже творец невозможен. В парадигме русского космизма человек предстаёт, в полном смысле этого слова, творцом лишь в своём приобщении к космической своей перспективе, к космическим силам и энергиям. Здесь, в русском космизме, идет речь о некоем единстве антропоцентризма и космоцентризма; на место Бога выходит Разум и, как реальное приложение этого Разума, Наука. Циолковский К.Э. писал: «Эта воля (воля Вселенной) обуславливает собой всё, что мы сейчас видим или что указывает нам наш разум...» [Циолковский, 2004, с. 106]. И он же по сути о том же самом, но с несколько другой стороны, и уже развивая вполне христианские и русской христианской религиозной философии мотивы – мотивы «космической» Любви: «От Причины исходит Космос как одно из её произведений. От Космоса – совершенные человекоподобные существа, а от них – абсолютная истина, ведущая вселенную к радости и устраняющая страдания. Она оживляет мир и даёт ему господство разума. Причина есть высшая любовь, беспредельное милосердие и разум... И причина, и органические существа вселенной и их разум составляют одну и ту же любовь...» [Циолковский, 2004, с. 103].

Религиозные по своей силе и накалу творческие энергии, имевшие место в русском народе в рассматриваемую нами эпоху, в Российской Империи во второй половине XIX в. не находили своего реального выхода. Во-первых, данный выход творческих энергий блокировался культурно-государственным псевдоморфозом, при котором народ в основной своей массе не имел перспективы своего реального развития и самореализации; во-вторых, православная церковь, лишённая своей самостоятельности, находившаяся под бюрократическим аппаратом Синода, сама всё более обращалась в чиновническую структуру, а не в организацию, воспроизводящую живые энергии религиозной веры и социального подвижничества; в-третьих, историческая Россия столкнулась с тем, что называется капитализмом, с его системой усиленной эксплуатации и тотальным отчуждением человека: от его сущности, от процесса и результатов его труда. Иными словами, для реализации человеческих интеллектуальных и духовных энергий в России той поры оставалось всё меньше и меньше возможностей; живые творческие энергии тривиально упирались в социальный и культурный тупик. И лишь с возникновением нового проекта – условно проекта революционного, проекта социалистического, коммунистического – перспективы данной самореализации оказывались возможными. А данные возможности, их свет свободы, зажигает вновь творческие энергии народа, и в том числе этим «огнём преобразования» загораются и русские космисты, вследствие раскрывающихся здесь новых перспектив социального и гуманитарного строительства. Так, К.Э. Циолковский писал: «Свобода – для трудящихся. Капитал, во всех его видах, в особенности наследственный, есть насильник и потому нуждается в ограничениях...» [Циолковский, 2004, с. 308].

Не найдя ответа своим глубоко религиозным чаяниям в «официальном» православии, в «официальной» религии, представители русского космизма находят ответ в творимой ими самими по существу *новой религии*: космической религии человечества, с её собственным новым культом, с её собственными новыми Храмами. Особенно отчётливо подобного рода символы и устремления можно отметить в философии К.Э. Циолковского с её новой священной работой – работой прежде всего ума, интеллекта. Религиозный пафос здесь, в космизме, смещается из чувственной сферы в сферу разума. Человек здесь служит Науке, отдаваясь ей всецело и самозабвенно. Космос здесь, предстаёт как максимально расширенное пространство реализации, воплощения Кulta. Кulta новой, Человеческой с одной стороны и Космической – с другой, вселенской религии.

Общее дело, *Литургия – дело именно Общее*; оно не есть дело некоего одиночки, «индивида». Данное священнодействие оказывается возможным лишь при реализации нового социального проекта – проекта социалистического (коммунистического). И этот мо-

мент, момент именно литургический по своему существу, оказывается реально возможен лишь при происходящей тогда смене социальной культурно-экономической парадигмы: отбросив отчуждающий человека и от самого себя и от общества капитализм с его культом частной собственности, индивида, с его сугубо эгоистическими интересами и выходя на новый социальный уровень. Кстати, уровень, наиболее соответствующий чаяниям русской религиозной философии, в частности той же соборности, о которой мы уже рассуждали выше, в концепции славянофилов. Русская религиозная философия всегда отстаивала принцип единства, принцип *целостности*; этот принцип выражался как творческое единство человека и Бога, как сотворчество Бога и человека, в числе прочего находя своё яркое воплощение в «человеке литургическом» Флоренского, – с одной стороны; с другой стороны, человек в русской религиозной философии полагается единым с миром существом, включающим в себя весь мир, весь «большой» космос (макрокосм), как отдельная, «маленькая» вселенная (микрокосм).

Принцип сотворчества Бога и человека, столь любимый русской религиозной философской традицией, перенимается русским космизмом и особенно ярко воплощается именно в нём. Впрочем, нельзя, наверное, сказать, что данный принцип был воспринят русским космизмом буквально от русской религиозной философской традиции, он в большей степени был присущ именно самой отечественной культурно-исторической системе, её ценностной матрице, однако без раскрытия данного культурного принципа в русской религиозной философской традиции возможно философы русского космизма не смогли бы столь ярко развить и актуализировать потенции этого принципа в своих философских концепциях.

В русском космизме, скорее, реализуется с соответствующими изменениями проект *хилиастический* (построение «Царства божьего» на земле своими руками); это проект, где раскрываются, должны раскрываться, творческие сущностные силы человека, потенциально – *для всех* («коммунизм»), а отнюдь не для неких «избранных» (как свойственно протестантским сектантским «гностическим» версиям вроде бы того же «коммунизма»).

Надо заметить, что хилиастические мотивы довольно ярко были присущи и отечественной христианской религиозной философской традиции: в той или иной мере они реализовывались и в трудах славянофилов, и в учении В.С. Соловьёва. Разумеется, хилиастические мотивы в русской религиозной философии реализовывались именно в плане актуализации сотворчества Богу, проектов устройства жизни на христианских принципах, в то время как в русском космизме подобное, условно, «царство божие» реализуется без собственно Бога, а усилиями именно человека, его творческими усилиями; однако, акцентируем на этом внимание, человек тут, в космизме, вступает в творческие взаимоотношения с космосом, со вселенной, с её таящимися, пока в ней нераскрытыми энергиями; и раскрыв эти энергии, человек преобразует и вселенную, космос, и себя, преобразует саму Природу.

Антропология как антроподиция

И здесь мы подходим, наверное, к самому главному в антропологии космизма и антропологии русской религиозной философии – к тому, что их объединяет: к *антропологии как антроподиции*. Антроподиция, как мы уже говорили, – буквально оправдание человека. Иными словами, в сущности человеческого существования закладывается идея оправдания человека. Основной вопрос, который ставили перед собой представители русской религиозной философии, – это вопрос о Боге, т. е. вопрос о высшем смысле бытия, о смысле бытия человека, о предназначении человека. Вопрос о предназначении человека, о смысле его земного бытия разрешался философами в русле русской христианской религиозной философии, вполне в канве христианского вероучения. Разумеется, каждый из философов данного направления разрешал этот вопрос по-разному, со своей спецификой; однако общая идея так или иначе была здесь единой. Жизнь человека, его земная

жизнь представляла здесь как своего рода экзамен – экзамен «спасения души». Причём, важно обратить внимание, это «спасение» души у каждого из отечественных христианских религиозных философов оказывалось отнюдь не индивидуалистическим, а так или иначе предполагало некое Общее дело.

В чём земная миссия человека и зачем Бог создал человека? – эти и им подобные вопросы являются здесь, в русской религиозной философской антропологии, ключевыми. Аналогичное вопрошание предполагается и в русском космизме. Здесь сказывается и общее культурное мировоззренческое основание русской религиозной философии и русского космизма – культурно-историческая ценностная система; но здесь имеет место и определённая интеллектуальная философская преемственность: на Н.Ф. Фёдорова своё влияние оказали славянофилы; на отечественных космистов более поздней эпохи (начала XX в.) – прежде всего Н.Ф. Фёдоров и в той или иной мере неизбежно В.С. Соловьёв, основы философии которого были известны даже тем представителям отечественной науки, которые специально не погружались в философские исследования. Определённое влияние на представителей позднего русского космизма не могли не оказать и иные видные представители отечественной религиозной философской христианской традиции: П.А. Флоренский, Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков.

К.Э. Циолковский полагал: «Нет сознательного существа, которое не пожелало бы счастья всему космосу, т. е. себе. Счастье, совершенство и могущество космоса – вот цель всякого существа, вот предмет наших стремлений, деятельности и осуществлений...» [8, с. 405]. Человек находит своё оправдание в учении русских космистов, в деле преобразования мироздания, в новом Космическом проекте. Человек, преобразуя себя, своё существование и попутно мир в целом, обретает *высший Смысл своего бытия*, своё, в сущности, оправдание. Бытие человека находит свой высший смысл именно здесь, по мысли космистов – особенно это ярко выражено в учениях Н.Ф. Фёдорова, К.Э. Циолковского, В.И. Вернадского, А.Л. Чижевского, – в освоении и преобразовании космоса. Именно в этой сфере в полной мере раскрывается и реализуется творческая сущность человека. Человек оправдывается, «спасается» своим великим Проектом освоения Космоса, обретения его, Космоса, великих энергий, освоением и преобразованием самого себя.

У Н.Ф. Фёдорова данная антроподицея реализуется в Общем деле воскрешения отцов и соответствующем ему освоением космического пространства в целях расселения воскрешаемых: исполняя тем самым свой «сыновий долг», т. е. оправдываясь таким образом перед своими отцами. И таким образом данное учение Н.Ф. Фёдорова оказывается ещё теснейшим образом связано с христианским учением. У представителей русского космизма естественнонаучного направления более позднего периода – человеческое оправдание, высший смысл бытия человека реализуется уже в рамках новой религии – религии науки, научно-технического прогресса.

Однако, как бы то ни было, общий смысл, основополагающий для русской религиозной христианской философской традиции и для традиции естественнонаучного русского космизма, заключается *в антропологии человека именно, как антроподицеи*.

Итак, в качестве *концептуальных принципов*, которые так или иначе, прямо или косвенно были унаследованы (или хотя бы имели своими основаниями те же самые культурно-исторические ценностные источники) традицией русского космизма от традиции отечественной религиозной христианской философии, можно выделить:

- 1) концепт *соборности* как своего рода органичного *социального единства*, жизненно необходимого для осуществления космических во вселенском смысле проектов;
- 2) концепт *целостности личности* – по сути в космизме – концепт нового человека, *человека творца, не отчуждённого* от самого себя и от общества в целом;
- 3) концепт *всеединства*, т. е. *единства человека и космоса, человека и мира, единства человека и общества*; если в русской религиозной философии этот концепт прежде

всего указывает на единство *человека и Бога*, то в естественнонаучном космизме – на неразрывное единство *человека и космоса, вселенной, мира в целом*;

4) концепт, в терминологии В.С. Соловьёва и его последователей, *софийности*; в русском космизме своего рода аналогией указанной софийности (Софии) выступает *культ Науки, культ человеческого Разума*;

5) концепт, в терминах О.П. Флоренского, *человека литургического*, т. е. человека, обращающего *сферу своего бытия в сферу священного действия*, особого рода её *творческого и символического преобразования*; в космизме подобной сферой оказывается в перспективе вся Вселенная, весь Космос; космос, вселенная как предельное (беспредельное) пространство творческого преобразования, человеческого священнодействия (особенно ярко этот момент присутствует в философии К.Э. Циолковского и чрезвычайно специфически – у Н.Ф. Фёдорова);

6) концепт живого *воплощения духовных энергий человека, его творческих энергий*, его творческого потенциала – как раз в русском космизме этот концепт *актуализации* человеческих творческих духовных энергий воплощается особенно ярко и откровенно;

7) концепт *антроподицеи*, т. е. концепт оправдания (самооправдания) человека как существа *взыскующего смысла своего существования, основополагающей цели своего бытия*; в космизме данный принцип, сформулированный русским христианским религиозным философом П.А. Флоренским, находит своё особо яркое воплощение, особенно сильно и в то же время весьма специфично, у Н.Ф. Фёдорова: как исполнение людьми, всем человечеством своего «сыновьего долга» (воскрешения отцов); как стремление к освоению и творческому преобразованию Вселенной (космоса) – у К.Э. Циолковского.

Заключение

Таким образом, русская религиозная христианская философия оказала значительное влияние, прямо или косвенно, на становление и формирование концепции русского космизма. В то же время, надо заметить, влияние идей русского космизма на отечественную религиозную философскую христианскую традицию было много меньшим, хотя тоже имело место (например, в виде некоторого влияния идей Н.Ф. Фёдорова на мировоззрение В.С. Соловьёва). При этом еще раз необходимо обратить внимание на то, что и русская религиозная православная философия и философия русского космизма питались из одной и той же мировоззренческой (христианской русской православной) смысловой матрицы. Философия русского космизма в значительной мере и, разумеется, с соответствующими изменениями перенимает своего рода эстафету у русской религиозной философии и реализует весьма, впрочем, специфично заложенные в ней некоторые основополагающие мировоззренческие философские смысловые антропологические концепты и принципы.

Список источников

- Бердяев Н.А. 1990. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века. В кн.: России и русской философской культуре. М., Наука, 528 с.
- Соловьёв В.С. 1988. Критика отвлеченных начал. В кн.: Соловьёв В.С. Сочинения в 2-х т., Т. 1. М., Мысль, 892 с.
- Федоров Н.Ф. 1982. Философия общего дела. М., Мысль, 514 с.
- Циолковский К.Э. 2004. Космическая философия. М., ИДЛи, Сфера, 496 с.
- Чижевский Л.А. 1924. Физические факторы исторического процесса. Калуга, Ассоциация «Калуга-Марс», 72 с.

Список литературы

- Лыткин В.В. 2020. Осмысление «идеала» русским космизмом. В кн.: Человек в культуре: Философские, антропологические, региональные аспекты культуры и русского космизма: монография. М., РУСАЙНС: 9–25.

- Лыткін В.В. 2020. Соцыяльныя ідеалы ў філасофіі. В кн.: Чалавек у культуры: Філасофскія, антропалагічныя, рэгіянальныя аспекты культуры і рускага космізма: монаграфія. М., РУСАЙНС: 7–43.
- Хоруужыі С.С. 2002. Аляксей Хомяков: учыненне о саборнасці і царквы. Богасловскія труды, 37: 153–179.

References

- Lytkin V.V. 2020. Osmysleniye «ideala» russkim kosmizmom [Understanding the “ideal” by Russian cosmism]. In: Chelovek v kul'ture: Filosofskiye, antropologicheskiye, regional'nyye aspekty kul'tury i russkogo kosmizma: monografiya [Man in Culture: Philosophical, Anthropological, Regional Aspects of Culture and Russian Cosmism: monograph]. M., Publ. RUSAYNS: 9–25.
- Lytkin V.V. 2020. Sotsial'nyye idealy v filosofii [Social Ideals in Philosophy]. In: Chelovek v kul'ture: Filosofskiye, antropologicheskiye, regional'nyye aspekty kul'tury i russkogo kosmizma: monografiya [Man in Culture: Philosophical, Anthropological, Regional Aspects of Culture and Russian Cosmism: monograph]. Moscow, Publ. RUSAYNS: 7–43.
- Khoruzhiy S.S. 2002. Aleksey Khomyakov: ucheniye o sobornosti i tserkvi [Aleksey Khomyakov: The Doctrine of Sobornost and the Church]. *Bogoslovskiye trudy*, 37: 153–179.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.04.2022

Поступила после рецензирования 02.05.2022

Принята к публикации 25.05.2022

Received April 2, 2022

Revised May 2, 2022

Accepted September 25, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лыткін Владимир Владимирович, почетный профессор Международного космического университета, Страсбург, Франция; доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir V. Lytkin, Honorary Professor of the International Space University, Strasbourg, France; doctor of philosophy, Professor, head of the Department of philosophy and cultural studies of The Tsiolkovsky Kaluga State University, Kaluga, Russia

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ LOGIC, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 167.7 141.3

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-642-646

Эпистемологические проблемы Dasein-анализа Людвиг Бинсвангера. Введение к переводу Э. Бассо

Цветкова А.О.

Институт философии РАН
Россия, 109240, Москва, ул. Гончарная, д. 12/1
E-mail: tsvetkovaolgaal@gmail.com

Аннотация. В трактовке философско-антропологических идей Людвиг Бинсвангера важную роль играет исторический и эпистемологический контекст развития психиатрии начала XX века. В связи с недостаточной освещенностью этой проблематики в русскоязычных источниках осуществлен перевод статьи доктора философии Элизабетты Бассо, в которой отражена современная точка зрения на историю психиатрии и философской антропологии начала XX века, в частности на идеи швейцарского философа и психиатра Людвиг Бинсвангера. Во введении к переводу показано, что... показаны основополагающие элементы концепции Бинсвангера, оказавшие влияние на психиатрию и философию XX века. Обозначена проблема трактовки идей Бинсвангера в ракурсе противопоставления идеям натурализма. Несмотря на критику Бинсвангера, суть его концепции заключается не в антагонизме натурализму, а в поиске адекватного метода исследования психики в ее целостности.

Ключевые слова: Людвиг Бинсвангер, история психиатрии, феноменологическая психиатрия, Dasein-анализ, эпистемология, шизофрения, Элизабетта Бассо

Для цитирования: Цветкова А.О. 2022. Эпистемологические проблемы Dasein-анализа Людвиг Бинсвангера. Введение к переводу Э. Бассо. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Право, 47(4): 642–646. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-642-646

Epistemological Problems of Ludwig Binswanger's Dasein analysis. Introduction to the Translation of E. Basso

Olga A. Tsvetkova

RAS Institute of Philosophy,
12/1 Goncharnaya St, Moscow 109240, Russian Federation
E-mail: tsvetkovaolgaal@gmail.com

Annotation. The historical and epistemological context of psychiatry at the beginning of the 20th century plays an important role in understanding of the philosophical and anthropological ideas of Ludwig Binswanger. Due to its insufficient coverage in Russian-language sources, it would be important to present a translation of the article by Elisabetta Basso, Ph.D., which reflects the modern point of view on the history of psychiatry and philosophical anthropology of the early twentieth century and on the ideas of the Swiss philosopher and psychiatrist Ludwig Binswanger. Elizabeth Basso's views expand the understanding of the main provisions and goals of Ludwig Binswanger's Dasein-analysis. The study also

raised the problems of research of schizophrenia and other psychopathologies. At the same time, Basso presents valuable historical and bibliographic material relating to the phenomenological movement in psychiatry in the early twentieth century.

Key words: Ludwig Binswanger, history of psychiatry, phenomenological psychiatry, Dasein-analysis, epistemology, schizophrenia, Elizabetta Basso

For citation: Tsvetkova O.A. 2022. Epistemological Problems of Ludwig Binswanger's Dasein Analysis. Introduction to the Translation of E. Basso. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 642–646 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-642-646

Людвиг Бинсвангер — швейцарский философ и психиатр начала XX века. Dasein-анализ Л. Бинсвангера способствовал развитию философской антропологии, феноменологической психиатрии и экзистенциального анализа XX и XXI веков.

Современный интерес к идеям Бинсвангера обусловлен поворотом философской антропологии к исследованию искажений человеческой природы, к аномалиям, к оборотной стороне позитивных констатаций о человеке в классической философии. В начале XX века, как и в настоящее время, в вопросе исследования феномена безумия проблематизируются ограничения сугубо медицинского или исключительно философского подхода. Научная рациональность, занимавшая ведущее место в науке и философии, столкнулась с вызовами научных открытий, которые поставили под сомнения ее определяющую роль. Исследования в точных науках показали, что явления, считавшиеся ранее строго детерминированными внешними законами, могут быть относительными и зависеть от интенциональности субъекта.

Просветительская традиция опиралась на идеи о том, что человек по своей природе — разумное существо, он рационален и способен критически мыслить, и эти его способности развиваются вместе с эволюцией, а его нерациональное, «животное» начало замещается с развитием разума, его инстинкты окультуриваются. З. Фрейд показал, что это не так. Он изменил представление о человеке как исключительно разумном существе, обратившись к иррациональной стороне человеческой природы. По З. Фрейду, человек всегда находится на грани рационального и иррационального. Он не отказался от просветительской идеи об уникальности человеческого разума, но обратил внимание на то, что человек не сводится только к разуму, рациональности и сознанию, продемонстрировав это в созданной им модели психики.

В связи с открытиями психоанализа и научными открытиями произошло развенчание идеала разума. Философия обратилась к проблеме не-разума, неразумия, иррациональности, безумия. Произошло сближение философии и психиатрии, породившее несколько философско-психологических/психиатрических подходов к изучению проблемы безумия, с целью расширить понимание сущности и уникальности человека и феномена человеческого бытия.

Проблема безумия становится весьма актуальной в философии XX века. Она рассматривалась в работах С. Кьеркегора, Ф. Ницше, З. Фрейда, К.Г. Юнга, К. Ясперса, М. Хайдеггера, М. Босса, Ж.-П. Сартра, М. Мерло-Понти, М. Фуко, Ж. Делёза, Р. Лэйнга и других. Если раньше безумие относилось исключительно к сфере психиатрии, то в начале XX века произошло сближение психиатрии и философии, поскольку возникла необходимость понять феномен безумия, а не просто описать его в медицинских терминах. Описательный подход не давал должного понимания переживаний опыта безумия. И если ранее в европейской философии безумие воспринималось как некоторая патология, носитель которой нуждается в социальной изоляции, как подробно описывает это М. Фуко, то теперь вопрос «изоляции», «отвержения» отошел на задний план, в том числе благодаря ра-

ботам З. Фрейда и К.Г. Юнга, которые стали рассматривать проявления безумия как символы, скрывающие собой целые айсберги.

В конце XIX века развернулась обширная критика позитивизма. Это послужило фоном критики психоанализа Людвигом Бинсвангером. Л. Бинсвангер – важная фигура в интеллектуальной истории XX века благодаря не только его вкладу в психиатрию, но и его работам, отражающим многие из различных аспектов и этапов субъективистского направления в европейской философии и психологии.

Несмотря на высокую оценку психоанализа как терапевтического инструмента, Л. Бинсвангер беспокоился о его философском обосновании, природе его концептуальной структуры и его предпосылках. Было очевидно, что З. Фрейд не отказался от понятия «психофизический аппарат» и что центральное теоретическое понятие психоанализа – инстинкт – было скорее биологическим, чем психологическим. Бинсвангер не мог представить психоанализ академической психиатрии как беспроблемную модель психологии, ориентированной на человека. Ему не хватало оснований для взаимосвязи между психиатрией и психоанализом. Таким образом, он столкнулся с двумя проблемами: первая – разработать набор категорий и методологических концепций, адекватных науке о человеке как отдельной и строгой дисциплине; вторая заключалась в критике основ психоанализа с опорой на новые концепции. Книга, посвященная первой проблеме, действительно появилась в 1922 году [Binswanger, 1922], но второй том, посвященный психоанализу, так и не был опубликован, потому что Л. Бинсвангер, столкнувшись с работой М. Хайдеггера, пришел к выводу, что его исходные позиции неадекватны.

Л. Бинсвангер критиковал естественнонаучное представление о психических феноменах Г. Фехнера, Г. Гельмгольца, В. Вундта и Э. Блейлера, И.Ф. Гербарта, Т. Гоббса и других основателей психологии. Их подход заключался в попытке объяснить психические события как продукт предзаданных элементов и законов их проявления, то есть в том, чтобы установить причинные обобщения о предшествующих условиях психических событий. Согласно Бинсвангеру, это означало рассматривать их не так, как они были даны в «непосредственном опыте». Материализация психики игнорировала единство, уникальность и конкретную индивидуальность психической жизни, ее свободный творческий характер.

Л. Бинсвангер ценил психоанализ за стремление проникнуть во внутренний мир больного, установить понимание его субъективных смыслов и ценностей. С другой стороны, он критиковал З. Фрейда за его редуционизм и попытку описать духовные творения человека, такие как искусство и мораль, с точки зрения влияния инстинктов.

Людвиг Бинсвангер – один из первых психиатров, попытавшийся объединить феноменологию и психиатрию. Он способствовал перевороту в психиатрии и изменил восприятие безумия как болезни, набора симптомов, расширив его до «миропроекта» человека. Он считал необходимым целостно рассматривать человека, во всей полноте его бытия, в психиатрии так же, как и в других сферах.

Людвиг Бинсвангер сформулировал идеи Dasein-анализа на основе феноменологии Э. Гуссерля, онтологии М. Хайдеггера и психоанализа З. Фрейда [Руткевич, 1985]. Каждое из направлений он интерпретировал по-своему, в некоторых случаях трансформировал изначальные посылки. Пытаясь создать целостное понимание Человека в рамках феноменологической антропологии, он стремился объединить психологические, физиологические и философские концепции [Бинсвангер, 1999].

Экзистенциальный анализ основывается на идее первичности человеческого бытия. Редуцировать жизнь человека до его влечений и инстинктов – значит лишить его Человеческого [Бинсвангер, Кун, 2017]. Наряду с Фрейдом, Бинсвангер одним из первых клиницистов обратился к философии с целью понимания внутренней жизни своих пациентов, развивая в своих исследованиях метапсихологию Платона, А. Шопенгауэра, Ф. Ницше, С. Кьеркегора [Власова, 2010]. Экзистенциальный психоанализ Бинсванге-

ра может быть выделен в отдельное направление психоанализа, наравне с психоанализом Жака Лакана.

В отечественной литературе часто упоминается приверженность Бинсвангера анти-натурализму. В общем контексте это зачастую понимается как отход от организменного, биологического восприятия человека, от восприятия душевного расстройства как исключительно медицинской болезни, требующей медикаментозного лечения [Власова, 2010]. И тогда феноменологическая ориентация Dasein-анализа Бинсвангера противопоставляется натуралистическому подходу.

Причины же обращения Бинсвангера к феноменологии описаны недостаточно. Именно понимание общего контекста психиатрии начала XX века и наиболее остро стоящих перед ней задач позволяет увидеть основания интереса швейцарского психиатра к философии. Сам Хайдеггер критично относился к развитию своих идей в работах Бинсвангера, утверждая, что тот неправильно понял суть его онтологии [3]. Однако Бинсвангер использует идеи Хайдеггера, стремясь ввести в психиатрию методы более целостного исследования человека.

В статье Элизабетты Бассо даны пояснения по поводу отношения Бинсвангера к натурализму. Она рассматривает данный вопрос на эпистемологическом уровне, смещая фокус внимания с противопоставления психического и биологического в человеке на сравнение методов их исследования, а также утверждает, что Бинсвангер не исключает природную сущность человека из рассмотрения, но отказывается экстраполировать натуралистические, объективистские методы исследования на изучение психики и человека в его целостности. Именно поэтому в поиске подходящего метода-Бинсвангер обращается к феноменологии Гуссерля и Хайдеггера.

Элизабетта Бассо – доктор философии, её исследовательские интересы охватывают философию и историю психиатрии, в частности феноменологическую психиатрию, а также французскую эпистемологию. Среди её исследований можно отметить такие, как «Влияние немецкой психиатрии на французскую философию 1930–1960 годов», «Ранние этапы феноменологического направления в психиатрии», «Феноменология и психиатрия: эпистемологическая история концепции “структуры”». Э. Бассо является автором научных статей, книг и переводов, рецензентом девяти научных журналов, членом нескольких международных исследовательских групп, работающих в области философии и истории наук.

Э. Бассо рассматривает идеи Бинсвангера в контексте эпистемологических традиций начала XX века. Она показывает, что попытка объединить психиатрию начала XX века как медицинскую науку с присущими ей требованиями с феноменологической философией Гуссерля и Хайдеггера отражает стремление Бинсвангера найти новые эпистемологические основания и методы исследования психического. За философскими размышлениями Бинсвангера стоит не поиск смысла психических феноменов в духе экзистенциализма, а попытка выйти за рамки принятых эпистемологических традиций для более целостного описания и понимания психопатологий, психического и, соответственно, человека.

Список литературы

- Бинсвангер Л. 1999. Бытие-в-Мире. М., Рефл-бук, 332 с.
Бинсвангер Л., Кун Р. 2017. Экзистенциальный анализ. М., Институт общегуманитарных исследований, 272 с.
Власова О.А. 2010. Рецепция феноменологии в психиатрии: между онтологией и онтикой. Вопросы философии, 2: 152–161.
Власова О.А. 2010. Феноменологическая психиатрия и экзистенциальный анализ: история, мыслители, проблемы. М., Территория будущего, 638 с.
Летуновский В.В. 2003. Экзистенциальный анализ в психологии. Дис. канд. психол. наук. М., 222 с.

- Руткевич А.М. 1985. От Фрейда к Хайдеггеру: Критич. очерк экзистенциального психоанализа. М., Политиздат, 175 с.
- Basso E. 2012. From the Problem of the Nature of Psychosis to the Phenomenological Reform of Psychiatry. Historical and Epistemological Remarks on Ludwig Binswanger's Psychiatric Project. *Medicine Studies*, 3: 215–232. DOI:10.1007/s12376-012-0076-x
- Binswanger L., 1922. Einführung in die Probleme der allgemeinen Psychologie [Introduction to the problems of general psychology]. Berlin, Springer Berlin Heidelberg, 383 p.

References

- Basso E. 2012. From the Problem of the Nature of Psychosis to the Phenomenological Reform of Psychiatry. Historical and Epistemological Remarks on Ludwig Binswanger's Psychiatric Project. *Medicine Studies*, 3: 215–232. DOI:10.1007/s12376-012-0076-x
- Binswanger L., 1922. Einführung in die Probleme der allgemeinen Psychologie [Introduction to the problems of general psychology]. Berlin, Springer Berlin Heidelberg, 383 p.
- Binsvanger L. 1999. Бытие-в-Мире [Being in the world]. Moscow, Publ. Refl-buk, 332 p.
- Binsvanger L., Kun R. 2017. Экзистенциальный анализ [Existential analysis]. Moscow, Publ. Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 272 p.
- Vlasova O.A. 2010. Receptiya fenomenologii v psikiatrii: mezhd u ontologiej i ontikoj [Reception of phenomenology in psychiatry: between ontology and logic]. *Voprosy filosofii*, 2: 152–151.
- Vlasova O.A. 2010. Fenomenologicheskaya psikiatriya i e`kzistencialny`j analiz: istoriya, my`sliteli, problemy [Phenomenological psychiatry and existential analysis: history, thinkers, problems]. Moscow, Publ. Territoriya budushego, 638 p.
- Letunovskij V.V. 2003. E`kzistencialny`j analiz v psikhologii [Existential analysis in psychology]. Dis. cand. psychol. sciences. Moscow, 222 p.
- Rutkevich A.M. 1985. От Фрейда к Хайдеггеру: Критич. очерк экзистенциального психоанализа [From Freud to Heidegger: Critical. essay on existential psychoanalysis]. Moscow, Publ. Politizdat, 175 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.09.2021
Поступила после рецензирования 18.12.2021
Принята к публикации 09.02.2022

Received September 18, 2021
Revised December 18, 2021
Accepted February 9, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цветкова Ольга Алексеевна, Институт
Философии РАН, Москва, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Tsvetkova, RAS Institute of Philosophy,
Moscow, Russia.

УДК 167.7 141.3

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-647-669

**От проблемы природы психоза
к феноменологической реформе психиатрии.
Исторические и эпистемологические замечания
о психиатрическом проекте Людвиг Бинсвангера**

Бассо Э.

Университет Павии,
Италия, 27100, Павия, Страла Нуова, 65
E-mail: elisabetta.basso14@gmail.com

Аннотация. Основное внимание уделяется одному из оригинальных направлений развития «феноменологического» течения в психиатрии, а именно психопатологическим исследованиям Людвиг Бинсвангера. Посредством клинических и концептуальных проблем шизофрении, как они понимались в начале XX века, я постараюсь обрисовать и проанализировать взгляды Бинсвангера с исторической и гносеологической точек зрения. Особый подход Бинсвангера к пониманию шизофрении в рамках научного, медицинского и психиатрического контекстов того времени приведёт нас к определению эпистемологической базы, лежащей в основе его проекта реформирования психиатрии посредством феноменологии. Наконец, я попытаюсь рассмотреть и дополнить проект Бинсвангера в свете современной переоценки феноменологии в рамках продолжающихся дебатов о психопатологии, проводимых исследователями в научных областях, а также в области философии сознания.

Ключевые слова: Людвиг Бинсвангер, шизофрения, психоз, феноменологическая психиатрия, нормативность, медицинские науки

Для цитирования: Бассо Э. 2022. От проблемы природы психоза к феноменологической реформе психиатрии. Исторические и эпистемологические замечания о психиатрическом проекте Людвиг Бинсвангера. Перевод с англ. Цветковой О.А. (Basso E. From the Problem of the Nature of Psychosis to the Phenomenological Reform of Psychiatry. Historical and Epistemological Remarks on Ludwig Binswanger's Psychiatric Project. *Medicine Studies*, 2012. 3:215–232). НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 47(4): 647–669. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-647-669

**From the Problem of the Nature of Psychosis
to the Phenomenological Reform of Psychiatry.
Historical and Epistemological Remarks
on Ludwig Binswanger's Psychiatric Project**

Elisabetta Basso

Universita degli Studi di Pavia,
65 Strada Nuova, Pavia 27100, Italy
E-mail: elisabetta.basso14@gmail.com

Abstract. This paper focuses on one of the original moments of the development of the “phenomenological” current of psychiatry, namely, the psychopathological research of Ludwig Binswanger. By means of the clinical and conceptual problem of schizophrenia as it was conceived and developed at the beginning of the twentieth century, I will try to outline and analyze Binswanger's perspective from a both historical and epistemological point of view. Binswanger's own way means of approaching and conceiving schizo-

phrenia within the scientific, medical, and psychiatric context of that time will lead us to grasp the epistemological stakes at the origins of his project of reforming psychiatry by means of phenomenology. I will finally attempt to upgrade and update Binswanger's project in light of the current reappraisal of phenomenology within the ongoing debate on psychopathology engaged by studies in the field of science and philosophy of mind.

Key words: Ludwig Binswanger, Schizophrenia, Psychosis, Phenomenological psychiatry, Normativity, Medical sciences

For citation: Basso E. 2022. From the Problem of the Nature of Psychosis to the Phenomenological Reform of Psychiatry. Historical and Epistemological Remarks on Ludwig Binswanger's Psychiatric Project. Translated from English Tsvetkova O.A. (Basso E. From the Problem of the Nature of Psychosis to the Phenomenological Reform of Psychiatry. Historical and Epistemological Remarks on Ludwig Binswanger's Psychiatric Project. *Medicine Studies*, 2012. 3: 215–232). *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 47(4): 647–669 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-647-669

Введение

Основное внимание в статье обращено на оригинальные аспекты развития «феноменологического» течения в психиатрии, а именно на психопатологические исследования швейцарского психоаналитика Людвиг Бинсвангера (1881–1966). Первичную психиатрическую подготовку Бинсвангер получил в начале XX века в одном из самых выдающихся европейских психиатрических институтов – Бургольцы, в Цюрихе, находящимся под управлением швейцарского психиатра Эйгена Блейлера (Eugen Bleuler) (1875–1961) и его молодого ассистента Карла Густава Юнга (1875–1961), курирующего докторскую диссертацию Бинсвангера в 1907¹ году. До стажировки в Бургольцы Бинсвангер учился в Лозаннском и Гайдельбергском университетах. После отъезда из Цюриха он несколько месяцев работал в Йене, в Университетской психиатрической клинике под управлением его дяди Отто Бинсвангера (1852–1929), которого Зигмунд Фрейд (1856–1939) в своем письме Юнгу в 1907 году, во время их сотрудничества с Людвигом Бинсвангером² описывал как «крепость ортодоксальности» [Фрейд и Юнг, 1974, 52F]. В 1908 году молодой Бинсвангер наконец прибывает в психиатрический санаторий Белльвю в швейцарском городе Кройцлинген, директором которого является его отец Роберт Бинсвангер (основан он был его дедом Людвигом Бинсвангером-старшим в 1857 году), где он и останется до самой своей смерти.

¹ Докторская диссертация Бинсвангера «О психогальванических феноменах в ассоциативных экспериментах» [Бинсвангер, 1907–1908].

² В то время Людвиг Бинсвангер интересовался теорией Фрейда (в его докторской диссертации есть несколько ссылок на работы Фрейда – «Толкование сновидений», «Психопатологию обыденной жизни» и «Фрагмент анализа одного случая истерии» [Бинсвангер, 1907–1908]. Благодаря Блейлеру, в Бургольцы Бинсвангер смог познакомиться с главными представителями психоаналитического движения Швейцарии, такими как Карл Абрахам (1877–1925), Франц Риклин (Franz Riklin) (1878–1938), Макс Эйтингтон (Max Eitingon) (1881–1943) и Герман Нюнберг (Herman Nunberg) (1884–1970). В первый раз Бинсвангер встретился с Фрейдом в обществе Юнга в Вене в 1907 году. Фрейд уже с 1890-х годов был знаком с дядей Бинсвангера – Отто Бинсвангером и рекомендовал Белльвю некоторым своим пациентам. С этого времени Людвиг Бинсвангер находился в диалоге с представителями психоанализа, что способствовало нескольким встречам и дискуссиям с Фрейдом и его группой. Например, в 1909 году в первом выпуске журнала, основанного Фрейдом и Блейлером, – *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen* (Ежегодник психоаналитических и психопатологических исследований) Бинсвангер публикует анализ случая истерии, который он провёл посредством метода Фрейда во время стажировки в Йене [Binswanger, 1909]. Статьи и конференции, которые он подготовит в течение 1920-х годов, а отчасти и в течение 1930-х годов, свидетельствуют не только об интересе Бинсвангера к учению Фрейда, но и о личных отношениях с Фрейдом – отношениях, которые будут отражены в тридцатилетней переписке [Binswanger, Freud, 1992].

В рамках истории психиатрии и истории философии Бинсвангер известен как основатель *Dasein*-анализа или экзистенциального анализа – метода, оформленного благодаря его интеллектуальной приверженности философии Мартина Хайдеггера (1889–1976). Влияние книги «Бытие и время» (1972) Мартина Хайдеггера действительно знаменует собой поворотный момент в рассуждениях Бинсвангера 1930-х годов, поскольку «аналитика *Dasein*» Хайдеггера предоставила ему теоретическую модель для понимания психопатологического опыта, отличную от исключительно нозологического подхода. Согласно Бинсвангеровскому прочтению Хайдеггера, феноменологическое понятие «Бытия-здесь» (*Dasein*) должно привести к антропологической реформе психиатрии, ориентированной на понимание психопатологического опыта не только как «анормального», но и как иного способа структурирования экзистенции человека как «бытия-в-мире».

В современных исследованиях феноменологической психопатологии Бинсвангера проводится резкое различие между историческим, клиническим и философским подходами. Например, работы Бинсвангера являются объектом важных исторических исследований, особенно в Германии¹, также они остаются одними из самых значимых работ для психиатров, придерживающихся подхода *Dasein*-анализа, стремящихся привлечь психиатрию к философской дискуссии о психопатологии и клинике². В этой дискуссии принимают участие и оппоненты, обвиняющие *Dasein*-анализ в неспособности предоставить эффективные методы лечения, а также в простой переформулировке на феноменологический язык достижений других направлений, например, психоанализа [Castel, 1998, p. 39]. Философы же, в свою очередь, в основном интересуются чисто теоретическими проблемами³, и некоторые из них в конечном итоге подтверждают мнение «неофеноменологов», таких как Ден Захави (Dan Zahavi), о том, что величайшая слабость современных феноменологических исследований заключается в их озабоченности *трактовкой* авторов, а не самими проблемами [Zahavi 2005, p. 6].

Помимо этого, до сих пор философы были склонны рассматривать *Dasein*-анализ-как модель, выработанную психопатологией с целью дистанцироваться от *naturwissenschaftlich* (естественнонаучной) парадигмы медицинских наук, к которой со второй половины XIX века принадлежит и психиатрия. Согласно этому утверждению, экзистенциальная психиатрия является подходом, разработанным для «понимания» больно-

---

¹ Одна из причин исторического подхода к исследованию работ Людвиг Бинсвангера в Германии заключается в том, что в 1986 году архив материалов Белльвю-санатория, которым управляли четыре поколения семьи Бинсвангеров, был передан архиву Университета Тюбингена. После публикации монографии Макса Герцога (Max Herzog) в 1995 году (Ludwig Binswanger und die Chronik des Klinik «Bellevue» in Kreuzlingen. Eine Psychiatrie in Lebensbildern, Berlin: Quintessenz) Университет Тюбингена (University of Tübingen) в сотрудничестве с Институтом истории и этики медицины (Institut für Ethik und Geschichte der Medizin) запустил проект по инвентаризации и организации архива, который теперь открыт для исследователей. Среди недавних работ о первом поколении санатория [Moses and Hirschmuller, 2004], [Akavia and Hirschmuller, 2007].

² В связи с этим было бы интересно проанализировать то, каким образом психиатры в различных европейских и неевропейских странах восприняли и развили идеи *Dasein*-анализа. Это история, которая тесно связана с философскими, социальными и политическими аспектами психиатрии на протяжении всего её развития. Например, мы могли бы упомянуть то, как идеи Бинсвангера были развиты и использовались различными «антипсихиатрическими» движениями в 1960-х и 1970-х годах. В частности: *Daseinanalytisches Institut für Psychotherapie und Psychosomatik* (Дазайнаналитический институт психотерапии и психосоматики) в Цюрихе, основанный Медардом Боссом (Medard Boss) (1903–1990), психиатром, познакомившимся с Людвигом Бинсвангером в 1930-е годы и позже развивавшим подход Бинсвангера в соответствии с теоретическим направлением, близким философии Хайдеггера. Сейчас этот институт выпускает журнал Международной Федерации *Dasein*-анализа: *Daseinanalyse*. О концептуальной истории *Dasein*-анализа также см. [Charbonneau, 2010; Sabestan and Dastur, 2011], эти три автора основали в 1993 году Французскую Школу *Dasein*-анализа – группу, которая объединяет психиатров и философов.

³ Ограничимся упоминанием лишь некоторых недавних международных исследований: [Courtine, 1992; Herzog, 1994; De Monticelli, 1994; Passie, 1995; Besoli, 2006; Gros, 2009].

го субъекта вместо «медикализации» его опыта страдания – опыта, который это течение психопатологии предпочитает рассматривать как «форму экзистенции», а не как исключительно патологическое проявление живущего существа. С этой точки зрения, антропологическая психиатрия противопоставляет себя медицинской психиатрии, стремящейся любыми средствами лечить, а не проблематизировать экзистенциальные причины психопатологических проявлений.

Бесспорно, что с исторической точки зрения феноменологическая психиатрия с момента своего возникновения играла важную роль, ставя под сомнение психиатрию как медицинскую науку. Уже в работах 1910-х годов Людвиг Бинсвангер выражал критическое отношение к ведущему подходу академической психиатрии начала века, а именно к анатомопатологической перспективе Эмиля Крепелина (1856–1926), а также патологии головного мозга (*Gehirnpathologie*) Карла Вернике (1848–1905), согласно которой психиатрия должна использовать тот же язык и законы, что и невропатология [Hirschmuller & Whitrow, 1999]. По этой причине Бинсвангер предпочёл обратиться к психологии, чтобы поставить вопрос о том, какую роль она могла бы сыграть в клинической психиатрии.

Тем не менее целью настоящей статьи является проблематизация идеи, согласно которой *Dasein*-анализ зарождается и развивается как философское или антропологическое течение в психиатрии XX века в противовес её строгой научности и медицинской структурности. На самом деле феноменологическая реформа психиатрии Бинсвангера отображает интерес к биологическому значению «истории жизни», что игнорируется большинством философско-феноменологических интерпретаций.

С исторической точки зрения, *Dasein*-анализ, с самого начала отличающийся эклектичностью, представляет собой эпитому проблем, споров и эпистемологических возможностей, которые определяют психиатрическое знание в начале XX века. Основанный психиатром во времена, когда психиатрия была непосредственно связана с медицинскими дисциплинами, особенно с неврологией¹, *Dasein*-анализ демонстрирует интерес к проблеме психики. Если, с одной стороны, он представляет собой утверждённую преемственность в рамках антропологических течений, характеризующих немецкоязычную психиатрию на рубеже XIX и XX веков [Benzenhofer, 1993; Verwey, 1985], то с другой – возникает как ответ на потребность в научном методе, которую Бинсвангер унаследовал от той части академической психиатрии, которую представляют, в частности, Блейлер и Юнг. Они интересовались ролью методологических исследований психологии в психиатрии с тем, чтобы учесть субъективную природу психических фактов, придерживаясь при этом объективности, требуемой наукой². Клиническая эпистемология Бинсвангера находится на пе-

¹ Необходимо помнить, что большая часть работ, написанных Бинсвангером с 1910 по 1930 год, была опубликована в таких журналах, как «Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie», «Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie» и «Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie». Они отвечали главной особенности европейской академической психиатрии того времени, согласно которой психиатрия и неврология были тесно переплетены. Первая кафедра психиатрии в Германии была создана Грейзингером (Griesinger) в Берлине в 1864 году. За этим последовало назначение ассоциированных или рядовых профессоров в Гёттингене в 1866 году, Цюрихе в 1869 году, Вене в 1870 и 1875 годах, Гейдельберге и Лейпциге в 1877 году и Бонне в 1881 году. Только в 1906 году психиатрия стала признанным предметом медицинского исследования в Германии. Таким образом во второй половине века психиатрические исследования всё больше перемещались из психиатрических лечебниц в университеты. [Hirschmuller, Whitrow 1999, p. 400]. Что касается психиатрии в Швейцарии, историки подчеркивают сильное влияние немецкой парадигмы во второй половине XIX века [Ellenberger, 1951; Walser, 1971, 1972, 1976].

² Проблематизация «объективности» науки или «научности» знания стоит на повестке большинства исследований последнего времени в области истории и философии науки. Согласно исторической точке зрения Лоррейн Дастон и Питера Галисона, например, наука XIX века боролась за «объективность», которая представляла собой борьбу с «субъективностью». Таким образом, наука подразумевалась как поиск эмпирических доказательств, как попытка получить доступ к законам природы посредством «опыта», понимаемого как эмпирическое наблюдение [Daston & Galison, 2007]. Это позиция, которая всё ещё сильна в медицинских науках и психиатрии в начале XX века, а также в том новаторском направлении психопатологии, которое

ресечении различных традиций и парадигм: между синтетическим методом Крепелина, клиническим подходом Блейлера, герменевтической программой Вильгельма Дильтея (1883–1911), диагностикой эмоциональных связей Карла Ясперса (1883–1969) [Bertios, 1992, 1993; Lanzoni, 2003, 2005, 2006] и, наконец, психоанализом Фрейда. Являясь отнюдь не простым приспособлением феноменологии к требованиям неопределенно «гуманистической» реформы психиатрии, она старается ответить на вопросы, поднятые этими различными подходами, вовлекая феноменологию в эпистемологические размышления о проблеме её методологической научности в области психиатрии.

Итак, что означает «научность» в эпистемологическом проекте Бинсвангера и почему он так озабочен этим вопросом? Вопрос на самом деле сложен, учитывая контекст, в котором Бинсвангер получил своё первое психиатрическое образование в Бургольцы под руководством Блейлера и Юнга. Несмотря на то, что эти авторы критически относились к «чисто анатомической, материалистической перспективе современной психиатрии» [Jung, 1908, 1971, p. 180] и пытались ввести психологический анализ, следуя методу Фрейда, они все же упорно искали эмпирические доказательства, которые могли бы обосновать этот анализ. Другими словами, это был вопрос о смене методологии в психопатологии, но не вопрос изменения её эпистемологической основы. Даже несмотря на обращение к другому объекту – психологическому содержанию психопатологических проявлений, а не их органической основе, всё же можно было распознать ту же потребность в «объективности» и ту же озабоченность «научностью», которой характеризовалась академическая психиатрия. В этом отношении весьма уместен пример того, как Блейлер и Юнг в те годы интегрировали метод Фрейда в свои психиатрические теории.

В своём эссе 1908 года «Психоз и его содержание» (The content of Psychosis), например, Юнг недвусмысленно утверждает, что психиатрии нужен был особый метод, который позволил бы ей выйти из положения меньшинства, которое превратило её в «бедного кузена медицины» [Jung, 1908, 1971, p. 176]. Согласно Юнгу, «...современная психиатрия работает как человек, который хочет расшифровать смысл и значение здания посредством минералогического анализа его кирпичей» [там же, с. 178]. Также «...нет доказательств, подтверждающих первичную природу органического заболевания, в то время как существует множество доказательств, свидетельствующих о существовании первичной психологической дисфункции» [там же, с. 174].

Именно в этом контексте теории Фрейда признаются и принимаются в Бургольцы в начале XX века. На самом деле основная критика, которую большая часть академической психиатрии адресовала Фрейду в то время, заключалась в отсутствии научности, как это указывается в «защите» психоанализа, опубликованной Блейлером в 1910 году¹. Именно в терминах «верификация», «наблюдение» и «экспериментальный контроль» защита Блейлера (Verteidigung) представила психиатрам основные положения метода Фрейда [Bleuler, 1910]². Анализ сновидений, в частности, был определён как инструмент, который позволил бы новой «психоаналитической медицинской школе», как её определил Людвиг Бинсвангер [Binswanger, 1928b, p. 7], продемонстрировать экспериментальную валидность своего метода и ответить на потребность в научности, значение которой подчеркивают другие направления медицины [Shamdasani, 2005]. В методе толкования сновидений

пыталось оставить место для исторического и субъективного характера психопатологических проявлений. В этой связи стоит вспомнить аргументы, выдвинутые Блейлером и Юнгом в защиту теории Фрейда, эти аргументы мы представим ниже.

¹ В работе о психоанализе *Verteidigung und kritische Bemerkungen on psychoanalysis* (1910) Блейлер по пунктам и с подробными ссылками отвечает на критику, которую многие психиатры адресуют Фрейду в начале века. Это эссе также представляет интерес с исторической и библиографической точек зрения.

² Алфонс Мидер (Alphonse Maeder) (1882–1971), член группы Блейлера, во Французской презентации теории Фрейда в 1909 году также соглашался с тем, что Блейлер и Юнг «...продемонстрировали существование и патогенез действия [фрейдовские комплексы] при dementia praecox» [Maeder, 1909, p. 97].

можно было эмпирически «наблюдать» механизмы, теоретизированные Фрейдом, и действительно в то время Юнг рассматривал доктрину Фрейда, как он засвидетельствовал в письме 1907 года, с точки зрения «чистого эмпиризма» [Freud & Jung, 1974, 17 J] ¹.

В этом контексте можно лучше понять, почему Бинсвангер был так озабочен в начале 1910-х годов проблемой «научности» психиатрии. Тем не менее я бы хотела здесь показать, что философская реформа, которую Бинсвангер предложил психиатрии своего времени, была нацелена на то, чтобы придать психиатрическим знаниям новый вид научности, отличной от органицистской парадигмы подхода Крепелина, а также от эпистемологической структуры, которую Блейлер и Юнг всё ещё принимали, несмотря на попытки реформировать психиатрию с помощью психологии Фрейда. Феноменологи и историки философии часто подчёркивали в своих прочтениях Бинсвангера: то, что способствует его отвержению эпистемологической парадигмы эмпиризма и экспериментальной научности, – это его приверженность феноменологии. Тем не менее я бы ещё раз сказала здесь, что приверженность Бинсвангера феноменологии, то есть его феноменологический подход к психопатологии, не следует рассматривать как полный разрыв с психиатрией его времени. Другими словами, мой аргумент состоит в том, что феноменологические положения, разработанные Бинсвангером в 1920-х годах, тесно связаны с некоторыми вопросами и идеями, выдвигавшимися психиатрическими исследованиями в начале XX века. Именно поэтому я считаю крайне важным для понимания проекта Бинсвангера анализировать отношение его исследования к контексту, в котором оно проходило с самого начала. Историческая контекстуализация может продемонстрировать как ранние феноменологические идеи Бинсвангера, отвергая чисто эмпирическую сторону медицинских наук его времени, все еще были глубоко укоренены в психиатрических и медицинских знаниях. Такое исследование, наконец, позволит нам преодолеть дильтеевскую точку зрения, которая до сих пор по большей части характеризовала прочтение тех философов и психиатров, которые считали Бинсвангера самым верным наследником антинатурализма Гуссерля и Хайдеггера.

«Актуальные психологические вопросы в клинической психиатрии» (1914 г.)

Прежде всего я постараюсь продемонстрировать, что экзистенциальный подход Бинсвангера исходит из проблемы нозологической классификации в психиатрии – проблемы, фокусом которой в первой половине 1910-х годов были споры о природе и статусе шизофрении ².

¹ Также *Diagnostische Assoziationsstudien* (Диагностические исследования ассоциации) под названием *Beitrag zur Experimentelle Psychopathologie* (Вклад в экспериментальную психопатологию) Юнг считал экспериментальным подтверждением теории Фрейда [Юнг, 1906–1910].

² Проблема природы шизофрении была главным вопросом психиатрии в начале XX века. Термин «шизофрения» был введён Блейлером в 1911 году как противопоставление негативной модели раннего слабоумия Крепелина идее позитивной конфигурации патологического. Фактически нозологическая категория раннего слабоумия была обозначена Крепелином в шестом издании его *Lehrbuch der Psychiatrie* (Учебник по психиатрии) (1899) – согласно моделям общего паралича (или *dementia paralytica* [Bayle, 1922]) Антуана Лорана Жессе Бейля (Antoine Laurent Jesse' Bayle) (1799–1858), [Bayle, 1822] и кататонии Карла Людвиг Кальбаума (Karl Ludwig Kahlbaum) (1828–1899) [Kahlbaum, 1874], а именно двух патологических образований, которые были проанализированы с органической точки зрения и клинически определены на основе их хронического состояния и летального исхода. Первое упоминание термина «раннее слабоумие» (*dementia praecox*) появилось в французской формулировке *demence presocose* во втором издании *Traite des maladies mentales* (Лечение психических болезней) (1860) французского психиатра Бенедикта-Огюстена Мореля (Benedict-Augustin Morel) (1809–1873). Под этим термином Морель имел в виду ухудшение интеллектуальных функций молодых людей и описал этот процесс в контексте теории «вырождения» (*degenerescence*). Категория *demence presocose* была переформулирована в латинской форме (*dementia praecox*) в 1891 году Арнольдом Пиком (Arnold Pick) (1851–1924), чешским психиатром, который описал её как хроническое заболевание, очень похожее на то, что Эвальд Хеккер (Ewald Hecker) (1843–1909) в 1871 году определил как «гебефрения», а именно расстройство, возникающее в период полового созревания, которое начнётся с меланхолии и конечное состояние которого будет необратимым повреждением умственных способностей.

Некоторые из ранних работ Бинсвангера особенно интересны с этой точки зрения, поскольку они были написаны сразу после его стажировки в Цюрихе, то есть предшествовали наиболее известным его работам, относящимся к «Хайдеггеровскому повороту», преобладавшему в исследованиях Бинсвангера с начала 1930-х годов. Здесь я особенно хотела бы остановиться на тезисах конференции, которые Бинсвангер представил в 1914 году в Кройцлингене по случаю тридцатого собрания Verein schweizerischer Irrenärzte in Munsterlingen and Kreuzlingen (Ассоциации швейцарских психиатров в Мюнстерлингене и Кройцлингене), в том же году они были опубликованы в Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie (Журнал неврологии и психиатрии) [Бинсвангер, 1914]. Статья Бинсвангера вышла под названием Psychologische Tagesfragen innerhalb der klinischen Psychiatrie (Актуальные психологические вопросы в клинической психиатрии). Эта статья стала частью важнейших дебатов в психиатрии Германии того времени, касающихся проблематики нозологии шизофрении, связи статуса и роли, а также психики и биологии в генезисе и эволюции психозов ¹.

В статье 1914 года Бинсвангер выражает методологические и клинические возражения против преобладающих психиатрических моделей начала века и приводит в пример основных авторов, которые в период с 1906 по 1913 год оспаривали, в частности, органическую точку зрения Крепелина: Альфреда Хоша (Alfred Hoche) (1865–1943), Карла Бонхёффера (Karl Bonhoeffer) (1868–1948), Ойгена Блейлера и Карла Ясперса. Все эти психиатры ставили под сомнение проблему «природы» психоза – вопрос, который имеет не только эпистемологическое, но и клиническое значение. Воззрение на природу заболевания действительно влечёт за собой обсуждение не только онтологии патологического, но и некоторых проблем, связанных с определением этиологии, нозологической классификации, а также клинической методологии, подходящей для исследования патологических проявлений. Эти вопросы Бинсвангер разъясняет в своей статье 1914 года, проблематизируя статус *психического* в психопатологии.

Первым автором, упомянутым Бинсвангером, является Альфред Хош. С 1902 года Хош являлся профессором во Фрайбурге и на конференции, проведённой в 1906 году Deutscher Verein für Psychiatrie (Немецкая ассоциация психиатрии) в Мюнхене, он резко критиковал позиции Крепелина, противопоставляя им конструктивистские взгляды, согласно которым психиатрические категории и классификации представляются продуктом человеческой мысли, которая является исторической и условной, а также всегда подчиняется преобладающей научной парадигме [Hoche, 1906].

Работа, упомянутая Бинсвангером в статье, представляет собой текст, написанный Хошем в 1912 году под названием Die Bedeutung der Symptomenkomplexe in der Psychiatrie («Значение симптоматических комплексов в психиатрии»). Этот текст, так же, как и статья Бинсвангера, был опубликован в Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie (Журнал неврологии и психиатрии) [Hoche, 1912]. В нём Хош не только критиковал нозологию Крепелина, но и подвергал сомнению теоретическую парадигму, на которой она была основана, а именно убежденность в том, что психическая болезнь может выражаться «чётко определенными, чистыми и однородными конструкциями» [там же, с. 336], природными объектами, понимаемыми в соответствии с парадигмой физических патологий, анализируемых медицинскими науками. Этой модели Хош противопоставил различие между органическим психозом и «функциональным» психозом. По его мнению, функциональные психозы были нарушениями, не имеющими ничего общего с патологической ана-

---

Раннее слабоумие (dementia praecox) было широко признано благодаря ранее упомянутой Lehrbuch Крепелина, где немецкий психиатр сгруппировал кататонию, гебефрению и параноидальную деменцию, которые до этого рассматривались отдельно, в одну нозологическую единицу [Garrabe 1992; Berrios 1996].

¹ Краткое историческое и библиографическое описание истории концепции психоза см. в [Shepherd and Zangwill, 1986, p. 39–40].

томией не только потому, что психиатрия всё ещё не нашла их органического коррелята, но «потому что они не могут иметь его» [там же, с. 335]. В отдельных случаях функциональные заболевания скорее покажут специфику психических симптомов. Вот почему Хош жаловался, что «наши истории болезни в целом содержат слишком много суждений и недостаточно описаний» [там же, с. 337]. Поэтому он ввёл понятие «симптомокомплексы» (*Symptomenkomplexe*), понимаемое как совокупность индивидуальных психических поведенческих единиц, которые не зависят от анатомопатологического детерминизма, но «подчиняются [своим] собственным законам, и всё же несоизмеримы с материальными процессами» [там же, с. 340].

В 1914 году Бинсвангер соглашается с этой позицией, которая представляет для него явный отказ от *Gehirnpsychiatrie* (Психиатрии мозга). Тем не менее он критикует её в том, что в основе классификации психических расстройств лежит «точка зрения, фиксированная на симптомах», та, которая «снова выдвигает на передний план устаревшее представление, согласно которому психическое является новой и замкнутой на самой себе категорией» [Binswanger, 1914, p. 576].

Несмотря на эту критику, точка зрения Хоша, и особенно концепция *Symptomenkomplexe*, весьма важна для понимания теоретического направления, которому следовал и которое развивал Бинсвангер. Идея, привлекая внимание Бинсвангера, заключается в том, что «психические расстройства организуются сами по себе» [Hoche, 1912, p. 342]. Необходимо иметь в виду эту концепцию самогруппирования или самоорганизации симптомов, поскольку позже мы увидим, что тема самонормативности патологического станет явным теоретическим основанием теории Бинсвангера с 1920-х годов. Эта идея имеет важное значение как с методологической, так и с клинической точки зрения, поскольку, если верно утверждение, что «психические расстройства группируются сами по себе», работа психиатра больше не будет заключаться в категоризации симптомов и внешних патологических форм, а скорее в анализе этих форм «изнутри», о чём Бинсвангер укажет позже [Binswanger, 1932–1933, 1992, p. 171], двигаясь различными путями, которые представляют сами эти феномены, «данными ими самим же себе» [там же, с. 215].

Таким образом, идея самоорганизации психических расстройств, казалось, отвечала на главный вопрос психиатрических дебатов о шизофрении в начале XX века – об онтологии патологического. Главный вопрос звучал так: существует ли «природа» психического заболевания и является ли шизофрения природным явлением или она основана на внешней, теоретической или исторической нормативности? [Roelke, 2000]. Согласно Крепелину, шизофрения была природной, материально обоснованной сущностью, включающей определенные симптомы, которые он считал её естественными границами. Другими словами, норма, которая использовалась для её определения, была фиксированной или природной. Введение проблемы «психического» побуждает психиатрию допустить другой способ рассмотрения нормативности, который может не соответствовать нормативности, признанной органической медициной. Именно для того, чтобы удовлетворить эту потребность в нормативности нового типа, Бинсвангер обращается к феноменологии.

Я не буду заходить настолько далеко, чтобы утверждать, что союз Бинсвангера с феноменологией был «браком по расчёту», как провокационно предположил Герман Э. Берриос (German E. Berrios) относительно «феноменологического» подхода Ясперса [Berrios 1984, 1992] ¹. Скорее, я ограничиваюсь здесь утверждением о том, что то, как

¹ Согласно Берриосу (Berrios), «в результате упадка классической психологии XIX века концептуальные основы описательной психопатологии стали сомнительными и нуждались в обосновании. Феноменология с её акцентом на субъективность и дескриптивизм стала идеальным партнёром. <...> Юношеское красноречие Ясперса создавало впечатление, будто феноменология была задействована, по крайней мере, в конкретной проблеме описания и понимания симптомов. Сравнение клинического значения и использования этих симптомов до и после 1913 г. (года, когда было опубликовано первое издание «Общей психопатологии» Ясперса) показывает, однако, что «феноменологическое» лечение не изменило их все» [Berrios, 1992, p. 321].

Бинсвангер понимает и использует теоретические инструменты феноменологии, отвечает методологической потребности, которую невозможно понять, не обращаясь к психиатрическим дебатам начала XX века.

В статье 1914 года сразу после Хоша Бинсвангер упоминает берлинского профессора Карла Бонхёффера [Neumarker 1990, 2001]. Бонхёффер, в свою очередь, критиковал доктрину Крепелина о *dementia praecox* (раннем слабоумии), противопоставив этиологическому принципу пример функциональных или «симптоматических психозов». Он понимал их как «экзогенные реакции» или «типичную форму психических реакций, которые оказываются относительно независимыми от конкретных форм похаве (патологических факторов)» [Bonhoeffer 1912, p. 106; Binswanger 1914, p. 578]. В 1911 году Бонхёффер усилил эту позицию в статье о психогенных патологических состояниях и процессах, не попадающих под определение истерии (*Wie weit kommen psychogene Krankheitszustände und Krankheitsprozesse vor, die nicht der Hysterie zu rechnen sind?* – «Насколько обширно проявляются психогенные состояния болезни и болезненные процессы, не являющиеся частью истерии?»)

Бинсвангер обсуждал эту статью на конференции в 1927 году, где он указал, что идеи Бонхёффера дают место психологии и её интерпретациям, поскольку он различает психогенные патологические состояния, а именно те патологические состояния, которые вызывают изменения в мозге на чисто психологической основе, и истерические состояния, в которых «под влиянием силы воли <...> происходит диссоциация психических комплексов и постепенно создаётся впечатление, что патологическое состояние исчезнет "если исчезнет сам психологический аспект желания"» [Binswanger, 1928a, 1992, p. 71]. Несмотря на высокую оценку Бонхёффера, Бинсвангер критикует его позицию в том, что она не могла оправдать специфику психического. Он утверждает, что «существует более фундаментальное и определяющее различие, касающееся всей психиатрии и психологии, а именно различие между психофизическим режимом функционирования организма и его изменением, с одной стороны, и "последствиями" содержания психических переживаний, с другой стороны» [там же, стр.73]. Другими словами, согласно Бинсвангеру, Бонхёффер не смог уловить в «типичной форме психических реакций», которую он рассматривал, особую организацию психического и его типичность.

Именно здесь Бинсвангер развивает учение Блейлера *Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien* («Раннее слабоумие или группа шизофрении») [Bleuler, 1911], единственное, которое, по его словам, действительно могло «внести различие между концепцией патологического *процесса* (к которому относятся анатомические изменения мозга и патогенные факторы) и концепцией *реакции* больной психики» [Binswanger, 1914, p. 579]. Бинсвангер уточняет, что это различие не заставляет психиатрию регрессировать к чистому «психологизму» [там же, с. 584], поскольку Блейлер смог совместить два измерения, органического и психического, без догматического выбора того или другого. Блейлеру удалось это посредством различения при психических расстройствах первичных или фундаментальных симптомов, которые заключаются непосредственно в патологическом процессе, и вторичных или психологических симптомов, которые возникают как реакции больного ума на некоторые внутренние и внешние процессы. Вот почему Бинсвангер в 1914 году ставит работу Блейлера на место пересечения подхода Крепелина и чисто психологического подхода в психопатологии [Binswanger, 1914, p. 578].

Блейлер, на самом деле признавая органический патологический процесс в качестве основы первичных симптомов, также признавал, что «мы не знаем, что такое шизофренический процесс» [Bleuler, 1911, 1998, p. 376]. Более того, он утверждал, что «развитие симптомов и патологических процессов не обязательно идут рука об руку» и вполне может быть, что «столкнувшись с одной и той же проблемой мозга, одни пациенты могут выздороветь, а другие могут стать идиотами из-за немного иной психической конституции, отсутствия стимуляции или психической травмы большего воздействия» [там же,

с. 375]. В таком случае полем деятельности психиатра будет психическое, и поэтому Блейлер пришёл к выводу, что «единственной терапией от шизофрении, которую можно было бы рассматривать на данный момент, является терапия психического», хотя «к сожалению, здесь мы ненамного превзошли простой эмпирический подход» [там же, с. 383].

Бинсвангер между психиатрией и психоанализом

Итак, отправная точка исследований Бинсвангера приходится на то время, когда Блейлер критикует «зародышевое состояние психологии» и недвусмысленно утверждает, что ожидает от прояснения «психологических отношений» в области психиатрии «нового взгляда на природу психоза» [Bleuler, 1911, 1998, p. XV].

В то время основной привлекающей внимание Блейлера психологической теорией была, как мы видели, доктрина Фрейда. Психоанализ представлялся методом, который мог бы позволить клиницистам приблизиться к психиатрическим расстройствам «психологическим путём» [Jung, 1908, 1971, p. 181]. По этой причине Бургольцы стала первой клинической психиатрической больницей, применившей психоаналитический подход к лечению шизофрении. Между 1906 и 1911 годами работы Блейлера и Юнга были посвящены рассмотрению во вторичных психиатрических симптомах тех же комплексов и механизмов, которые психоаналитический подход обнаруживал в нормальном психическом функционировании и в частности во время сновидения, а именно, сгущению, смещению и символизму [Bleuler, 1906, 1910, 1911; Jung, 1907, 1908]. Психоанализ позволял Блейлеру совместить медицинскую концепцию каузальности патологии с идеей её *генеза*. Как ясно сказано в его работе о группе шизофреников, «конечно, нет никаких взаимоисключающих отношений между обострением мозговых процессов и запускающим психическим переживанием. Так, в большинстве случаев две причины совпадают и создают психотические симптоматические комплексы» [Bleuler, 1911, 1998, p. 374]¹.

Исходя именно из этой позиции, Бинсвангер в 1913 году вступил в дискуссию с Карлом Ясперсом о проблеме причинности в психиатрии. В этом же году (после публикации «Общей психопатологии» (1913)) Ясперс опубликовал эссе «Каузальные и понятные связи между жизненной ситуацией и психозом при Dementia Praecox (шизофрении)» (Kausale und 'verständliche' Zusammenhänge zwischen Schicksal und Psychose bei der Dementia praecox, Schizophrenie) [Jaspers, 1913a, b]. Для Ясперса, как и для многих психиатров того времени, важным вопросом было определение «реактивного психоза». По его словам, к шизофрении следует подходить с двух точек зрения, которые, хотя и связаны, отличаются друг от друга. Первая точка зрения была, соответственно, каузальной – то есть предполагала наличие эмоционального запускающего момента (триггера), в связи с чем психоз и представляет собой реакцию, вторая же точка зрения касалась «понятных» связей. По мнению Ясперса, ни та, ни другая из этих двух точек зрения не могли полностью объяснить психическое заболевание. Более того, их не следует путать. Другими словами, нет никакого «психического фактора», поскольку психические связи индивидуальны, их можно только интерпретировать, а все интерпретации – не что иное, как предположение. Это означает, что понимание психического в конечном счёте выходит за пределы сингулярности. Таким образом, даже если возможно реконструировать *генезис* определенных психических связей, никто никогда не сможет понять их полностью с чисто рациональной точки зрения, то есть с причинной (каузальной) точки зрения. Поэтому главной мишенью нападок Ясперса стал психоанализ Фрейда, поскольку в нём было спутано понимание психических фактов с их причинным объяснением и на этой основе была разработана теория психики и способов её функционирования, в то время как работа понимания никогда не могла бы привести к появлению теорий.

¹ Для дополнительной информации о прочтении Блейлером Фрейда, см. [De Ridder and Corveleyn, 1992; Hell and Baur, 2006; Dalzell, 2007; Hell et al. 2001; Scharfetter 2001].

В 1913 году Бинсвангер выступает против этой позиции, рассматривая эссе Ясперса в форме некоторых критических замечаний, которые одновременно представляют собой методологическую проблематизацию «основ психологии как науки» [Binswanger, 1913, p. 383] и защиту психоанализа. Блейлер также принимает участие в этих дебатах в 1914 году с эссе «Психическая причинность и волевые действия», где он открыто выступает против Ясперса. Блейлер утверждает, что «между психической и физической причинностью нет принципиальной разницы», поскольку «то, что обычно можно заметить, – это различия не между психической и физической причинностью, а между простой и сложной причинностью, между прямой причинно-следственной связью и причинностью, служащей толчком» [Bleuler, 1914, p. 71].

То есть Бинсвангер утверждает, что если Ясперс не смог найти подходящую форму причинности для психического поля, это не означает, что *никакая* форма причинности невозможна. Согласно Бинсвангеру, Ясперс фактически ограничился рассмотрением любой формы причинно-следственной связи в соответствии с парадигмой физической каузальности, в то время как цель психологии состоит не в том, чтобы повторять шаги естественных наук, а в том, чтобы найти альтернативный метод, чтобы «распутать» и «упорядочить» психические факты и организовать их в общую теорию [Binswanger, 1913, p. 386]. Подобную альтернативную научную парадигму психологии Бинсвангер нашел в доктрине Фрейда. Как мы уже видели, защита психоанализа соответствовала намерениям группы Бургольцы на тот момент. Тем не менее здесь стоит отметить, что доводы, выдвинутые Бинсвангером в пользу метода Фрейда, не базируются на той же «эпистемологической основе»¹, что и обоснования, данные Блейлером и Юнгом в первом десятилетии XX века.

Что Бинсвангеру больше всего нравится в аналитическом методе Фрейда в 1913 году, так это его способность подходить к психическим фактам, следуя их собственной организации, не навязывая извне никаких организующих принципов. Иными словами, «рациональные априорные правила», которые психоанализ обнаруживает в психических переживаниях, формулируются на основе тех же переживаний, из их «мотивационных смысловых связей», как Бинсвангер определит это в начале 1920-х годов [Binswanger, 1924, p. 410]. Согласно трактовке Бинсвангера, выбор клинической психиатрии в пользу методологии Фрейда позволил бы ей отказаться от постулирования абстрактных категорий с тем, чтобы руководствоваться имманентными структурными отношениями и принципами, которые и управляют психическим, а также для того, чтобы дать психиатрам понять это. Так, психоанализ смог наполнить содержанием идею о том, что «понимающая психология» Ясперса признавала в качестве задачи психиатрии, но не смог примирить интуицию *сингулярности* клинического случая с потребностью науки в *генерализации*.

В статье 1914 года Бинсвангер противостоит «той критике, которая ограничена рассмотрением вклада Фрейда простым обогащением наших знаний психологическими связями неврозов и некоторых психозов». На самом деле «отношения, выявленные Фрейдом, вообще не позволяют понять психологически (на манер Ясперса) содержание невроза или психоза, но они скорее предлагают нам взгляд на их глобальную конструкцию, их структуру и их генезис. Фрейд никоим образом не учит нас понимать психозы с психологиче-

---

¹ Это выражение частично соответствует концепции «эпистемологической модели» или «эпистемологической конфигурации» Мишеля Фуко [Foucault 1963, 1966], поскольку оно относит эпистемологию не к наиболее очевидному уровню знания (*connaissance*), основному положению и содержанию, но к его «бессознательному» уровню, который устанавливает, что является «научным» или нет в данную эпоху (*savoir*). С этой точки зрения можно объяснить, как похожие положения и теории могут иметь разную эпистемологическую основу. Тем не менее, в отличие от Фуко, здесь я не стремлюсь заключить, что между двумя различными эпистемологическими рамками существует разрыв. Поэтому я не собираюсь утверждать, что новые критерии научности Бинсвангера представляют собой «эпистемологический прорыв» в отношении психиатрических знаний его времени. Я бы предпочла показать, что на самом деле феноменологический подход Бинсвангера прочно связан с некоторыми идеями, разработанными на основе этих знаний.

ской точки зрения посредством эмпатии (*Einführung*), а скорее показывает нам способ их рационального восприятия с точки зрения естественных наук» [Binswanger, 1914, p. 581].

Стоит прояснить, что Бинсвангер имеет ввиду, говоря «естественные науки». Я думаю, что в данном контексте это не должно пониматься буквально, как отсылка к *эмпирическому*, то есть экспериментальному методу. Как мы видели, Бинсвангер подчеркивает рациональную сторону метода Фрейда. Этот можно считать научным в том смысле, что он учитывает эмпирический уровень *проявлений* поведения для того, чтобы «рационально постичь» их правила, а именно «законы» психического функционирования. Таким образом, согласно Бинсвангеру, теория Фрейда может внести свой вклад в работу клинической психиатрии, поскольку для Бинсвангера психиатрия есть и должна оставаться медицинским знанием, которое «включает две области работы: работу естественнонаучной медицины и психологии» [там же, с. 585]. Хотя позже, начиная с 1930-х годов, Бинсвангер отвергнет материалистический редукционизм теории инстинктов Фрейда. Он продолжит считать наиболее важной в клинической психиатрии идею самоорганизации психического материала, то есть идею о том, что «принцип *порядка*» [Binswanger, 1957, p. 12] или «схема, направленная на упорядочивание симптомов» [там же, с. 27], необходимая психиатру для классификации и диагностики патологического состояния, обеспечивается самим патологическим состоянием.

Таким образом, даже если с 1930-х до второй половины 1950-х годов теоретический контекст и язык подхода Бинсвангера сформированы феноменологией Хайдеггера, в нём можно найти представление, исходящее из блейлеровского прочтения Фрейда, согласно которому организация симптомов болезни структурирована некоторыми психическими *правилами*. По этой причине болезнь следует рассматривать ни с этиологической точки зрения, ни с точки зрения только лишь описания симптомов, а на основе самих этих правил [Bleuler 1911, p. 233]. Более того, поскольку Блейлер считал, что «вторичные симптомы отчасти <...> являются последствиями адаптивных попыток компенсировать первичные нарушения» [там же, с. 372–373], Бинсвангер, в свою очередь, констатирует, что болезнь – это не просто «бес-порядок» структуры бытия-в-мире (*Dasein*), но создание новой структуры, которая представляет собой именно попытку заполнить пробелы в предыдущем структурном порядке [Binswanger, 1957, p. 12].

Теперь необходимо прояснить эту концепцию «структуры» и показать, как Бинсвангер будет использовать её для обоснования критерия научной рациональности реформы, которую он предлагает в психиатрии.

Методологическое значение феноменологии

В рамках исторического и теоретического описания можно лучше понять, какое значение имеет ранняя приверженность Бинсвангера к феноменологии. В первую очередь она была связана с методологической потребностью, которую Бинсвангер наследует от психиатрии начала XX века, стремясь объяснить субъективную природу психических фактов, соблюдая требования объективности научных категорий, а именно психиатрической классификации. Чтобы понять значение концепций «объективность» и «научность» в дискурсе Бинсвангера, будет полезно упомянуть автора, который оказывал влияние на Бинсвангера на протяжении всей его интеллектуальной работы, – Сёрена Кьеркегора (1813–1855)¹.

В клиническом случае, проанализированном в 1940-х годах, – «Дело Эллен Уэст» – Бинсвангер определяет шизофрению как «болезнь ума, которую Кьеркегор, с острой проницаемостью гения, описал и осветил со всех сторон» [Binswanger, 1944; 1958, p. 297].

¹ Кьеркегор на самом деле чаще всего упоминается в работах Бинсвангера. Тем не менее, несмотря на такое внушительное присутствие, роль датского философа в мысли Бинсвангера почти полностью игнорировалась критической литературой. В этой связи я позволяю себе сослаться на мою недавнюю статью «Влияние Кьеркегора на работу Бинсвангера» (Kierkegaard's Influence on Binswanger's Work) [Basso, 2012].

Естественно, мы не можем здесь останавливаться на анализе Кьеркегора. Более того, исторический и теоретический контексты, а также вопросы, исследуемые двумя мыслителями, различны, и, конечно, нельзя сравнивать «психологию» Кьеркегора с «психологией» Бинсвангера. Тем не менее мы хотели бы обратить внимание на некоторые идеи Кьеркегора, которые могут помочь нам лучше понять эпистемологические проблемы Бинсвангера. Одна из этих идей заключается в том, как Кьеркегор понимает «объективность» психологического знания. В анализе концепции тревоги датский философ утверждает, что для того, чтобы заниматься человеческими делами, психология должна быть способна «сконструировать его образец, который, хоть и не будет иметь фактического основания, будет иметь основание другого рода» [Kierkegaard, 1980, p. 54]. Задача психолога, согласно Кьеркегору, состоит в «создании одновременно тотального и инвариантного из того, что в человеке обычно существует частично и изменчиво» [там же, p. 55]. Я думаю, что именно это «основание другого рода» привлекло внимание Бинсвангера, когда он искал новый вид объективности и научности в психиатрии, и именно поэтому в начале 1920-х годов он направил своё внимание на феноменологию.

К подходу Гуссерля, а затем и к аналитике Хайдеггера Бинсвангера привлекла возможность схватывать феномены на основе самих феноменов, помимо «любого косвенного гипостазирования», то есть, как пишет Бинсвангер в своём основополагающем тексте «О феноменологии», «независимо от какой-либо материалистической или чисто этиологической теории или объяснения» [Бинсвангер, 1923, 1992, p. 57]. Одним словом, это и было непосредственно познаваемое «основание», отвечающее потребности в «рациональном» и «неизменном» доказательстве, которое Бинсвангер противопоставлял исключительному эмпиризму и «фактическому основанию», посредством чего академическая психиатрия того времени пыталась приобщиться к медицинским наукам. Бинсвангер именно так понимал концепцию Гуссерля о «сущности». Согласно феноменологическому подходу, применяемому в психопатологии, психолог должен выйти за пределы сингулярных и контингентных психопатологических выражений с тем, чтобы «рассмотреть принцип, который управляет формированием порядка» [Binswanger, 1932–1933, 1992, p. 132]. В этой связи интересен факт того, что Бинсвангер упоминает Кьеркегора снова в эссе «О скачке идей» и указывает на то, что психолог может приникнуть в опыт спутанности идей только, если он способен «проникнуть в экзистенциально-антропологическую структуру» этих идей, то есть в «форму бытия-человеком, которую мы называем беспорядком» [там же].

Бинсвангер определяет феноменологическую концепцию «сущности» при помощи «нормы» или «структуры» психического факта. Самое главное, что такая норма или причина явления, согласно феноменологии, имманентна самому явлению. То есть объяснение феномена всегда имманентно описанию феномена. Согласно Бинсвангеру, норма или объяснение феномена совпадают с самонормативностью, которая определяет то, что он называет «миро-проектом» больного человека. Точнее, такая нормативность или миро-проект – это определенная конфигурация психического, которую можно обнаружить на основе «отношений смысла», управляющих поведением, тем самым делая возможными различные выражения априори. Фактически эти отношения смысла не существуют независимо от сингулярного опыта, и тем не менее они не могут быть сведены к сингулярности опыта, поскольку являются его упорядочивающей схемой или структурой.

Итак, Бинсвангер использует феноменологическую концепцию «сущности», а также хайдеггеровскую концепцию «априорной структуры *Dasein*» в качестве методологических инструментов, направленных на клинические диагностические цели. Такое операциональное или методологическое использование концепции априори особенно отчётливо описано в статье 1946 года «Школа экзистенциального анализа мысли» [Binswanger, 1946]. Здесь Бинсвангер подчёркивает идею о том, что концепция *Dasein* – концепция, которая

у Хайдеггера состоит в онтологическом тезисе ¹, может также использоваться в «практическом экзистенциально-аналитическом исследовании» в качестве методологической «систематической подсказки» для распознавания форм, с помощью которых структурируются патологические «миро-проекты» [Binswanger, 1946, 1958, p. 201]. Бинсвангер отмечает, что *Dasein* проявляется через функционирование, «упорядоченное в соответствии с нормой» – нормой, которую «следует характеризовать позитивно» [Binswanger, 1932–1933, 1992, p. 104]. Как он утверждал в 1946 году: «Если, например, мы можем говорить о маниакальной форме жизни или, скорее, о существовании, это означает, что мы могли бы установить норму, которая охватывает и определяет все способы выражения и поведения, обозначенные нами как "маниакальные". Именно эту норму мы называем "миром" маниакального. <...> Мы достаточно хорошо знаем, что, то-что-есть как таковое, никогда не станет доступным человеку, кроме как в рамках определенного мировоззрения и через него» [Binswanger, 1946, 1958, p. 201].

Бинсвангер подчёркивал эту позицию до второй половины 1950-х годов. В своём исследовании *Drei Formen missgluckten Daseins* («Три формы неудачного существования»), например, он обращается к концепции «сущности» Гуссерля: «Факт следует понимать исходя из его "сущности", которая работает, согласно Гуссерлю, как "непреодолимая норма" факта» [Binswanger, 1956, 1992, p. 411]. «Но, в отличие от Гуссерля, для нас фактичность "природного мира" или "естественного опыта" не исчезает» [там же, p. 398]. Здесь стоит отметить, что Бинсвангер всегда использует феноменологические концепции в контексте «фактичности» или «природного мира». Когда он останавливается на нормативной природе бытия-в-мире, он всегда рассматривает эту нормативность как отличительную черту живого существа. В частности, он подчёркивает идею, исходящую из области неврологии, которая утверждает: то, что должно отображать формы жизни, – это имманентная структура живого существа. В том числе внимание Бинсвангера привлекают теории Курта Гольдштейна (1878–1965) и Виктора фон Вайцеккера (1886–1957) ². Например, в своём эссе 1932–1933 годов «О скачке идей» Бинсвангер упоминает Гольдштейна в следующих выражениях: «Курт Гольдштейн был первым неврологом, <...> который увидел, что "патологическое" поведение можно понять только на основе его "нового бытия в мире"... Джексон (Jackson), Монаков (V. Monakow), Хэд (Head) признавали, что нарушение функции, например, при афазии, происходит не без всяких правил, но развивается в соответствии с определенной нормой.... Таким образом, понятие патологического <...> больше не было выражением чего-то исключительно негативного..., но могло также рассматриваться позитивно, на основе нормы. Гольдштейн утверждает, в частности, что эта позитивность соответствует «новому бытию в мире» (то есть бытию, упорядоченному в соответствии с нормой, смыслом, структурой), которое должно характеризоваться позитивно» [Бинсвангер 1932–1933, 1992, p. 104].

На основе этой идеи Бинсвангер развивает концепцию патологического, которая станет базовой для различных феноменологических течений психиатрии, а именно идею о том, что психопатологические переживания – это не просто дефектные формы здоровья, но новые формы бытия-в-мире. Отсюда следует, что связь, установленная между научной точкой зрения психиатрии и сингулярностью больного человека, представляет собой от-

¹ Согласно Хайдеггеру, «аналитика» онтологических («экзистенциальных») структур *Dasein* («бытие-здесь») является лишь предварительным условием для подхода к «вопросу о бытии» (*Seinsfrage*), в этом и состоит проблема «Фундаментальной онтологии». Фактически, *Daseinsanalytik* Хайдеггера основывается на том, что он называет «онтологическим различием» между Бытием и онтическими сущностями как «существующими в наличном» (*Vorhandensein*). Эту аналитику не следует путать с «онтическим» анализом и пониманием «человека» с точки зрения анализа, проводимого психологией или психиатрией. Вот почему Хайдеггер критикует проект *Dasein*-анализа Бинсвангера, в частности, во время философских семинаров, которые он проводил между 1959 и 1969 годами в Цюрихе [Heidegger, 1987].

² см. [Goldstein 1934; Weizsacker 1940].

ношения, характеризующиеся уважением индивидуальных различий в психиатрических классификациях¹.

Также Бинсвангер ссылается на Виктора фон Вайцзеккера. То, как немецкий физиолог представлен в статье Бинсвангера «Школа мышления экзистенциального анализа», особенно важно для понимания смысла и цели феноменологической концепции *Dasein* или «априорной структуры существования» в «экзистенциальном анализе». В своей самой известной работе – *Der Gestaltkreis* (1940) Вайцзеккер выдвигал возражения против рефлексологии с тем, чтобы заложить основу для «медицинской антропологии», согласно которой «биологические действия» не должны восприниматься просто как фиксированные реакции на стимулы окружающей среды, но как формирование оригинальных «форм» поведения (Weizsäcker 1940). Так, согласно Вайцзеккеру, эти формы являются изменяемой нормой, переменными «диспозициями» или «условиями возможности» для других, будущих форм. Ссылаясь на теорию нормативной структуры поведения Вайцзеккера, Бинсвангер подчеркивает тот факт, что подобная норма или «фундаментальное условие не может быть узнано непосредственно, потому что оно не может само по себе стать объектом», поскольку скорее «это "высшая апелляционная инстанция", сила, которую можно воспринимать либо как бессознательную зависимость, либо как свободу». [Binswanger, 1946, 1958, p. 199].

Именно это фундаментальное условие, которое не может стать объектом, Бинсвангер переводит в термины хайдеггеровского «бытия-в-мире» или «априорной структуры *Dasein*». Таким образом, «феноменизация» онтологической аналитики Хайдеггера, выработанная в Бинсвангеровском анализе *Dasein*, будет заключаться в концепции «структуры» или «имманентной нормативности» поведения, заимствованной из областей неврологии и физиологии. Другими словами, Бинсвангер заимствует у Хайдеггера не «онтологическое» как таковое, а скорее разрыв, установленный Хайдеггером между уровнем «фактического» и уровнем «экзистенциального», который немецкий философ идентифицировал с онтологией, тогда как Бинсвангер отождествляет его со «структурой» или «формой» «миро-проектов» пациентов. Таким образом, экзистенциальная аналитика Хайдеггера переводится Бинсвангером в анализ «априорной структуры» поведения или «форм существования», которые являются условием, делающим существование возможным и в то же время объясняющим его, вместо того, чтобы сводить к принятой категории из классических психиатрических классификаций.

---

¹ Я считаю, что это этическое ядро феноменологического подхода психиатрии, этика, которую нельзя отделить от эпистемологической рефлексии. Другими словами, в философской психиатрии философия не формирует психиатрию извне с помощью уже данных предписаний, а скорее принимает форму эпистемологической рефлексии, которая не может быть отделена от конкретного и исторического медицинского знания, которое служит её основанием. В этом отношении стоит вспомнить «философскую биологию», изложенную Жоржем Кангилхемом (Georges Canguilhem) (1904–1995) в его диссертации о нормальном и патологическом, идеи которой также связаны с медицинским мышлением Гольдштейна. Согласно Кангилхему, «если мы можем говорить о нормальном человеке, по определению физиолога, это потому, что нормативные люди существуют для тех, для кого нормально нарушать нормы и устанавливать новые» [Canguilhem, 1972, 1989, p. 164]. Вот почему концепция биологической нормативности для человека в конечном итоге является этической концепцией [Debru 2011]. Интересно, что в этом месте Кангилхем приводит в пример патологическую нормативность в том виде, в каком она появилась в области экзистенциальной психопатологии, тем самым упоминая идеи одного из самых значимых французских психиатров первой половины прошлого века Эжена Минковского (1885–1972): «Нормальный человек — это не среднее, коррелятивное с социальным понятием, это не суждение о реальности, а, скорее, ценностное суждение; это ограничивающее понятие, определяющее максимальные психические способности существа. Нет верхнего предела нормальности» [Canguilhem, 1972, 1989, p. 119] см. [Minkowski, 1938]. Именно на этом основании Кангилхем мог заключить, что при этих условиях «мы считаем достаточным заменить "психическое" на "физическое", чтобы получить правильное определение концепции нормального, которое физиология и медицина органических заболеваний используют каждый день, не утруждаясь тем, чтобы точно определить его значение» [там же].

В этом отношении стоит отметить, что Бинсвангер в начале 1930-х годов, во время его интереса к философии Хайдеггера, подчёркивал методологическое совпадение между естественными науками и гуманитарными науками. Как он утверждает в своем эссе 1933 года «О скачке идей», «для той гармонии, которая назревает в настоящее время между методами естественных и гуманитарных наук, хорошим знаком является то, что философ достигает тех же методических результатов, что не только психиатр, исследующий экзистенциальную структуру психоза, но также биолог и невролог, думающие о "биологическом" в полном смысле этого слова» [Бинсвангер, 1933, 1992, р. 209].

Действительно, стоит взглянуть на научные ссылки Бинсвангера между концом 1920-х и началом 1930-х годов, когда он обращается к феноменологии. Например, в обзоре, написанном в 1928 году на работу Эжена Минковски по шизофрении [Minkowski, 1927], Бинсвангер отмечает, что феноменологическое направление, принятое Минковски посредством его ссылки на Гуссерля, является частью более широкого научного движения, направленного на «понимание формы» (Gestaltauffassung), движения, которое включает также «психологию [Wertheimer, Kohler, Koffka, Michotte etc.], биологию [Buytendjik, Plessner etc.] и психопатологию [Goldstein, Gelb, Schilder, Eliasberg, Feuchtwanger, Bouman, Grunbaum etc.]» [Binswanger, 1928a, р. 161]. Это направление исследования, которого, безусловно, стоило бы придерживаться для обоснования эпистемологических вопросов, лежащих в основе феноменологической реформы психиатрии Бинсвангера.

Современные эпистемологические вопросы феноменологической психиатрии

Итак, как мы видели, концепция Бинсвангера о «структуре» существования, хотя и укоренена в биологии, не может быть сведена к физическим определениям, поскольку это «трансцендентное» условие возможности существования. Но это и не только теоретическая концепция, поскольку она возникает из биологического акта. Таким образом, концепция «структуры» позволяет психиатрии Бинсвангера отказаться от концепции нозологической категории, чтобы высвободить от сингулярного феномена и от психического факта его имманентное объяснение. Феноменологические поиски Бинсвангера «сущности» психопатологических явлений представляют собой теоретическое и методологическое развитие концепций психиатрии его времени. Согласно Бинсвангеру, психические заболевания не зависят только от анатомопатологического детерминизма, но подчиняются своим законам. Эти законы как раз и являются тем способом, которым «группируются психические расстройства», и в то же время они соответствуют психопатологическим категориям, определяющим их. С эпистемологической точки зрения, мы можем отнести к Бинсвангеру идею о том, что научные категории не являются ограниченной областью знания, скорее, они тесно переплетены с историческим, воплощённым и встроенным опытом, который в то же время сопротивляется категоризации и подвергает проверке её достоверность. Посредством возвращения науки к жизненному миру – «назад к вещам» – к категориям, призванным объяснить его, Бинсвангер попытался уравновесить требования объективности психиатрии как медицинской науки с её конститутивным участием в субъективной, исторической и проживаемой жизни.

Итак, это ответ на вопрос о значении слова «научность» в эпистемологическом проекте Бинсвангера. Как сказала бы историк науки Энн Харрингтон, это вопрос «разочарованной науки», своего рода рациональности, которая переосмысливает методологические стандарты науки между XIX и XX веками и трансформирует психиатрию, «отдавая долж-

ное немеханистической, богатой ценностями реальности организменного существования, оставаясь при этом строго критической и эмпирической» [Harrington, 1996, p. 162]¹.

Эпистемологическая проблема формулирования «науки об индивидууме» является одной из величайших проблем современной медицины. В этом отношении особенно интересно отметить, как некоторые современные исследования в области нейробиологии, основанные на предположении, что эпигенетические правила не могут полностью исчерпать богатство, сложность и индивидуальную историю нейронных сетей, используют концепцию «структуры», чтобы объяснить совместное возникновение разума и мира. Эта концепция используется как операциональная для объяснения индивидуального и в то же время природно-априорного естества воплощенного человеческого существа, живущего в-мире. Учитывая как разнообразие, так и типичность мозговой активности, концепция структуры отвечает двойному требованию динамического согласования науки и истории, объективности и субъективности. Поскольку в основе опыта лежат исторические процессы, наука может только «предоставить нам структурные условия бытия мира и нашего бытия» [Edelman, 2006, p. 157].

В этом научном контексте согласованность и непрерывность, которые ранний подход Бинсвангера к психопатологии признаёт между разумом и жизнью посредством концепции «структуры», остаются актуальными в продолжающихся дебатах об отношениях между эмпирической наукой о жизни и философией разума, в рамках которых феноменологический подход к опыту и субъективности приобретает всё большее значение. В настоящее время мы действительно наблюдаем возрождение феноменологии в некоторых направлениях психиатрии и психопатологии, близких к когнитивным наукам и нейробиологии. Тем не менее, *Dasein*-анализ Бинсвангера по большей части игнорируется в пользу феноменологического подхода, который принимает скорее гносеологическую ориентацию, чем экзистенциальную [Parnas, Zahavi, 2000, 2002]. Поскольку Бинсвангер считается наиболее верным наследником антинатурализма Гуссерля, он является символическим представителем типично континентального антропологического подхода, который явно не соответствует этому новому «научному повороту», направленному на пересмотр потенциала феноменологии в гносеологической и онтологической преемственности естественных наук [Petitot et al., 2002; Zahavi, 2004]. Вместо обращения к психопатологии, основанной на феноменологии, новая психиатрия предпочитает возвращаться к философским источникам, таким как Гуссерль, Хайдеггер и Мерло-Понти (1908–1961), чтобы обосновать методологические инструменты «редукции» и «описания» в вопросе научного изучения данных в опыте измерений (*dimensions*) субъективности, сознания и познания [Gallagher, Zahavi, 2008; Parnas, Sass, 2008].

Я считаю, что нынешний отказ от двойного редукционизма Дильтея, а также интеграция феноменологии с требованиями философии разума о проблематическом рассмотрении различных исторических форм и значений «натурализма» могут быть идеальными рамками для пересмотра и переоценки междисциплинарного открытия эмпирических наук, которое характеризовало феноменологическую реформу психиатрии с момента её

---

¹ Выражение Харрингтон «разочарованная наука» явно отсылает к замечаниям Макса Вебера, согласно которым определенный вид механистической науки «разочаровал мир». Главный тезис исследования Харрингтон состоит в том, что в первые десятилетия XX века часть немецкоговорящих учёных, например, гештальт-психологи, нейропсихиатр Курт Гольдштейн (Kurt Goldstein) или некоторые «философы жизни», такие как Людвиг Клагес (Ludwig Klages) – и это лишь некоторые из них – «не верили, что процесс разочарования посредством науки будет продолжаться. Вместо этого эти люди (биологи, неврологи и психологи) утверждали, что постоянная приверженность ответственной науке совместима с этической и экзистенциально значимой картиной человеческого существования.... Эти учёные по-разному утверждали, что преобразованная биология и психология (та, которая рассматривала явления менее атомистично и более “холлистично”, менее механистически и более “интуитивно”) может привести к повторному открытию способствующих развитию отношений с миром природы» [Harrington, 1996, p. XVI].

зарождения. Концепция «структуры», как она была сформулирована, в частности, в контексте *Dasein*-анализа Бинсвангера, актуальна в продолжающихся дебатах о «натурализации феноменологии» и её попытках преодолеть разрыв между субъективным опытом и биологией. Тесно переплетённая с целостными взглядами неврологов и физиологов, таких как Курт Гольдштейн, Виктор фон Вайцеккер и Фредерик Дж. Дж. Байтендейка (Frederik J.J. Buytendijk) (1887–1974), концепция «структуры феноменов жизни» была действительно решающей в доказательстве Бинсвангера того, что в области биологической жизни феноменологическое понимание «причины» или «сущности» явлений присуще, как правило, их внутренней организации. Более того, поскольку структура функционирует как общая категория, которая тем не менее воплощена и встроена в индивидуальность, Бинсвангер придал феноменологическому объяснительному диспозитиву «трансцендентального» фундаментально историческое и прагматическое измерение. Предлагая возможность пересмотреть феноменологическую традицию, чтобы найти новые пути научных, но не редуционистских подходов к проблеме субъективных измерений опыта, подход Бинсвангера мог бы помочь ответить на посткогнитивную потребность в «не претендующей на окончательность аргументации, которая в то же время была бы обоснована и не попадала в ловушку культурного релятивизма» [Leidlmaier 2009, p. X].

Концепция структуры как раз лежит в основе нынешнего «требования переоценки когнитивной революции в науке о разуме» [там же, с. VII]. Такая революция состоит в новом способе понимания этой концепции, а именно её *дискриптивно-эксплицитной* функции. В процессе перехода от когнитивной компьютерной модели разума к потребности в модели, которая учитывает ситуацию психической жизни в телесном и земном мире, необходима научная теория, не являющаяся ни просто «метафорическим переносом» с определённого теоретического поля на соответствующую область реальности (Hutchins, 1995), ни «редукцией» одного к другому, но которая бы учитывала совместное возникновение разума и мира. Именно это и находится под угрозой в современных попытках натурализации феноменологии.

Теперь возникает следующий вопрос: можно ли считать попытку Бинсвангера объяснить субъективность по аналогии с биологическими актами успешной стратегией преодоления объяснительного разрыва между разумом и природой? Это важный вопрос, который здесь невозможно решить. Переоценка исторической и эпистемологической основы ранних идей Бинсвангера в данной работе была предназначена для того, чтобы избавить его феноменологический подход от предрассудков и обвинений в принадлежности к философской антропологии, продвигающей общую «экзистенциалистскую» теорию человека. Но она также могла бы способствовать развитию анализа той роли, которую феноменология всё ещё может играть в области психопатологии.

References

- Akavia N., Hirschmuller A. 2007. Ellen West, Gedichte, Prosatexte, Tagebuecher, Krankesgeschichte. Kroning, Asanger [Ellen West, poems, prose texts, diaries, medical history. Kroning, Asanger].
- Basso E. 2012. Ludwig Binswanger. Kierkegaard's Influence in Binswanger's thought. In Kierkegaard research. Sources, reception, and resources, Section II: Kierkegaard's reception, Vol. 13: Kierkegaard's influence on social sciences, ed. Jon Stewart, 29–53 Aldershot, Ashgate.
- Bayle A.L.J. 1822. Recherches sur l'araignee chronique. Inaugural dissertation. Paris, Masson.
- Berrios G.E. 1984. Descriptive psychopathology: Conceptual and historical aspects. *Psychological Medicine*, 14: 303–313.
- Berrios G.E. 1992. Phenomenology, psychopathology and Jaspers: A conceptual history. *History of Psychiatry*, 3: 303–327.
- Berrios G.E. 1993. Phenomenology and psychopathology: Was there ever a relationship? *Comprehensive Psychiatry*, 34: 213–220.
- Berrios G.E. 1996. The history of mental symptoms. Descriptive psychopathology since the nineteenth century. Cambridge, Publ. Cambridge University Press.

- Benzenhofer U. 1993. *Psychiatrie und Anthropologie in der ersten Hälfte des 19. Jahrhunderts* [Psychiatry and anthropology in the first half of the 19th century]. Tübingen, Publ. Guido Pressler.
- Besoli S. (ed.). 2006. *Ludwig Binswanger. Esperienza della soggettività e trascendenza dell'altro. I margini di un'esplorazione fenomenologico-psichiatrica* [Experience of the subjectivity and transcendence of the other. The margins of a phenomena-menological-psychiatric exploration]. Macerata, Publ. Quodlibet.
- Binswanger L. 1907–1908. *Über das Verhalten des psychogalvanischen Reflex Phänomens beim Assoziations-Experiment* [On the Psychogalvanic Phenomenon in Association Experiment]. *Diagnostische Assoziationsstudien, XI, Jahrbuch für Psychologie und Neurologie*, 1907–8, 10: 149–181; 1908, 11: 65–95, 133–153.
- Binswanger L. 1909. *Versuch einer Hysterie-analyse* [Attempt at an analysis of hysteria]. *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen*, 1(1): 174–318; 1(2): 319–356.
- Binswanger L. 1913. *Bemerkungen zu der Arbeit Jaspers' "Kausale und 'verständliche' Zusammenhänge zwischen Schicksal und Psychose bei der Dementia praecox (Schizophrenie)"* [Comments on Jaspers' work "Causal and 'understandable' connections between fate and psychosis in dementia praecox (schizophrenia)"]. *Internationale Zeitschrift für ärztliche Psychoanalyse*, 1: 383–390.
- Binswanger L. 1914. *Psychologische Tagesfragen innerhalb der klinischen Psychiatrie* [Psychological issues of the day within clinical psychiatry]. *Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie*, 26: 574–599.
- Binswanger L. 1923. *Über Phänomenologie* [About phenomenology]. *Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie*, 82: 10–45; *Ausgewählte Werke in vier Bänden*, vol. 3, *Vorträge und Aufsätze*, ed. M. Herzog, Heidelberg, Publ. Asanger, 1992: 35–69.
- Binswanger L. 1924. *Welche Aufgaben ergeben sich für die Psychiatrie aus den Fortschritten der neueren Psychologie?* [What tasks arise for psychiatry from the advances in recent psychology?]. *Zeitschrift für gesamte Neurologie und Psychiatrie* 91(3–5): 402–436; *Ausgewählte Vorträge und Aufsätze*, vol. 2: *Zur Problematik der psychiatrischen Forschung und zum Problem der Psychiatrie* [On the problem of psychiatric research and on the problem of psychiatry], Bern, Publ. Franke: 111–146.
- Binswanger L. 1928a. *Lebensfunktion und innere Lebensgeschichte* [Vital function and inner life history]. *Monatsschrift für Psychiatrie und Neurologie* 68: 52–79; *Ausgewählte Werke*, vol. 3: *Vorträge und Aufsätze*, ed. M. Herzog, Heidelberg, Publ. Asanger: 71–94.
- Binswanger L. 1928b. *Review of E. Minkowski, La Schizophrenie* [The Schizophrenia]. *Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie*, 22: 158–163.
- Binswanger L. 1928c. *Wandlungen in der Auffassung und Deutung des Traumes, von den Griechen bis zur Gegenwart* [Changes in the conception and interpretation of dreams, from the Greeks to the present]. Berlin, Publ. Springer.
- Binswanger L. 1932–1933. *Über Ideenflucht* [About flight of ideas]. *Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie* 27(2): 203–217; 28(1–2): 18–26, 183–202; 29(1): 193 ff.; 30(1): 68–85; Zurich, Orel Fussli, 1933; *Ausgewählte Werke*, vol. 1: *Formen missglückten Daseins*, ed. M. Herzog, Heidelberg, Publ. Asanger, 1992: 1–231.
- Binswanger L. 1944–1945. *Der Fall Ellen West. Eine anthropologisch-klinische Studie* [The case of Ellen West. An anthropological clinical study]. *Schweizer Archiv für Neurologie und Psychiatrie* 53: 255–277; 54: 69–117, 330–360; 55: 16–40. *Nowin Ausgewählte Werke in vier Bänden*, ed. Hans-Jürg Barun, Heidelberg: Asanger 1992–1994, vol. 4: 73–209. (English trans.: *The Case of Ellen West*. In *Existence – A new dimension in psychiatry and psychology*, ed. Rollo May, Ernest Angel, and Henri F. Ellenberger, New York, Publ. Basic Books, 1958: 237–364).
- Binswanger L. 1946. *Über die daseinsanalytische Forschungsrichtung in der Psychiatrie* [About the existential analytical research direction in psychiatry]. *Schweizer Archiv für Psychiatrie und Neurologie* 57: 209–235; *Ausgewählte Werke*, vol. 3: *Vorträge und Aufsätze*, ed. M. Herzog, Heidelberg: Asanger, 1994, 231–257 (English translation by Ernest Angel, *The existential analysis school of thought*. In *Existence. A new dimension in psychiatry and psychology*, ed. R. May, E. Angel, and H. F. Ellenberger, New York, Basic Books, 1958: 191–212).
- Binswanger L. 1956. *Drei Formen missglückten Daseins* [Three forms of failed existence]. Tübingen: Niemeyer; *Ausgewählte Werke in vier Bänden*, vols. 1–4, ed. Hans-Jürg Barun, Heidelberg, Publ. Asanger 1992, vol. 1.

- Binswanger L. 1957. Schizophrenie [Schizophrenia]. Pfullingen, Publ. Neske. Binswanger, L., and S. Freud. 1992. Briefwechsel: 1908–1938 [Correspondence 1908–1938] Ed. Gerhard Fichtner, Frankfurt a. M., Publ. Fischer.
- Bleuler E. 1906. Freudsche Mechanismen in der Symptomatologie von Psychosen [Freudian mechanisms in the symptomatology of psychoses]. *Psychiatrisch-neurologische Wochenschrift* 8: 316–318; 323–325; 338–340. Bleuler, E. 1910. Die Psychoanalyse Freuds. Verteidigung und kritische Bemerkungen [Freud's psychoanalysis. Defense and critical remarks], *Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen*, 3: 623–730; Deuticke: Leipzig, 1911.
- Bleuler E. 1911. Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien [Dementia praecox or group of schizophrenias]. Leipzig, Publ. Deuticke; Tubingen, Publ. Edition Diskord 1998. Bleuler, E. 1914. Psychische Kausalität und Willensakt [Psychic causality and act of will]. *Zeitschrift für Psychologie und Physiologie des Sinnesorgane* 69: 30–72.
- Bonhoeffer, K. 1908. Zur Frage der exogenen Psychosen [On the question of exogenous psychoses]. *Zentralblatt für Nervenheilkunde und Psychiatrie* 20: 499–505. Bonhoeffer, K. 1911. Wie weit kommen psychogene Krankheitszustände und Krankheitsprozesse vor, die nicht der Hysterie zu rechnen sind? [To what extent do psychogenic disease states and disease processes occur that are not to be counted as hysteria?] *Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie* 68: 371–386.
- Bonhoeffer K. 1912. Die symptomatische Psychosen im Gefolge von akuten Infektionen und inneren Erkrankungen [The symptomatic psychoses in the wake of acute infections and internal diseases]. In *Handbuch der Psychiatrie*, ed. G. Aschaffenburg, 1–118, 3. Abteilung, 1. Hälfte, Leipzig-Wien. Deuticke.
- Bormuth M. 2006. Life conduct in modern times. Karl Jaspers and psychoanalysis. Berlin, Publ. Springer, chap. 2: The critique of psychoanalysis 1913–1920, 7–35.
- Cabestan Ph. and F. Dastur. 2011. Daseinsanalyse. Paris, Publ. Vrin. Canguilhem, G. 1972. *Le normal et le pathologique*. Paris: PUF (English trans: Caroline, R. Fawcett, Robert S. Cohen, *The Normal and the Pathological*, New York: Zone Books, 1989). Castel, P. H. 1998. Introduction à ‘L’interprétation du rêve’ de Freud: une philosophie de l’esprit inconscient [Introduction to Freud's "The Interpretation of Dreams": A Philosophy of the Unconscious Mind]. Paris, Publ. P.U.F.
- Charbonneau G. 2010. Introduction à la psychopathologie phénoménologique [Introduction to phenomenological psychopathology], 2 vol. Paris, Publ. MJW Fedion. Courtine, J.-F.(ed.). 1992. *Figures de la subjectivité. Approches phénoménologiques et psychiatriques* [Figures of subjectivity. Phenomenological and psychiatric approaches]. Paris: Centre national de la recherche scientifique.
- Dalzell, T.G. 2007. Eugen Bleuler 150: Bleuler’s reception of Freud. *History of Psychiatry* 18(4): 471–482.
- Daston L. and P. Galison. 2007. *Objectivity*. New York. Zone Books.
- De Monticelli R. 1994. Binswanger et le pari de la phénoménologie psychiatrique [Binswanger and the wager of psychiatric phenomenology]. *Les Etudes Philosophiques* 1(2): 215–231.
- De Ridder H. and J. Corveleyn. 1992. Eugen Bleuler (1857–1939) und die Psychoanalyse [Eugen Bleuler (1857–1939) and Psychoanalysis]. *Zeitschrift für klinische Psychologie, Psychopathologie und Psychotherapie* 60(3): 246–262.
- Debru C. 2011. The concept of normativity from philosophy to medicine: An overview. *Medicine Studies* 3: 1–7.
- Edelman G.M. 2006. *Second nature. Brain science and human knowledge*. New Haven, Publ. Yale University Press.
- Ellenberger H. 1951. La psychiatrie suisse [Swiss psychiatry]. *L’Evolution psychiatrique* 1: 321–354.
- Foucault M., 1963 (1972). *Naissance de la clinique. Une archéologie du regard médical* [Birth of the clinic. An archeology of the medical gaze]. Paris, Publ. P.U.F.
- Foucault M. 1966. *Les mots et les choses* [Words and things]. Paris, Publ. Gallimard.
- Freud S., and C.G. Jung. 1974. Briefwechsel [Correspondence]. ed. William McGuire and Wolfgang Sauerlander, Frankfurt a. M., Publ. Fischer.
- Gallagher S., and D. Zahavi (eds.). 2008. *The phenomenological mind. An introduction to philosophy of mind and cognitive science*. New York, Publ. Routledge.
- Garrabe J. 1992. *Histoire de la schizophrénie* [History of schizophrenia]. Paris, Publ. Seghers.

- Goldstein K. 1934. *Der Aufbau des Organismus. Einführung in die Biologie unter besonderer Berücksichtigung der Erfahrungen am kranken Menschen* [The structure of the organism. Introduction to biology with special reference to experiences with sick people]. Haag, Publ. M. Nijhoff.
- Gros C. 2009. *Ludwig Binswanger. Entre phenomenologie et experience psychiatrique* [Ludwig Binswanger. Between phenomenology and psychiatric experience]. Paris: Editions De La Transparence.
- Harrington A. 1996. *Reenchanted science. Holism in German culture from Wilhelm II to Hitler* [Re-enchanted science. Holism in German culture from Wilhelm II to Hitler]. Princeton, Publ. Princeton University Press.
- Hecker E. 1871. *Die Hebefrenie. Ein Beitrag zur klinischen Psychiatrie* [The hebephrenia. A contribution to clinical psychiatry]. *Archiv für pathologische Anatomie und Physiologie und klinische Medizin* 52: 394–429.
- Heidegger M. 1987. *Zollikoner Seminare, Protokolle-Gespräche-Briefe* [Zollikon seminars, protocols-conversations-letters]. ed. Medard Boss, Frankfurt a. M., Publ. Klostermann.
- Hell D., and N. Baur. 2006. *Wie das psychodynamische Denken ins Burgholzli Einzug hielt* [How psychodynamic thinking found its way into the Burgholzli]. In *Psychoanalyse und Psychiatrie. Geschichte, Krankheitsmodelle und Therapienpraxis*. ed. H. Bocker, 33–40. Heidelberg, Publ. Springer Medizin.
- Hell D., C. Scharfetter, and A. Möller (eds.). 2001. *Eugen Bleuler. Leben und Werk* [Eugene Bleuler. life and work]. Bern, Publ. Huber.
- Herzog M. 1994. *Weltentwürfe: Ludwig Binswangers phänomenologische Psychologie* [World designs: Ludwig Binswanger's phenomenological psychology]. New-York: De Gruyter. Herzog, M. 1995. *Ludwig Binswanger und die Chronik des Klinik «Bellevue» in Kreuzlingen. Eine Psychiatrie in Lebensbildern* [Ludwig Binswanger and the chronicle of the "Bellevue" clinic in Kreuzlingen. A Psychiatry in Life Pictures]. Quintessenz, Publ. Berlin.
- Hirschmüller A. and M. Whitrow. 1999. *The development of psychiatry and neurology in the nineteenth century*. *History of Psychiatry* 19: 395–423.
- Hoche, A. 1906. *Kritisches zur psychiatrischen Formenlehre* [Critical to the psychiatric theory of forms]. *Allgemeine Zeitschrift für Psychiatrie*. 63: 559–563.
- Hoche A. 1912. *Die Bedeutung der Symptomenkomplexe in der Psychiatrie* [The importance of symptom complexes in psychiatry]. *Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie* 12: 540–551 (English trans. R. G. Denning and T. R. Denning, "The Significance of Symptom Complexes in Psychiatry", *History of Psychiatry*, 2, 1991: 334–343).
- Hutchins E. 1995. *Cognition in the wild*. Cambridge, Publ. The MIT Press.
- Jaspers K. 1913. *Allgemeine Psychopathologie. Ein Leitfaden für Studierende, Ärzte, und Psychologen* [General psychopathology. A guide for students, physicians, and psychologists]. Berlin, Publ. Springer.
- Jaspers K. 1913. *Kausale und «verständliche» Zusammenhänge zwischen Schicksal und Psychose bei der Dementia praecox (Schizophrenie)* [Causal and "understandable" connections between fate and psychosis in dementia praecox (schizophrenia)]. *Zeitschrift für die gesamte Neurologie und Psychiatrie* 14: 158–263; *Gesammelte Schriften über Psychopathologie*, Berlin. Publ. Springer 1963: 329–413.
- Jung C.G. 1907. *Über die Psychologie der Dementia praecox* [On the psychology of dementia praecox]. Halle, Publ. Marhold; *Gesammelte Werke von Carl Gustav Jung*, vol. 3: *Psychogenese der Geisteskranken*, Freiburg im B. Olten 1971.
- Jung C.G. 1908 (1914). *Der Inhalt der Psychose* [The content of the psychosis], Leipzig-Wien: Deuticke; *Die Gesammelte Werke von Carl Gustav Jung*, vol. 3: *Psychogenese der Geisteskranken*, Freiburg im B. Olten 1971.
- Kahlbaum K.L. 1874. *Die Katatonie oder das Spannungsirre-sein. Eine klinische Form psychischer Krankheit* [The catatonia or being insane with tension. A clinical form of mental illness]. Berlin, Publ. Hirschwald.
- Kierkegaard S. 1980. (1844). *The concept of anxiety*, English trans. R. Thomte and A.B. Anderson. Princeton, Princeton University Press.

- Kraepelin E. 1899. *Psychiatrie: Ein Lehrbuch für Studierende und Ärzte* [Psychiatry: A textbook for students and physicians]. Leipzig, Publ. Barth.
- Lanzoni S. 2003. An epistemology of the clinic: Ludwig Binswanger's phenomenology of the other. *Critical Inquiry* 30: 160–186.
- Lanzoni S. 2005. The enigma of subjectivity: Ludwig Binswanger's existential anthropology of mania. *History of the Human Sciences* 18(2): 23–41.
- Lanzoni S. 2006. Diagnosing with feeling: The clinical assessment of Schizophrenia in early twentieth-century European psychiatry. *Medicine, Emotion and Disease, 1700–1950*, ed. F. Bound Alberti, 169–190. Basingstoke, Publ. Palgrave Macmillan.
- Leidlmair K. 2009. (ed.), *After cognitivism. A reassessment of cognitive science and philosophy*. Dordrecht, Publ. Springer.
- Maeder A. 1909. Une vie nouvelle en psychologie. Freud et son école [A new life in psychology. Freud and his school]. *Coenobium* 1(3): 97–115.
- Minkowski E. 1927. *La schizophrénie. Psychopathologie des schizoïdes et des schizophréniques* [Schizophrenia. Psychopathology of schizoids and schizophrenics]. Paris, Publ. Payot.
- Minkowski E. 1938. A la recherche de la norme en psychopathologie [In search of the norm in psychopathology]. *L'Évolution Psychiatrique* 1: 67–91.
- Morel B.-A. 1860. *Traité des maladies mentales* [Treatise on mental illnesses]. Paris: Masson. Moses, A., and A. Hirschmuller. 2004, *Binswangers psychiatrische Klinik Bellevue in Kreuzlingen: das Asyl unter Ludwig Binswanger sen., 1857–1880*. Frankfurt a. M., Publ. Lang.
- Neumarker K.-J. 1990. *Karl Bonhoeffer: Leben und Werk eines deutschen Psychiaters und Neurologen in seiner Zeit* [Karl Bonhoeffer: Life and work of a German psychiatrist and neurologist in his time]. Berlin, Publ. Springer.
- Neumarker K.-J. 2001. Karl Bonhoeffer and the concept of symptomatic psychoses. *History of Psychiatry* 12: 213–226.
- Parnas J., and D. Zahavi. 2000. The link: Philosophy-psychopathology-phenomenology. In *Exploring the self*, ed. D. Zahavi, 1–16. Amsterdam, Publ. John Benjamins Publishing Company.
- Parnas J. and L.A. Sass. 2008. Varieties of 'phenomenology': On description, understanding, and explanation in psychiatry. In *Philosophical issues in psychiatry. Explanation, phenomenology, and nosology*, ed. K. Kendler, J. Parnas, 239–284. Baltimore, Publ. The John Hopkins University Press.
- Parnas J. and D. Zahavi. 2002. The role of phenomenology in psychiatric diagnosis and classification. In *Psychiatric diagnosis and classification*, eds., M. Maj, W. Gabel, J.J. Lopez Ibor and N. Sartorius, 137–162. New York, Publ. Wiley.
- Passie T. 1995. *Phänomenologisch-anthropologische Psychiatrie und Psychologie. Eine Studie über den «Wengener Kreis»: Binswanger, Minkowski, Von Gebsattel, Straus* [Phenomenological-anthropological psychiatry and psychology. A study of the "Wen-gener circle": Binswanger, Minkowski, Von Gebsattel, Straus]. Stuttgart, Publ. Guido Pressler.
- Petitot J., Varela F.J., Pachoud, B., and Roy, J.-M. 2002. Comblant le déficit: introduction à la naturalisation de la phénoménologie [Filling the gap: introduction to the naturalization of phenomenology]. In *Naturaliser la phénoménologie. Essais sur la phénoménologie contemporaine et les sciences cognitives*, 1–100. Paris, Publ. CNRS Editions.
- Pick A. 1891. Über primäre chronische Dementia (so. Dementia praecox) im jugendlichen Alter [On primary chronic dementia (see above. Dementia praecox) in young age]. *Prager medizinische Wochenschrift* 16: 312–315.
- Roelke V. 2000. Naturgegebene Realität oder Konstrukt? Die Debatte über die «Natur» der Schizophrenie, 1906 bis 1932 [Natural reality or construction? The debate about the "nature" of schizophrenia, 1906 to 1932]. *Fundamente Psychiatrica* 2: 44–53.
- Scharfetter C. 2001. *Eugen Bleuler: Studie zu seiner Psychopathologie und Schizophrenielehre* [Eugen Bleuler: Study on his psychopathology and schizophrenia theory. Zurich, Publ. Juris Druck.
- Shamdasani S. 2005. *Jung and the making of modern psychology. The dream of a science* [Jung and the making of modern psychology. The dream of a science]. Cambridge, Publ. Cambridge University Press.
- Shepherd M. and O.L. Zangwill (eds.). 1986. *Handbook of psychiatry, vol. 1: General psychopathology*. Cambridge, Publ. Cambridge University Press.

- Verwey G. 1985. Psychiatry in an anthropological and biological context: Philosophical presuppositions and implications of German psychiatry, 1820–1870. English trans. L. Richards, Dordrecht, Reidel.
- Walser H.H. 1971. Die «Deutsche Periode» (etwa 1850–1880) in der Geschichte der Schweizer Psychiatrie und die moderne Sozialpsychiatrie [The "German period" (about 1850–1880) in the history of Swiss psychiatry and modern social psychiatry]. *Gesnerus* 28(1): 47–55.
- Walser H.H. 1972. Schweizer Psychiatrie im 19. Jahrhundert [Swiss Psychiatry in the 19th Century]. *Gesnerus* 29(3–4): 183–195.
- Walser H.H. 1976. Psychoanalyse in der Schweiz [Psychoanalysis in Switzerland]. In *Die Psychologie des 20. Jahrhunderts*, ed. D. Eicke, vol. 2: 1192–1218. Zurich, Publ. Kindler Verlag.
- Weizsäcker V. von. 1940. Der Gestaltkreis: Theorie der Einheit von Wahrnehmen und Bewegen [The gestalt circle: theory of the unity of perception and movement]. Leipzig, Publ. G. Thieme (Stuttgart: G. Thieme, 19484); *Gesammelte Schriften*, ed. D. Janz, W. Rimpau, W. Schindler, P. Achilles, M. Kutemeyer, Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1997.
- Zahavi D. 2004. Phenomenology and the project of naturalization. *Phenomenology and Cognitive Science* 3–4: 331–347.
- Zahavi D. 2005. Subjectivity and selfhood. Investigating the first-person perspective. Cambridge, Publ. The MIT Press.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.09.2021
Поступила после рецензирования 18.12.2021
Принята к публикации 01.12.2022

Received September 18, 2021
Revised December 18, 2021
Accepted December 01, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Элизабетта Бассо, PhD, доцент, Университет Павии, Павия, Италия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Elisabetta Basso, Phd, Assistant Professor University of Pavia, Pavia, Italy.

УДК 168
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-670-681

Искусственный интеллект как философская проблема и искусственные интеллектуальные системы

Швырков А.И.

Брянский государственный технический университет,
Россия, 241035, Брянская область, г. Брянск, бульвар 50 лет Октября, 7
E-mail: aishvyrkov@rambler.ru

Аннотация. Прояснена терминология, связанная с проблемой искусственного интеллекта, различных способов ее трактовки, места и отношения друг к другу ключевых понятий соответствующей сферы. Констатируется, что фокус исследований за последние 30 лет существенно сместился: если раньше суть проблемы искусственного интеллекта большинством исследователей виделась в том, можно ли создать некий искусственный аналог человеческого интеллекта, то теперь она фактически превратилась в конгломерат самых разнообразных проблем и задач, связанных, например, с моделированием психики, мышления, распознаванием образов, роботикой, автоматическим доказательством теорем и т.д. Тем не менее, такая трансформация не означает, что идея искусственного интеллекта как целостного феномена не имеет реального содержания и что мы должны оставить попытки решить проблему возможности именно такого искусственного интеллекта. Однако для того чтобы наши попытки стали более плодотворными, нам следует коренным образом пересмотреть статус данной проблемы. До сих пор она классифицировалась как «комплексная», «междисциплинарная» и т.п. Однако, по нашему мнению, гораздо плодотворнее будет рассматривать ее как имеющую принципиально философский характер, то есть как чисто философскую проблему. Также сделана попытка обосновать идею о том, что искусственные интеллектуальные системы могут рассматриваться как феномен, достаточно независимый от идеи искусственного интеллекта. Соответственно, их анализ может осуществляться без постоянного соотношения с идеей искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, проблема искусственного интеллекта, искусственные интеллектуальные системы

Для цитирования: Швырков И.А. 2021. Искусственный интеллект как философская проблема и искусственные интеллектуальные системы. *NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право*, 47(4): 670–681. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-670-681

Artificial Intelligence as a Philosophical Problem and Artificial Intellectual Systems

Alexander I. Shvyrkov

Bryansk State Technical University,
7 50 years of October boulevard, Bryansk, Bryansk region 241035, Russian Federation
E-mail: aishvyrkov@rambler.ru

Abstract. The paper analyzes terminology associated with the problem of artificial intelligence, various ways of its interpretation, place and relation to each other of the key concepts of the field. It is stated that the focus of research over the last 30 years has shifted significantly: if earlier most researchers saw the essence of the problem in whether an artificial analogue of the human intellect can be created then now it has actually become a conglomerate of a wide range of problems connected, for example, with psyche and thinking modeling, pattern recognition, robotics, automatic proof of theorems, etc. Nevertheless, such a transformation does not mean that the idea of artificial intelligence as a holistic phenomenon has no real

sense and that we should abandon attempts to solve the problem of the possibility of *such* an artificial intelligence. However, in order to make our efforts more fruitful, we should radically reconsider the status of the problem. Until now, it has been classified as “complex”, “interdisciplinary”, etc. However, according to the author of the paper, it will be much more fruitful to consider it as having a fundamentally philosophical character, that is, as a purely philosophical problem. Also an attempt to justify the idea that artificial intellectual systems can – and even should – be regarded as a phenomenon rather independent of the idea of artificial intelligence has been made. Accordingly, they can be analyzed without permanent referring to the idea of artificial intelligence.

Key words: artificial intelligence, artificial intelligence problem, artificial intelligence systems

For citation: Shvyrkov A.I. 2021. Artificial Intelligence as a Philosophical Problem and Artificial Intellectual Systems. NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 670–681 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-670-681

Введение

Наверно, трудно найти сегодня проблему более неоднозначную, чем проблема искусственного интеллекта (ИИ). С момента появления в 1956 года термина «искусственный интеллект» представления об ИИ и том, можно ли его создать, постоянно менялись и продолжают меняться. Причем разные трактовки ИИ и проблемы ИИ – не редко слабо совместимые друг с другом – сосуществовали и сосуществуют в одном предметном поле, внося изрядную путаницу в теоретические построения. В следствие этого в одной из своих статей попытался несколько прояснить эти вопросы [Швырков, 2009].

Приведем некоторые основания для принятия следующих двух тезисов.

Первый состоит в том, что для успешного анализа проблемы ИИ эту проблему следует рассматривать как такую, которая имеет принципиально философский характер.

Второй гласит, что *искусственные интеллектуальные системы* необходимо рассматривать в качестве феномена, достаточно независимого от идеи искусственного интеллекта.

Однако сначала следует прояснить несколько терминологических моментов (кратко повторяя основные идеи упомянутой статьи). В различных работах по проблеме термин «искусственный интеллект» употребляется как минимум в *трёх* основных значениях.

Во-первых, как название для некоторого научного направления, объединяющего большое количество достаточно разнородных исследований [Байдык, 2001, Искусственный интеллект, 1990; Russell, Norvig, 2009].

Во-вторых, как некий целостный феномен, артефакт по своим возможностям так или иначе соотносящийся или даже превосходящий человеческий интеллект (но не обязательно аналогичный последнему) [Haugeland, 1985; Bostrom, 2014]. Под эту категорию, очевидно, подпадают и «сильный», и «слабый» ИИ [Searle, 1997]. В данной статье термин «искусственный интеллект» будет употребляться именно в этом третьем смысле.

В-третьих, как совокупность уже существующих или только разрабатываемых так называемых интеллектуальных систем, используемых для решения различных задач (системы распознавания, слежения, автоматического перевода, автоматизации различных производственных процессов и т.п. [Войскунский, 2001; Глазунов, 2002; Искусственный интеллект, 1991; Уинстон, 1980; Bruce, 2005]). Последние 10–15 лет можно наблюдать то, как это третье значение термина «ИИ» вытесняет все остальные. В большинстве случаев сегодня, когда говорят об ИИ (в том числе в СМИ), имеют в виду именно это значение.

Теперь о том, какой смысл может вкладываться в словосочетание «проблема ИИ». Здесь я вижу две основные возможности.

Первая: проблема ИИ – это название для некоторой совокупности проблем, феноменов, артефактов. Какого-то особого содержания с соответствующим словосочетанием в этом случае не связывается.

Вторая: проблему ИИ в наиболее общем виде можно сформулировать так: возможен ли ИИ и если возможен, то каким образом. В дальнейшем, говоря о проблеме ИИ, я буду иметь в виду именно эту её формулировку.

Все исследования и разработки, так или иначе связываемые с ИИ, можно условно разделить на следующие два класса.

1. Исследования, проводящиеся тогда, когда понятие ИИ так или иначе определено (во всяком случае, у исследователей есть некоторое представление об этом ИИ), и направленные на поиск путей создания такого ИИ. Этому классу, очевидно, соответствует третье значение термина ИИ.

2. Исследования и разработки, возникшие из неких практических потребностей и, как кажется, первоначально с ИИ особенно не связывавшиеся. Во всяком случае, создание ИИ (как некоего целостного феномена, артефакта) отнюдь не являлось целью этих исследований. По крайней мере, ближайшей практической целью.

Важно подчеркнуть, что большинство проводившихся в последние несколько десятков лет исследований и разработок относилось именно к этому, второму, классу. В первую очередь речь идет об исследованиях и разработках, связанных с созданием экспертных систем, роботикой, автоматическим доказательством теорем, распознаванием образов и т.д. [Миклошко, 1991; Russell, Norvig, 2009].

Объединение всех этих разнородных исследований под лозунгом создания ИИ достаточно условно и, вероятно, именно поэтому сам термин «искусственный интеллект» в связи с ними исследователями употреблялся сравнительно редко. Показательно, что в книге Б. Гейтса «Бизнес со скоростью мысли», посвященной использованию информационных технологий в различных областях экономики, образования, производства и т.д., термин ИИ встречается только *один* раз [Гейтс, 2002]. Однако, как уже было сказано, в последние годы данные разработки (и совокупность артефактов, созданных в ходе них) все чаще называют именно ИИ.

Искусственный интеллект как философская проблема

Как писали В.Т. Пушкин и А.Д. Урсул в 1989 г., вместо «единой теории ИИ существует ряд теоретических дисциплин, которые должны изучаться теми, кто выбрал ИИ своей специальностью» [Пушкин, 1989, с. 130]. Отмечу, что за прошедшие 30 лет ситуация мало изменилась.

Каковы же причины того, что такая теория до сих пор не создана (или, по крайней мере, не создается)?

Прежде чем говорить о том, способны ли мы в настоящее время создать общую теорию ИИ, необходимо определиться с тем, что следует понимать под такой теорией.

Все теории вообще можно разделить на два вида. К первому относятся такие, которые призваны объяснить некоторую совокупность фактов. Учёных и философов, создающих их, не особенно интересует их практическое приложение. По крайней мере, оно имеет второстепенное значение. Такие теории, как правило, имеют свой вполне определённый, реально существующий предмет, вполне доступный восприятию (возможно, с помощью приборов) или, хотя бы воображению. В качестве примера подобных теорий прежде всего нужно указать математические, физические, биологические, вообще естественнонаучные теории. Можно утверждать, что учёных и философов, создающих теории первого вида, интересует истина *сама по себе*.

Ко второму виду относятся теории, которые условно могут быть названы практически ориентированными или целеориентированными. Как следует из названия, они созда-

ются под конкретную цель, результат. Те или иные принципы, составляющие их, как правило, носят подчинённый, вспомогательный характер: если бы данную цель можно было достичь каким-либо иным путём, такие теории, скорее всего, просто не возникли бы. Часто подобные теории могут быть модификациями уже существующих теорий или объединением их.

Для целеориентированных теорий чрезвычайно важен *образ цели*, результата, поскольку именно этот образ определяет отбор компонентов будущей теории. Чем он яснее, детальнее, тем меньше в соответствующей теории будет лишних элементов, тем адекватнее будут методы достижения цели. Следует отметить, что в качестве цели может выступать и некий материальный *продукт*, и некое *желаемое состояние*.

Таким образом, основные компоненты целеориентированных теорий следующие: образ цели, теоретические положения, объясняющие некоторый набор фактов и каким-то образом связываемые с целью, практические методы, основанные на этих положениях и призванные обеспечить достижение цели. Прекрасный пример целеориентированных теорий дают различные психологические теории. В первую очередь здесь следует упомянуть психоанализ З. Фрейда и аналитическую психологию К.Г. Юнга.

К какому из двух вышеописанных видов теорий мы должны отнести теорию ИИ? Очевидно ко второму, поскольку главная цель подобной теории – не познание какой-то абстрактной истины, а создание конкретного «продукта». Однако, что же это за продукт?

Ответ на этот вопрос зависит, очевидно, от того, какой смысл мы вкладываем в понятие об ИИ. Действительно, как уже говорилось, в качестве ИИ мы можем рассматривать и некие системы, в той или иной мере берущие на себя работу интеллекта, и некий целостный феномен. В первом случае теория ИИ будет чем-то вроде *теории машин и механизмов*. Создание такой теории вполне возможно. Более того, можно, вероятно, считать, что она уже существует или, по крайней мере, появится в ближайшем будущем.

В случае, когда под ИИ понимается некий целостный феномен, дело, очевидно, обстоит сложнее. Какой конкретно смысл следует вкладывать в понятие «целостный феномен» совершенно не понятно. То есть не понятно, какова конкретная цель изысканий. Другими словами, отсутствует сколько-нибудь чёткий *образ цели*. А раз так, то нет критерия, позволяющего оценить те или иные методы и подходы, нет руководящего правила для их генерации.

Очевидно, что создание общей теории ИИ и выработка общего подхода к решению проблемы ИИ это не одно и то же. Действительно, говорить о некой единой теории ИИ можно только в том случае, если ИИ признаётся в принципе возможным. В случае же, когда мы говорим о проблеме ИИ, подразумевается, что этот последний может и не существовать, во всяком случае его возможность должна быть доказана.

Итак, предположим, что мы все-таки захотели выработать тот или иной вариант общего подхода к решению проблемы искусственного интеллекта. С какими трудностями мы бы столкнулись?

Во-первых, мы бы столкнулся с обилием «белых пятен», «лакун» в наших знаниях об интеллекте, психике, мозге, принципах их функционирования и организации. Причем, как правило, эти «лакуны» настолько велики, что каким-либо образом их *обойти* или просто *игнорировать* не представляется возможным [Симонов, 1992].

Во-вторых, серьезные проблемы возникли бы вследствие необходимости того или иного *однозначного* ответа на те основополагающие вопросы нашего мировоззрения, на которые самым непосредственным образом выводит проблема ИИ. Условно эти трудности могут быть названы *философскими*.

Следует отметить, что если, к примеру, в физике философские проблемы нужно *выискивать*, то в случае проблемы ИИ мы сталкиваемся с ними практически сразу же, как только начинаем ею заниматься. Материя и сознание, дискретное и непрерывное и т.д., и т.п. – все эти проблемы сразу же предстают перед нами со всей своей непосредственно-

стью, конкретностью и философской напряженностью. Причем для того, чтобы их увидеть, вовсе не обязательно быть философом.

Необходимо также отметить, что именно на основе правильного понимания проблем второго типа возможно правильное понимание того, в чём именно состоят и откуда происходят ограниченность и недостаточность тех методов, которые когда-либо рассматривались как методы создания ИИ.

Возникает отнюдь не праздный вопрос: а нельзя ли как-то *обойти* эти проблемы?

Единственная возможность для этого, по моему мнению, состоит в том, чтобы ***вывести проблему ИИ в чисто философскую область, то есть, перейти от рассмотрения философских проблем искусственного интеллекта к рассмотрению искусственного интеллекта как философской проблемы.***

Развернутое обоснование этого положения выходит далеко за рамки данной статьи. Да его, наверное, и невозможно провести в принципе. Однако надеюсь, что сказанное на предыдущих страницах достаточно естественно на него выводит. В любом случае, полагаю, нам ничто не мешает рассматривать положение о принципиальном философском характере проблемы ИИ как рабочую гипотезу.

Каковы же следствия принятия подобной гипотезы? Вот лишь несколько основных.

Во-первых, становится не так уж важно, как именно мозг обрабатывает поступающие в него данные – в аналоговой или какой-то другой форме, на каких элементах построен тот или иной компьютер и т.д., то есть от всего этого можно абстрагироваться. В этой связи особенно важно отказаться от термина «машина».

Вообще, как кажется, в настоящее время компьютерам уделяется слишком много внимания. Даже вопрос о том, возможен ли ИИ, фактически свёлся к вопросу, может ли мыслить *компьютер*. Особенно характерно это для англо-американской философии (см. [Dennet, 1987; Searle, 1990]).

На самом же деле компьютеры – суть нечто *случайное*, преходящее. Их или подобные им устройства ни в коей мере нельзя рассматривать как *единственно возможное* средство создания ИИ.

Во-вторых, мы также можем абстрагироваться от времени – в том смысле, что для нас не должно быть особенно важно, какие успехи достигнуты (или какие неудачи постигли) исследователей к настоящему моменту. Создание ИИ, чтобы ни понималось под этим понятием, должно рассматриваться как *существенным образом ориентированное на неопределённое будущее*, точно так же, как решение фундаментальных проблем нашего мировоззрения. Для нас – если уж мы решим подойти к проблеме ИИ с таких максимально широких позиций – должно быть важно одно: существуют искусственные, созданные человеком системы, способные осуществлять такую деятельность, которую ранее мог осуществлять только человек. Важен сам факт этого, *прецедент*. Из этого и нужно исходить. И дело здесь, пожалуй, даже не в том, сможет ли философия решить проблему ИИ, а в том, что мы должны *относиться* к последней как к философской проблеме.

Насколько плодотворной окажется выдвинутая здесь гипотеза покажет время, однако, думаю, уже сейчас можно сказать, что подобный *эксперимент* стоит того, чтобы его провести.

Проблема искусственного интеллекта и искусственные интеллектуальные системы

Рассмотрим вопрос об отношении проблемы, *идеи* ИИ к тем проблемам, которые традиционно с ней связываются, а также к тем *искусственным интеллектуальным системам* (далее – ИИ-системы), которые существуют в настоящее время или появятся в ближайшем будущем.

Под искусственными интеллектуальными системами я понимаю любые программно-аппаратные комплексы, способные, как считается, осуществлять такую деятельность, ко-

торию осуществляет человеческий интеллект. Что касается этих последних, то хотя, как я уже говорил, сегодня в англоязычной литературе искусственным интеллектом называют именно ИИ-системы, для всех понятно, что даже в своей *совокупности* они *не являются* ИИ (в том смысле, в котором этот термин употребляется в данной статье). Из этого непосредственно следует ряд вопросов. Например, создавая все эти системы, приближаемся ли мы к созданию ИИ? Действительно ли эти системы можно рассматривать как обладающие *элементами интеллекта*¹?

Примерно то же самое касается тех проблем и задач, которые традиционно связываются с проблемой ИИ. Действительно ли решение всех этих проблем приближает нас к созданию ИИ, или это не более чем очередная «тупиковая ветвь»? Тупиковая не потому, что, решая эти проблемы, мы ничего не познаём, а потому, что путь, ведущий непосредственно к ИИ, лежит *в другой стороне, не через решение этих проблем*.

В связи с этими соображениями и учитывая вышесказанное, хочу высказать следующее предложение. Может быть стоит, хотя бы на время, *развести* проблемы, связанные с формализацией, моделированием мышления и т.д., и *идею* ИИ, не рассматривать эти проблемы в контексте последней (в очередной раз замечу, что в данной статье ИИ понимается в *идеальном* смысле и что в это понятие вкладывается максимум содержания)? Слишком уж велик разрыв между нашей целью (ИИ) и теми средствами, с помощью которых, как мы предполагаем, её можно достичь.

Однако рассмотрим этот вопрос более строго.

Итак, как правило, большинство сложных конкретно-научных и философских проблем представляют собой, или, точнее сказать, *распадаются* на комплекс более мелких проблем и задач. Эти сложные проблемы по отношению к входящим к ним более мелким можно разделить на два класса.

К первому относятся те проблемы, для которых возможно дать *сущностную формулировку*, то есть формулировку, четко и ясно говорящую о сущности данной проблемы, сущности тех подпроблем, которые в неё входят и из неё следуют. Выгоды из наличия такой формулировки очевидны. Сущностная формулировка позволяет определить общие методы решения проблемы, методы решения входящих в неё подпроблем; отбросить те из них, которые имеют к данной сложной проблеме лишь косвенное отношение; объединить несколько подпроблем в одну, подведя их под общее основание. Вообще, сущностная формулировка позволяет оперировать с некоторой сложной проблемой как с единым целым, то есть на максимально высоком уровне абстракции. Это, кстати, особенно важно для философии.

Ко второму классу относятся те проблемы, для которых сущностную формулировку дать нельзя. Поэтому, когда по отношению к некоторой проблеме из этого класса мы говорим «проблема такая-то», мы на самом деле можем иметь в виду только то, что это не более чем просто общее *название* для некоторого комплекса проблем. В этом втором случае может возникнуть сомнение на счёт того, справедливо ли вообще объединять некий комплекс проблем под одним названием, подводить их под одну рубрику. Может быть, лучше было бы *распределить* их каким-то другим образом, попытаться подвести под какие-то *другие* проблемы. Однако этот вопрос должен решаться в каждом конкретном случае отдельно.

В связи с вышесказанным возникает вопрос: является ли та формулировка проблемы ИИ, которая была дана в предыдущем разделе, сущностной? Если да, то для каких проблем?

¹ «Одна из основных предпосылок создания ИИ заключается в том, что интеллектуальное поведение можно моделировать на цифровых ЭВМ» [Штанько, 1993, с. 246].

Поскольку в настоящее время не существует общепринятых концепций интеллекта и ИИ, решать проблему ИИ, исходя лишь из той формулировки, которая была дана в предыдущей главе просто невозможно. То есть её нельзя решать, *всё время оставаясь на максимально высоком уровне абстракции*.

В настоящее время существует целый ряд проблем, феноменов, традиционно связываемых с проблемой ИИ. Поэтому вопрос о том, может ли формулировка проблемы ИИ рассматриваться как сущностная, можно конкретизировать так: является ли формулировка проблемы ИИ сущностной для *этих* проблем, *объемлет* ли она их, выражает ли их сущность? Как я полагаю, в настоящее время дать ответ на этот вопрос также невозможно. И причина этого опять-таки состоит в том, что нет определенности с понятием интеллекта, понятием ИИ, нет определенности с *конечной целью*. Из-за этой неопределённости между формулировкой проблемы ИИ и множеством данных проблем существует *разрыв*, сократить который в ближайшее время вряд ли удастся.

Таким образом, вследствие всего вышесказанного, мы, вероятно, должны заключить, что в настоящее время проблема ИИ действительно может рассматриваться только лишь как *название* некоторой совокупности проблем. Вкладывать в неё какое-то большее содержание мы просто не имеем права.

Каковы же должны быть наши дальнейшие шаги в том случае, если мы это признаем? По-другому, как мы должны относиться к данной совокупности проблем и артефактов. Я вижу две возможности.

1. Можно попытаться найти сущностную формулировку для всех этих проблем. Из чего же мы должны исходить, чтобы её найти? Из самого её определения. Действительно, если сущностная формулировка есть такая, которая четко и ясно говорит о сущности некоторой проблемы, сущности входящих в неё проблем, то отсюда сразу же вытекает, что для того, чтобы её найти, необходимо в первую очередь найти ту *идею*, которая объединяет интересующий нас комплекс проблем (вообще, *феноменов*), найти то, что у них всех есть общего.

Однако не всё здесь так просто.

Нельзя, например, исключать тот случай, когда мы сможем найти общие идеи только для каких-то отдельных *групп* проблем. Эти же идеи, в свою очередь, не будут иметь между собой ничего общего. В этом случае нам останется только попытаться как-то *минимизировать* их количество.

Возможно также, что все проблемы (или какую-то их часть) удастся подвести сразу под *несколько* совершенно *разных* идей. Таким образом, может получиться, что для всего данного комплекса проблем просто не окажется одной общей сущностной формулировки. Либо их окажется несколько, причем таких, среди которых ни одну нельзя будет предпочесть другим. Вполне возможно также, что ни в одной из таких формулировок для термина «искусственный интеллект» просто не найдется места.

Ясно далее, что многие из этих идей должны быть философскими: проблемы, составляющие проблему ИИ, настолько разноплановы, что нам просто не удастся отыскать какую-либо объединяющую их *конкретно-научную* идею.

Однако не возвращаемся ли мы таким образом к тому, уход от чего был провозглашен выше, то есть, не подменяем ли мы анализ проблемы ИИ как таковой, анализом конкретных подпроблем, связываемых с проблемой ИИ?

Для того чтобы это понять, необходимо разобраться в том, что конкретно представляет собой философский анализ той или иной научной проблемы, в чем конкретно он состоит. Он состоит в том, что мы *подводим* эту проблему под ту или иную философскую идею или теорию и затем рассматриваем её как некий *частный случай* этой идеи или теории. Другими словами, мы *выбираем* из множества философских идей и теорий ту, которая может быть так или иначе *приведена в связь* с данной научной проблемой. Таким образом, мы имеем *одну* конкретно-научную проблему и *множество* философских идей. И именно в выборе

среди последних *подходящей* и состоит суть философского анализа любой конкретно-научной проблемы. Во всяком случае, суть *первого шага* такого анализа. Всё это, очевидно, справедливо и по отношению к философскому анализу проблем, обозначаемых в настоящее время термином «проблема ИИ».

Вернёмся теперь к тому подходу, который был предложен выше. Очевидная суть этого подхода, как это следует из его описания, состоит в том, что исходить необходимо не из какой-то отдельной конкретно-научной проблемы, а брать сразу множество проблем (лучше *все*) и, разлагая их, искать такую философскую идею, на основе которой их в конце концов можно было бы объединить. Если это удастся, то мы таким образом сможем подвести множество *конкретно-научных* проблем (а также множество феноменов, *артефактов*, созданных в результате попыток решения этих проблем) под одну *философскую* идею. Анализ проблемы в данном случае является не самоцелью, а лишь вспомогательным средством для дальнейшего *синтеза*. Другими словами, мы не закикливаемся на анализе, а идем дальше, к синтезу.

2. Идеи, которые мы находим в соответствии с первым подходом, по своему *объёму* должны либо полностью *совпадать* с объёмом проблем, подводимых под них, либо незначительно его *превышать*. Но что если попытаться отыскать такую философскую идею, по отношению к которой частным случаем будет не только *каждая* из этих проблем, но и *все они в совокупности*. Что если попытаться отыскать такую идею, объём которой будет в значительной степени *превышать* объём проблем, объединяемых названием «проблема ИИ»? При этом совсем не обязательно, чтобы эта идея была какой-то *новой* идеей в философии. Вполне возможно, что это будет идея хорошо известная, хорошо разработанная. Не обязательно также и то, чтобы с помощью какой-либо такой идеи можно было провести исчерпывающий анализ каждой проблемы, феномена, чтобы она *полностью* исчерпывала их сущность. Однако должно быть возможно усмотреть наличие тех или иных аспектов её в *каждой* проблеме (феномене, артефакте). Может оказаться, что ни одну из подобных идей нельзя будет предпочесть другим. Но в любом случае, посредством таких идей мы сможем как бы делать *срезы, сечения* интересующего нас комплекса проблем и феноменов. При этом одни идеи в большей мере будут показывать, выявлять сущность одних проблем, другие – других. Чем больше мы проведём подобных *сечений*, тем точнее и полнее будет наше представление о сущности данных проблем.

Отмечу, что при всей своей абстрактности эти идеи, очевидно, должны быть достаточно *специфичны*.

В смысле своего *начала* путь, который был только что описан, более труден, чем первый; он более труден хотя бы потому, что отысканию подобной идеи практически невозможно предпослать какую-либо рациональную схему, *алгоритм*. Многое здесь зависит и от общей философской культуры исследователя, и от простого случая. Однако этот путь более предпочтителен из-за тех выгод, которые он сулит. Он более плодотворен в плане следствий, приложений, менее кропотлив, да и, в конечном счете, более *реален*.

То, что справедливо относительно проблем, очевидно, будет справедливо и относительно тех продуктов, которые получаются в результате попыток их решения, то есть тех искусственных интеллектуальных систем, которые существуют в настоящее время.

Таким образом, задача в данном случае состоит в том, чтобы сформулировать такие философские идеи, *объём и содержание которых максимально соответствовали бы объёму и содержанию проблем, составляющих проблему ИИ (или, точнее, проблем, объединяемых под соответствующей рубрикой)*.

Также представляется интересным отыскание общих идей и для совокупности существующих в настоящее время искусственных интеллектуальных систем. В определенном смысле эта последняя задача может иметь и вполне самостоятельное значение.

В заключение этого раздела отмечу, что попытка реализовать второй подход была осуществлена в моей кандидатской диссертации [Швирков, 2006]. Насколько удачно – судить, разумеется, не мне.

Проблема ИИ и философия техники

Интересно рассмотреть отношение между проблематикой, связанной с ИИ и ИИ-системами, и проблематикой, относящейся к так называемой *философии техники*. В зависимости от того, как понимать ИИ и ИИ-системы, здесь могут быть как сходства, так и отличия.

В настоящее время под техникой чаще всего понимают:

- совокупность технических устройств, артефактов – от отдельных простейших орудий до сложнейших технических систем;
- совокупность различных видов технической деятельности по созданию этих устройств – от научно-технического исследования и проектирования до их изготовления на производстве и эксплуатации, от разработки отдельных элементов технических систем до системного исследования и проектирования;
- совокупность технических знаний – от специализированных рецептурно-технических до теоретических научно-технических и системотехнических знаний [Степин, 1996].

Что следует понимать под «проблемой техники»? Здесь также, как и с проблемой ИИ, ясности не много. Однако можно попытаться кое-что вывести из того контекста, в котором обычно употребляется это словосочетание в литературе.

Итак, под проблемой техники понимают, во-первых, выявление социальных, экономических и других последствий существования и функционирования техники, определение её влияния на общество, его структуру, на человека; во-вторых, определение места техники в нашей культуре; в-третьих, выявление того, что есть техника сама по себе, какова сущность техники (Э. Капп, М. Хайдеггер). Другими словами, какова идея, выражающая сущность той совокупности артефактов, которую принято называть техникой (и деятельности по ее созданию).

Для нас проблема выяснения сущности техники представляет интерес в первую очередь потому, что по своему характеру она оказывается сходна с той проблемой, на которую мы вышли в предыдущем разделе.

Действительно, и в том и в другом случае, речь, очевидно, идёт о том, чтобы найти такую идею, под которую можно было бы подвести некое множество феноменов, идею, которая бы позволяла рассматривать это множество как нечто единое.

Такое *сходство* проблем может во многом оказаться выгодным. Например, благодаря ему мы можем получить *подтверждение правомерности* многих из тех подходов, которые в настоящее время используются при анализе и оценке искусственных интеллектуальных систем.

С другой стороны, если мы будем рассматривать совокупность ИИ-систем не как самостоятельный феномен, а в контексте его возможной связи с созданием ИИ, то ситуация приобретет несколько иную окраску.

Как мы определили выше, техника в первую очередь есть совокупность неких артефактов. Эти артефакты, как правило, создаются для решения конкретных задач, достижения определённых целей. Для разных задач существует своя специфическая техника – как в смысле артефактов, так и в смысле действий, операций. Другими словами, техника не универсальна. То, что можно сделать с помощью одних технических устройств, нельзя сделать с помощью других.

Можем ли мы утверждать, что, создавая различные технические устройства, мы имеем своей целью создание некоего универсального технического устройства, которое

соединило бы в себе все их свойства и функции? Очевидно, нет. У нас нет такой цели, ни явной, ни мнимой. Хотя конечно, неплохо, если одно и то же устройство, одна и та же техника годится для различных целей.

Напротив, рассматривая создание ИИ-систем в контексте создания ИИ, мы тем самым как бы видим, предполагаем за их разработкой некую *идеальную цель*. Правда, как уже было сказано, возможность этой идеальной цели должна ещё быть доказана. Доказать нужно и то, что создание всех этих систем действительно ведёт непосредственно к созданию некоего универсального по своим функциям артефакта, что разработка их есть в то же время и *подготовка* к его созданию.

Таким образом, основное отличие проблематики, связываемой с техникой, от проблематики, связываемой с ИИ, состоит в том, что техника как совокупность артефактов, техника *как таковая* есть нечто вполне самостоятельное, самодовлеющее. Техника не предполагает некоего универсального технического устройства, аккумулирующего в себе все её функции. Техника *уже есть*, техника – это не какая-то *идеальная цель*, а *факт*. Вследствие этого *разрыв*, аналогичный тому, который существует между *идеями* ИИ и существующими в настоящее время ИИ-системами, а также методами, рассматриваемыми, как методы создания ИИ, здесь просто невозможен. Нам нет нужды доказывать, что те машины и те технологии, которые существуют в настоящее время – это техника, то есть, нам нет нужды доказывать, что они *возможны*.

Заключение

Таким образом, главные результаты проведенного анализа сводятся к двум интуициям:

1. Проблему ИИ и ИИ-системы следует разделить – хотя бы временно, и начать рассматривать последние как феномен в достаточной степени независимый от идеи ИИ, проблемы ИИ. Возможно, подобная *операция* позволит по-новому взглянуть на эти системы.

2. Саму же проблему ИИ следует рассматривать как проблему *философскую* (а не просто «междисциплинарную», «комплексную» и т.п.). Для анализа так понимаемой проблемы ИИ необходимо привлекать самую серьезную, самую абстрактную философскую теорию.

Надеюсь, что подобные меры будут способствовать прогрессу в проводимых исследованиях.

Список литературы

- Байдык Т.Н. 2001. Нейронные сети и задачи искусственного интеллекта. Киев, Наукова думка, 264 с.
Войскунский А.Е. 2001. Метафоры Интернета. Вопросы философии, 11: 64–79.
Гейтс Б. 2002. Бизнес со скоростью мысли. М., Изд-во Эксмо, 480 с.
Глазунов В.А. 2002. Робототехника в постнеклассической науке. Вопросы философии, 11: 135–148.
Искусственный интеллект: В 3 кн. 1990. М., Радио и связь.
Искусственный интеллект: применение в интегрированных производственных системах. 1991. М., Машиностроение, 544 с.
Миклошко Й. 1991. Искусственный интеллект, параллельные ЭВМ и параллельные вычисления. Будущее искусственного интеллекта. М., Наука: 244–269.
Пушкин В.Г., Урсул А.Д. 1989. Информатика, кибернетика, интеллект: Философские очерки. Кишинёв, Штиинца, 295 с.
Рузавин Г.И. 1987. Человек и робот: (О некоторых философских и социальных проблемах роботизации). Вопросы философии, 2: 67–79.
Симонов П.В. 1992. Мозг и творчество. Вопросы философии, 11: 147–162.
Степин В.С., Горохов В.Г., Розов М.А. 1996. Философия науки и техники. М., Гардарики: 340 с.
Тихомиров О.К. 1991. «Искусственный интеллект»: взгляд психолога. Будущее искусственного интеллекта. М., Наука, 132–150.

- Уинстон П. 1980. Искусственный интеллект. М., Мир, 519 с.
- Швырков А.И. 2009. Проблема искусственного интеллекта: возможности методологического подхода. Эпистемология и философия науки, 1: 111–122.
- Швирков О.І. 2006. Проблема штучного інтелекту та людиновимірність штучних інтелектуальних систем. Дис... канд. філос. наук. Київ, 170 с.
- Штанько В.И. 1993. Философский анализ информационной парадигмы исследования мышления: возможности и проблемы. Дис... д-ра филос. наук. Харьков, 279 с.
- Bostrom, N. 2014. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford, UK, Oxford University Press, 352 p.
- Bruce, B.G. 2005. A (Very) Brief History of Artificial Intelligence. AI Magazine, 26(4): 53–60.
- Charniak E., McDermott, D. 1985. Introduction to Artificial Intelligence. Reading, MA, Addison Wesley, 155 p.
- Dennet D (with Haugeland J.). 1987. Intentionality. The Oxford Companion to the Mind. Oxford, University Press, 385 p.
- Haugeland, J. 1985. Artificial Intelligence: The Very Idea. Cambridge, MA, MIT Press, 287 p.
- Russell S., Norvig P. 2009. Artificial Intelligence: A Modern Approach, 2nd edition. Saddle River, NJ, Prentice Hall, 1112 p.
- Searle I. 1990. Minds, Brains, and Programs. The Philosophy of Artificial Intelligence. Oxford, University Press, 347 p.
- Searle J. 1997. The Mystery of Consciousness. New York, New York Review of Books, 224 p.

References

- Baydyk T.N. 2001. Neyronnyye seti i zadachi iskusstvennogo intellekta [Neural networks and tasks of artificial intelligence]. Kiev, 264 p.
- Voyskunskiy A.Ye. 2001. Metafory Interneta [Metaphors of the Internet]. *Voprosy filosofii*, 11: 64–79.
- Gates B. 2002. Biznes so skorost'yu mysli [Business at the speed of thought]. Moscow, 480 p.
- Iskusstvennyy intellekt: V 3 kn. 1990. [Artificial intelligence: In 3 books]. Moscow.
- Iskusstvennyy intellekt: primeneniye v integrirovannykh proizvodstvennykh sistemakh [Artificial intelligence: using in integrated production systems]. 1991. Moscow, Mashinostroyeniye, 544 p.
- Mikloshko Y. 1991. Iskusstvennyy intellekt, parallel'nyye EVM i parallel'nyye vychisleniya [Artificial intelligence, parallel computers and parallel computing]. Budushcheye iskusstvennogo intellekta [The future of Artificial Intelligence]. Moscow, Publ. Nauka: 244–269. (in Russian)
- Pushkin V.G., Ursul A.D. 1989. Informatika, kibernetika, intellekt: Filosofskiye ocherki [Informatics, cybernetics, intellect: Philosophical essays]. Chisinau, 295 p. (in Russian)
- Ruzavin G.I. 1987. Chelovek i robot: O nekotorykh filosofskikh i sotsial'nykh problemakh robotizatsii [Man and robot: On some philosophical and social problems of robotics]. *Voprosy filosofii*, 2: 67–79.
- Simonov P.V. 1992. Mozg i tvorchestvo [Brain and Creativity]. *Voprosy filosofii*, 11: 147–162.
- Stepin V.S., Gorokhov V.G., Rozov M.A. 1996. Filosofiya nauki i tekhniki: ucheb. posobiye dlya vuzov [Philosophy of Science and Technology: textbook for universities]. M., Gardarika: 340 p.
- Tikhomirov O.K. 1991. «Iskusstvennyy intellekt»: vzglyad psikhologa [“Artificial intelligence”: the view of a psychologist]. Budushcheye iskusstvennogo intellekta [The future of Artificial Intelligence]. Moscow, Publ. Nauka: 132–150.
- Winston P. 1980. Iskusstvennyy intellekt [Artificial Intelligence]. Moscow, Mir, 519 p. (in Russian)
- Shvyrkov A.I. 2009. Problema iskusstvennogo intellekta: vozmozhnosti metodologicheskogo podkhoda [The problem of Artificial Intelligence: the possibilities of the methodological approach]. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 1: 111–122.
- Shvyrkov O.I. 2006. Problema shtuchnogo íntelektu ta lyudinovimírniť shtuchnikh íntelektual'nikh system [The problem of artificial intelligence and human measurements of artificial intellectual systems]. Candidate's thesis, Kiev, 170 p. (in Ukrainian)
- Shtan'ko V.I. 1993. Filosofskiy analiz informatsionnoy paradigmy issledovaniya myshleniya: vozmozhnosti i problem [Philosophical analysis of the information paradigm of thinking research: opportunities and problems]. Candidate's thesis, Khar'kov, 279 p.
- Bostrom N. 2014. Superintelligence: Paths, Dangers, Strategies. Oxford, UK, Oxford University Press, 325 p.
- Bruce B.G. 2005. A (Very) Brief History of Artificial Intelligence. *AI Magazine*, 26(4): 53–60.

- Charniak E., McDermott D. 1985. *Introduction to Artificial Intelligence*, Reading, MA, Addison Wesley, 155 p.
- Dennet D (with Haugeland J.). 1987. Intentionality, in: *The Oxford Companion to the Mind*. Oxford, *University Press*: 245–267.
- Haugeland J. 1985. *Artificial Intelligence: The Very Idea*. Cambridge, MA, MIT Press, 287 p.
- Russell S., Norvig P. 2009. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*, 2nd edition. Saddle River, NJ: Prentice Hall, 1112 p.
- Searle I. 1990. Minds, Brains, and Programs, in: *The Philosophy of Artificial Intelligence*. Oxford, *University Press*: 132–154.
- Searle J. 1997. *The Mystery of Consciousness*, New York, NY, New York Review of Books, 224 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.09.2021

Received September 18, 2021

Поступила после рецензирования 18.12.2021

Revised December 18, 2021

Принята к публикации 09.02.2022

Accepted February 9, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Швырков Александр Иванович, канд. филос. наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин, Брянский государственный технический университет, г. Брянск, Россия

Alexander I. Shvyrkov, PhD in Philosophy, Associate Professor of the Department of Humanities and Social Studies, Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 316.43

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-682-690

Общественно-профессиональная экспертиза управленческих решений по социально значимым проблемам города как инструмент консолидации

Зотов В.В.

Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет)
Россия, 141701, г. Долгопрудный, Московская обл. Институтский пер., 9.

E-mail: om_zotova@mail.ru

Аннотация. Большую роль в консолидации городских сообществ играет механизм согласования большинством стейкхолдеров управленческих решений по общественно значимым проблемам города. Целью данного исследования стало обоснование возможности использования общественно-профессиональной экспертизы в качестве механизма консолидации городского сообщества. Под общественно-профессиональной экспертизой предложено понимать человекообразное рассмотрение и критическую оценку представителями заинтересованных сторон всей имеющейся информации по общественно-значимым проблемам в целях повышения обоснованности принятия решений. В результате экспертного опроса определены значимые представители заинтересованных сторон в пространстве публичных коммуникаций с точки зрения участия в решении общественно значимых проблем, а дальнейший анализ позволил охарактеризовать их с позиций уровня ориентации в проблеме, информированности и степени объективности суждений. Главное предназначение таких платформ – конфигурирование релятивных сетей из представителей заинтересованных сторон, то есть создание пула участников общественно-профессиональной экспертизы с позитивной взаимозависимостью для решения общественно значимых проблем.

Ключевые слова: цифровые платформы; общественно-профессиональная экспертиза; общественно значимые проблемы, стейкхолдеры, управленческие решения

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00694 «Публичное управление как конфигурирование релятивных сетей в публичном пространстве цифрового общества».

Для цитирования: Зотов В.В. 2022. Общественно-профессиональная экспертиза управленческих решений по социально значимым проблемам города как инструмент достижения консолидации. *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 47(4): 682–690. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-682-690

Social and Professional Expertise of Managerial Decisions on Socially Significant Problems of the City as a Tool for Reaching Consolidation

Vitaly V. Zotov

Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University),
9 Institutskiy per., Dolgoprudny, Moscow Region 141700, Russian Federation,
E-mail: om_zotova@mail.ru

Abstract. An important role in the consolidation of the city community of the process is played by the presence of a mechanism for the majority of stakeholders to agree on management decisions to socially significant problems of the city and its justification by specialists. The purpose of this study was to justify

the possibility of using public-professional expertise as a mechanism for consolidating the urban community. The public-professional expertise is proposed to mean a human-sized consideration and critical assessment by representatives of stakeholders of all available information on socially significant problems in order to increase the validity of decision-making. As a result of the expert survey, significant representatives of stakeholders in the network space of public communication were identified from the point of view of participation in solving socially significant problems, and further analysis made it possible to characterize them from the standpoint of orientation in the problem, awareness and the degree of objectivity of judgments. The main purpose of such platforms is to configure relational networks from representatives of stakeholder, that is, to create a pool of participants in social and professional expertise with positive interdependence that contributes to solving socially significant problems.

Keywords: digital platforms; social and professional expertise; socially significant problems, stakeholders, management decisions

Acknowledgements: The study was performed with financial support from the Russian Foundation for Basic Research, as part of a research project No. 20-011-00694 “Public administration as a configuration of relational network”.

For citation: Zotov V.V. 2022. Social and Professional Expertise of Managerial Decisions on Socially Significant Problems of the City as a Tool for Reaching Consolidation. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 47(4): 682–690 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-682-690

Введение

В настоящее время в городах проживает более половины населения Земли, в России доля городского населения превышает 74 %¹. Это делает город главной средой обитания человека, от качества которой зависит его благополучие. Но современный город характеризуется наличием комплекса общественно значимых проблем, существенно затрудняющих процесс его развития в сторону более комфортных условий проживания. Решение данных проблем при отсутствии механизмов консолидации горожан существенно снижает возможности управления муниципальным образованием [Бабинцев, Гайдукова, Шаповал, 2021].

Отсюда крайне актуальной становится задача формирования городского консолидированного сообщества. Но, как справедливо указывает В.П. Бабинцев, для перевода задачи консолидации из разряда деклараций в практическую плоскость необходимо: 1) организовать пространство консолидации, выстроить коммуникационную инфраструктуру, обеспечивающую регулярное и неформальное взаимодействие членов сообществ; 2) «переформатировать» массовое сознание, заменить одномерную атомизированную модель, ориентированную только на себя и близкородственное окружение, многомерной моделью, учитывающей общественные интересы наряду с личными [Бабинцев, 2022]. При этом следует согласиться с мнением В.П. Бабинцев, что консолидация возможна на уровне местных сообществ муниципальных образований. Но такое муниципальное образование должно иметь собственные ресурсы для решения общественно значимых проблем. Этим требованиям соответствует город областного подчинения как относительно крупный населённый пункт, который «обладает наименьшей дистанцией между уровнем принятия управленческих решений по проблемам городской жизни и уровнем непосредственного потребления населением социальных благ, предусматриваемых такими решениями; при ограниченности ресурсов социально-экономического развития имеет лучшие возможности распоряжаться ими – оперативность, подконтрольность, манёвренность» [Луков, Доскальчук, 2009, с. 241].

Можно предположить, что решению этих задач будет способствовать участие основных представителей заинтересованных сторон (стейкхолдеров) в принятии управлен-

---

¹ Итоги Всероссийской переписи населения 2020 года. Том 1. Численность и размещения населения. – URL https://rosstat.gov.ru/vpn_popul#, (дата обращения 10.11.2022)

ческих решений по общественно значимым проблемам города, то есть тем проблемам, которые с точки зрения значительного числа членов городского сообщества прямо или косвенно влияют на благополучие жителей города и требуют совместных усилий по их преодолению.

Именно принятие решений с учётом мнений большинства заинтересованных сторон по такому роду проблем позволяет приходиться к определённому компромиссу. И здесь возникает проблема создания механизма привлечения заинтересованных сторон и экспертов к процессу принятия управленческих решений по общественно значимым проблемам, решение которой потребует научной рефлексии.

Целью данного исследования является разработка механизма общественно-профессиональной экспертизы, который позволит давать аргументированные заключения по управленческим решениям общественно значимых проблем, то есть по вопросам и ситуациям, которые влияют на человека и с точки зрения значительного числа членов общества требуют консолидации усилий по их преодолению.

В работе предполагается использование следующих методов: метод концептуализации для формирования общего понимания содержания общественно-профессиональной экспертизы в рамках системы управления городом, а также метод структурного моделирования, который позволит дать описание платформенной организации данного вида экспертно-аналитической деятельности.

Оценка перспективности формы экспертной деятельности

В настоящий момент можно наблюдать несколько форм учёта мнения экспертов в процессе принятия управленческих решений органами власти. К таким можно отнести экспертно-консультативные советы [Guston, 2001], эпистимические сообщества [Naas, 1992], экспертные сообщества [Бабинцев, Надуткина, Сапрыка, 2015]. Каждая из предлагаемых форм имеет свои особенности.

В частности, экспертно-консультативные советы, которые создаются при органах власти различного уровня, формируются по запросу органов власти путём рассылки приглашений в местные научно-исследовательские, образовательные и профильные учреждения. Последние делегируют лояльных к органам власти специалистов. В итоге экспертную оценку принимаемым решениям дают эксперты, привлечённые административными методами, что сказывается на их объективности. Основная роль таких экспертных советов – это консультации и оценка уже фактически принятых управленческих решений. Отметим, что именно данная форма экспертной деятельности в настоящее время подвергается наибольшей критике. Например, Л.А. Василенко и М.И. Вронская отмечают, что экспертно-консультативные советы работают «в режиме "переговорной площадки", где эксперты докладывают, а члены совета "потребляют" информацию, выносимые решения совета не имеют никакого влияния и носят рекомендательный характер» [Василенко, Вронская, 2010]. Можно утверждать, что в рамках деятельности экспертно-консультативных советов реализуется преимущественно символическая функция экспертного знания [Сунгуров, Карягин, 2017]. В большинстве случаев члены советов готовы «играть одну игру» с органами власти, подтверждая эффективность их деятельности, в том числе и отсутствие серьёзных нерешённых социально значимых проблем города.

Вторая форма организации экспертной деятельности – это эпистимическое сообщество, создаваемые непосредственно по инициативе учёных из научных центров или крупных университетов. Как правило, в этом случае эксперты сами определяют повестку дня, находят общественные проблемы по собственной инициативе, дают определённые заключения и рекомендации, в которых предлагают решения этих проблем. Но, как справедливо указывает О.В. Михайлова, «эпистимическое сообщество действует как политический антрепренёр, либо целенаправленно создающий благоприятные ситуации, формирующие спрос на их экспер-

тизу, либо использующий периодически открывающиеся "окна возможностей" для предложения своего интеллектуального продукта» [Михайлова, 2018, с. 172].

Ещё одной формой экспертной деятельности является местное экспертное сообщество, понятое как распределённая сеть специалистов, проживающая на определённой территории. Представители этого сообщества должны самоорганизовываться для принятия решений по мере актуализации общественно значимых проблем. Именно последний формат является наиболее действенным при принятии решений, которые в наибольшей мере отвечают запросам основных заинтересованных сторон. Но возникают проблемы формирования пула экспертов, релевантного проблеме, и организации механизма их взаимодействия. Возможным решением здесь может стать перенос экспертной деятельности на базу цифровых платформ.

В цифровую эпоху из элемента управленческого решения экспертиза может превратиться в социальный механизм консолидации, достижения консенсуса или компромисса. В этом случае «экспертные отношения есть форма общественного диалога, направленная на мобилизацию общественного мнения для принятия согласованных решений» [Щеглов, 2022, с.783].

Социальная диагностика проблемы

В начале 2022 года был проведён экспертный опрос среди представителей власти (государственных и муниципальных служащих различных уровней), общества (представителей бизнеса, общественных организаций, политических партий, научно-образовательного сообщества) и медиаторов (сотрудников центра управления регионом и средств массовой информации). Выборка составила 126 респондентов. Опрос проводился при помощи Google-сервиса.

В ответе на вопрос «Кто является представителями заинтересованных сторон в пространстве публичных коммуникации с точки зрения участия в решении общественно значимых проблем?» подавляющее большинство респондентов называют служащих органов муниципальной власти, представителей бизнес-структур, жителей муниципалитета, лидеров общественного мнения.

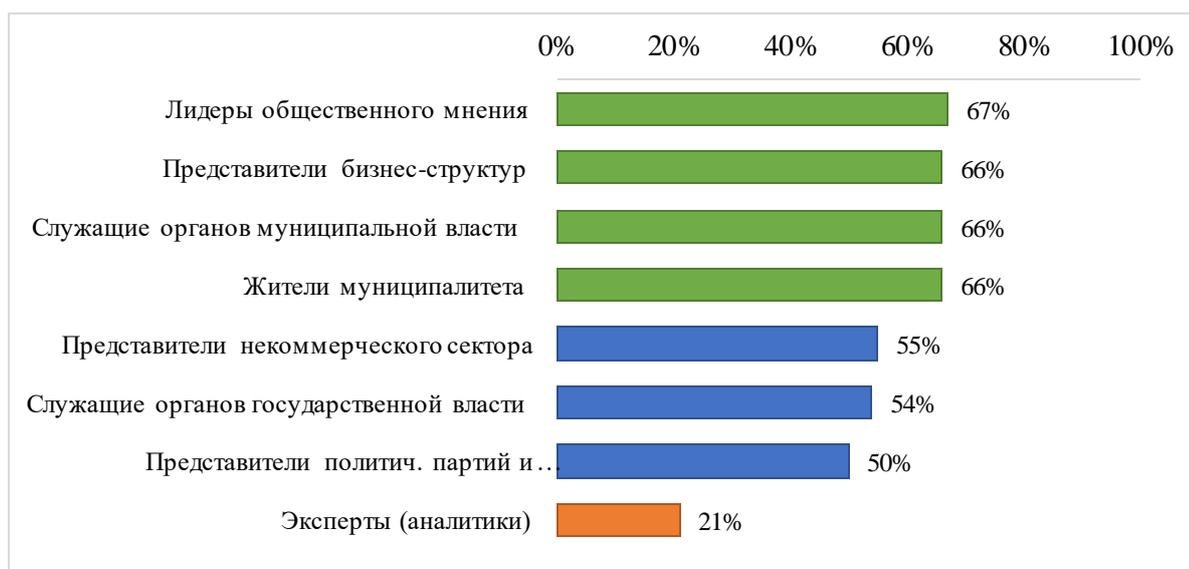

Рис. 1. Распределение ответов экспертов на вопрос: «Кто является представителями заинтересованных сторон в пространстве публичных коммуникации с точки зрения участия в решении общественно значимых проблем?»

Fig. 1. Distribution of experts' answers to the question: "Who are the representatives of stakeholders in the space of public communication in terms of participation in solving socially significant problems?"

Деятельность именно этих стейкхолдеров экспертами признается крайне важной, имеющей первостепенное значение. Представителей некоммерческого сектора, политических партий и общественно-политических объединений, а также государственных служащих в качестве стейкхолдеров признает простое большинство участников опроса. Это позволяет их отнести к значимыми акторами этого пространства.

Показательно, что респонденты признали несущественной роль экспертов (аналитиков) в решении общественно значимых проблем посредством деятельности в социально сетевом пространстве публичных коммуникаций. И это несмотря на то, что к данной категории принято относить специалистов, имеющих теоретические и практические заделы в определенной области научного знания, обладающих знанием об условиях протекания ключевых процессов социального и физического мира, факторах их детерминации и механизмах их регуляции. Можно сказать, что экспертов не видят в качестве представителей заинтересованных сторон в деле решения общественно значимых проблем. Это свидетельствует о том, что идея участия представителей чисто научного сообщества в экспертно-аналитической деятельности себя исчерпала.

Кроме того, уже не первый год фиксируются определённые проблемы во взаимоотношениях экспертов и власти. Например, Н.А. Косолапов пишет, что власть заказывает экспертам исследования не для получения квалифицированных советов, а для легитимации в глазах общества уже принятого решения, подкрепления его ссылкой на соответствующую научную экспертизу, а также создания вокруг принимаемого решения некой «дымовой завесы» из множества псевдонаучных экспертиз [Косолапов, 2003]. Также следует отметить, что многие управленческие решения по общественно значимым проблемам города принимаются и реализуются в закрытом режиме.

Понятие и участники

Для решения общественно значимых проблем следует переходить к новому типу экспертно-аналитической деятельности – к общественно-профессиональной экспертизе, под которой следует понимать человекообразное рассмотрение и критическую оценку представителями заинтересованных сторон всей имеющейся информации по общественно-значимым проблемам в целях облегчения принятия ответственных решений уполномоченными на это лицами. В такой экспертизе важно не только участие экспертов, представляющих научное сообщество, но и иных представителей заинтересованных сторон. Основной акцент данной экспертизы сделан на том, чтобы задействовать недостаточно реализуемый потенциал горожан путём максимального привлечения их к оценке принимаемых управленческих решений. Отметим также, что общественно-профессиональная экспертиза не отменяет экспертизу проектов, программ и нормативных документов на предмет соответствия экологическим, строительным и иным требованиям.

Отталкиваясь от предложенной Т.М. Дридзе классификации лиц, причастных к выработке социально значимых управленческих решений, касающихся судебных социально-территориальных общностей¹ [Прогнозное..., 1989], можно дать авторскую классификацию участников общественно-профессиональной экспертизы и охарактеризовать их с позиций уровня ориентации в проблеме, информированности и степени объективности суждений (табл. 1). Из таблицы видно, что не только так называемые независимые эксперты (аналитики) могут быть участниками общественно-профессиональной экспертизы. Участниками такого рода экспертизы, например, могут стать чиновники из региональных органов государственной власти, нередко иницирующие процесс решения городских проблем, а также служащие муниципалитетов, действующие в «зоне контакта» с горожанами и потому в наибольшей мере осведомлённые о их реальных проблемах.

¹ Прогнозное социальное проектирование: методологические и методические проблемы / Боровик Е.Н., Библер В.С., Гаазе-Рапопорт М.Г. и др.; Отв. ред. Т.М. Дридзе; АН СССР. Ин-т социологии. – М.: Наука, 1989. – 256 с.

Таблица 1
Table 1

Оценка уровня ориентации в проблеме, информированности и объективности суждений стейкхолдеров общественно-профессиональной экспертизы
Assessment of the level of orientation in the problem, awareness and objectivity of the judgments of stakeholders of public and professional expertise

Группы стейкхолдеров	Уровень ориентации в проблеме (высокий/низкий)	Уровень информированности о ситуации (высокий/низкий)	Объективность суждений (объективно/ субъективно)
Эксперты (аналитики)	Высокий	Низкая из-за недостаточного знания конкретной социальной ситуации	Высокая объективность
Служащие органов государственной власти	Высокий в рамках осмысления масштабовности проблемы	Высокий, при недостаточном знании реальных запросов горожан	Относительная высокая объективность в рамках официоза
Служащие органов муниципальной власти	Высокий на уровне сферы городской жизни или района города	Высокий, на уровне сферы городской жизни или района города	Относительная высокая объективность в рамках официоза
Ведущие специалисты муниципальных организаций	Высокий на уровне сферы городской жизни	Высокий	Низкая объективность, ограниченная профессиональной деятельностью
Представители некоммерческого сектора	Высокий на уровне сферы городской жизни	Высокий	Высокая объективность, ограниченная локальной ситуацией
Представители бизнес-структур	Средний	Низкий из-за недостаточного знания конкретной социальной ситуации	Относительная высокая объективность в рамках рыночной конъюнктуры
Лидеры общественного мнения	Средний	Низкий из-за недостаточного знания конкретной социальной ситуации	Относительная высокая объективность в рамках политической конъюнктуры
Представители политич. партий и общественно-политич. объединений	Средний в рамках осмысления методов решения	Средний	Относительная высокая объективность в рамках политической конъюнктуры
Активисты муниципалитета	Средний в рамках осмысления методов решения	Низкий, односторонний со стороны потребителя благ	Относительная высокая объективность, основанная на личном опыте

Даже ведущие специалисты муниципальных организаций, нанимаемые и потому зависимые от власти, могут участвовать в экспертизе, поскольку их точка зрения на решаемую проблему и связанную с этим деятельность профильных учреждений важна для оценки возможных путей реализации управленческих решений. В случае развитости некоммерческого сектора его представители могут выступать активными участниками общественно-профессиональной экспертизы, поскольку они берутся за решение широкого спектра социальных проблем: от вопросов ухода за престарелыми и маломобильными гражданами до проблем защиты окружающей среды.

В комплексной оценке управленческого решения заинтересованы и представители бизнес-структур, которые не станут вкладывать средств в социальный проект, если не по-

нимают его коммерческий или социально значимый смысл. Мнение лидеров общественного мнения и сторонников оппозиционных партий обычно резко контрастирует с официальной позицией и тем самым интересно при принятии решений. А активисты из числа жителей муниципалитета, хотя и не всегда чётко видят проблему в целом, но благодаря накопленному ими опыту контактов с городской инфраструктурой и городскими службами нередко могут раскрыть проблему с неожиданной стороны.

Особенности платформенной организации

Развитие процессов цифровой платформизации способствует формированию сетевых отношений власти и общества, где особую роль приобретают технические объекты инфраструктур – площадки для коммуникации. Использование в процессе коммуникации власти и общества электронных инструментов позволяет с одной стороны упрощать процедуры реализации государственного управления и повышать его эффективность, а с другой – артикулировать и агрегировать интересы граждан [Палагичева, Изюмов, 2022].

Возможность реализации общественно-профессиональной экспертизы связана с трансформацией электронных площадок, осуществляющих взаимодействие между властью и сообществом, в цифровые платформы, организующих экспертно-аналитическую деятельность в распределённой сетевой среде. Цифровая платформа общественно-профессиональной экспертизы призвана объединить стейкхолдеров актуальным контентом по значимым для сообщества проблемам и единой системой коммуникаций для осуществления экспертной деятельности. С помощью такой платформы можно сформировать реестр стейкхолдеров и обеспечить рекрутинг части из них для общественно-профессиональной экспертизы по конкретной общественно значимой проблеме. Платформы могут использовать алгоритмы искусственного интеллекта для определения компетенции представителей заинтересованных сторон на основе анализа их профилей и сопоставления с требованиями к конкретной задаче, формируя оценку релевантности, а также осуществить конфигурирование релятивных сетей из представителей заинтересованных сторон, то есть создать сеть с позитивной взаимозависимостью участников общественно-профессиональной экспертизы, способствующей решению общественно значимых проблем.

Основой согласования позиций может стать критическая эвристика проектирования социальных систем В. Ульриха [Ulrich, 1983]. Данная методика позволяет учитывать нормативные ценности и установки «заинтересованных лиц» и согласовывать позиции в условиях системного (объективного) насилия, то есть насилия «нормальности» работы социальных систем, той призрачной логики, которая определяет происходящее в социальной реальности [Жижек, 2010]. В этом случае участникам общественно-профессиональной экспертизы предстоит произвести отграничение системы от среды, то есть сконцентрировать внимание только на проблеме и факторах, её определяющих. По мнению В. Ульриха, таким способом лучше проявляется и наиболее ярко подчёркивается расхождение во взглядах различных групп, вовлечённых в исследуемую проблему. Это позволяет на следующем этапе организовать диалог между представителями заинтересованных сторон с двумя типами мышления: практическим (обыденным) и экспертным (системным). Такого рода обсуждения должны обеспечить системную целостность анализируемой проблемной ситуации, всесторонность рассмотрения принимаемого управленческого решения и, самое существенное, сформировать определённый уровень взаимопонимания заинтересованных лиц, без которого воплощение принимаемых решений в жизнь недостижимо.

Таким образом, конфигурируя процесс коммуникации между основными заинтересованными сторонами можно дать импульс для развития диалога и сотрудничества, способствующих консолидации, достижению консенсуса/компромисса.

Список литературы

- Бабинцев В. П., Надуткина И. Э., Сапрыка В.А. 2015. Экспертное сообщество как субъект гражданского участия в регионе. *Власть*, 22(7): 5–9.
- Бабинцев В.П. 2022. Социальная консолидация как преждевременный управленческий проект в дополненной реальности. В кн.: Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 17: Материалы XXI Национальной научной конференции с международным участием «Модернизация России: приоритеты, проблемы, решения». М.: 244–247.
- Бабинцев В.П., Гайдукова Г.Н., Шаповал Ж.А. 2021. Консолидация городских сообществ: предпосылки и ограничители. *Nomothetika: Философия. Социология. Право*, 46(3): 592–597. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-592-597.
- Богомолов А.В., Климов Р.С. 2017. Автоматизация обработки информации при проведении коллективных сетевых экспертиз. *Автоматизация. Современные технологии*, 71(11): 509–512.
- Василенко Л.А., Вронская М.И. 2010. Взаимодействие органов государственной власти и местного самоуправления с институтами гражданского общества. М., ООО «Перспектив», 290 с.
- Василенко Л.А., Зотов В.В., Захарова С.А. 2020. Использование потенциала социальных медиа в становлении участвующего управления. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*, 20(4): 864–876. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-4-864-876.
- Жижек С. 2010. О насилии. М., Европа, 184 с.
- Косолапов Н.А. 2003. Политика, экспертиза, общество: узлы взаимозависимости. *Pro et Contra*, 8(2): 18–31.
- Луков Вал. А., Доскальчук А.В. 2009. Город. *Знание. Понимание. Умение*, 4: 240–242.
- Михайлова О.В. 2018. Эпистемические сообщества в процессе продвижения идей в повестку дня государственного управления. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*, 46: 167–175.
- Палагичева А.В., Изюмов Е.А., 2022. Современная цифровая инфраструктура коммуникации власти и общества. В кн.: Возможности и угрозы цифрового общества: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ярославль, Цифровая типография: 184–190.
- Сунгуров А.Ю., Карягин М.Е. 2017. Российское экспертное сообщество и власть: основные формы взаимодействия. *Полис. Политические исследования*, 3: 144–159. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.10.
- Тобин Д.С. 2020. Сетевая экспертно-аналитическая платформа как инструментальное средство поддержки принятия решений в распределённой среде. *Вестник НГУЭУ*, 3: 231–240.
- Щеглов И.А. 2022. Экспертные отношения как платформа философии фидбэка в образовательном пространстве. *Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана*, 3(95): 783. DOI 10.18698/2306-8477-2022-3-783.
- Guston D.H. 2001. Boundary Organizations in Environmental Policy and Science: An introduction. *Science, Technology, & Human Values*, 26(4): 399–408. DOI: 10.1177/016224390102600401
- Haas P.M. 1992. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination. *International Organization*, 46(1): 1–35.
- Ulrich W. 1983. *Critical Heuristics of Social Planning: A New Approach to Practical Philosophy*. Bern, Switzerland, and Stuttgart, Germany: Paul Haupt, 504 p.

References

- Babintsev V.P., Nadutkina I.E., Sapryka V.A. 2015. Ekspertnoye soobshchestvo kak sub"yekt grazhdanskogo uchastiya v regione [Expert community as a subject of civil participation in a region]. *Vlast'*, 22(7): 5–9.
- Babintsev V.P. 2022. Sotsial'naya konsolidatsiya kak prezhdevremennyy upravlencheskiy proyekt v dopolnennoy real'nosti [Social Consolidation as a Premature Management Project in Augmented Reality]. In: Rossiya: tendentsii i perspektivy razvitiya [Russia: trends and development prospects]. Yearbook. Issue. 17: Materials of the XXI National scientific conference with international participation "Modernization of Russia: priorities, problems, solutions": 244–247.
- Babintsev V.P., Gaidukova G.N., Shapoval Zh.A. 2021. Konsolidatsiya gorodskikh soobshchestv: predposylki i ogranichiteli [Consolidation of Urban Communities: Prerequisites and Constraints]. *NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law series*, 46(3): 592–597. DOI 10.52575/2712-746X-2021-46-3-592-597.

- Bogomolov A.V., Klimov R.S. 2017. Avtomatizatsiya obrabotki informatsii pri provedenii kollektivnykh setevykh ekspertiz [Automation of information processing during collective network expert examinations]. *Automation. Modern Technologies*, 71(11): 509–512.
- Vasilenko L.A., Vronskaya M.I. 2010. Vzaimodeystviye organov gosudarstvennoy vlasti i mestnogo samoupravleniya s institutami grazhdanskogo obshchestva [Interaction of public authorities and local self-government with civil society institutions]. M., Publ. "Prospect", 290 p.
- Vasilenko L.A., Zotov V.V., Zakharova S.A. 2020. Ispol'zovaniye potentsiala sotsial'nykh media v stanovlenii uchastvuyushchego upravleniya [Social media potential for developing participatory governance]. *RUDN Journal of Sociology*, 20(4): 864–876. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-4-864-876.
- Zizek S. 2010. About violence. M., Publishing house "Europe", 184 p.
- Kosolapov N.A. 2003. Politika, ekspertiza, obshchestvo: uzly vzaimozavisimosti [Politics, expertise, society: nodes of interdependence]. *Pro et Contra*, 8(2): 18–31.
- Lukov Val. A., Doskalchuk A.V. 2009. Gorod [City]. *Knowledge. Understanding. Skill*, 4: 240–242.
- Mikhaylova O.V. 2018. Epistemicheskiye soobshchestva v protsesse prodvi-zheniya idey v povestku dnya gosudarstvennogo upravleniya [Epistemic communities in the promotion of ideas in the agenda of public administration]. *Tomsk State University Journal Of Philosophy Sociology And Political Science*, 46: 167–175.
- Palagicheva A.V., Izyumov E.A., 2022. Sovremennaya tsifrovaya infra-struktura kommunikatsii vlasti i obshchestva [Modern digital infrastructure of communication between government and society]. In: *Vozmozhnosti i ugrozy tsifrovogo obshchestva [Opportunities and threats of the digital society]: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Yaroslavl, Publ. "Digital Printing": 184–190.*
- Sungurov A.Yu., Karyagin M.E. 2017. Rossiyskoye ekspertnoye soobshchestvo i vlast': osnovnyye formy vzaimodeystviya [Russian Expert Community and Government: Main Forms of Interaction]. *Polis. Political Studies*, 3: 144–159. DOI: 10.17976/jpps/2017.03.10
- Tobin D.S. 2020. Setevaya ekspertno-analiticheskaya platforma kak instrumental'noye sredstvo podderzhki prinyatiya resheniy v raspredelonnoy srede [Network Expert-Analytical Platform as a Tool Decision Support Distributed Environments]. *Vestnik NSUEM*, 3: 231–240.
- Shcheglov I.A. 2022. Ekspertnyye otnosheniya kak platforma filosofii fidbeka v obrazovatel'nom prostranstve [Expert relations as a platform of feedback philosophy in the educational space]. *Humanities Bulletin of BMSTU*, 3(95): 783. DOI 10.18698/2306-8477-2022-3-783.
- Guston D.H. 2001. Boundary Organizations in Environmental Policy and Science: An introduction. *Science, Technology, & Human Values*, 26(4): 399–408. DOI: 10.1177/016224390102600401
- Haas P.M. 1992. Introduction: Epistemic Communities and International Policy Coordination. *International Organization*, 46(1): 1–35.
- Ulrich W. 1983. *Critical Heuristics of Social Planning: A New Approach to Practical Philosophy*. Bern, Switzerland, and Stuttgart, Germany: Paul Haupt, 504 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.08.2022

Поступила после рецензирования 19.10.2022

Принята к публикации 02.11.2022

Received August 2, 2022

Revised October 19, 2022

Accepted November 02, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зотов Виталий Владимирович, доктор социологических наук, профессор, профессор департамента философии учебно-научного центра гуманитарных и социальных наук, Московский физико-технический институт (национальный исследовательский университет), г. Долгопрудный, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitaly V. Zotov, Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of Philosophy of the Educational and Scientific Center for Humanities and Social Sciences of the Moscow Institute, Physics and Technology (National Research University), Dolgoprudny, Russia.

УДК 316.334:796

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-691-699

Становление и развитие современного спорта: между игрой и культурной индустрией

Лукашук В.И.

Севастопольский государственный университет,
Россия, 299053, г. Севастополь, ул. Университетская, 33,
E-mail: luka81@list.ru

Аннотация. Трансформация современного спорта способствовала превращению его в индустрию, включающую многочисленные организации различной направленности своей деятельности. Это новая реальность оказалась вне поля интереса социологов, о чем свидетельствует отсутствие научных работ, посвященных анализу причин данной трансформации. Цель исследования – провести социокультурный анализ динамики становления и развития современного спорта от игры к масскультуровой индустрии. В процессе работы над проблемой использовались методы контент-анализа, сравнительного исследования и вторичной интерпретации социологических исследований. В процессе исследования установлено, что трансформация современного спорта происходила под влиянием изменения игровой парадигмы в обществе на спортивную, в результате чего спорт превращается в профессию и феномен массовой культуры и индустрии. Определены и охарактеризованы социокультурные факторы, которые способствовали трансформации спорта в индустрию: стандартизация норм и правил соревнований и спортивного оборудования, специализация спортивной деятельности, дифференциация видов спорта, стремительно возросшее количество международных соревнований по всем видам спорта, распространение спортивных средств массовой коммуникации, значительное увеличение численности спортивных болельщиков. Проанализирована роль СМИ в становлении и развитии современного спорта.

Ключевые слова: спорт, спорт как социальный феномен, социология спорта, спортивные практики, спортивное соревнование, трансформация спорта, глобализация спорта, индустрия спорта

Для цитирования: Лукашук В.И. 2022. Становление и развитие современного спорта: между игрой и культурной индустрией. НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Права, 47(4): 691–699. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-691-699

The Formation and Development of Modern Sports: Between Play and the Cultural Industry

Vitalii I. Lukashchuk

Sevastopol State University
33 Universitetskaya St, Sevastopol 299053, Russian Federation
E-mail: luka81@list.ru

Abstract. The transformation of modern sports has contributed to its transformation into an industry that includes numerous organizations of various orientations of its activity. This new reality has been out of the field of interest of sociologists, as evidenced by the lack of scientific works devoted to the analysis of the causes of this transformation. The purpose of this article is to conduct a sociocultural analysis of the dynamics of formation and development of modern sports from the game to the mass cultural industry. In the process of working on the problem methods of content analysis, comparative study and secondary interpretation of sociological research were used. In the process of research it was established that the transformation of modern sports was influenced by the change of the game paradigm in society to a sports paradigm, as a result of which sport turns into a profession and a phenomenon of mass culture and

industry. Sociocultural factors that contributed to the transformation of sport into an industry were identified and characterized: standardization of norms and rules of competitions and sports equipment, specialization of sports activities, differentiation of sports, the rapidly increasing number of international competitions in all sports, the spread of sports mass communication media, a significant increase in the number of sports fans. The role of the media in the formation and development of modern sports is analyzed.

Keywords: Sport, Sport as a Social Phenomenon, Sociology of Sport, Sports Practices, Sports Competition, Transformation of Sports, Globalization of Sport, Sport Industry

For citation: Lukashchuk V.I. 2022. The Formation and Development of Modern Sports: Between Play and the Cultural Industry. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 691–699 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-691-699

Введение

Современный спорт можно отнести к социальным институтам, которые с каждым годом оказывают все более существенное влияние на социум. Как справедливо заметил П. Крейг, «спорт является одновременно и продуктом меняющегося мира, и влияющим на него фактором» [Craig, 2016, p. 13]. Ранее автором отмечалось, что «сегодня спорт превратился в своего рода индустрию, в которую входят спортивные, оздоровительные, технические, управленческие, образовательные и научные организации, а также спортивная промышленность, средства массовой информации, производство спортивной одежды и оборудования и тому подобное. Эта новая реальность оказалась практически незамеченной социологами, доказательством чего является то, что глубоких монографических работ по поводу выяснения причин такой трансформации, закономерностей функционирования и особенностей управления индустрией спорта в отечественной социологии практически нет» [Лукашук, 2021, с. 653]. По мнению А.С. Адельфинского, объясняется это тем, что «с одной стороны, успешно существует официальная спортивная наука в виде отраслевых вузов и НИИ. Однако воспроизводимое ею знание оторвано от современных реалий и не обладает эвристикой даже для решения внутриотраслевых проблем спорта. С другой стороны, есть общеакадемическая наука, тем не менее интерес к исследованиям спорта развивается с большим трудом» [Адельфинский, 2021]. В опубликованных ранее работах автором и другими российскими учеными акцентировалось внимание на необходимости развития социологии спорта в нашей стране [Быховская, Мильштейн, 2017; Лукашук, 2020; Лукашук, 2021].

К сожалению, социология спорта в нашей стране почти не развивалась, поэтому необходимы системные исследования в данной сфере, что и признана посильно сделать данная статья.

Становление спорта: трансформация игровой парадигмы в спортивную

Различные виды спортивных практик на протяжении всей истории человечества играли важную роль в жизнедеятельности людей, причем наблюдалась их трансформация при переходе от одного уклада жизни к другому. Ученые неоднократно пытались объяснить социальную природу спорта, сосредоточив свое внимание либо на анализе Олимпийских игр Древней Греции, либо на исследовании гладиаторских боев Древнего Рима, либо на изучении рыцарских турниров средневековой Европы, что иногда приводило их к весьма противоречивым выводам. Достаточно вспомнить одну из первых работ Г. Риссе в сфере социологии спорта. Главный тезис этой работы: «...Греческий спорт базируется не на каких-либо материально-экономических основах, а просто на радостном восприятии красивого тела» (цит. по – [Пономарев, 1974, с. 6-7]). Таким образом, по его мнению, развитие спорта не зависит от экономической жизни общества. С критикой подобных кон-

цепций выступает Й. Хейзинга, обращая внимание на тот факт: «... средневековые турниры, к которым апеллируют сторонники вечности идеи соревновательности и спорта как социального института, с их сильной драматизацией и аристократическим оформлением нельзя без оговорок назвать спортом, ибо они одновременно выполняли и театральную функцию» [Хейзинга, 1977, с. 321]. В своей работе ученый неоднократно подчеркивает, что спорт возникает тогда, когда наблюдается переход от «игры как развлечения к организованной системе клубов и соревнований» [Хейзинга, 1977, с. 321]. Й. Хейзинга отмечает, что «сами по себе физические упражнения и индивидуальные занятия – еще не спорт, для которого нужно определенное институциональное оформление: жесткая организация, которая легче всего прививается в играх, где группа играет против группы; натренированная сыгранность постоянных команд; самоуправление с его духом локальной взаимности и солидарности; несомненное стремление к все возрастающей систематизации и дисциплинированности игры, в связи с чем что-то в ее чисто игровом содержании на долгое время утрачивается и начинает предполагать разделение на профессионалов и любителей» [Хейзинга, 1977, с. 321]. Следует отметить, что анализ Й. Хейзинги базируется на игровом компоненте спорта. Автор в своей работе неоднократно подчеркивает, что «соревнования отдаляются от игровой сферы и становятся уже не игрой, но и не чем-то серьезным» [Хейзинга, 1977, с. 323], отрицая тем самым возрастающую значимость института спорта в современном социуме.

Выводы Й. Хейзинги о «несерьезности» спорта опровергаются современными тенденциями его развития. В современном мире «спорт стал всеобъемлющим социальным явлением, поскольку он оказывает влияние на общество в целом и на все социальные структуры» [Мосс, 2011, с. 242]; затрагивает политические, экономические, образовательные, культурные, религиозные, технологические и другие аспекты общественной жизни. Новые тенденции в развитии спорта заставили социологов переосмыслить его роль в жизни общества, и все чаще ученые стали определять спорт как социальный феномен, сформировавшийся «в обществе Нового времени (поначалу – в английском обществе) вследствие небывалого прежде сочетания трех главных факторов: своеобразных форм политической жизни, специфического типа взаимозависимости между социальными группами и особого строя эмоциональной жизни» [Посьелло, 2006, с. 56].

Исследователи современного спорта единодушны в одном: современный спорт зародился в Англии, которая уже к началу XVIII века представляла собой передовое общество с выраженной социальной мобильностью. К тому времени в стране практически были разрушены сословные структуры, на смену торговым отношениям пришли коммерческие соглашения. В подобных обстоятельствах «социальный статус индивида уже не мог обеспечиваться сохранением социальной дистанции, а должен был поддерживаться демонстративным потреблением, то есть потреблением, основным мотивом которого была демонстрация своего высокого социального положения» [Веблен, 2016]. Богатые джентльмены содержали наездников, бегунов и боксеров, устраивали различного рода поединки, тем самым подчеркивая свой социальный статус в обществе. Очевидно, что такая форма роскоши существенно увеличивала затраты на содержание персонала и одновременно позволяла организовывать соревнования, на результаты которых заключались денежные пари на крупные суммы.

Участники пари были заинтересованы в разработке четких и понятных правил соревнований, на основании которых можно однозначно определить победителя и недопустить каких-либо манипуляций. В конечном счете это привело к разработке мер по регламентации соревнований и отдельных видов спорта. Так, в 1740-х годах в боксе были разработаны так называемые правила Брайтона, в которых были оговорены все разрешенные и недопустимые удары, прописаны общие условия поединков. По понятным причинам данные правила запрещали атлетам заключать пари на свои поединки. Чуть позже приняли правила и для других видов спорта. Дж. Мид отмечал, что удовлетворение от со-

ревнований отчасти обусловлено именно изобретением правил, которые он соотносил с определенной совокупностью откликов, которые вызывает некая особая установка [Мид, 2001]. Речь идет об установке на победу как важнейшую цель спортивного соревнования.

Изначально участники поединков не всегда имели равные шансы на победу, поэтому при заключении пари выравнивание шансов обеспечивалось гандикапом. Для этого в скачках были составлены таблицы разрешенных нагрузок для лошадей в зависимости от их возраста, в беге были установлены разные дистанции, в боксе были введены весовые категории, а в крикете была разработана соответствующая система подсчета очков. В конечном итоге атлеты должны были придерживаться строгой дисциплины, поскольку полностью подпадали под контроль джентельменов-спортсменов, которые нанимали их на службу. Все это способствовало трансформации игровых практик в спортивные, «основными значимыми чертами которых наряду со строгой рационализацией стали специализация, достижение материальных успехов в результате собственного труда на спортивных аренах. В итоге спорт превращается в профессию по призванию, тогда как игра – в развлечение» [Лукашук, 2009, с. 133]. Подобное разделение привело к тому, что в спортивном состязании мог участвовать лишь человек подготовленный, немало времени посвящавший конкретным тренировкам. Игровое занятие было для этих людей трудной и напряженной работой. При этом спортсмен осознавал, что успехи в профессиональном спорте – это путь к признанию и славе, общественному почету и уважению. Со стороны социума также происходило переосмысление значимости спорта как для страны в целом, так и для определенной социальной группы, поскольку спортивные успехи укрепляли престиж той или иной социальной структуры.

Еще одним закономерным результатом трансформации игровой парадигмы в спортивную стало деление участников спортивного события на спортсменов и зрителей.

Роль международных соревнований в развитии спорта

По мере возрастания роли спорта в обществе возникла потребность в организации и проведении соревнований не только на региональном, но и на межгосударственном уровне. Первые попытки проведения международных соревнований были обречены на неудачу, поскольку из-за субъективного судейства, несогласованности правил и регламентов возникало множество скандальных ситуаций и споров. В конечном итоге это послужило толчком к созданию специальных международных организаций, нацеленных на разработку официальных правил подготовки и проведения соревнований. Повсеместно стали создаваться федерации по различным видам спорта, а также союзы, благодаря чему стала осуществляться фиксация спортивных рекордов, что вывело спортивные соревнования на качественно новый уровень.

Вторая половина XIX века ознаменовалась стремительным ростом спортивных организаций и клубов спортивной направленности. К 1860 году практически не осталось такой страны, за исключением африканских, в которой бы не получил развитие какой-либо вид современных спортивных практик, хотя еще 10 лет назад вне Англии функционировало менее полусотни спортивных клубов. Стали проводиться международные соревнования по многим видам спорта.

Однако самым значимым событием конца XIX века, повлиявшим на развитие современного международного спорта, стало проведение Олимпийских игр. Идея возрождения Олимпиады по античному образцу как формы мирного состязания среди лучших, как способ утверждения этических принципов и основ благородства занимала умы многих политических и культурных деятелей, теоретиков и мыслителей. Эту идею пытались неоднократно реализовать в разные годы и в Англии, и в Германии, и в Греции. Однако проводимые спортивные мероприятия не выходили за рамки народных праздников, «характер которых определялся интересами узкого, национально ограниченного практицизма. Ми-

ровое развитие спорта требовало преодоления подобного сепаратизма в любительском движении. Не вызывало сомнений, что для консолидации спортивной жизни необходима единая организация, которая бы стояла над международными федерациями и обеспечивала периодическое проведение соревнований, организованных по образцу Олимпийских игр и способных охватить все виды спорта и выражать идею общности и примирения всех народов мира. Исключительный вклад в воплощение этих замыслов принадлежит французскому дипломату барону Пьеру де Кубертену. При его активном участии в 1894 году был создан Международный Олимпийский комитет (МОК), и уже два года спустя были проведены первые Олимпийские игры современности на родине древних игр – в Афинах» [Лукашук, 2009, с. 137]. Успешность реализации замыслов Пьера де Кубертена можно объяснить тем, что он удачно апеллировал к патриотизму европейских государств. Кубертен одним из первых осознал тот факт, что разные страны готовы сделать серьезные шаги для развития той сферы культуры, в которой возможно подтвердить свой престиж. Однако деятельность МОК была направлена на закрепление разделения между профессионалами и спортсменами-любителями. Кубертен со своими соратниками понимали, что спорт может оказаться коммерческой приманкой и вызывать низменные пристрастия. Однако их стремление возродить олимпизм базировалось на желании развивать спорт как одну из форм самовыражения и саморазвития личности, создания праздничного духа состязаний. Они считали спорт самым лучшим способом популяризации и принятия гуманистических ценностей, а также фактором преодоления социального неравенства. Поэтому изначально в олимпийском движении подчеркивалась первоочередная роль этических и эстетических ценностей в качестве основных ориентиров и смыслового стержня спорта.

Вскоре развитие олимпийского движения обострило противоречия между спортсменами – профессионалами и любителями. Стал очевидным тот факт, что в олимпийском спорте термин «любитель» использовался лишь в документах международного олимпийского комитета (МОК), в соревнованиях же принимали участие исключительно профессионалы. «В результате эта дефиниция многократно пересматривалась, и в 1974 году термин “любитель” был исключен из олимпийских документов, поскольку ни у кого не вызывало сомнения, что для достижения высоких спортивных результатов необходимо приложить невероятные усилия, требующие полной отдачи, времени и материальных затрат. Поэтому каждый желающий в свободное от работы время и за свой счет не в состоянии предаваться тренировкам и состязаниям» [Лукашук, 2009, с. 138]. Спортсмены, показывающие наивысшие спортивные достижения, нуждаются в материальной помощи для компенсации затрат на инвентарь, одежду, обувь и др., государственной поддержке и поощрении как факторов признания социальной значимости спортивных побед. Кроме того, в спортивной деятельности проявилось социальное неравенство, поскольку достижение значимых спортивных результатов оказалось возможным только для состоятельных социальных слоев, состоящих в основном из городского населения.

Таким образом, усилия спортсменов-любителей и их приверженцев оказались напрасными, и спорт все-таки попал в сферу общественного разделения труда. Дифференциация видов спорта, стандартизация норм и правил, а также внедрение типичного спортивного снаряжения сделали возможным планирование физической подготовки и вместе с тем систематическое совершенствование разнообразных и наиболее рациональных форм движения, позволяющих в рамках действующих правил повысить шансы на победу.

Трансформация спорта под влиянием СМИ

Уже к 20–30 годам XX века социальный статус спорта значительно возрос, поскольку кроме функций, присущих его природе, он стал выполнять ряд других социально значимых функций, одной из которых было формирование имиджа страны. Поэтому отношение к спорту со стороны государственных структур, которые ранее едва замечали его

в кругу своих интересов, существенно изменилось. Высокие спортивные достижения стали индикатором престижа страны. Принципиальную роль в такой трансформации спорта сыграли средства массовой информации, благодаря которым выдающиеся спортсмены были поставлены в один ряд со звездами кино, что повлекло за собой высокую социальную престижность и материальную заинтересованность. Д. Роу в своей работе показывает, что спорт неразрывно связан со СМИ, начиная с XVII века, когда вышла первая газета, регулярная рубрика которой была посвящена спорту [Rowe, 2003].

Благодаря своей функции – развлекать и заполнять досуг – спорт превратился в одну из главных тем для СМИ. Растущая популярность спорта обеспечивала СМИ широкую и постоянную аудиторию, делала возможным выполнение как информационных, так и развлекательных функций. Благодаря телевидению спортивные соревнования стали идеальным медижанром. Несмотря на распространение критического отношения к телевидению, формирующему усредненную, «бездумную» культуру, многие исследователи данной темы изучали спортивные трансляции как одну из форм народной культуры, противостоящей элитарной, показывали, как положительный образ спорта усиливается благодаря СМИ. Например, Дж. Веннел [Whannel, 2005], опираясь на контент-анализ текста, показал, как под влиянием каналов английской телекорпорации BBC трансляция международных спортивных соревнований превратилась в действенное средство воспитания национальной гордости. В современном социуме под влиянием Интернета, цифрового и спутникового телевидения и других средств коммуникации возник «новый технологический комплекс под названием Медиаспорт» [Wenner, 1998].

Становлению современного спорта способствовало также его развитие в США, стране, занявшей после Первой мировой войны место сверхсильного государства мира, в котором существенное внимание уделялось популяризации американского образа жизни в других странах. Одним из инструментов данного процесса стало участие американских спортсменов почти во всех проводимых международных состязаниях. Достижения спортсменов-профессионалов освещались всеми средствами массовой информации и сопровождались рекламой, благодаря чему создавались специальные коммерческие спортивные тресты, компании по строительству спортивных стадионов и других крупных сооружений, агентства по организации матчей и соревнований и др. Как следствие, профессиональный спорт одновременно превратился в бизнес и одно из средств пропаганды.

Дальнейшая трансформация спорта связана с появлением в 1930-е годы спонсоров спортивных соревнований. Одним из первых спонсоров телевизионных трансляций бейсбольных матчей стала компания «Дженерал Милз», производившая сухие завтраки Wheaties. В 1933 году появился один из самых известных в истории рекламных слоганов: «Wheaties – завтрак чемпионов». Поскольку телевизионные показы Wheaties были невероятно популярными, компания расширила сферу деятельности с одной телевизионной станции до 95, привлекая к своей акции команды со всей страны. Акцент в телевизионной рекламе «Завтрак чемпионов» был сделан на рассказах известных спортсменов, формирующих в массовом сознании мысль о том, что путь к успеху может быть доступным, зависящим только от самого себя, от своих физических данных, трудолюбия и выносливости и не связан с происхождением или получением труднодоступного образования.

Следует отметить, что в последние годы реклама в спорте стала менее популярной. На это указывают результаты опроса, проведенного ВЦИОМ в ноябре 2019 г.¹, согласно которому из 58 % россиян, интересующихся спортом, 43 % проявляли свой интерес через телевизионный просмотр спортивных событий, для 18 % опрошенных наиболее распространенной практикой проявления интереса к спорту является поиск информации на специализированных сайтах. Лишь 11 % опрошенных непосредственно посещают спортив-

¹ ВЦИОМ. 2019. Поддержка спорта букмекерами: миф или шанс? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/podderzhka-sporta-bukmekera-mi-mif-ili-shans-> (дата обращения 15.06.2022).

ные мероприятия. При этом только треть россиян (29 % респондентов) из тех, кто интересуется спортивными соревнованиями (58 %), обращают внимание на рекламу.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что именно под влиянием СМИ олимпийцев, рекордсменов, чемпионов становились составляющими национального престижа. Спорт открывал дорогу к успеху, он обещал сломать расовые и сословные барьеры. Государство, включив спорт в сферу своих интересов, приобретало доверие и уважение своих граждан и ряд других дивидендов.

Кроме того, спорт стал использоваться как инструмент давления для достижения политических целей. Иллюстрацией последнего тезиса могут служить данные социологического исследования, проведенного ВЦИОМ в апреле 2022 года¹, согласно которому 90 % россиян считают, что в современных условиях принцип «спорт вне политики» скорее не соблюдается. Причем количество респондентов, давших утвердительные ответы на этот вопрос, увеличивается в возрастных группах: 18 лет – 24 года – 82 %, 25 лет – 34 года – 89 %, 35 лет – 44 года – 87 %, 45–59 лет – 91 %, 60 лет и старше – 94 %. Подавляющее большинство россиян (88 %) считают решение об отстранении российских спортсменов от участия в международных соревнованиях после начала специальной военной операции (СВО) России на Украине недопустимым, 74 % опрошенных такие решения считают несправедливыми, 63 % россиян поддерживают спортсменов, которые сами отказываются от участия в международных соревнованиях, если их просят публично выразить оценку специальной военной операции.

При этом многие зарубежные СМИ отмечают, что интерес зрителей и даже самих участников к международным соревнованиям значительно снизился без участия в них российских спортсменов. Все это говорит о том, что международный спорт в ближайшее время ждет очередная глубокая трансформация.

Заключение

Таким образом, развитие спорта во многом определяется трансформацией самого общества и в первую очередь его экономической и политической подсистем. Будущее современного спорта никогда раньше, даже в период своего становления и институционализации не находилось в ситуации столь глубокой неопределенности, как сейчас. Эта бифуркация в спорте вызвана в значительной степени политической и экономической нестабильностью в современном мире, геополитическим противостоянием нескольких стран, включая Россию.

Мы видим несколько возможных сценариев дальнейшего развития международных отношений, от которых зависит и развитие международного спорта:

1. Запад и Россия пойдут на взаимоприемлемые уступки в ряде вопросов, специальная военная операция России на Украине закончится, глобальные политические процессы, международные отношения, в том числе и в сфере спорта будут стремиться обрести устойчивое равновесие, основываясь на уже привычной картине мира, существовавшей десятилетиями. А значит, ограничения, наложенные на российский спорт, в течение ближайшего десятилетия будут сниматься, отечественный спорт вновь будет интегрирован в мировой, и международный спорт будет иметь привычную нам форму и правила, как формальные, так и неформальные. Впрочем, нам такой сценарий кажется маловероятным, учитывая, что противоречия в политической и экономической сферах не связаны только с СВО, это скорее предлог для санкций и ограничений. Есть множество других центров нестабильности – это и вопрос Тайваня, неразрешенные проблемы Африканского континента и Ближнего Востока. Таким образом, глобальные изменения в политической и экономической

---

¹ ВЦИОМ. 2022. Международный спорт: теперь без принципов?! URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mezhdunarodnyi-sport-teper-bez-principov> (дата обращения 15.06.2022).

плоскости неизбежны, что, безусловно, повлияет и на дальнейшее развитие спорта.

2. России и странам Запада не удастся прийти к политическому компромиссу, санкции будут оказывать крайне негативное воздействие на развитие российской экономики, правительству не удастся найти эффективные меры противодействия такой политике. Как следствие, экономическая ситуация в стране будет ухудшаться, в политическом поле будут наблюдаться процессы дезорганизации и аномизации. В такой ситуации, конечно, вопросы развития спорта окажутся далеко не на первом месте. Кроме того, при таком развитии ситуации страны Запада усилят санкционное давление и попытки изолировать Россию в самых разных сферах деятельности, включая сферу спорта. В таком случае международный спорт, скорее всего, будет выглядеть привычным для нас образом, только без участия в нем российских спортсменов. Безусловно, это наиболее негативный сценарий, который мы рассматриваем исключительно гипотетически и надеемся, что на практике он не будет реализован ни в коей мере.

3. Политическое давление на РФ странами Запада будет продолжено, как и попытки ее изоляции, однако правительство и российское общество справятся с этим давлением, будут найдены меры эффективного противодействия в экономической сфере; в политической сфере будут найдены новые партнеры, при этом российское общество останется достаточно консолидированным. В таком случае для развития и качественной трансформации спорта открываются новые возможности. Не секрет, что на протяжении всей истории современного спорта его регулярно сотрясали скандалы, связанные с употреблением допинга, проявлением расизма и ксенофобии, несправедливым судейством и т.п. Таким образом, уже сейчас есть необходимость в кардинальном изменении самого спорта, если не в отказе, то в уменьшении дегуманизирующих практик как в самом спорте, так и в околоспортивной среде, в деполитизации спортивных соревнований, в более честном судействе. И в этом случае у России открываются значительные перспективы в реформировании современного спорта, организации и проведении новых спортивных турниров, изменении всей философии современного спорта. Для этого необходима политическая воля руководства страны, значительные финансовые ресурсы и компетентные специалисты в разных сферах.

Список литературы

- Адельфинский А.С. 2021. Об исследованиях социологии спорта во Франции и России. Социологические исследования, 3: 154–156. DOI: 10.31857/S013216250013518-2
- Быховская И., Мильштейн О. 2017. Советская социология спорта: старт и... еще раз старт (субъективные заметки с претензией на объективность). Социологическое обозрение, 16(2): 284–319. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-284-319
- Веблен Т. 2016. Теория праздного класса. Москва, Либроком, 366 с.
- Лукашук В.И. 2021. Генезис спорта: обзор основных теорий. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 46(4): 652–661. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-652-661
- Лукашук В.И. 2020. Социология спорта: обзор традиционных зарубежных социологических парадигм и теорий. Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология, 2: 49–69. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-49-69
- Лукашук В.И. 2009. Трансформация спорта: от забавы к индустрии. Социология: теория, методы, маркетинг, 2: 130–143.
- Мид Д. 2001. От жеста к символу. Зарубежная социология XX века: Хрестоматия. Днепропетровск: 180–185.
- Мосс М. 2011. Общества, обмен, личность. Труды по социальной антропологии. Москва, КДУ, 416 с.
- Пономарев Н.И. 1974. Социальные функции физической культуры и спорта. Москва, ФиС, 310 с.
- Посьелло К. 2006. Спорт как всеобъемлющее социальное явление. Отечественные записки, 6 (33): 54–66.
- Хейзинга Й. 1997. Homo ludens: Статьи по истории культуры. Москва, Прогресс, 414 с.
- Craig P. 2016. Sport Sociology. London, Sage, 382 p.
- Rowe D. 2003. Sport, Culture and the Media: The Unruly Trinity. Maidenhead, Open University Press, 272 p.
- Wenner L. A. 1998. MediaSport. Milton Park, Routledge, 352 p.

Whannel G. 2005. *Fields in Vision: Television Sport and Cultural Transformation*. Milton Park, Routledge, 248 p.

References

- Adelfinsky A. S. 2021. About sociology of sports researches in Russia and France. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 3: 154–156. DOI: 10.31857/S013216250013518-2 (in Russian).
- Bykhovskaya I., Milstein O. 2017. The Soviet Sociology of Sport: Start and... Start Once Again (Subjective Notes with a Claim to Objectivity). *Russian Sociological Review*, 16(2): 284–319. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-2-284-319 (in Russian).
- Veblen T. 2016. *Teoriya prazdnogo klassa [The theory of the leisure class]*. Moscow, Publ. Librokom, 366 p. (in Russian).
- Lukashchuk V.I. 2021. Sport Genesis: Review of the Main Theories. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 46(4): 652–661. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-4-652-661 (in Russian).
- Lukashchuk V. I. 2020. Sociology of Sport: a Review of Traditional Foreign Paradigms and Theories. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 26(2): 49–69. DOI: 10.24290/1029-3736-2020-26-2-49-69 (in Russian).
- Lukashchuk V. I. 2009. Transformation of sports: from amusement to industry. *Sociology: Theory, Methods, Marketing*, 2: 130–143 (in Russian).
- Mead G. 2001. *Ot zhesta k simvolu [From Gesture to Symbol]*. Zarubezhnaja sociologija HH veka: Hrestomatija, Dnepropetrovsk: 180–185. (in Russian).
- Mauss M. 2011. *Obshhestva, obmen, lichnost'. Trudy po social'noj antropologii [Society. Exchange. Personality. Works on social anthropology]*. Moscow, Publ. KDU, 416 p. (in Russian).
- Ponomarev N.I. 1974. *Social'nye funkcii fizicheskoy kul'tury i sporta [Social Functions of Physical Culture and Sport]*. Moscow, Publ. FiS, 310 p. (in Russian).
- Pocielo Ch. 2006. Sport kak vseobemljushhee social'noe javlenie [Sport as a comprehensive social Phenomenon]. *Otechestvennye zapiski*: 6(33): 54–66 (in Russian).
- Huizinga J. 1997. *Homo ludens: Stat'i po istorii kul'tury [Homo Ludens: the Study of the Play Element in Culture]*. Moscow, Publ. Progress, 414 p. (in Russian).
- Craig P. 2016. *Sport Sociology*. London, Sage, 382 p.
- Rowe D. 2003. *Sport, Culture and the Media: The Unruly Trinity*. Maidenhead, Open University Press, 272 p.
- Wenner L. A. 1998. *MediaSport*. Milton Park, Routledge, 352 p.
- Whannel G. 2005. *Fields in Vision: Television Sport and Cultural Transformation*. Milton Park, Routledge, 248 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 13.08.2022

Поступила после рецензирования 01.10.2022

Принята к публикации 13.11.2022

Received August 13, 2022

Revised October 01, 2022

Accepted November 13, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лукашук Виталий Игоревич, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Социально-философские науки и массовые коммуникации», Севастопольский государственный университет, г. Краснодар, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vitalii I. Lukashchuk, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Sevastopol State University, Krasnodar, Russia

УДК 316.4.066

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-700-711

Пандемическая реальность: актуальные проблемы и перспективы

Реутов Е.В., Вангородская С.А., Гайдукова Г.Н.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: reutov@bsu.edu.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемы адаптации жителей Белгородской области к пандемийной реальности. Обосновано выделение в качестве основных векторов актуальных и потенциальных трансформаций регионального социума в результате комплексного влияния последствий пандемии COVID-19. На основе результатов авторского социологического исследования показано, что влияние пандемии на образ жизни населения довольно значителен, хотя большая часть изменений коснулась преимущественно индивидуальных гигиенических практик. Отмечается явная тенденция к ограничению социальных контактов и социальной жизни – тренд, развитие которого будет зависеть от дальнейшей политики государства. Эмпирически подтверждено несомненное и комплексное влияние пандемии на жизненную ситуацию в большинстве домохозяйств региона. Данное влияние, хотя и проявляется в ряде позитивных эффектов (к числу которых относится, например, рост внимания к собственному здоровью), имеет преимущественно негативное измерение. И если на внутрисемейных коммуникациях оно отражается незначительно, то в гораздо большей степени проявляется в ухудшении качества образования (реализуемого в дистанционном формате) и связанной с этим физической и психологической нагрузкой на членов домохозяйств и, главное, в уменьшении доступности и качества медицинского обслуживания и росте рисков бедности.

Ключевые слова: COVID-19, трансформация регионального социума, самосохранительное поведение, социально-экономические последствия, позитивные и негативные следствия пандемии

Благодарности: исследование выполнено в рамках государственного задания НИУ «БелГУ», проект № FZWG-2020-0027 «Социально-демографические детерминанты развития сельских территорий Центрально-Чернозёмного экономического района».

Для цитирования: Реутов Е.В., Вангородская С.А., Гайдукова Г.Н. 2022. Пандемическая реальность: актуальные проблемы и перспективы. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(4): 700–711. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-700-711

Pandemic Reality: Current Problems and Prospects

Yevgeny V. Reutov, Svetlana A. Vangorodskaya, Galina N. Gaidukova

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: reutov@bsu.edu.ru

Abstract. The problems of adaptation of residents of the Belgorod region to the pandemic reality are considered. The author substantiates the identification of actual and potential transformations of regional society as the main vectors as a result of the complex impact of the consequences of the COVID-19 pandemic. Based on the results of the author's sociological research, it is shown that the impact of the pandemic on the lifestyle of the population turned out to be quite significant, although most of the changes mainly affected individual hygiene practices. There is a clear tendency to limit social contacts and social life – a trend whose development will depend on the further policy of the state. Here, therefore,

a "fork" is fixed, from which society can go either in the direction of increasing atomization, or on the way to overcome it. The latter is possible if the state and public institutions choose methods and technologies of social consolidation that are adequate to the situation. The undeniable and complex impact of the pandemic on the life situation in most households in the region has been empirically confirmed. This influence, although manifested in a number of positive effects (which include, for example, increased attention to one's own health), has a predominantly negative dimension. And if it affects intra-family communications only slightly, it is much more manifested in the deterioration of the quality of education (implemented in a distance format) and the associated physical and psychological burden on household members, and, most importantly, in the reduction of accessibility and quality of medical care and the increase in poverty risks.

Keywords: COVID-19, transformation of regional society, self-preservation behavior, socio-economic consequences, positive and negative consequences of the pandemic

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of the state task of the National Research University "BelSU", project No. FZWG-2020-0027 "Socio-demographic determinants of the development of rural territories of the Central Chernozem Economic Region".

For citation: Reutov E.V., Vangorodskaya S.A., Gaidukova G.N. 2022. Pandemic Reality: Current Problems and Prospects. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 700–711 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-700-711

Введение

В начале пандемии COVID-19, пришедшейся в России на начало 2020 года, несмотря на достаточно быстрый переход от беспечности к панике, вряд ли кто-то мог предположить, что она поколеблет ментальные основы российского общества, заключающиеся в отгораживании от всяких тревожащих факторов и информации, в культивировании концепта стабильности и нежелании менять привычный образ жизни. Вероятно, и пандемия в сочетании с так называемым коронакризисом не сильно поколебала бы данное состояние, если бы не последующие события – уже не политико-медицинского, а военно-политического характера.

Тем не менее нельзя сказать, что российское общество быстро адаптировалось к пандемийной реальности. При всем желании сложно было отгородиться от крайне высокой контагиозности заболевания в периоды так называемых волн и неспособности большинства региональных систем здравоохранения абсорбировать резко выросшую нагрузку, от высокой летальности, вылившейся в конечном счете в большой объем избыточной смертности в 2020–2021 гг., которая составила по разным оценкам от 800 тыс. до 1 млн человек. Если же следовать официальным данным Росстата, то в качестве причины смерти COVID-19 фигурирует в 2020 году в 144 691 случаях, а в 2021 году – в 465 525 случаях¹.

Можно утверждать определенно, что пандемия COVID-19 стала показателем «глобальной экзистенциальной угрозы» [Strong, 1990], вышла далеко за пределы медицинско-го дискурса и приобрела характер триггера комплекса социальных, экономических, политических и социокультурных изменений, которые далеко не завершены.

Проблема существенных изменений в условиях пандемийной реальности экономической, политической и социокультурной картины мира отражена в ряде отечественных публикаций, посвященных анализу влияния коронавирусной инфекции на трансформацию моделей социального поведения населения. Это работы А.Г. Асмолова, Г.У. Солдатовой,

---

¹ Естественное движение населения Российской Федерации за 2020 год (Статистический бюллетень). 2021. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_106/Main.htm (дата обращения: 15.10.2022); Естественное движение населения Российской Федерации за 2021 год (Статистический бюллетень). 2022. URL: https://gks.ru/bgd/regl/b20_106/Main.htm (дата обращения: 15.10.2022).

Т.В. Малевой [Асмолова и др., 2020], А.А. Брега [2022], Н.Х. Гафиатулиной, В.В. Касьянова, С.И. Самыгина [Гафиатулина и др., 2020], Н.В. Голубевой, Д.В. Иванова, М.С. Троицкого [Голубева и др., 2020], Е.С. Захаровой [Zakharova, 2021], Р.Н. Лункина [2020], О.А. Парфеновой, И.С. Петуховой [2022], Д.Ю. Сидякова, Т.В. Яровой [2020], Е.В. Федосенко [2020] и другие.

Целью данной статьи является выявление основных последствий пандемии для регионального социума, определение векторов потенциальных социальных трансформаций в результате комплексного влияния пандемийной реальности.

Объекты и методы исследования

В качестве объекта исследования выступает пандемия Covid-19 как детерминанта изменений в региональном социуме. Эмпирической основой исследования стали результаты анкетного опроса, проведенного с участием авторов в апреле-мае 2022 года. Объем выборочной совокупности – 1010 респондентов. Выборка квотная, репрезентирующая население Белгородской области по половозрастному и поселенческому параметрам. Обработка эмпирических данных осуществлялась с использованием пакета программ SPSS.

Результаты исследования и обсуждение

Исследование опирается на концепцию биосферы как аутопоэтической системы, в соответствии с которой пандемия Covid-19 может рассматриваться как «биосферный иммунный ответ на разрушительную планетарную деятельность человечества» [Казанский, 2003, с. 4]. В качестве основных аспектов актуальных и потенциальных трансформаций мы выделили медицинский, социально-экономический, социально-коммуникационный и демографический.

Уровень реальной распространенности коронавируса в соответствии с самооценкой респондентов оценивается достаточно высоко. Официально (с наличием медицинского заключения) им переболели 20,20 % опрошенных, и еще 25,94 % перенесли заболевание коронавирусом по самоощущениям. Естественно, можно предположить, что во второй доле – большое количество переболевших гриппом и ОРВИ, но в силу повышенной тревожности приписавших себе ковид. Тем не менее эти люди реально болели и могут вполне испытать (или уже испытывают) долгосрочные проблемы с восстановлением. При этом нужно учесть и довольно значительную долю (8,12 %) затруднившихся с ответом. Лишь менее половины (45,74 %) респондентов отрицают у себя историю заболевания коронавирусом, хотя и в этом случае заболевание не исключается ввиду вероятности перенесения его в латентной форме. В любом случае эти данные свидетельствуют о значительном росте нагрузки на учреждения здравоохранения региона и потребности в серьезном увеличении соответствующих ресурсов (причем не только финансовых, но и кадровых, материальной базы, методических и пр.). Еще в большей мере о распространенности коронавируса говорят данные о ситуации в ближнем и дальнем окружении респондентов. Доля тех, кто не имеет информации о переболевших родственниках, знакомых, составляет немногим более десятой части выборочной совокупности. Так, с уверенностью утверждают об отсутствии заболевших среди своих родственников и знакомых лишь 7,55 % респондентов. Еще 4,61 % не знают о таких случаях, хотя и не могут сказать с уверенностью об отсутствии заболевших. И 3,44 % респондентов в принципе затрудняются с ответом на вопрос, по всей видимости, вследствие слабости социальных контактов. И, напротив, около половины (49,50 %) респондентов отмечают случаи коронавируса среди ближайшего окружения (родственники, близкие друзья), и более трети (34,90 %) – в своем дальнем окружении (среди знакомых, соседей, коллег по работе и пр.). Таким образом, можно сказать, что коронавирус в той или иной форме (включая личный опыт заболевания) затронул абсолютное большинство россиян.

Несомненно, что пандемия существенным образом повысила уровень общественной тревожности, характеризующейся «психосоциальной травматизацией личности, дезадаптацией и дезорганизацией общественного сознания, деструкцией нормативности, наступлением панических настроений, появлением новых тревожных смыслов» [Касьянов, 2020, с. 57]. Изменение эмоционального состояния населения стало закономерным следствием перманентно возникающих страхов (в первую очередь за здоровье свое и своих близких), стресса, агрессии, беспомощности (от осознания разрушения привычной картины мира) [Островский, 2020]. Возможно также, что тревожность сделала общество более восприимчивым и податливым в отношении различных фобий. Также нужно учитывать характер российского общества, в котором страхи и тревоги зачастую не вербализуются, а выражаются в спонтанных изменениях социального поведения – в виде панических состояний, ажиотажного спроса на различные товары или же – в росте уровня поддержки власти. Последнее может рассматриваться как одно из следствий «формирования коллективного сознания нового типа, построенного на восприятии внешней среды как непредсказуемой и опасной, а возможностей отдельного взятого индивида в преодолении этих опасностей – как ограниченных. Это приводит к усилению в общественном сознании образа государства как гаранта и механизма обеспечения устойчивости» [Вангородская, 2021, с. 250].

Основным фактором роста тревожности в период пандемии у россиян послужил, безусловно, страх за здоровье – свое и своих близких – о его наличии заявили 81,98 % опрошенных. Далее со значительным отрывом следовали тревоги из-за ограничений, нарушающих привычный образ жизни (43,37 %), из-за неопределенности будущего – своего и своих близких (36,14 %), в связи с трудностями получения медицинской помощи (26,44 %), из-за обострения хронических заболеваний (24,95 %), из-за непоследовательных и нелогичных действий властей (20,69 %), сокращения контактов с близкими и друзьями (15,94 %), перегруженности работой (учебой) (15,54 %), невозможности реализации жизненных планов (15,05 %), угрозы потери работы или перевода ее в дистанционный формат (10,79 %) (рис. 1).

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «Что из перечисленного тревожило Вас больше всего в период пандемии? (укажите не более 5 вариантов ответа)», %

Fig. 1. Distribution of answers to the question: « Which of the above worried you the most during the pandemic? (specify no more than 5 possible answers)», %

Одним из следствий тревоги из-за неопределённости будущего стало нежелание россиян строить долгосрочные планы и стремление жить «одним днем». Именно эти тенденции фиксируются в ряде социологических опросов периода пандемии. В качестве примера можно привести результаты исследования, проведенного Фондом «Общественное мнение» в октябре 2020 года и показавшего увеличение, хотя и незначительное, по сравнению с мартом 2017 года, доли россиян, живущих сегодняшним днем (с 60 до 65 %). Несмотря на то, что доля россиян, вообще не планирующих свое будущее, начиная с 2003 года, демонстрирует тенденцию к уменьшению (с 44 % в августе 2003 года до 20 % в октябре 2020 года), все большее число опрошенных предпочитает строить планы только на ближайшую перспективу (2003 год – 35 %, 2020 – 47 %). Большинство россиян объясняют свое нежелание строить планы на будущее неблагоприятной обстановкой в стране (доля приверженцев этой точки зрения только за 2020 год возросла на 10 % – с 58 до 68 %), связывая ее с отсутствием стабильности и уверенности в завтрашнем дне (19 %), эпидемией коронавируса (18 %), ростом безработицы и страхом потери работы (11 %), низкими зарплатами и пенсиями (11 %) ¹.

Что касается страха потери работы, который в период пандемии стал одним из основных для значительного числа россиян, то, согласно выводам В.В. Касьянова и коллег, «перспектива остаться без средств к существованию и без места работы пугает россиян намного сильнее, чем коронавирус, поскольку шансов умереть от него пока намного меньше, чем от голода» [Касьянов, 2020, с. 60]. Исходя из этого, вполне закономерным выглядит заключение экспертов Центра политической конъюнктуры (ЦПК), сделанное на основе анализа ситуации в российских регионах, о том, что «экономическая повестка будет и дальше вытеснять эпидемиологическую» ².

Пандемия коронавируса не оказала существенного влияния на самосохранительное поведение россиян в части получения квалифицированной медицинской помощи. Большая часть населения декларирует необходимость обращения к врачу лишь в случае продолжительного недомогания (44,53 %) или даже критической ситуации (18,01 %). Лишь 36,83 % респондентов утверждают, что обратятся к врачу при первых симптомах заболевания, идентифицируемого как ОРВИ, грипп или коронавирус.

При этом с достаточным основанием можно утверждать, что пандемия повлияла на самосохранительное и гигиеническое поведение жителей региона в более широком плане. Так, 67,62 % опрошенных утверждают, что стали чаще мыть руки, а 65,35 % – стали носить защитную медицинскую маску. В меньшей мере, но также достаточно заметно изменились иные социальные и индивидуальные практики.

Так, 32,38 % респондентов стали чаще оставаться дома, 28,61 % – избегать скопления людей и общественных мест, 21,78 % – реже использовать наличные деньги при оплате товаров и услуг, 21,49 % – принимать витамины и иммуностимуляторы, 20,50 % – реже путешествовать, 18,32 % – избегать общественного транспорта, 16,93 % – реже контактировать с людьми, 16,44 % – делать покупки онлайн, 15,64 % – реже ходить в магазины, 12,48 % – изменили свое питание в сторону более здорового, 12,08 % – стали больше заниматься физкультурой, 8,91 % – стали работать удаленно. Ничего из перечисленного не коснулось лишь 11,19 % опрошенных (табл. 1).

Таким образом, влияние пандемии на образ жизни оказалось довольно значительным, хотя большая часть изменений коснулась все же индивидуальных гигиенических практик. Вместе с тем следует отметить явную тенденцию к ограничению социальных контактов и социальной жизни – тенденцию, развитие которой будет зависеть от дальнейшей политики государства.

¹ Планы на будущее. 2020. 30 октября // Фонд Общественное мнение. URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/14483> (дата обращения: 12.11.2020).

² Будущее после «короны». Рейтинг российских регионов по уровню пессимизма. 2020. 22 июня // ООО «Центр политической конъюнктуры». URL: https://cpkr.ru/media/kommentarii-ekspertov-tspk/budushchee-posle-korony/?sphrase_id=856 (дата обращения: 13.08.2022)

Таблица 1
Table 1

Распределение ответов на вопрос: «Как пандемия повлияла на Ваш образ жизни? (Укажите все подходящие варианты)», абс., %
Distribution of answers to the question: «How has the pandemic affected your lifestyle? (Specify all suitable options)», abs., %

Варианты ответов	Количество выборов ответа	Доля опрошенных, %
Мою чаще руки	683	67,62
Ношу защитную маску	660	65,35
Остаюсь чаще дома	327	32,38
Избегаю общественных мест	289	28,61
Реже использую наличные	220	21,78
Принимаю витамины, иммуностимуляторы	217	21,49
Реже путешествую	207	20,50
Избегаю общественного транспорта	185	18,32
Стараюсь реже контактировать с родственниками, друзьями, знакомыми	171	16,93
Делаю покупки онлайн	166	16,44
Реже хожу в магазины	158	15,64
Изменил питание в сторону более здорового	126	12,48
Стал больше заниматься физкультурой	122	12,08
Ничего из перечисленного	113	11,19
Работаю удаленно	90	8,91
Другое	4	0,40
Всего	1010	100,00

Здесь, таким образом, мы имеем «развилку», от которой общество может пойти либо в направлении усиления атомизации, либо по пути ее преодоления, если государство и общественные институты выберут адекватные ситуации методы и технологии социальной консолидации.

Реальные социально-экономические последствия пандемии, судя по полученным данным, являются достаточно ощутимыми. Так, у 30,30 % опрошенных есть родственники, друзья или знакомые, которые потеряли работу или лишились основного источника дохода в связи с эпидемией коронавируса, и у 53,17 % респондентов нет никого с подобными проблемами в их окружении (оставшиеся 16,53 % затруднились с ответом на этот вопрос).

Данные опроса отчетливо указывают на заметное ухудшение материального благосостояния жителей региона. Лишь у 9,71% опрошенных за время пандемии личные доходы или доходы семьи выросли (из них выросли заметно – у 3,47 %). Не изменились доходы у 38,02 % опрошенных. Но доминирующим трендом стало все же снижение доходов: у 22,57 % респондентов они немного снизились, а у 18,81 % – снизились значительно.

В целом иерархия проблем, ставших актуальными для домохозяйств региона в период пандемии, выглядит следующим образом (табл. 2):

Таблица 2
Table 2

Распределение ответов на вопрос: «Какие проблемы стали наиболее актуальными для Вашей семьи (семей Ваших близких) в период пандемии? (укажите не более 5 вариантов ответа)», абс., %
 Distribution of answers to the question: «What problems have become most urgent for your family (the families of your loved ones) during the pandemic? (specify no more than 5 possible answers)», abs., %

Варианты ответов	Количество выборов ответа	Доля опрошенных, %
Финансовые проблемы (сокращение дохода, увеличение текущих расходов и пр.)	469	46,44
Затруднение доступа к медицинскому обслуживанию	344	34,06
Закрытие детских садов, перевод школьников на дистанционный режим обучения	302	29,90
Сложности совмещения профессиональных и семейных ролей в условиях дистанционной занятости	296	29,31
Обострение хронических заболеваний	242	23,96
Увеличение бремени домашнего труда	186	18,42
Бытовые проблемы (распределение домашних обязанностей и пр.)	143	14,16
Проблемы во взаимоотношениях с близкими	142	14,06
Обострение семейных конфликтов, семейно-бытового насилия	64	6,34
Увеличение масштабов потребления алкоголя	36	3,56
Другое (укажите)	34	3,37
Всего	1010	100,00

Таким образом, следует признать несомненное и комплексное влияние пандемии на жизненную ситуацию в большинстве домохозяйств региона (и российского общества в целом). Данное влияние, хотя и проявляется в ряде позитивных эффектов (как рост внимания к собственному здоровью, о чем было сказано выше), имеет преимущественно негативное измерение. И если в меньшей мере оно сказывается на внутрисемейных коммуникациях (хотя этот эффект труднее отследить ввиду нежелания многих «выносить сор из избы»), то гораздо в большей мере негативное влияние прослеживается в ухудшении качества образования, реализуемого в дистанционном формате, и связанным с этим фактором (а также с дистанционной занятостью) ростом физической и психологической нагрузки на членов домохозяйств и, главное, в уменьшении доступности и качества медицинского обслуживания и росте рисков бедности.

Таким образом, потенциал пандемии (и объективно, и в оценках жителей Белгородской области) реализовался прежде всего в ухудшении социальной ситуации и соответствующим образом отразился на жизненных мирах отдельных людей и домохозяйств.

Негативные ожидания по поводу последствий пандемии выглядят более отчетливо и отмечаются в совокупности гораздо большим количеством респондентов. Здесь нужно отметить, что респондентам предлагались варианты ответа, связанные лишь с демографическим характером предполагаемых изменений. К наиболее существенным негативным последствиям пандемии жители области относят:

- рост смертности вследствие заражения коронавирусом (отметили 57,82 % опрошенных);

- рост смертности от других (в том числе хронических) заболеваний как следствие перегруженности системы здравоохранения и отложенной медицинской помощи (50,79 %).

В меньшей мере, но также в качестве значимых последствий отмечаются:

- снижение рождаемости из-за отложенной в период пандемии беременности (32,97 %);

- рост числа разводов как следствие длительного пребывания супругов вместе в ограниченном пространстве (27,72 %);

- рост заболеваемости и смертности, вызванный увеличением употребления алкоголя, малоподвижным образом жизни, бытовыми ограничениями (21,19 %);

- сокращение брачности из-за ограничения возможностей для знакомств, регистрации браков, массовых торжеств (18,61 %).

Такое последствие, которое является условно негативным, как сокращение числа абортов из-за отложенной медицинской помощи, отмечают 8,12 % опрошенных. Затруднились определить негативный демографический потенциал пандемии 17,52 % опрошенных – существенно меньше, нежели в предыдущем случае. То есть негативные демографические (и иные) последствия пандемии кажутся жителям региона гораздо более очевидными, нежели позитивные.

Исходя из гипотезы о том, что демографические последствия пандемии могут оказаться наиболее существенными в общем объеме ее деструктивного потенциала, респондентам был задан вопрос о влиянии пандемии на исходные репродуктивные планы. Ответы респондентов подтвердили, что в ситуации серьезных потрясений и общественных трансформаций отказ или откладывание деторождения является закономерной стандартной практикой, что и наблюдалось в течение последних тридцати лет в России. В данном конкретном случае оказалось, что россияне могут корректировать первоначальные планы в сторону уменьшения практически (или даже более чем) в два раза. Так, отвечая на вопрос «Оказала ли пандемия коронавируса влияние на Ваши репродуктивные планы?» 8,32 % опрошенных заявили, что будут рожать детей вне зависимости от ситуации, но 7,03 % – о том, что они решили отложить появление ребенка, а 4,55 % – вообще отказаться от рождения еще одного ребенка.

В принципе, можно утверждать, что опыт пандемии, наряду с различными издержками в виде утраты части доверия государственным и общественным институтам, имеет и позитивное измерение – в виде готовности значительной части граждан мириться с легитимными в их глазах ограничениями. При этом данную готовность, безусловно, не следует преувеличивать, но в отдельных аспектах дисциплинирующее воздействие опыта пандемии очевидно (рис. 2).

Вместе с тем из данной иерархии следует, что граждане прежде всего готовы согласиться с наиболее очевидными и наименее затратными для них ограничениями и мерами, не требующими отказа от привычного образа жизни. Также нужно отметить, что, например, такая мера, как вакцинация (несмотря на достаточно высокий реальный уровень) не рассматривается большинством граждан с точки зрения субъективно обязательной и социально обоснованной.

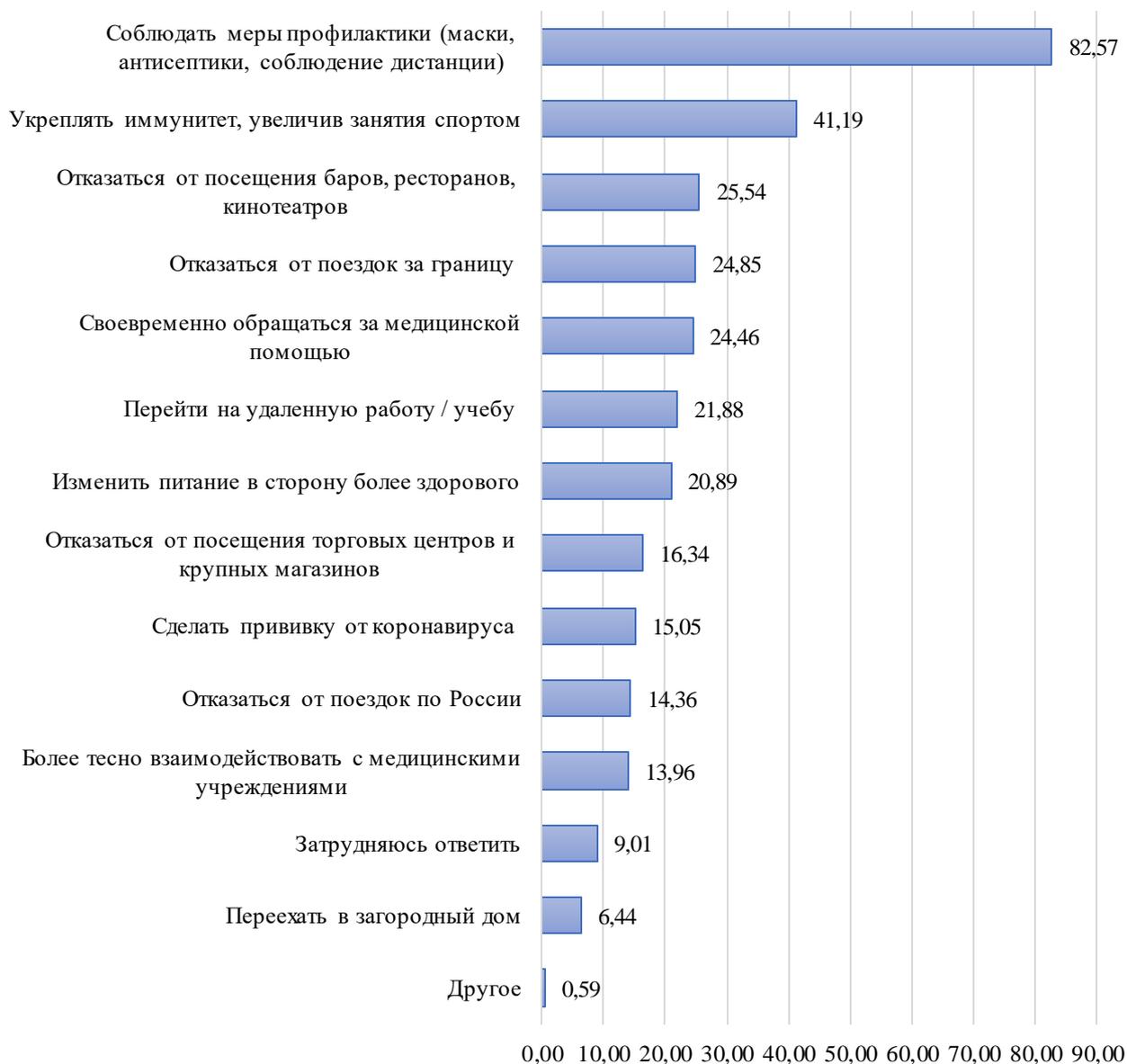

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «В случае начала очередной новой волны эпидемии что из перечисленного Вы готовы будете ответственно соблюдать или делать, если возникнет угроза введения новых ограничений? (укажите не более 5 вариантов ответа)», %

Fig. 2. Distribution of answers to the question: « In the event of the beginning of another new wave of the epidemic, which of the above will you be ready to responsibly comply with or do if there is a threat of new restrictions? (specify no more than 5 possible answers)», %

Заключение

Таким образом, пандемию COVID-19 можно рассматривать как триггер, запустивший новый этап осмысления взаимоотношений между индивидом и обществом, индивидом и государством, государством и обществом. Масштабы распространения коронавирусной инфекции внесли существенные коррективы не только в экономическое, социальное и культурно-историческое устройство современного мира. Экстремальная эпидемиологическая ситуация, спровоцированная вспышкой COVID-19, отразилась в первую очередь на показателях социального самочувствия россиян, ухудшив эмоциональное состояние насе-

ления и увеличив градус стрессогенности окружающей среды. Именно повышение ситуативной тревожности, сопряженной с активностью и страхом утратить контроль над ситуацией, можно считать одной из главных детерминант проявления «самосохранительной сознательности», отличающей россиян во время пандемии.

Следует отметить, что опыт пандемии для российского общества оказался амбивалентным. С одной стороны, россияне получили определенные навыки комплексной общественной мобилизации в связи с масштабной угрозой; сформировались и усилились многие общественные институты – волонтерские, благотворительные и пр., укрепились семейные связи. Но, с другой стороны, оказался скомпрометированным ряд общественных институтов, в том числе общественная система здравоохранения, при этом выросла зависимость населения от государства; существенно дестабилизировалось общественное сознание, повысился уровень тревожности; и, главное, резкий рост смертности в сочетании с негативной корректировкой репродуктивного поведения критически снизили шансы на благоприятную траекторию демографического развития страны.

Список литературы

- Брега А.А. 2022. Субъективное ощущение одиночества у юношей и девушек в период вынужденной самоизоляции, связанной с пандемией COVID-19: кросс-культурное исследование. Психология человека в образовании, 4-1: 101–111. DOI 10.33910/2686-9527-2022-4-1-101-111
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. 2020. Рынок и собственность: социально-экономические уроки пандемии. Социологические исследования. 8: 145–157. DOI 10.31857/S013216250009711-5
- Вангородская С.А. 2021. Трансформация самосохранительного поведения населения в обществе риска : дис. ... д-ра социол. наук : 22.00.04. Белгород, 431 с.
- Голубева Н.В., Иванов Д.В., Троицкий М.С. 2020. Панические расстройства во внутрисемейных отношениях как последствия воздействия коронавирусной инфекции (обзор литературы). Вестник новых медицинских технологий. 2: 32–38. DOI 10.24411/2075-4094-2020-16629
- Казанский А.Б. 2003. Биосфера как аутопоэтическая система: биосферный бутстрап, биосферный иммунитет и человеческое общество. Экогеософский альманах. 3: 2–43.
- Касьянов В.В., Гафиатулина Н.Х., Самыгин С.И. 2020. Особенности и проблемы социального поведения в условиях режима самоизоляции российского населения. Гуманитарий Юга России. 9(42)-2: 51–63. DOI 10.18522/2227-8656.2020.2.3
- Асмолов А.Г., Солдатова Г.У., Малева Т.М., Сорокина С.С., Алдошина Т.Л. 2020. Кросскультурный мониторинг образов инфодемии и пандемии. Карантин: опасный и безопасный. В кн.: Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. М., Фонд «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара»: 40–48.
- Лункин Р.Н. 2020. Неформальная солидарность на фоне пандемии. Научно-аналитический вестник Института Европы РАН, 4(16): 122–128. DOI 10.15211/vestnikieran42020122128
- Островский Д.И., Иванова Т.И. 2020. Влияние новой коронавирусной инфекции COVID-19 на психическое здоровье человека (Обзор литературы). Омский психиатрический журнал, 2-1S(24): 4–10. DOI 10.24411/2412-8805-2020-10201
- Парфенова О.А., Петухова И.С. 2022. Влияние пандемии COVID-19 на жизнь старшего поколения в городском и сельском контекстах. Социологические исследования, 5: 71–80. DOI 10.31857/S013216250018704-7
- Федосенко Е.В. 2020. Жизнь после карантина: психология смыслов и коронавирус COVID-19. В кн.: Психологические проблемы смысла жизни и акме : Материалы XXV Международного симпозиума, Москва, 15–16 апреля 2020 года. М., Психологический институт РАО: 34–47. DOI 10.24411/9999-042A-2020-00040

- Ярлова Т.В., Сидяков Д.Ю. 2020. Социальные последствия пандемии новой коронавирусной инфекции в контексте качественного развития современного российского общества. *Евразийский союз ученых*. 7-6(76): 56–64.
- Strong P.M. 1990. Epidemic psychology: a model. *Sociology of Health and Illness*. 12: 249–259.
- Zakharova E. 2021. Political Philosophy around Pandemic, or Vice Versa? *Russian Sociological Review*, 20-4: 156–160.

References

- Brega A.A. 2022. Sub`ektivnoe oshhushhenie odinochestva u yunoshej i devushek v period vy`nuzhdennoj samoizolyacii, svyazannoj s pandemiej COVID-19: kross-kul`turnoe issledovanie [Subjective feeling of loneliness in boys and girls during the period of forced self-isolation associated with the COVID-19 pandemic: a cross-cultural study]. *Psixologiya cheloveka v obrazovanii*, 4–1: 101–111. DOI 10.33910/2686-9527-2022-4-1-101-111
- Buzgalin A.V., Kolganov A.I. 2020. Rynok i sobstvennost': social'no-ekonomicheskie uroki pandemii [Market and property: socio-economic lessons of the pandemic]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 8: 145–157. DOI 10.31857/S013216250009711-5.
- Vangorodskaya S.A. 2021. Transformaciya samosohranitel'nogo povedeniya naseleniya v obshchestve riska [Transformation of self-preserving behavior of the population in a risk society]. dis. ... Doctor of Social Sciences : 22.00.04. Belgorod, 431 p.
- Golubeva N.V., Ivanov D.V., Troickij M.S. 2020. Panicheskie rasstrojstva vo vnutrise-mejnyh otnosheniyah kak posledstviya vozdejstviya koronavirusnoj infekcii (obzor literatury) [Panic disorders in intra-family relationships as consequences of exposure to coronavirus infection (literature review)]. *Vestnik novyh medicinskih tekhnologij*, 2: 32–38. DOI 10.24411/2075-4094-2020-16629
- Kazanskij A.B. 2003. Biosfera kak autopoe`ticheskaya sistema: biosferny`j butstrap, biosferny`j иммунитет i chelovecheskoe obshhestvo [The biosphere as an autopoietic system: biosphere bootstrap, biosphere immunity and human society]. *E`kogeosofskij al`manax*, 3: 2-43.
- Kas`yanov V.V., Gafiatulina N.X., Samy`gin S.I. 2020. Osobennosti i problemy` social'nogo povedeniya v usloviyax rezhima samoizolyacii rossijskogo naseleniya [Features and problems of social behavior in the conditions of self-isolation of the Russian population]. *Gumanitarij Yuga Rossii*, 9(42)-2: 51–63.
- Asmolov A.G., Soldatova G.U., Maleva T.M., Sorokina S.S., Aldoshina T.L. 2020. Kross-kul`turnyj monitoring obrazov infodemii i pandemii. Karantin: opasnyj i bezopasnyj [Cross-cultural monitoring of infodemia and pandemic images. Quarantine: dangerous and safe]. In: *Monitoring ekonomicheskoy situacii v Rossii: tendencii i vy-zovy social'no-ekonomicheskogo razvitiya* [Monitoring the economic situation in Russia: trends and challenges of socio-economic development]. M., Publ. Fond «Institut ekonomicheskoy po-litiki im. E.T. Gajdara»: 40–48.
- Lunkin R.N. 2020. Neformal'naya solidarnost' na fone pandemii [Informal solidarity amid the pandemic]. *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN*, 4(16): 122–128. DOI 10.15211/vestnikieran42020122128
- Ostrovskij D.I., Ivanova T.I. 2020. Vliyanie novej koronavirusnoj infekcii COVID-19 na psicheskoe zdorov`e cheloveka (Obzor literatury) [The impact of the new COVID-19 coronavirus infection on human mental health (Literature Review)]. *Omskij psixiatricheskij zhurnal*, 2-1S(24): 4–10.
- Parfenova O.A., Petuxova I.S. 2022. Vliyanie pandemii COVID-19 na zhizn` starshego pokoleniya v gorodskom i sel'skom kontekstax [The impact of the COVID-19 pandemic on the lives of the older generation in urban and rural contexts]. *Sociologicheskie issledovaniya*, 5: 71–80. DOI 10.31857/S013216250018704-7
- Fedosenko E.V. 2020. Zhizn' posle karantina: psihologiya smyslov i koronavirus COVID-19 [Life after quarantine: Psychology of Meanings and coronavirus COVID-19]. In: *Psihologicheskie problemy smysla zhizni i akme : Materialy XXV Mezhdunarodnogo simpoziuma*, M., 15–16 aprelya 2020 [Psychological problems of the Meaning of Life and acme : Proceedings of the XXV International Symposium, Moscow, April 15–16, 2020]. M., Publ. Psiholo-gicheskij institut RAO: 34–47. DOI 10.24411/9999-042A-2020-00040

Yarovova T.V., Sidyakov D.Yu. 2020. Social'ny'e posledstviya pandemii novoj koronavirusnoj infekcii v kontekste kachestvennogo razvitiya sovremennogo rossijskogo obshhestva [Social consequences of the pandemic of the new coronavirus infection in the context of the qualitative development of modern Russian society]. *Evrazijskij sojuz ucheny`x*, 7-6(76): 56–64.

Strong P.M. 1990. Epidemic psychology: a model. *Sociology of Health and Illness*, 12: 249–259.

Zakharova E. 2021. Political Philosophy around Pandemic, or Vice Versa? *Russian Sociological Review*, 20-4: 156–160.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.06.2022

Поступила после рецензирования 20.08.2022

Принята к публикации 25.05.2022

Received June 2, 2022

Revised August 20, 2022

Accepted September 25, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Реутов Евгений Викторович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Yevgeny V. Reutov, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Вангородская Светлана Анатольевна, доктор социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Svetlana A. Vangorodskaya, Doctor of Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

Гайдукова Галина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных технологий и государственной службы, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Galina N. Gaidukova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Technologies and Public Service, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

УДК 101.1:316

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-712-724

Консервативная социальность в философии П. Кулиша

Даренская В.Н., Лугуценко Т.В.

Луганский государственный педагогический университет,
Россия, Луганская Народная Республика, 91011, г. Луганск, ул. Оборонная, 2
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Аннотация. Рассмотрена концепция консервативного социального бытия Пантелеймона Александровича Кулиша (1819–1897), основанная на экзистенциальном типе мышления. Это позволило ему развить плодотворную критику современного социума в контексте исторических констант человеческого бытия. Показано, что П. Кулиш вводит особый критерий развития человека, который принципиально отличается от привычной шкалы «прогрессивное – отсталое». Это критерий человеческой подлинности и цельности – против состояния отчужденности и испорченности человека, которые неизбежно возникают в «городской» цивилизации. Размышления П.А. Кулиша имеют эвристичность для современной философии и исследований глубинных черт народного характера, а также показывают процесс спонтанного зарождения экзистенциализма в реалиях XX века.

Ключевые слова: П. Кулиш, социальность, экзистенция, критика

Для цитирования: Даренская В.Н., Лугуценко Т.В. 2022. Консервативная социальность в философии П. Кулиша. НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право, 47(4): 712–724. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-712-724

Conservative Sociality in P. Kulish's Philosophy

Vera N. Darenskaya, Tatiana V. Lugutsenko

Lugansk State Pedagogical University,
2 Oboronnaya St, Lugansk 91011, Luhansk People's Republic, Russian Federation
E-mail: darenskiy1972@rambler.ru

Abstract. The article discusses the concept of conservative social existence of Panteleimon Alexandrovich Kulish (1819-1897), based on the existential type of thinking. This allowed him to develop a fruitful critique of modern society in the context of historical constants of human existence. It is shown that P. Kulish introduces a special criterion for human development, which is fundamentally different from the usual “progressive – backward” scale. This is a criterion of human authenticity and integrity - against the state of alienation and depravity of man, which inevitably arise in the “urban” civilization. The reflections of P.A. Kulish have heuristics for modern philosophy and research of the deep traits of the national character, and also show the process of spontaneous emergence of existentialism in the realities of the twentieth century.

Keywords: P. Kulish, sociality, existence, criticism

For citation: Darenskaya V.N., Lugutsenko T.V. 2022. Conservative Sociality in P. Kulish's Philosophy. NOMOTNETKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 712–724 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-712-724

Введение

Критика посттрадиционного или современного социума является одной из главных тенденций социальной философии Нового и Новейшего времени. Философия выполняет функцию диагноза тех проблем, с которыми человек сталкивается в социальной жизни. В отличие от частных наук, цель философии состоит в анализе и критике бытийных оснований различных типов социальности. В Новое время доминировала критика традиционной цивилизации, но после того как последняя была в основном разрушена, основным объектом анализа и критики стала уже новая, современная цивилизация и тот тип социальности, который она создает. В XX веке возникло целое направление в философии, получившее название «традиционализм». В русской философии первыми философами-традиционалистами *de facto* были славянофилы. Вместе с тем многие мыслители XIX века до сих пор остаются малоизвестными и еще не оцененными по достоинству.

Одним из таких забытых мыслителей является Пантелеймон Александрович Кулиш (1819–1897) – друг и единомышленник Н.В. Гоголя, написавший его первую научную биографию. В первый период своей жизни был участником украинофильского движения, но в свой зрелый период перешел на позиции общерусского единства. Именно он создал концепцию «воссоединения Руси» в 1654 году, уже в советское время искаженно переименованную в «воссоединение России и Украины». Зрелый П.А. Кулиш написал фундаментальные исторические исследования с позиций исконного единства великороссов, малороссов и белорусов как трех этносов единой русской нации. Это: «Исторія возсоединенія Руси. Том I. Том II. Том III.» (СПб, 1874); «Материалы для Истории воссоединения Руси. Том 1. 1578–1630» (Москва, 1877); «Отпаденіе Малороссіи от Польши (1340–1654). Томъ 1. Томъ 2. Томъ 3» (Москва, 1888). Как мыслитель и один из предвестников экзистенциализма П.А. Кулиш. Его критика современного социума была основана на экзистенциальном типе мышления. Анализ его философии актуален для понимания истоков самобытной русской философии и оснований социальной критики, которая выстраивает модель альтернативной социальности. В отличие от прогрессистских (революционных и либеральных) моделей, экзистенциальная мысль, особенно в ее христианском варианте, видит модель альтернативной (консервативной) социальности не в одних внешних социальных изменениях, а во внутреннем преобразовании самого человека на основе нового опыта и новых ценностей. П.А. Кулиш использовал метафору «хутора» как «удаленности от мира» для обозначения этой модели.

К сожалению, до настоящего времени наследие П.А. Кулиша еще не рассматривалось как органическая часть русской мысли – несмотря на то, что он был первым биографом Н.В. Гоголя (и его близким другом), давшим первое мировоззренческое толкование его творчества в рамках христианской традиции. Украинские исследователи наследия Кулиша игнорируют зрелый период его творчества и его зрелые философские взгляды, акцентируя его ранний романтический «украинофильский» период. Такова единственная работа о Кулише на английском языке «Кулиш как консервативный романтик» Ю. Луцкого [Luckyj. 1988], а также монографии о нём, вышедшие уже в XXI веке [Кравченко 2009; Нахлік 2007]. Вместе с тем оригинальная «хуторская» философия Кулиша является одним из ярких предвестников традиционализма как одного из важных течений в мировой философии XX века и в современной России.

В настоящее время актуальным является возвращение имени П.А. Кулиша в историю русской мысли – и не только как историософа, обосновавшего национальное единство Великой, Малой и Белой Руси, но и как яркого экзистенциального мыслителя – русского предшественника известных мыслителей-традиционалистов XX века (Р. Генона и др.).

Экзистенциализм возник как проект нового мировоззрения, который охватывал все сферы творчества в условиях кризиса цивилизации. Главным предметом осмысления здесь стало бытие, постигаемое не через привычные стереотипы рационального мышле-

ния, а непосредственно, открываясь человеку «изнутри», через его собственное существование. Под это общее правило, очевидно, подпадает и творчество П.А. Кулиша. В первую очередь, оно важно для современной экзистенциальной критики отчужденных форм социальной жизни.

Метод анализа философии П. Кулиша данной в статье состоит в герменевтике ее базовых смыслов и их проецировании на актуальные проблемы современного человека.

Результаты исследования

П. Кулиша привлекал исторический роман, и на него сильно повлиял Вальтер Скотт. Его первый исторический роман «Михаил Чарнышенко» (1843) был написан на русском языке. Кулиш постепенно перешел на украинский в своей прозе, тем самым поддерживая усилия некоторых малороссийских писателей по созданию нового литературного языка и подчеркивая свою культурную обособленность от России. В отличие от Т. Шевченко, который родился крепостным, П. Кулиш происходил из обедневшей семьи, происходившей из казачества. Его формальное образование было скудным в том смысле, что он никогда не заканчивал гимназию и только слушал лекции в Киевском университете, но, наделенный высоким врожденным интеллектом, он широко читал на иностранных языках и увлекся изучением украинского фольклора и истории. Это также было главной заботой небольшого кружка киевской интеллигенции во главе с Кулишем, историком Николаем Костомаровым и поэтом Шевченко. Вскоре, в 1845 году, Кулиш уехал в Санкт-Петербург.

За несколько месяцев до своего отъезда из Киева Кулиш, Шевченко, Костомаров и несколько других образовали тайное общество – «Братство святых Кирилла и Мефодия», посвященное просвещению крестьян и созданию панславянского союза, членом которого должна была стать Малороссия. Однако, как это часто бывает, применение термина «национализм» по отношению к этому явлению было бы большим упрощением. В рамках «Братства» существовал широкий спектр мнений, хотя также было достигнуто общее согласие относительно конечных целей. В то время как некоторые (в частности Т. Шевченко) были более радикально настроены, Кулиш занимал консервативную позицию. В 1846 году, еще находясь в Санкт-Петербурге, он даже опубликовал небольшую «Записную книжку» для землевладельцев, в которой выступал против отмены крепостного права и призывал помещиков к более гуманному обращению с крепостными [Luckyj, 1988, с. 315]. Консерватизм П.А. Кулиша советские критики обычно объясняют его классовым происхождением, но дело не только в этом. Он сам признавал, что в свои 28 лет был консерватором по темпераменту. В автобиографии, написанной от третьего лица, Кулиш подчеркивал свой аристократизм, который проявлялся в «аккуратности его опрятной персоны». Он «любил порядок в вещах и во времени... искал равновесия сердца и ума», и его идеалом была «холодная энергия, тихая, но непобедимая ни счастьем, ни горем» [Кулиш, 2005, с. 23]. Эти качества и устремления молодого Кулиша вряд ли можно было назвать романтическими. Его отходу от этого стереотипа способствовал консерватизм, присущий украинскому романтизму, который сумел объединить индивидуализм и радикализм западноевропейского романтизма с конкретной задачей, стоящей перед ним. Эта задача состояла прежде всего в том, чтобы заново открыть и сохранить национальный образ жизни. Исследования в области фольклора и истории были направлены на сохранение, а не на разрушение традиционных ценностей. Это исследование было поддержано официальной политикой царского правительства, которое в 1830-х годах взяло курс на развитие народности (национальности или национального духа) как третьей части официального лозунга «самодержавие, православие, национальность». Инициатором и выразителем этой царской политики был министр народного просвещения граф С.С. Уваров, и, хотя он отводил народу пассивную и второстепенную роль, романтические националисты и славянофилы использовали официальную доктрину для распространения своих идей.

Большое значение для отхода П.А. Кулиша от «украинства» и переход на позиции общерусского национального единства имело его пребывание в Галиции, где он писал о своих впечатлениях: «История разделившейся Руси томила меня в обители Св. Юра больше, нежели в самом городе... Они хотели уподобить всю Малороссию Польше и навсегда оторвать нас от великого Русского мира. На чужой стороне, вдали от родной жизни сильнее чувствуется то, что все миллионы православного народа связывают в одну великую семью» [Кулиш 1998, с. 29]. В поздний период своего творчества из своих русскоязычных статей и украиноязычных художественных произведений он составил сборник «Хуторская философия и удалённая от света поэзия», опубликованный в 1879 году. Здесь он выступил в качестве оригинального экзистенциального мыслителя, который имеет значение для истории русской философии. С точки зрения социальной философии эти работы П.А. Кулиша интересны как первый опыт критики цивилизации Модерна с позиций человека традиционной культуры и христианского мировоззрения.

Как философское направление XX века экзистенциализм стал эффективным методом преодоления трагических и кризисных ситуаций как в индивидуальной жизни, так и в обществе в целом. Как писал известный итальянский экзистенциалист Николо Аббаньяно, «экзистенциализм в своих негативных формах был неистовым криком тревоги за современную цивилизацию в период и в ситуации, когда опасность для ценностей, на которых она основывается, является реальной и имманентной» [Аббаньяно 1998, с. 74]. Специфика экзистенциализма в определенной национальной традиции всегда отражает глубинные особенности национального миропереживания и менталитета.

Признаки оригинального философского экзистенциализма содержатся в наследии П. Кулиша, в частности в «Письмах с хутора», «Хуторской философии и удаленной от света поэзии», а также в отдельных статьях и эпистолярных текстах. Первый исследователь его философских воззрений В. Щурат в работе «Философская основа творчества П. Кулиша» (Львов, 1922) достаточно искусственно связывал мировоззрение П. Кулиша с философией Спинозы, но вместе с тем отметил в нем и важность экзистенциального мотива – понимание «нарушений гармонии мира актами ненависти» как основной коллизии человеческого бытия» [Щурат 2000, с. 104]. В свою очередь, по точной характеристике известного историка философии В.С. Горского, «в основе философского мировоззрения П. Кулиша лежит... взгляд на двоякую сущность человека и мира: наличие внутреннего, сущностного начала и внешнего, которое противостоит ему. Человек представляется как средоточие постоянной борьбы, ведущей между собой “человек внутренний”, “глубина душевная” и “внешнее”, поверхностное в человеке. В “глубоком колодце” души человеческой скрытое начало, определяющее сущность ее» [Горский 2001, с. 192]. Но все это является также и характерными признаками «экзистенциального» философствования.

П. Кулиш имел склонность именно к экзистенциальному способу философствования и соответствующей проблематике. Как он сам признавался в письме к М.Д. Белозерскому, его психическая конституция была очень чувствительной к переживанию, которое в XX веке приобрело название «экзистенциальная пустота» или «экзистенциальный кризис». «На меня, – писал П. Кулиш, – напала давняя моя нелюдимость; не хочется нигде быть; бываю счастлив, если голова и душа сильно действуют, но едва деятельность меня покидает, появляется скука наиболее мучительная. Все предметы теряют свои цвета; пустота, безжизненность внутри и вокруг» [Кулиш 1997, с. 34]. Соответственно, с другой стороны, П. Кулиш был и очень чувствительным к переживаниям противоположного состояния «экзистенциальной полноты», которое для него было дороже всего в этом мире: именно достижение этого состояния является основой доктрины «хуторской философии». Вот как он сам пишет об этом состоянии: «Едешь по степи... дышишь полной грудью, доверчиво дышишь, и – ничего не жалеешь. Ведь это удивительное состояние души – не желать ничего!.. Ничего не помнишь; ни о чем не жалеешь, чувствуешь только, что жизнь, то есть простое ощущение бытия – самый дорогой дар провидения, источник всех радостей,

всех поэтических движений сердца... В городах... человек никогда не добудет этого чувства из-под груза различных и различных чувств, что заполняют его сердце... необходимо возвращаться иногда к первобытной дикости и суровости души» [Кулиш 1997, с. 107]. В. Петров вполне справедливо усматривает в этом мотиве не просто «руссоизм», но очень глубокое экзистенциальное переживание, которое не всегда может открыться человеку – «чистое и простое чувство бытия, как осуществление высшей радости, доступной для человека» [Петров 2000, с. 425].

Стилистическая специфика философствования П. Кулиша не осталась без внимания исследователей. «Среди его современников, – писал, в частности, Ю. Шевелев, – письма Кулиша уникальны своим темпераментом, своей философией и своим стилем» [Шевельов, 1984, с. 25]. Впрочем, эту специфику стереотипно относили только к романтизму, не связывая ее с другими типами европейского мышления. Так, В. Петров отмечал: «Вряд ли в истории романтического мировоззрения мы встретим у кого-то другого такое своеобразное, как у Кулиша, хуторянское усвоение темы бегства, пустыни, отказа и природы» [Петров, 2000, с. 428]. Как известно, в Западной Европе истоки экзистенциальной философии также были непосредственно связаны с романтизмом (С. Кьеркегор, Новалис), а следовательно, это самое правило естественно касается и П. Кулиша. Собственно, сам «хутор» в его философствовании является мировоззренческим символом, который по своему смыслу является прямой романтической противоположностью тому, что в наше время называют «хуторянством», то есть провинциальной погруженностью в приземленные потребности и интересы. У П. Кулиша, как это не парадоксально на первый взгляд, «хутор» является особым модусом полноты бытия, целостности самодостаточной личности и устойчивости к любым вызовам цивилизации. Все это – частная проблематика экзистенциальной философии. И сам П. Кулиш, действительно, считает собственную философию поистине универсальной – такой, которая открывает общечеловеческую правду: «Я пишу для хуторян и для тех, кто знает жизнь хуторов от первого человека Адама (основателя хуторской секты и до нашего времени)» [Кулиш, 2005, с. 229]. В его рассуждениях можно выделить несколько ключевых мотивов и основных тем.

В первую очередь, это утверждение свободы человека от диктата существующего социума. Однако здесь речь не идет только о «наивном руссоизме», но П. Кулиш ставит ту фундаментальную проблему, которую в XX веке, начиная с О. Шпенглера, европейская философия сделала одной из самых актуальных: «Цивилизация, говорят, ведет мужа к всякому счастью... А как же нет?.. Что тогда, господа? Где тогда возьмете людей, свежих душой и крепких здоровьем, чтобы другим способом изуродованную во всей Земле жизнь поправить?.. Так оставьте же хоть нас, будьте добры, по хуторам про запас: может, мы вашим правнукам пригодимся» [Кулиш, 2005, с. 250]. Итак, здесь речь идет не о «бегстве» от истории, но о необходимости сохранения народом своей первичной чистоты, благодаря которой он всегда может ответить на вызовы истории. Но для этого нельзя лишь бежать за модой настоящего. Впрочем, имеющаяся «цивилизация» предстает у П. Кулиша, прежде всего, как совокупность соблазнов для свободного человеческого духа. Поэтому она оцениваются именно с нравственной точки зрения: «Забудьте, говорите, свои простые хуторянские обычаи – будете богаты. А зачем же нам, господа, богаче быть? Разве у нас есть и пить нечего... Зачем же нам то ненавистное богатство?.. Чтобы душа наша не была у нас проста и милосердна?» [Кулиш, 2005, с. 250]. В народной поэзии усматривает он свой жизненный идеал [Кулиш, 1989а]. В целом эти размышления П. Кулиша построены вокруг центральной категории экзистенциальной категории – категории смысла и еще конкретнее – смысла жизни как смысла интегрального, синтезирующего в себе все остальные.

До периода секуляризации Нового времени проблема смысла жизни в культуре вообще не стояла, поскольку в христианской культуре смысл жизни задан изначально как спасение души, а его личностное «наполнение» осуществляется реальной жизнью как духовным подвигом созидания и борьбы с грехом. В более конкретной форме смысл жизни

выражался в усилении её преобразования с целью максимальной реализации заповедей Божиих во всех действиях человека. В традиционной культуре духовное преобразование человека было непрерывной тяжелой душевной работой, пронизывающей все сферы жизни и определявшей само отношение к земной жизни. На этой основе был построен даже календарь с его чередой праздников и постов. Семейная и общественная жизнь строилась по модели монастырского устава («Домострой»). В светской культуре Нового времени труд преобразования исчезает и заменяется гедонизмом и «самореализацией». Но душа пока еще остается христианской, она жаждет преобразования, хотя и не находит его в окружающей жизни. И если в такой ситуации человек не возвращается к традиционной религиозности, то ищет ее заменители в виде всякого рода модных квазирелигиозных практик. Православный философ – это феномен традиционного человека в условиях секулярной цивилизации Нового времени; это человек, сформированный тысячелетием русской христианской культуры, заброшенный в обезбоженный интеллигентский мир XIX века. Тысячу лет его предки жили в традиционной христианской культуре аскезы и преобразования, поэтому он, унаследовав их православную душу со всеми ее выдающимися качествами и устремлениями, попал в мир гедонистического эгоизма и безбожия. Естественно, что такое несоответствие внешнего и внутреннего породило феномен христианской философии как особой аскезы преобразования ума. П. Кулиш осознавал себя и свою задачу именно так, но разворачивал свою мысль разнообразно, исходя из разных конкретных тем в своих размышлениях.

Исходя из этого, П. Кулиш разворачивает критический взгляд на связь между «внешней» культурностью жителей города и их внутренней моральной и экзистенциальной опустошенностью. Он указывает на разрушение целостности человека, который является искусственно оторванным от производительного труда, а следовательно, и теряет способность к настоящему творчеству, становится только «потребителем» культуры, ориентируясь на «поверхностную» моду: «Величаются своими архитектурой и живописью, и театрами, и музыкой и поэзией, а того не поймут, что все это большое искусство служит наиболее человеческой гордыни и роскоши и уже не народ правит художниками, а блестящая куча людей малодушных, которые знают только восторги неги ничтожной и не понимают восторгов большого труда кровавого пота за человеческое благо» [Кулиш, 1989б, с. 254]. Все это автор выводит из собственного опыта: «Имея по несколько месяцев подряд отношения с людьми – или почти, или вовсе неграмотными, я, сравнивая их с подвижными словесными продуктами книжной науки, сбрасывал много цены этим последним. Почти с отчаянием в душе, я только на уровне неграмотности и на уровне наивысшего умственного развития видел людей, не искалеченных умственно и морально» [Кулиш, 2005, с. 144]. Не трудно заметить, что такая нравственно-экзистенциальная критика ненормального состояния культуры, которую мы видим у П. Кулиша, очень похожая на критику, которую в это самое время в своих публицистических трактатах развернул Л. Толстой. Однако, если трактаты и взгляды Л. Толстого стали сразу же всемирно известными и авторитетными, то конгениальные труды П. Кулиша по этой тематике мало известны вплоть до нашего времени.

Тем самым, там, где «прогрессивные» писатели его времени видели только «темную» и «забитую» сельскую жизнь, П. Кулиш, наоборот, видит лучшие условия для высоконравственной жизни: «Не завидуем мы ни городским большим диванам, ни городскому комфорту; потому что нам по всем, когда в огородах только сотая Божьего народа живет в достатке и всеми теми чудесами пользуется, а тысячи голов человеческих, как рыба об лед, убивается, и разум их, как и ребенок у чужой матери, черствеет и против простого, свежего разума сельского или хуторянского не устоит» [Кулиш, 2005, с. 254]. Как видим, П. Кулиш вводит здесь совсем иной критерий развития человека, который принципиально отличается от привычной шкалы «прогрессивное – отсталое». Это критерий человеческой подлинности и цельности – против состояния отчужденности и испорченности человека,

которые неизбежно возникают в «городской» цивилизации. Традиционно такой подход называют «руссоизмом», но именно экзистенциализм внес в него особое внутреннее измерение.

П. Кулиш формулирует это в виде своеобразного обращения: «Эй, хуторяне, господа-братья! Люди свежие, незатуманенные и от праведного Бога не отверженные!» [Кулиш, 1989б, с. 253]. Таким образом, для его прогрессивно мыслящих собеседников есть один совет: «Оставайтесь себе при своей городской философии, а нам позвольте новую крестьянскую философию возможно проповедовать, взяв ее прямо из той книжки, которую сотнями лет большие огороды затуманивают, да и до сих пор не затуманили» [Кулиш, 1989б, с. 254]. Отсюда вытекает и специфическое понимание П. Кулишем смысла исторического прогресса: «Пусть бы через науку, через образование простые наши люди не менялись. А тот, кто выскочит в грамотные, в толковые книжные люди, – уже и не наш... Боже Мой! То ли наш простой люд не стоит, чтобы мы его образу нравились! Да никакая наука такого истинного сердца не даст, как у нашего доброго крестьянина или хуторянина» [Кулиш, 1989б, с. 279]. Тем самым, жизнь с «истинным сердцем» является метаисторическим идеалом. Очевидно, что здесь П. Кулиш в идейном плане намного опередил свое время, поскольку в его время абсолютно господствовали теории прогресса, согласно которым любые исторические изменения считались полезнее, чем сохранение традиций. Фактически здесь П. Кулиш формулирует нравственный критерий исторического прогресса.

П. Кулиш формулирует не «прогрессивное» (в вышеуказанном смысле), а метаисторическое понимание природы истинного знания, которое опирается на изучение Библии: «У нас, господа, наука своя, тысячелетняя: она научила нас более слушать Слова Божьего праведного, чем лукавого барского языка»; впрочем, «опять же, когда надо на свете таких, чтобы всякую мудрость книжную понимали, то, наверное, надо и то, чтобы человек читал только одну книгу, большой Завет великого всемирного Учителя, а Божий мир понимал более сердцем, чем головой» [Кулиш, 1989б, с. 250]. И потому, пишет П. Кулиш, «наука, ученость и вообще так называемое просвещение не является безусловным благом для человечества; пресса, которая заменила человеку не только жизнь, но и писаное слово, не должна считаться вообще источником живой воды; в образовании, которую создает столица, много бед и неопределенная частица добра; печатное слово, которое льется на публику ливнем, не дает питаться другим источникам жизни» [Кулиш, 1989б, с. 143]. Такой радикальный «антипрогрессизм» сближает П. Кулиша с его великим современником Л. Толстым. В свою очередь, в сохранении «источников жизни», не замутненных ложным светским «просвещением», видит он глубинную закономерность человеческого духа, которая заключается в том, что последний всегда сохраняет интенцию самообновления и самоочищения. Здесь концептуализирован мировоззренческий императив целостного человека, который способен к обновлению не на основе приобретения внешних знаний, а на основе самоуглубления. Но эта способность, в свою очередь, предполагает, возвращение к «естественности» – не в смысл руссоистского «возвращения к природе», но в духовном смысле преобладания внутреннего, экзистенциального познания над знанием внешним, над формальной образованностью. Как и в более позднем экзистенциализме, здесь акцентированы способности «естественного» ума человека (идея *lumen naturalis*), благодаря которому реализуется принцип *humanitas* (цельного, всесторонне развитого человека) в области духовной культуры. Возвращение от внешнего образования к внутреннему опыту – это универсальный закон динамики культуры, который всегда проявляется в её кризисных состояниях.

Этот закон философ усматривает и в важной особенности христианского разума: «Сыну Божию поклонялись только самые невежественные и самые образованные люди... Середина между двумя крайностями не заметила Его рождения, а когда заметила, то поступила с ней так, как поступали библейские гонители с олицетворенной идеей вечной истины и жизни» [Кулиш, 1989б, с. 250]. И поэтому наблюдается закономерность, соглас-

но которой очень часто «пренебрежение гордого превращается в неистовство; он разбивает хрупкий сосуд истины, сосуд жизни» [Кулиш, 1989б, с. 153]. Таким образом, можно сказать, что П. Кулиш здесь формулирует определенный экзистенциальный критерий мудрости: это способность к целостному мировоззрению, которое человек теряет в детстве и к которому может вернуться только в настоящей зрелости; впрочем, очень часто люди остаются где-то на середине этого пути и поэтому стараются подменить реальное познание собственным «неистовством», под которым автор понимает настоящие на собственных предубеждениях вопреки подлинной мудрости.

Отсюда следует критика П. Кулишем экзистенциальных основ существующей системы образования, опиравшейся на собственный тяжелый опыт. Его размышления по этому поводу экспрессивны: «Посещение профессорских лекций было для меня, как я вижу теперь, обыкновенной потерей времени, растратой жизни. В науке, с которой надо начинать образование разума, в науке народоведения, мои профессора были еще большие обскуранты, чем я сам. Слепцы водили слепцов, величаясь перед так называемым темным людом своей слепотой. Все, что они вычитали в книжках таких же обскурантов, какими были сами, падая в свежую почву юношеского разума, не давало всходов. Профессорские головы были кладовыми для ссыпки зерна, но не полями, возрождающими зерно страницей» [Кулиш, 1989б, с. 214]. Оказалось, пишет П. Кулиш, что «все, что я знал с детства, в глазах моих наставников было признаком невежества, грубого вкуса, почти цыганства... Но потом, по мере того, как я расставался с моими наставниками и вообще с учеными людьми, мой старый мир, мой, так сказать, допотопный мир, воскресал в глубине моей души; впрочем, он не протестовал, но сознавал, что погружусь в некое море дурости, которое все называли наукой, образованием, просвещением» [Кулиш 1989б, с. 159]. Итак, здесь П. Кулиш выражает мысль о необходимости изменения самой парадигмы образования, которая должна опираться не на отрицание многовекового опыта народа и производимого им мировоззрения, но наоборот, на органическом сочетании этого опыта с достижениями современной науки. Зато, как пишет П. Кулиш, «сближаясь с простонародной жизнью, так сказать, с благодарностью за то, что в ней прошло наше детство, мы увидели в этой жизни вооруженным наукой зрением много неизвестного нашим наставникам и, между прочим, удостоверились, что простонародная жизнь является целым миром самостоятельных понятий человека о том, как ему быть на свете. Жизнь эта, как мы увидели, не так мелкодонна и узка, чтобы ее исчерпать наблюдательным умом в течение короткого времени» [Кулиш, 1989а, с. 529]. Как известно, в философии XX века произошла определенная реабилитация форм «первобытного мышления» (К. Леви-Строс) и «истины мифа» (К. Хюбнер) благодаря выявлению в домодерных способах мышления таких возможностей, которые были утрачены позже, в эпоху Просвещения.

Следует также отметить наличие у П. Кулиша целого ряда идей, которые приобрели дальнейшее развитие в экзистенциализме XX века. В частности, П. Кулиш так характеризует экзистенциальные параметры художественного мира, созданного художником, во многом опережая в этом мыслителей XX века: «Человек, который всю жизнь провел в созерцании прекрасного мира Божьего, человек, который тысячу раз ощущал достоинство своего таланта в пластическом воспроизведении этого прекрасного Божьего мира, не впадет в отчаяние от того, что современники не дали ему места между самыми высокими талантами. Как ни трудно для художника удовлетворить требованиям вкуса образованного общества, но гораздо труднее удовлетворить собственному... донельзя строгому вкусу. Если же художник осуществил свой идеал в возможной для него степени, то не могут его вывести из самоудовлетворения никакие осуждения записных судей искусства» [Кулиш, 1989б, с. 157]. Как известно, именно такой взгляд на сущность художественного творчества воцарился в эстетике XX века, в которой был открыт феномен так известных «художественных миров» – то есть специфической реальности, что создается искусством как

формой полноценной самореализации человека. Искусство является аналогом и «моделью» духовных процессов, экзистенциальных усилий человека.

Кроме того, в письме к А. Милорадовичу П. Кулиш также дает яркую феноменологию предельных стремлений человеческой души: «Человек ищет по миру свой святой идеал... Где голос отзовется в его, как бы из глубокой и божественной души, – уже у него сердце не на месте» [Кулиш, 1989б, с. 139]. Здесь мы видим аналогию идее человеческой экзистенции как «проекта», всегда четко ориентированного на ценность другого человека, только через которую открывается смысловая полнота бытия. В свою очередь, в письме к И. Пулюю он очерчивает соборный, коммуникативный способ реализации идеала жизни: «Совершенного духа между людьми нет. Один ближе, другой дальше стоит от идеала свершения, от Отца нашего небесного, да уж и тем надо довольствоваться, что силится человек быть так совершенным, как тот самый высокий идеал, что на него указал наш Христос» [Кулиш, 1989б, с. 203]. Здесь также в определенной степени можно усматривать прообраз «философии диалога» XX века. Сущностным признаком того, что на языке философии называется диалогом, является феномен самоизменения субъекта, что в особых случаях может становиться формой трансценденции и соответствующего духовного опыта. Диалог является специфическим режимом коммуникации, при котором происходит изменение ценностно-смысловых установок субъектов общения, содержательное обогащение их внутренних миров, что оказывается затем в изменениях стратегий их социальной практики.

Следует также отметить в наследии П. Кулиша наличие элементов экзистенциальной историософии – то есть осмысление исторических событий с точки зрения воплощения в них определенных стремлений человеческого духа. В частности, он глубоко осмысливает в этом ключе событие крещения Киевской Руси как некий проект ее дальнейшей культуры и характера народа, который развивался в последующие тысячу лет. Как пишет П. Кулиш, «православие, которое проникло к нам из Византии, не поработило нас, как латинство закарпатскую Европу, и это потому, что наше отношение к нашим просветителям было совсем другое... Там принимали христианство, чтобы спастись от сильного; мы приняли христианство из человеческой привязанности к слабейшему» [Кулиш, 1989б, с. 215]. Именно такой характер христианства и сделал его народным, тем самым глубоко повлияв и на формирование народного характера.

«Начало христианства, – писал П. Кулиш, – *de facto* было на Руси не тогда, как торговые греки при Олеге и Игоре склоняли некоторых киевлян в свою веру, – не тогда, когда церкви строились на княжеские средства, а княжеские попы с дружиной гонялись по рощам за древними славянскими идолослужителями; но было оно тогда, когда люди оказались брошены на опустошенных варяжских городищах и селениях, а монахи с попами должны были обратиться к ним по-апостольски с ободряющей проповедью. Киев стал еще раз рассадником Христовой веры, только уже без принуждения» [Кулиш, 2007, с. 303]. Здесь выявление экзистенциального содержания исторических явлений позволяет философу выявить их глубинную закономерность. Речь идет, прежде всего, о том, что наиболее глубокое усвоение христианства народной массой произошло тогда, когда суровая историческая жизнь принудила народ к выявлению в себе христианских черт характера и именно они затем определили его дальнейшее историческое бытие.

Все отмеченные выше элементы экзистенциальной философии П. Кулиша являются элементами определенного мировоззренческого единства. Последнее можно определить как глубокий духовный оптимизм, который всегда является присущим философии П. Кулиша. Этот духовный оптимизм сам философ сформулировал в ярком афоризме, который определенным образом можно считать одним из законов исторического бытия народа: «Люд обновился. Он обновляется и будет обновляться вечно, пока будет повторяться в нем непорочное детство. Как бы ни уклонялись премудрые и разумные от идеи царства Божьего, нам открыт извечный, как сама жизнь, Источник обновления; остается

одна забота – не засорять его своей ложной мудростью» [Кулиш, 1989б, с. 250]. Удивительно, насколько эта мысль П. Кулиша близка и к народному мировоззрению (которое ясно отразилось, в частности, в пословицах и песнях), и ко многим прозрениям философии XX века. В частности, речь идет не только об уже упомянутой реабилитации религиозного мышления и его силы в человеческом уме, но и о постоянном наличии в нем чисто экзистенциального мотива – стремления к обновлению в свободе.

В целом философское наследие П. Кулиша вполне органично вписывается в традицию, которую называют «христианской философией экзистенции» или «христианским экзистенциализмом». Специфичность последней – в том, что философствование происходит так, будто истин веры еще не существует, и они как бы заново переоткрываются, исходя из глубин собственного жизненно-душевного опыта. Как отмечает И. Лепп, «нет ничего удивительного в том, что в течение многих веков именно христианские мыслители, а среди них наиболее аутентичные мистики исповедовали экзистенциализм, тогда как атеистический экзистенциализм, несмотря на его недавний успех среди “людей с улицы”, является лишь аномалией» [Лепп 2004, с. 62]. Поэтому такой способ философствования стал чрезвычайно актуальным для христианских мыслителей в эпоху секуляризации. В нашем случае «христианский экзистенциализм» П. Кулиша является определенным «мостом» между традиционным мировоззрением, которое существовало в течение многих веков – и той модерной культурой, которая формировалась в XIX веке, и одним из творцов которой был сам П. Кулиш.

Анализ «хуторской философии» П. Кулиша показывает, что в ней наблюдается резкий поворот мыслителя в направлении экзистенциальной интерпретации истинного человека. Это означает существенное изменение мировоззренческо-философского взгляда на человека, поскольку П. Кулиш переходит от понимания романтизированной личности к пониманию личности как искателя правды, то есть к личности скептического устроения. Важным признаком философии П. Кулиша является антитеза внутреннего (естественного, глубинного) и внешнего (социально-искусственного, вынужденного) начал человека. При этом символом внешнего выступает ум, олицетворяющий преходящие, рационально-деятельные характеристики личности. Символами же внутреннего, глубинного и вечного начала человека являются душа и сердце. Именно через сердце лежит путь к истине. Общество у П. Кулиша также предстает антитестическим, поскольку в нём противостоят друг другу и сосуществуют город и село, столица и провинция, хутор и цивилизация, национальное и чужеземное. Эти символические антитезы выступают в творческом наследии П. Кулиша как определение полифоничности существования общества в целом.

Реализация П. Кулишем принципа полифункциональности личности – действительная основа взаимодействия личности и общества, которую мыслитель видит в образовательном процессе. Образование у П. Кулиша выступает прежде всего как определенное состояние общества в ситуации культурного самовоспроизводства, а затем уже как специализированный процесс школьного обучения и воспитания. П. Кулиш структурирует образование следующим образом: первична «родительская» школа в семье, а затем уже «общественное» образование и самообразование. Самообразование мыслится П. Кулишем как своеобразная «школа жизни», которая нередко весит больше, чем книжное образование. С точки зрения мыслителя, общественно-образовательный процесс включает в себя как рациональную, так и иррациональную формы обучения и воспитания, то есть школы разного типа. При этом иррациональный образовательный процесс, по мнению П. Кулиша, доминирует в обществе и не поддается никакому стабильному контролю.

Учитывая устоявшуюся точку зрения о противоречивости, непостоянстве, изменчивости взглядов П. Кулиша, проявлявшихся в его творчестве на протяжении жизни, его мировоззренческая парадигма, базовые философские конструкты предстают устойчивыми и логически мотивированными. П. Кулиш был личностью цельной и последовательной

в своей жизни. А изменение его взглядов на те или иные явления и события было обусловлено изменчивостью и полифоничностью времени, в котором он проходил свою школу жизни. Таким образом, философия П. Кулиша явилась результатом его мировоззренческо-философской эволюции, в которой можно выделить три этапа. Первым стал этап, охватывающий 40–50-е годы XIX в., вторым – 1860-е и до начала 70-х годов, завершающим стал период от начала 70-х годов и до смерти П. Кулиша.

Обращение П. Кулиша к проблемам человека и общества рассматривалось им как назревшая моральная, политическая и научно-просветительская проблема, решение которой может реально повлиять на общество, изменить жизнь людей. В мировоззрении П. Кулиша личность предстает универсальным понятием, но оказывается расплывленным на типы лиц, занимающих определенные социальные ниши в обществе, социально-детерминированной. Лицо является своеобразной теоретической дефиницией или обобщением, которое может быть объяснено через конкретизацию его сборного содержания. Общество же им определяется как универсальная категория, оно достаточно четко отличается от понятия «государство». Для П. Кулиша общество выступает синонимом понятия «народ». Общество выступает дифференцированным на социальные состояния и отдельные группы, взаимодействующие между собой.

В «хуторской философии» наблюдается резкий поворот П. Кулиша в направлении экзистенциальной интерпретации истинного человека. Он переходит к пониманию личности как искателя правды, то есть к личности скептического умонастроения. Хутор предстает в его философии как реальность, и как своеобразный символ и метафора общности. Как и мир человека, мир хутора предстает в антитетичности внутреннего и внешнего. Главный мир внутренний – это душа хутора, которая выступает как иррациональное, глубинно-ментальное, стержень жизни, его содержание и сила. Мир хутора у П. Кулиша предстает посредством мира символов (как и мир Библии).

Выводы

Подытоживая, можно сформулировать следующие краткие выводы: 1) П. Кулиш продемонстрировал весьма смелый для своего времени и окружения метод рефлексии над жизнью – с точки зрения базовых состояний миропереживания, которые позже получили названия «экзистенциальной пустоты» и «экзистенциальной полноты»; 2) это, в свою очередь, позволило ему развить плодотворную критику модерного социума в контексте исторических констант человеческого бытия; 3) отдельные размышления П. Кулиша имеют эвристичность для современной философии и исследований глубинных черт народного характера. В свою очередь, все эти компоненты его наследия позволяют выявить экзистенциальное содержание традиционного народного мировоззрения, определявшего социализацию человека в этой культуре. Тем самым, общая модель альтернативной социальности П. Кулиша – это экзистенциалистский проект духовной самостоятельности человека и сохранения в нем традиционных нравственных качеств на основе сознательного противостояния деструктивным процессам современной жизни.

Список литературы

- Аббаньяно Н. 1998. Введение в экзистенциализм. СПб., Алетейя, 507 с.
Горський В.С. 2001. Історія української філософії. Київ, Наукова думка, 425 с.
Кравченко О. 2009. Пантелеймон Куліш. Життя, віддане просвітництву: монографія. Умань. 342 с.
Кулиш П. 1989а. Простонародность в украинской словесности. В кн.: Кулиш П. Твори: В 2 т. Т. 2. Киев, Дніпро: 523–535.
Кулиш П. 1998. Владимирия или искра любви. Київська старовина, № 1-3: 26–29.
Куліш П. 1989б. Листи з хутора. В кн.: Куліш П. Твори: В 2 т. Т. 2. Киев, Дніпро: 250–291.
Куліш П. 1997. Листи до М.Д. Білозерського. Львів – Нью-Йорк, Вид. М.П. Коць. 224 с.
Куліш П. 2005. Моє життя. Киев, Український світ, 384 с.

- Куліш П. 2005. Хутірська філософія і віддалена од світу поезія. В кн.: Куліш П. Моє життя. Київ, Український світ: 139–381.
- Куліш П. 2007. Погляд на усню словесність українську. Вісник Львівського університету. Серія філологічна, 41: 302–306.
- Лепп І. 2004. Християнська філософія екзистенції. Київ, Пульсари, 148 с.
- Нахлік Є. 2007. Пантелеймон Куліш: Особистість, письменник, мислитель: Наукова монографія. Київ, Український письменник, 463 с.
- Петров В. 2000. Куліш-хutorянин (Теорія хutorянства і баївшанський епізод 1853–1854). Хроніка-2000. Український культурологічний альманах, 37-38: 420–432.
- Шевельов Ю. 1984. Кулішеві листи і Куліш у листах. В кн.: Вибрані листи Пантелеймона Куліша, українською мовою писані. Нью-Йорк – Торонто, УВАН: 19–57.
- Щурат В. 2000. Філософська основа творчості П. Куліша. Хроніка-2000. Український культурологічний альманах. Вип. 39-40: 92–115.
- Luckyj G.S.N. 1988. Panteleimon Kulish: A Ukrainian Romantic Conservative. In: Hook S., O'Neill W.L., O'Toole R. (eds) *Philosophy, History and Social Action*. Boston Studies in the Philosophy of Science, vol 107: 313–321

References

- Abban'jano N. 1998. Vvedenie v jekzistencializm [Introduction to Existentialism]. SPb., Publ. Aletejja, 507 p. (In Russian).
- Gors'kij V.S. 2001. Istorija ukraïns'koï filosofii [History of Ukrainian philosophy]. Kyiv, Naukova dumka, 425 p. (In Ukrainian).
- Kravchenko O. 2009. Pantelejmon Kulish. Zhittja, viddane prosvitnictvu: monografija [Panteleimon Kulish. A life devoted to enlightenment: a monograph]. Publ. Uman' 342 p. (In Ukrainian).
- Kulish P. 1989. Prostonarodnost' v ukraïnskoj slovesnosti [Common people in Ukrainian literature] In: Kulish P. Tвори: In 2 vol. V. 2. Kyiv, Publ. Dnipro: 523–535. (In Russian).
- Kulish P. 1998. Vladimirija ili iskra ljubvi [Vladimirs land or the spark of love] In: Kiivs'ka starovina, № 1-3: 26-29. (In Russian).
- Kulish P. 1989. Listy z hutora [Letters from the farm]. In: Kulish P. Tтвори: In 2 vol. V. 2. Kyiv, Publ. Dnipro: 250–291. (In Ukrainian)
- Kulish P. 1997. Listi do M.D. Bilozers'kogo. L'viv – NJ, Vid. M.P. Koc', 224 p. (In Ukrainian)
- Kulish P. Moje zhittja [My life]. Kyjiv, Ukraïns'kij svit, 2005. 384 p. (In Ukrainian)
- Kulish P. 2005. Hutirs'ka filosofija i viddalena od svitu poezija [Farm philosophy and poetry remote from the world]. In: Moje zhittja. Kyiv, Publ. Ukraïns'kij svit: 139–381. (In Ukrainian)
- Kulish P. 2007. Pogljad na usnju slovesnist' ukraïns'ku [A look at oral literature Ukrainian] [Publikacija]. Visnik L'vivs'kogo universitetu. *Serija filologichna*, 41: 302–306. (In Ukrainian)
- Lepp I. 2004. Hristijans'ka filosofija ekzistencii [Christian philosophy of existence]. Kyiv, Publ. Pul'sari, 148 p. (In Ukrainian)
- Nahlik Є. 2007. Pantelejmon Kulish: Osobistist', pis'mennik, mislitel': Naukova monografija [Panteleimon Kulish: personality, writer, thinker]. Kyiv, Publ. Ukraïns'kij pis'mennik, 463 p. (In Ukrainian).
- Petrov V. Kulish-hutorjanin (Teorija hutorjanstva i baïvshhans'kij epizod 1853–1854) [Kulish-khutoryanin (theory of khutoryanstvo and baïvshchansky episode 1853–1854)]. Hronika-2000. Ukraïns'kij kul'turologichnij al'manah, 37–38: 420–432. (In Ukrainian).
- Shevel'ov Ju. 1984. Kulishevi listi i Kulish u listah [Kulesh letters and Kulesh in letters]. In: Vibrani lysty Pantelejmona Kulisha, ukraïns'koju movoju pisani. Noju-Jork – Toronto, UVAN: 19–57. (In Ukrainian).
- Shhurat V. 2000. Filososfs'ka osnova tvorčnosti P.Kulisha [Philosophical basis of P. Kulish's work]. Hronika-2000. *Ukraïns'kij kul'turologichnij al'manah*, 39-40: 92–115. (In Ukrainian).
- Luckyj G.S.N. 1988. Panteleimon Kulish: A Ukrainian Romantic Conservative. In: Hook S., O'Neill W.L., O'Toole R. (eds) *Philosophy, History and Social Action*. *Boston Studies in the Philosophy of Science*, 107: 313–321.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 08.06.2022
Поступила после рецензирования 28.09.2022
Принята к публикации 30.10.2022

Received June 08, 2022
Revised September 28, 2022
Accepted October 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Даренская Вера Николаевна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии, Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия

Лугуценко Татьяна Валентиновна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии, Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Vera N. Darenskaya, PhD in Philosophical Science, associate professor, Head of the Department of Philosophy, State Pedagogical University, Lugansk, Russia

Tatiana V. Lugutsenko, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia

УДК 930.85

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-725-735

Российская цивилизация: процессы кодирования и декодирования

Каргаполов Е.П.

Ханты-Мансийская государственная медицинская академия,
Россия, 628011, г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, д. 40
E-mail: Sirius2015EP@yandex.ru

Аннотация. Кодирование и декодирование охватывает все этапы создания и развертывания кода отдельных картин мира, а также этнических, национальных и религиозных культур. Механизмы кодирования и декодирования цивилизации, влияние на эти процессы других культур и цивилизаций не имеют достаточного теоретического обоснования. Цель исследования заключается в анализе механизмов кодирования и декодирования Российской цивилизации. В настоящее время Россия находится в острой фазе противоборства с евроатлантической цивилизацией как целостным политическим и военным организмом, который пытается решить проблемы своей безопасности за счет России, Китая и других стран. В условиях продолжительных столкновений российская цивилизация показала свою живучесть, устойчивость, мощь и силу. Для того, чтобы ослабить русскую культуру, культуры народов России, представители евроатлантической цивилизации пытаются декодировать Россию как государство и цивилизацию, чтобы сдерживать её политическое, экономическое и культурное развитие. Декодирование по англосаксонски есть процесс подмены истинных ценностей на ложные, изменение смыслового содержания культур народов России, внедрение европейских элементов в российский и русский культурный и цивилизационный коды. Поэтому в медийное и культурное пространство России "вбрасывается" декодерами невероятное количество ложной, фейковой, извращенной информации о культуре народов России, в первую очередь о русском народе, о политическом руководстве, о государстве, его истории. Работа вносит вклад в разработку теории кодирования и декодирования Российской цивилизации в условиях глобального столкновения цивилизаций.

Ключевые слова: код, культурный код, цивилизационный код, свой и чужой, Россия, кодирование и декодирование

Для цитирования: Каргаполов Е.П. 2022. Российская цивилизация: процессы кодирования и декодирования. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(4): 725–735. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-725-735

Russian Civilization: Encoding and Decoding Processes

Evgeny P. Kargaplov

Khanty-Mansiysk State Medical Academy,
40 Mira St, Khanty-Mansiysk 628011, Russian Federation
E-mail: Sirius2015EP@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the processes of encoding and decoding of civilization. Encoding and decoding covers all stages of creating and developing the code of individual world views, as well as ethnic, national and religious cultures. The purpose of the study is to analyze the mechanisms of encoding and decoding of the Russian civilization. The need for research lies in the insufficient theoretical validity of the mechanisms for encoding and decoding civilization, the influence of other cultures and civilizations alien to Russia on these processes. Currently, Russia is in an acute phase of

confrontation with the Euro-Atlantic civilization as an integral political and military organism, which is trying to solve its security problems at the expense of Russia, China and other countries. Under the conditions of these prolonged clashes, Russian civilization has shown its vitality, stability, power and strength. In order to weaken Russian culture and the cultures of the peoples of Russia, representatives of the Euro-Atlantic civilization are trying to decode Russia as a state and civilization to restrain its political, economic and cultural development. Anglo-Saxon decoding is the process of substituting true values for false ones, changing the semantic content of the cultures of the peoples of Russia, introducing European elements into the Russian cultural and civilizational codes. Therefore, an incredible amount of false, fake, perverted information about the culture of the peoples of Russia, primarily about the Russian people, about the political leadership, about the state, its history, enters the media and cultural space of Russia with the help of decoders. The work contributes to the development of the theory of coding and decoding of the Russian civilization in the context of a global clash of civilizations.

Key words: code, cultural code, civilizational code, friend and foe, Russia, coding and decoding

For citation: Kargaplov E.P. 2022. Russian Civilization: Encoding and Decoding Processes. NOMOTNETKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 725–735. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-725-735

Введение

В настоящее время в мире на глобальном уровне происходят изменения, связанные с ослаблением евроатлантической цивилизации и ростом её агрессивности, что негативно сказывается на процессах развития Российской цивилизации. Чтобы ответить на новые вызовы глобализации и универсализации, необходимо вскрыть основные общемировые тенденции развития.

В общественных науках ведутся исследования соотношения сущности и явлений, форм и содержания, общего, особенного и единичного, этнического и глобального, универсального и партикулярного в культурах и цивилизациях. Ключевыми понятиями этих исследований выступают «код», «кодирование» и «декодирование», «свой» и «чужой», «реальность» и «гиперреальность». Исследование явлений и процессов, обозначенных этими понятиями, дает возможность более глубокого понимания общественных, культурных и цивилизационных процессов, происходящих в мире, в отдельных странах или группах стран. Важно объяснить роли кода во взаимоотношениях народов и их культур и цивилизаций. Необходимость исследований кода в целом, процессов кодирования и декодирования, кода отдельных культур и цивилизаций диктуется потребностями гуманитарной мысли объяснить динамику развития отдельных культур и цивилизаций, причины и последствия столкновений между ними, кризисов и рывков в развитии общечеловеческой цивилизации в целом.

Цель исследования заключается в анализе механизмов и тенденций кодирования и декодирования Российской цивилизации в условиях глобальных процессов столкновения цивилизаций.

Сущность понятий «код», «кодирование» и «декодирование»

Понятие «код» широко используется в различных научных дисциплинах. В отечественной литературе понятие «код» использовали М.К. Петров, В.С. Стёпин М.К. [Петров, 1973, 1997, 2017; В.С. Стёпин, 1989, 1997]. По мнению А.В. Щипкова, «код» является «базовым понятием всей научной парадигмы второй половины XIX – начала XXI века» [Щипков, 2018]. В содержание понятий «культурный код» и «цивилизационный код» заложены потенциальные энергетические импульсы развития культур и цивилизаций, которые посылаются извне и могут активизировать процесс деятельности и творчества субъектов культуры. В культурном коде и цивилизационном коде потенциально заложено содержание многих феноменов культуры, объясняющих современный мир, его темп и дина-

мику, тенденции развития, соотношение форм и содержания. В их содержание входит и развитие культурного, цивилизационного, религиозного и профессионального миров, их место в развитии единой общечеловеческой цивилизации. С помощью понятия «код» ученые объясняют наследственность, строение клетки, формирование и развитие организма.

В настоящее время проблема культурного и цивилизационного кодов вызывает большой интерес среди ученых. Можно выделить ряд направлений исследований в этой области: анализ проблем, связанных с цивилизационным кодом вообще [Переслыгин, 2020; Соколова, 2020]; исследование духовного кода [Аверьянов, 2020; Болдырев, 2020; Колмогорцев, 2020; Фадеева, 2020]; анализ содержания понятий, связанных с цивилизационным кодом, то есть понятий «культурно-генетический код», «социокод», «социокультурный код», «код цивилизации» и др. [Каган, 2013], использование социокода как знака, способного фиксировать и долго хранить значение [Петров, 1973, 1997, 2017], рассмотрение «цивилизационного кода» как «архитипической конструкции» цивилизации [Вьюнов, 1995], рассмотрение цивилизационного кода как системы с входящими в её элементами [Щипков, 2018], рассмотрение цивилизационного кода как мотивационно-смысловой структуры детерминации поведения [Чупина, Шерпаев, 2015], анализ цивилизационного кода России [Панарин, 2003; Дугин, 2004; Бессонова, 2007; Костина, 2016], изучение системы универсалий культуры как генетического кода каждого типа и вида цивилизаций [Стёпин, 1989, 1998, 1999, 2011], анализ сходства и различий цивилизационных кодов Запада и Востока [Щипков, 2018; Межуев, 2018], анализ кода Русской земли [Елисеев, 2020] и другие.

Понятие «код» вторично по отношению к таким понятиям, как «свой», «чужой», «другой», «чуждый». Именно в этом противопоставлении своего и чужого или своего и чуждого происходило кодирование информации, то есть формирование и развитие кода культуры, а затем, на более высокой стадии её развития, и кода цивилизации. В основе кода бытия культуры и цивилизации лежат несводимые к количественным и качественным различиям культур и цивилизаций народов мира. В процессе противопоставления своего с чужим, своего с чуждым или враждебным открывается «окно» возможностей для идентификации людей со своей, родной культурой и цивилизацией, либо отчуждения от них. Это различие исторически закреплялось в отдельных элементах культуры, а затем защищалось, шифровалось, отстаивалось, скрывалось от иных. Код закрывал доступ для проникновения чужих, чуждых и враждебных культур и их носителей к тайнам «родной» культуры и цивилизации, что создавало для человека условия обретения идентичности со своей культурой и одновременно отчуждало, защищало от чужой и чуждой культур через артефакты, знаковые системы, символику, нормы поведения, обряды, верования, мифологию, философию и религию. Поэтому исследование кода предполагает анализ своего и другого, чужого, чуждого в культурах, цивилизациях. Обогащение другой культурой возможно, но только за счет полезного, передового, возвышенного.

Кодирование информации, то есть создание, оформление и изменения кода, может происходить не только в простых формах знаков, но и в более сложных формах, например, в символах, нормах и регулятивах, артефактах, стереотипах и стандартах поведения. Из этих форм, находящихся вне человека, посылаются сигналы человеку, сообществам, этносам. Эти знаки в мире культуры являются в форме праздников, обрядов, ритуалов, традиционных форм поведения человека, общностей в тех или иных жизненных ситуациях, закрепляются в национальном, этническом, религиозном сознании и опыте народов. Код – это сформированная на протяжении многих тысячелетий система сигналов, высвечивающих путь жизни и творчества этноса, нации, народа, человека в будущее и проявляющаяся в разных сложных формах как на биологическом, так и на культурно-историческом и цивилизационном уровнях. М.К. Петров [1973] считал, что социокод позволяет различать фрагментарный массив знаний, расчлененный на интерьеры мир деятельности, институты общения.

На культурно-историческом и цивилизационном уровнях кодирование есть результат столкновения культур и следствие реакции своей культуры на воздействие чужой (чуждой или чуждой) культуры, которая направлена на сохранение процесса идентификации к своей культуре. Проявляется в форме конкретных действий, видов деятельности субъектов, поведения в обществе, экономике, политике, повседневной деятельности и в целом в культуре. Код, несущий в себе смысловую информацию и подающий в мир сигналы о ней, передается её носителями следующим поколениям носителей на генетическом уровне и культурно-историческом уровне через системы образования и воспитания, образцы поведения, технологии деятельности, формы адаптации, социализации и аккультурации. Закодированная информация подается в форме определенных и оформленных энергетических импульсов, сигналов, побуждающих человека, общность, этнос на какие-то определенные действия, но в определенных рамках, границах.

Кодирование (шифрование) информации – это сложный процесс, длящийся тысячелетия. Процесс кодирования затрагивает самые глубинные пласты психики, входящие в ядро Я. И воспроизводится этот процесс с самого первого дня рождения младенца, когда мать начинает формировать сознание своего дитя через кормление, слово, пение, свои действия, отношение к своему дитя. Таким образом, в формирующейся личности постепенно закрепляются культурные коды, причем на уровне Я и Оно, то есть как на бессознательном, так и на сознательном уровнях психики. Культурные и цивилизационные коды формируются в Я, становятся частью Я, то есть его ядром. Закрепившись в Я, культурный и цивилизационный код является уже неотъемлемой частью психики человека, становится частью волевой, мотивационной, эмоциональной и когнитивной сфер психики и проявляется в этих сферах, что заметно сказывается на поведении, мышлении, деятельности личности в культурном и цивилизационном пространстве. Для человека Я есть тайна, которую он может познать, а может не познать никогда.

Закодированная информация в культурном и цивилизационном коде как мозаичном целом через определенные сигналы закрепляется деятельностью человека в стереотипах поведения, в сущности менталитета, в духовном опыте и структуре деятельности. Вновь возникающая информация кодируется как на бессознательном, так и на сознательном уровнях. Но процесс кодирования культурной информации никогда не прекращается, ибо коды отдельных звеньев культуры под воздействием внутренних общественных и культурных процессов, с одной стороны, и давления чужих и чуждых культур, с другой стороны, подвержены мутациям, изменениям, даже подменам. При этом связи между отдельными кодами культуры и цивилизации могут измениться, что влияет на код мозаичной системы в целом.

Культурный и цивилизационный коды зафиксированы в священных текстах. Анализируя содержание русской культуры, А.С. Панарин отмечал: «Особенности русской культуры не в том, что она опосредует восприятие человеком реальности некоторыми нормативно-аксиологическими текстами, – это делает любая культура, – а в том, что она, во-первых, более других тяготеет к "монотекстуальности" (пронизанности всех практик единым центральным смыслом), во-вторых, её процедуры подведения действительности под нормативный текст требуют значительно большего внутреннего напряжения в силу той изначальной дистанцированности ортодоксального греко-православного текста от эмпирической реальности, которая связана с ранней гибелью материнской цивилизации – Византии» [Панарин, 2003]. Текст – это реальность, лежащая вне человека. Текстом может быть памятник, книга, Священное Писание, архитектурный ансамбль, человек, Церковь, жизнь и деятельность Пушкина или Достоевского. Коды, спрятанные в священных текстах, открываются массам посвященными: родителями, священниками, учеными, учителями, политологами, военными, политиками, писателями. Код, таким образом, есть живая сверхличность, субъект, «Бог». Например, когда человек ведет себя неадекватно в обществе, о нем говорят: «без царя в голове». Это человек, которые имеет трудности иден-

тификации со своей культурой и цивилизацией. К.Г. Юнг писал: «Архетипы походят на ложа рек высохших, потому что их покинула вода, которая может вернуться в любое время... Дольше она текла – глубже протока и больше вероятность того, что раньше или позже вода вернётся. Индивидуумы в обществе и в большей мере в государстве могут управлять этой водой и регулировать её наподобие канала. Но когда вода достигает жизни наций, она становится великой хлынувшей рекой вне контроля человека, но во власти того, что было всегда сильнее, чем человек» [Юнг, 1996].

Код может раскрываться и через сигналы и обозначения, которые несут измененную, искривленную информацию, подкреплённую иными базисными ценностями, но не соответствующую той, которая была ранее. Мутации в культурном или цивилизационном коде обусловлены их развитием. Но мутации бывают как положительные (естественные), так и отрицательные (насаждаемые другими). Естественные мутации в мозаичном культурном коде неизбежны, ибо культура и цивилизация развиваются и постепенно приспосабливаются к новым реальностям. Но чаще происходят изменения в кодах отдельных элементов культур и цивилизаций.

Формирование гиперреальности кода в современном западном мире

Какие изменения в коде происходят в настоящее время? Насколько современный культурный и цивилизационный код зависит от того, какая информация в нем кодируется – реальная, гиперреальная или нереальная (искусственно созданная)? Информация, несущая энергию, которая направит человека, нацию, этнос на следование пути жизни и творчества, или на поиски нового, связанного с рисками, кризисами, конфликтами. Современный глобальный либерализм, в котором заложен код экспансии по всем направлениям под прикрытием свободы и прав человека, исчерпал себя, но он ещё силен и поэтому навязывает миру новый гиперреализм в «чистом виде». Например, деление государств на «демократические» и «автократические», вместо полов навязываются гендеры, вместо открытой политики политика «двойных стандартов».

Любая гиперреальность кода, формируемая в последние годы на Западе, в США, Великобритании и других странах, детерминируется определёнными западными, а точнее англо-саксонскими ценностями, которые значительно расходятся с российскими, русскими, китайскими, арабскими или индийскими культурными и цивилизационными ценностями. Эти ценности чётко определены в отношении России в теории «золотого миллиарда», многочисленных теориях и глобального обнуления культур, экономик и сознания народов (а точнее их разорения) под руководством США и его союзников по «коллективному Западу» в планах НАТО по освоению территорий бывших республик СССР и многими другими. В этих документах заложены базисные ценности англосаксонской цивилизации, которые проявляются в двойных, тройных... стандартах: одни для себя, а другие для других, чужих, чуждых, иных. Поэтому можно согласиться с Ж. Бордией, что «...любая реальность сегодня поглощается «гиперреальностью кода» и «симуляцией». Философ пишет: «Принцип реальности исторически совпал со стадией, детерминированной законом ценности. Сегодня вся система склоняется к недетерминированности, любая реальность поглощается гиперреальностью кода и симуляции. Именно принцип симуляции правит нами сегодня вместо прежнего принципа реальности. Целевые установки исчезли, теперь нас порождают модели. Больше нет идеологии, остались одни симулякры. Поэтому, чтобы понять гегемонию и феерию нынешней системы – эту структурную революцию ценности, – необходимо воссоздать целую генеалогию закона ценности и симулякров. В этой генеалогии и должна найти себе место политическая экономия; она предстанет как симулякр второго порядка в ряду тех, что имеют дело только с реальностью – реальностью производства или же значения, в сознании или же в бессознательном» [Бордией, 2015].

Любая культура подвержена воздействию определенных ценностей, развивается под влиянием этих ценностей. Если эти ценности навязываются извне, с другой (особенно чуждой) системы, то благодаря их действию на сознание людей реальность деформируется, постепенно заменяется симулякрами, превращаются в гиперреальность. В превращении естественной реальности в симулякры важная роль принадлежит политике, военной силе и экономике. В результате отдельные коды культурной мозаики активно подменяются кодами симулякров. Человек начинает следовать этим искусственным образам и попадает в «ловушку» гиперреальности, оторванной от реальности. В.С. Стёпиным формулируются новые способы кодирования, что «закрепляет изменение характера коммуникаций и способов включения индивидов в социальные связи». В результате создаются новые границы социального поведения и деятельности, которые закрепляются в новых текстах.

Идеология активно участвует в кодировании культурной информации. Отсутствие идеологии, которое длительное время декларируется современной российской конституцией, заменяется или заполняется симулякрами, новыми гиперреальностями, насаждаемыми средствами массовой дезинформации и документами центров влияния, политиками, неправительственными организациями, бизнесом, спецслужбами. Поэтому не случайно в России постоянно раздаются голоса о необходимости возрождения идеологии. Хотя и идеология может создавать определенные симулякры, которыми руководствуются представители той или иной культуры. Наглядно это видно на примере современной Украины, где на волне радикального национализма, оголтелой русофобии и разгула откровенного нацизма пытаются сформировать свой код украинской культуры на идеях Бандеры, в котором будет отсутствовать русский, исторический, когда-то свой, родной элемент. То есть, Украина, отказавшись от своего прошлого, от своей русскости, пытается внести в свой русский код новые элементы евроатлантической цивилизации в свой код и тем самым разрушает русский цивилизационный код одного из отрядов русского народа, который усиленно называется украинским. Это уже было в истории. Ибо то, что русские и украинцы – один народ, доказано генетическими исследованиями [Клёсов, 2018].

В процессе кодирования первоначально участвуют только «свои», посвященные (священники, военные, учителя, политологи, национально и традиционно мыслящие люди). В зашифрованных знаковых формах – словах, жестах, символах, священных формулах и действиях – сохраняется и передается последующим поколениям сакральные и культурные смыслы. В них уже заложены традиционные коды. Они находятся вне человека, в текстах, в информационном культурном и цивилизационном пространстве. Эти смыслы, понятия, принятые, отраженные на уровне менталитета, благодаря деятельности и творчеству способствуют окультуриванию и социализации всё новых и новых поколений людей. Человек сам определяет границы своей воли, свои стихийные проявления и формы активности, но эти границы в целом не выходят за рамки установленных традиций. Ибо эти рамки массового поведения заложены на уровне мозаичной системы культурного и цивилизационного кодов. Таким образом человек гармонизирует своё бытие. Выход за установленные традиции благодаря обособлению культурных и цивилизационных скрепов способствует ослаблению кода, частичной перекодификации, мутации и другим отрицательным тенденциям в развитии коду культуры и цивилизации.

Кодирование может быть активным внутренним процессом, а может навязываться центрами влияния извне, через симулякры, созданные искусственно в творческих лабораториях теоретиками, или через идеологические центры влияния. Внутренний процесс свертывания информации есть процесс, происходящий медленно, через внешние потрясения, внутренние конфликты и разрешаемые в процессе деятельности противоречия, через активную работу мышления и сознания. Внешний процесс кодирования также возможен через давление, конфликты, даже войны. Поэтому у каждого народа, этноса, религии, культуры, цивилизации свой «естественный» код, который можно увидеть, понять, почувствовать в момент соприкосновения с культурой других, иных, чужих или чуждых этно-

сов, культур и цивилизаций. Этот код декодируется, актуализируется в сознании и поведении, то есть раскрывается в разных формах, в первую очередь в знаковой и символической форме, при сопоставлении с другой, чужой или чуждой культурой и цивилизацией. В этой другой, чужой и чуждой культуре и цивилизации он отражается и воспринимается. Процесс расшифровки кода культуры и цивилизации есть процесс перевода кода на чужой язык. Например, процесс перевода кода русской культуры и российской цивилизации на язык евроатлантической цивилизации или, наоборот, процесса перевода западной цивилизации на язык российской и русской культуры и цивилизации.

Ответ Российской цивилизации на попытки Запада её перекодировать

Но могут происходить и обратные процессы раскодирования кода. Каждая культура и цивилизация имеет свой код, которые может подвергаться декодированию (раскрытию) в знаковой и символической форме с тем, чтобы быть воспринятой и понятой другой (иной) культурой и цивилизацией. Перевод же культурного и цивилизационного кода на чужой, иной язык носит искусственный характер. Ибо культурный и цивилизационный код в целом могут открыть только посвященные. Чужие и чуждые мозаичному коду культуры вполне могут открывать только отдельные коды, входящие в систему, а могут создавать симулякры этих кодов, затем систему подменять частью. Отсюда они делают ошибочные выводы относительно российской культуры и цивилизации в целом.

Перевести код культуры и цивилизации на другой язык чрезвычайно трудно, порой невозможно. Например, сколько издано монографий в зарубежных странах по теме Русской идеи, но до сих пор так и не раскрыт код этого феномена русской жизни. По мнению С. Баранова «Декадирование, расшифровка кода... есть не что иное, как перекодирование, т.е. перевод "чуждого" кода на "естественный"... например, с языка западной цивилизации на язык русской цивилизации» [Баранов, 2020]. Переводчиков, которые занимаются переводом с языка одной цивилизации на язык другой цивилизации называют «декодерами». Сейчас их «расплодилось» очень много. Но многие ли декадеры, особенно западные, раскрыли код русской культуры, цивилизации, народа, государства? Чаще всего они пытаются насильно внедрить свой код в русскую культуру и цивилизацию, подменить ценности, посеять сомнения и разлад в русской культуре и национальном сознании, выбить отдельные коды в мозаичном коде культуры как целого. Особо разрушительная роль в декодировании российского и русского культурных кодов и цивилизаций принадлежит представителям системного либерализма, входящих в так называемую внесистемную оппозицию, то есть находящуюся вне системы, но внедряемую в систему. Они находятся вне системы, а значит чужие и чуждые русскому культурному и цивилизационным кодам. Их система не принимает, их идеи в народе непопулярны, поэтому их агрессивность растет. Иногда их агрессивность называть пассионарностью, но это не так. На самом деле их активность направлена на то, чтобы стать системой в России. Как показали 90-е годы в России – это внесистемное явление, становящееся на миг системой, может только разрушать. На созидание они не способны, да и не настроены. Их основные усилия направлены на декадирование культуры России, Российской и русской цивилизаций. Опасность в том, что они «впитали» в себя отдельные элементы русской культуры и Российской цивилизации.

Обратный процесс – декодирование или разворачивание информации – проявляется в миру в форме энергий, несущих определённые сигналы и обозначения для других, иных и чужих. «Код – система знаков, значений и правил, которая позволяет сворачивать (кодировать) информацию и разворачивать её (декодировать), т.е. переходить от "плана выражения" к "плану содержания", от внешнего – к внутреннему, от "чужого" – к "своему": так осуществляется понимание значений и присвоение смыслов» [Чупина, Шерпаев, 2015].

Какая же в настоящее время сворачивается информация в условиях открытия России как цивилизации? Декодирование, то есть развертывание, раскрытие, расшифровка кода есть не что иное, как попытка перекодирования. Иными словами, это перевод «чужого» кода на «естественный». Например, России навязывается «коллективным Западом» новая модель политического поведения под условными названиями «берлинский пациент», «газовый шантаж», «война против Украины», «НАТО – оборонительная организация», «США – образец демократии» и другие порождения двойных, тройных... стандартов «коллективного Запада». Хотя по сути вышеперечисленное – это симулякры, новые гиперреальности, навязываемые народам России и государствам с целью сдерживания развития их культур, разрушения или нейтрализации позитивного в отношениях между народами. В отсутствии в России единой идеологии эти симулякры имеют большое хождение. В этом симулякре заложены иные, враждебные для народов России ценности, резко расходящиеся с традиционными культурными и цивилизационными ценностями.

Англо-саксонский код будет являть нам другие, чужие и чуждые духу и культуре знаки, символы, нормы и регулятивы, артефакты, и мы должны научиться разбираться в их истинных намерениях, выработать стандарты поведения, которые станут препятствием для всего чуждого культурам и Российской цивилизации. Именно эти чуждые русской культуре знаки, символы, нормы и стандарты поведения активно продвигают в жизнь всякие декадеры, в России это местные деятели «внесистемной оппозиции», то есть либералы. Это переводчики норм, смыслов, понятий, ценностей англосаксонской цивилизации для России, для русских и всех народов России. Их задача состоит в том, чтобы «чужое» и «чужое» сделать «своим», «нашим», «родным», а потом разрушить, обнулить традиционное. А для того, чтобы это произошло, необходимо навязать стране образ «Путина – диктатора», «России – агрессора», образ «низкого уровня жизни в России» и «благополучия на Западе», образ «неэффективного управления экономикой госпредприятий» и пр. С этой целью англо-саксонской цивилизацией поощряется во всех странах, особенно на постсоветском пространстве, всякого рода национализмы, прорабатываются модели распада России, стремление чиновников к «рыхлой армии», поощряется коррупция чиновников и т.д. Для того, чтобы препятствовать всему этому, Россия должна сформулировать новую модель поведения в мире, образ удерживающего от агрессии, нарастить экономический потенциал, поднять уровень жизни народов России, связать страну железными и автомобильными дорогами, сформировать новую идеологию и идею развития на 50–100 лет вперед. Россия и её народы должны выработать и предложить Евразии новую концепцию единого культурного и цивилизационного пространства от Лиссабона и Парижа на Западе, до Петропавловска-Камчатского и Джакарты – на Востоке и Дели и Тегерана – на Юге. США в эту концепцию единого пространства не вписываются, поэтому постепенно должны быть вытеснены из него. Начать можно со спорта, например, проведения Евразийских игр, затем – объединений общественных и культурных организаций, затем – политических и экономических проектор и процессов. Россия может выступить, согласно концепции Х. Маккиндера [Макиндер, 2021], географической осью этих интеграционных процессов.

Заключение

Кодирование информации, то есть создания, оформления и изменения цивилизационного кода, происходит не только в форме простых знаков и знаковых систем, но и в формах символов, норм и регулятивов, артефактов, стереотипов и стандартов поведения, которые закрепляются в определенных программах действий людей, сообществ и этносов.

Кодирование информации – это сложный процесс, длящийся века и затрагивающий самые глубинные пласты культуры, ментальности человека, отражающиеся в психике, входящие в ядро Я. С помощью посвященных как культурный, так и цивилизационный коды «вдыхаются» в ребенка, укрепляются и оформляются в процесс мыследеятельности и поведения на сознательном и бессознательном уровнях на протяжении всей жизни человека.

Код постепенно меняется под воздействием встречи (столкновении) с другими (иными, чужими, чуждыми и враждебными), которые посылают другие сигналы, несущие другую информацию, направляющую на другой путь, который рано или поздно входит в противоречие со своим традиционным. Код может раскрываться через сигналы и обозначения, которые несут изменяющуюся, даже искривленную информацию, подкрепляемую базисными ценностями, но не соответствующую той, которая поступала ранее (необходимо понимать, что мир наполнен ложью, которая создается для того, чтобы ослабить конкурента). Мутации в культурном и цивилизационном кодах есть процесс неизбежный и выступает как закон. Необходимо научиться направлять этим процессы в заданном тысячелетиями развития культуры направлении.

Декодирование есть процесс разворачивания информации, закрепленной в цивилизационном коде: цивилизация открывается «всем ветрам» и всем культурам. Декодирование может происходить изнутри и снаружи другими (чужими, чуждыми и враждебными силами) в форме навязывания явных или скрытых сигналов. Если эти сигналы принимаются и закрепляются в цивилизационном коде своей цивилизации, то это может привести: во-первых, к распаду культуры и затуханию цивилизации; во-вторых, выработке иммунитета на чуждые воздействия, затем обновлению кода и дальнейшему его развитию или изменению. Поэтому открываться всем веяниям и процессам в мире в ущерб традиционной культуре и цивилизации не представляется возможным, а если это необходимо, то делать надо осторожно, не в ущерб своим традиционным основаниям.

Список литературы

- Аверьянов А. 2020. Духовный код. Витки спирали. Изборгский клуб. Русские стратегии, 10: 6–19.
- Баранов С. 2020. Тайнопись цивилизации. Код доступа в будущее России. Изборгский клуб, 9: 4–23
- Бессонова О.Э. 2007. Образ будущего России и код цивилизационного развития. Новосибирск, ИЭОПП СО РАН, 124 с.
- Бодрийяр Ж. 2015. Символический обмен и смерть. М., Добросвет, Издательство "УДУ", 392 с.
- Болдырев А. 2020. О самых главных русских кодах. Изборгский клуб. Русские стратегии, 10: 54–57.
- Вьюнов Ю. Л. 2011. Русский культурный архетип. Страноведение России. М., Флинта, 478 с.
- Дугин А.Г. 2004. Проект «Евразия». М., Эксмо, Яуза, 512 с.
- Елисеев А. 2020. Код Русской земли. Изборгский клуб. Русские стратегии, 9: 46–63.
- Каган М.С. 2013. Культура и цивилизация. В кн.: Культурология. М., Юрайт, 76 с.
- Клёсов А.А. 2018. Происхождение славян. ДНК-гениология против "норманской теории". М., Родина, 512 с.
- Комогорцев А. 2020. Коды пограничья: Сталинград, вера в чудо, Никола Чудотворец. Изборгский клуб. Русские стратегии, 10: 36–47.
- Костина А.В. 2016. Цивилизационная идентичность России: вызовы и ответы. Знание. Понимание. Умение, 2: 138–152.
- Маккиндер, Х. 2021. Географическая ось истории. М., АСТ, 288 с.
- Межуев Б.В. 2018. Есть ли у России свой "цивилизационный код", и в чем он может заключаться? Вопросы философии, 7: 34–43.
- Панарин А.С. 2003. Православная цивилизация в глобальном мире. М., Эксмо, 544 с.
- Переслегин С. 2020. Цивилизации в людях и кодах. Изборгский клуб. Русские стратегии, 9: 24–33.
- Петров М.К. 1973. Язык и категориальные структуры. В кн.: Наукоеведение и история культуры. Ростов н/Д., РГУ, 58–82
- Петров М.К. 1997. Античная культура. М., РОСС ПЭН, 352 с.
- Петров М.К. 2017. Проблемы детерминизма в древнегреческой философии классического периода. Ростов н/Д., ЮФУ, 404 с.
- Соколова Е. 2020. О нашем культурном ДНК: ген покорности и другие коды. Изборгский клуб. Русские стратегии, 9: 34–39.
- Стёпин В.С. 1989. Научное познание о ценности техногенной цивилизации. Вопросы философии, 10: 3–18.

- Стёпин В.С. 1998. Цивилизационный выбор России и сценарии мирового развития. В кн.: Стратегии развития России в третьем тысячелетии. М., ИД «Ноосфера» 183 с.
- Стёпин В.С. 2011. Культура и цивилизация. СПб., СПб ГУП, 408 с.
- Фадеева Т. 2020. Русский культурный код в сакральном зодчестве. Изборгский клуб. Русские стратегии, 10: 92–99.
- Чупина Г.А., Шерпаев В.И. 2015. Национальная идентичность как функция "коллективной личности". Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана, 12: 28–34.
- Щипков А.В. 2018. Понятие "код" в рамках современного цивилизационного подхода. Вопросы философии, 7: 28–33
- Юнг К.Г. 1996. Очерки о современных событиях (2. Вотан). В кн.: Одайник В. Психология политики. М., Ювента, 251 с.

References

- Aver'yanov A. 2020. Dukhovnyy kod. Vitki spirali [Spiritual code. Spiral coils]. *Izborgskiy klub. Russkiye strategii*, 10: 6–19.
- Baranov S. 2020. Taynopis' tsivilizatsii. Kod dostupa v budushcheye Rossii [Cryptography of civilization. Access code to the future of Russia]. *Izborgskiy klub*, 9: 4–23
- Bessonova O.E. 2007. Obraz budushchego Rossii i kod tsivilizatsionnogo razvitiya [The image of the future of Russia and the code of civilizational development]. Novosibirsk, IEOPP SO RAN, 124 p.
- Bodriyyar ZH. 2015. Simvolicheskiy obmen i smert' [Symbolic exchange and death]. Moscow, Publ. Dobrosvet, Izdatel'stvo "UDU", 392 p.
- Boldyrev A. 2020. O samykh glavnykh russkikh kodakh [About the most important Russian codes]. *Izborgskiy klub. Russkiye strategii*, 10: 54–57.
- V'yunov Yu. L. 2011. Russkiy kul'turnyy arkhetyip. Stranovedeniye Rossii [Russian cultural archetype. Country studies of Russia]. Moscow, Publ. Flinta, 478 p.
- Dugin A.G. 2004. Proyekt "Yevraziya" [Project "Eurasia"]. Moscow, Publ. Eksmo, Yauza, 512 p.
- Yeliseyev A. 2020. Kod Russkoy zemli [Code of the Russian land]. *Izborgskiy klub. Russkiye strategii*, 9: 46–63.
- Kagan M.S. 2013. Kul'tura i tsivilizatsiya [Culture and civilization]. In: Kul'turologiya [Culturology]. Moscow, Publ. Yurayt, 76 p.
- Klosov A.A. 2018. Proiskhozhdeniye slavyan. DNK-geniologiya protiv "normanskoy teorii" [The origin of the Slavs. DNA-geniology against the "Norman theory"]. Moscow, Publ. Rodina, 512 p.
- Komogortsev A. 2020. Kody pogranich'ya: Stalingrad, vera v chudo, Nikola Chudotvorets [Border codes: Stalingrad, faith in a miracle, Nikola the Wonderworker]. *Izborgskiy klub. Russkiye strategii*, 10: 36–47.
- Kostina A.V. 2016. Tsivilizatsionnaya identichnost' Rossii: vyzovy i otvety [Civilizational Identity of Russia: Challenges and Responses]. *Znaniye. Ponimaniye. Umeniye*, 2: 138–152.
- Makkinder, Kh. 2021. Geograficheskaya os' istorii [Geographic axis of history]. Moscow, Publ. AST, 288 p.
- Mezhuyev B.V. 2018. Yest' li u Rossii svoj "tsivilizatsionnyy kod", i v chem on mozhet zaklyuchat'sya? [Does Russia have its own "civilizational code", and what could it be?]. *Voprosy filosofii*, 7: 34–43.
- Panarin A.S. 2003. Pravoslavnyaya tsivilizatsiya v global'nom mire [Orthodox civilization in the global world]. Moscow, Publ. Eksmo, 544 p.
- Pereslegin S. 2020. Tsivilizatsii v lyudyakh i kodakh [Civilizations in people and codes]. *Izborgskiy klub. Russkiye strategii*, 9: 24–33.
- Petrov M.K. 1973. Yazyk i kategorial'nyye struktury [Language and categorical structures]. In: Naukovoeniye i istoriya kul'tury [Science and History of Culture]. Rostov n/D., RGU: 58–82.
- Petrov M.K. 1997. Antichnaya kul'tura [Antique culture]. Moscow, Publ. ROSS PEN, 352 p.
- Petrov M.K. 2017. Problemy determinizma v drevnegrecheskoy filosofii klassicheskogo perioda [Problems of determinism in ancient Greek philosophy of the classical period]. Rostov n/D., YUFU, 404 p.
- Sokolova Ye. 2020. O nashem kul'turnom DNK: gen pokornosti i drugie kody [About our cultural DNA: the obedience gene and other codes]. *Izborgskiy klub. Russkiye strategii*, 9: 34–39.
- Stopin V.S. 1989. Nauchnoye poznaniye o tsennosti tekhnogennoy tsivilizatsii [Scientific knowledge about the value of technogenic civilization]. *Voprosy filosofii*, 10: 3–18.

- Stopin V.S. 1998. Tsivilizatsionnyy vybor Rossii i stsenarii mirovogo razvitiya [Russia's Civilizational Choice and World Development Scenarios]. In: Strategii razvitiya Rossii v tret'yem tysyacheletii [Strategies for the Development of Russia in the Third Millennium]. Moscow, Publ. Noosfera, 183 p.
- Stopin V.S. 2011. Kul'tura i tsivilizatsiya [Culture and civilization]. St. Petersburg, SPb GUP, 408 p.
- Fadeyeva T. 2020. Russkiy kul'turnyy kod v sakral'nom zodchestve [Russian cultural code in sacral architecture]. *Izborgskiy klub. Russkiye strategii*, 10: 92–99.
- Chupina G.A., Sherpayev V.I. 2015. Natsional'naya identichnost' kak funktsiya "kollektivnoy lichnosti" [National Identity as a Function of the "Collective Personality"]. *Nauka, novyye tekhnologii i innovatsii Kyrgyzstana*, 12: 28–34.
- Shchipkov A.V. 2018. Ponyatiye "kod" v ramkakh sovremennogo tsivilizatsionnogo podkhoda [The concept of "code" in the framework of the modern civilizational approach]. *Voprosy filosofii*, 7: 28–33
- Yung K.G. 1996. Ocherki o sovremennykh sobytiyakh (2. Votan) [Essays on Contemporary Events (2. Wotan)]. In: Odaynik V. Psikhologiya politiki [Psychology of politics]. Moscow, Publ. Yuventa, 251 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.05.2022
Поступила после рецензирования 05.08.2022
Принята к публикации 30.10.2022

Received May 05, 2022
Revised August 05, 2022
Accepted October 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Каргаполов Евгений Павлович, доктор педагогических наук, профессор, Ханты-Мансийская государственная медицинская академия, г. Ханты-Мансийск, Россия
ORCID [0000-0002-1368-1840](https://orcid.org/0000-0002-1368-1840)

Evgeny P. Kargaplov, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Khanty-Mansiysk State Medical Academy, Khanty-Mansiysk, Russia
ORCID [0000-0002-1368-1840](https://orcid.org/0000-0002-1368-1840)

УДК 316.614:004
DOI

Медиакультура в процессах социализации молодежи в современном обществе

¹Черкашин М.Д., ²Дагаев Р.Р.

¹ Юго-Западный государственный университет,
Россия, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, д. 94

² Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова,
Россия, Чеченская Республика, 364037, г. Грозный, ул. Субры Кишиевой, 33
E-mail: cherkashin07@mail.ru; rash-chelsea@mail.ru

Аннотация. Глобализация, информатизация, постиндустриализация фиксируют данность: в современном мире социальная реальность выстраивается по принципиально новым алгоритмам, которые, безусловно, не могут не отражаться на социализации и идентичности личности и приводят к их глубинным трансформациям. Несмотря на то, что проблема личности всегда была одной из главных в философии, она не может существовать изолированно от общества, которое постоянно приобретает новые характеристики, что требует обновленных концепций личности и ее социализации. Целью данного исследования является теоретическое осмысление влияния медиакультуры на процесс социализации современной молодежи. Методологической основой работы явились философские концепции исследователей, которые в той или иной мере рассматривали проблемы, связанные с трансформацией личности под влиянием социокультурных факторов. Результатом исследования явилась концептуализация трансформации личности и ее социализации в современном общественном бытии в условиях информационной цивилизации. Полученные результаты открывают возможность для принятия управленческих решений по выработке ключевых ориентиров направления эффективной государственной молодежной политики.

Ключевые слова: личность, социализация личности, медиасоциализация, идентичность личности, виртуальная реальность, виртуальные сообщества, киберпространство

Для цитирования: Черкашин М.Д., Дагаев Р.Р. 2022. Медиасоциализация в процессах социализации молодежи в современном обществе. НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право, 47(4): 736–746. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-736-746

Media Culture in the Processes of Youth Socialization in Modern Society

¹Mikhail. D. Cherkashin, ²Rashid R. Dagaev

¹ Southwestern State University,
94 50 years of October St, Kursk 305040, Russian Federation;

² A.A. Kadyrov Chechen State University,
33 Subry Kishieva St, Grozny 364037, Chechen Republic, Russian Federation
E-mail: cherkashin07@mail.ru; rash-chelsea@mail.ru

Abstract. Globalization, informatization, post-industrialization fix a given: in the modern world, social reality is built according to fundamentally new algorithms, which, of course, cannot but affect the socialization and identity of the individual and lead to their deep transformations. Despite the fact that the problem of personality has always been one of the main ones in philosophy, it cannot exist in isolation from society, which is constantly acquiring new characteristics, which requires updated concepts of personality and its socialization. The purpose of this study is a theoretical understanding of the conceptual

interpretations of the transformation of the individual and its socialization in modern public life in the discourse of social philosophy. The methodological basis of the work was the philosophical concepts of researchers who, to one degree or another, considered the problems associated with the transformation of personality under the influence of sociocultural factors. The result of the study was the conceptualization of the transformation of the personality and its socialization in modern social life in the conditions of information civilization. The results obtained open up the possibility for making managerial decisions on the development of key guidelines for the direction of an effective state youth policy.

Keywords: personality, personality socialization, media socialization, personal identity, virtual reality, virtual communities, cyberspace

For citation: Cherkashin M.D., Dagaev R.R. 2022. Media Culture in the Processes of Youth Socialization in Modern Society. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 736–746 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-736-746

Введение

Сегодня специфика становления личности и формирование ее ценностей все больше определяются медийно-информационным пространством виртуального характера. Наиболее распространенным термином, представляющим различные формы социализации в социокультурной среде информационного общества, являются медиасоциализация и киберсоциализация. Последние являются социализацией в виртуальном пространстве на основе усвоения медиакультуры и приобретения киберсоциального опыта по его использованию в реальной жизнедеятельности.

Исходя из этого, актуальность исследования проблемы медиакультуры как фактора социализации современной молодежи обусловлена тем, что она имманентна современному массовому обществу, ныне являющемуся исторической реальностью. Более того, медиакультура в этом обществе стала одной из ведущих культурных форм, а в результате процессов глобализации она превратилась в феномен общемирового масштаба, в поле влияния которого вовлечены миллионы людей. В связи с этим значительно расширился круг социальных функций, которые выполняет медиакультура. В частности, именно она обеспечивает стабильность существующей социальной системы, выполняя системотворческие функции по формированию социокультурной среды социализации и бытия человека, выступает в качестве механизма социализации, является основой личностных адаптационных стратегий на основе создания виртуальной реальности.

Следует отметить и то, что становление медиакультуры как фактора социализации связано с расширением рисков для личности в сочетании информационно-технологического и ценностно-манипулятивного аспектов угроз, среди которых наибольшее значение имеют визуализация действительности, ухудшение общего физического здоровья, интернет-зависимость, проблемы в области восприятия информации и мышления. Следовательно, важной социально-философской проблемой является обоснование путей формирования безопасного для социализации молодежи медиакультурного пространства. Поэтому сегодня медиасоциализация становится важным объектом исследования в общественных науках, поскольку изучение этого феномена раскрывает механизмы и закономерности функционирования человека не только в мире медиа.

Кроме уже отмеченных проблем, исследование медиасоциализации молодежи позволяет выявить проявления медиатизации социализации современной личности, формирования ее медиакультуры, медиакомпетентности и т.д.

Для понимания процесса формирования проблемного поля исследований медиакультурного пространства наибольшее значение имеют те научные исследования, которые акцентировали связь трансформаций постиндустриального образца и становление информационно-медийных технологий. Основная идея при этом состоит в том, что информационно-коммуникационные технологии как раз и формируют новое постиндустриальное общество и соответственно новые условия становления и бытия человека в виде медиа культурного пространства.

Проблемы социализации личности с позиций концепций постиндустриализма и информационного общества освещаются в трудах Д. Белла, М. Кастельса, Й. Масуди, О. Тоффлера и др. Особо следует отметить работы М. Маклюэна, в которых обосновывается изменение значения медиа и медиатекстов для процесса формирования человека и его сознания. Исследованию различных проблем жизнедеятельности молодежи, ее социализации, в том числе формированию ее субъект-

ных качеств, посвящены работы Ю. Зубок, С. Иконниковой, И. Ильинского, И. Кона, В. Лукова, Ю. Левады, и др.

Среди отечественных авторов, посвятивших свои исследования пространственному измерению процесса социализации в контексте становления медийно-информационного общества, следует отметить С.В. Бондаренко, Е.В. Елисееву, Н. Кирилову, А.Б. Сорокину, В.А. Плешакова, Н.О. Хазиеву и др.)

Однако анализ медиакультуры и ее идентификационных стратегий усложняется тем, что она переживает постоянные трансформации, а это в свою очередь требует постоянного обновления теоретического дискурса данного феномена. Перед исследователями стоит задача, с одной стороны, пересмотра сущности этих трансформаций, с другой – поиска более эффективного инструментария, способного описывать существенные изменения социокультурной действительности.

Итак, существует значительный корпус философских трудов, посвященных социализации, идентификации, проблеме роли медиакультуры в процессе происходящих изменений. Вместе с тем сложность и неоднозначность социокультурных процессов, определяющих характер «текущей современности», в частности роль медиакультуры в процессах самоопределения и самореализации современной молодежи, оставляют широкое пространство для дальнейшего исследования. Так или иначе возникает комплекс философско-научных проблемных задач по обеспечению:

- системного понимания медиакультурного пространства социализации как формы социального бытия;
- экспликации потенциальной и актуальной свободы человека в медиакультурном пространстве;
- поиска возможностей управлять процессом социализации в медиакультурном пространстве на модельно-парадигмальном и субъектном уровне.

Целью данного теоретического исследования являются комплексный анализ влияния медиакультуры на процесс социализации современной молодежи, выявление эффектов и рисков в этом процессе.

Специфика социализации личности в интернет-медиапространстве

Современный этап развития мировой цивилизации характеризуется фундаментальными изменениями почти во всех сферах общественного бытия: политической, экономической, производственной, социальной и т. п., которые протекают под значительным влиянием становления культуры глобального информационного общества, провозглашающего информацию, знания и постоянное самосовершенствование личности движущими силами общественного прогресса. Мир, в котором протекает жизнь современного человека, как бы разделился на два мира – реальный и виртуальный. Общественные отношения и связи частично переносятся в виртуальную реальность, где индивиды могут взаимодействовать друг с другом и с другими источниками информации [Крамаренко, Сомов, 2013]. В этой связи можно констатировать, что сегодня наше общество превращается в структуру, основой которой является использование сетей – сетевое общество. В текущем информационном пространстве глобальной «сетью сетей» на сегодняшний день стала всемирная сеть Интернет – совокупность локальных и глобальных информационных сетей, связанных между собой посредством новейших технологий. Именно она в наше время является символом новой информационной эры и очередной ступенью человеческого прогресса. Появление принципиально нового типа информационного общества и развитие сетевых коммуникаций резко изменяют характер социализации и, следовательно, формирование личностной идентичности. Так, уже став классиком теории социализации, А. Мудрик в своих трудах не только раскрывает феномен социализации во всех его проявлениях, но и дополняет традиционные мезофакторы Интернетом [Мудрик, 2009]. Социализация в современном обществе обрела новое значение, рассматриваясь как информационная социализация.

Как известно, процесс социализации происходит в совокупности четырех векторов: стихийная; относительно направляемая; относительно социально контролируемая; более или менее сознательное самоизменение человека [Мудрик, 2009]. Социализация же в вир-

туальном пространстве преимущественно является стихийной. Личность по собственному желанию определяет способ своего существования, поведение, коммуникацию в таком пространстве, ведет параллельную, почти никем не контролируемую жизнь, значительно ограничивая непосредственное общение в реальной жизни. Интернет-технологии обладают притягательными для молодых людей функциями – коммуникации и интеракции [Ра-чипа и др., 2019, с. 231]. Сегодня сете-компьютерная реальность плотно вошла в нашу жизнь. Архитектура новой сете-компьютерной реальности позволяет выбирать тот локус, в котором конкретный человек может наиболее комфортно чувствовать себя. В отличие от реальной жизни, где каждый вынужден считаться с социальными нормами и объективными условиями своего бытия, в виртуальном мире можно преподнести себя в желаемом контексте, причем здесь человеческая фантазия почти ничем не сдерживается. Неудачник в реальной жизни может стать покорителем мира иллюзий, особенно если этот мир он разделяет с другими людьми, которые признают его достижения как нечто важное. Новые медиа позволяют изменять существующий способ жизни и основные сферы жизнедеятельности личности, что связано со сменой процесса социализации в целом.

Это социализация особого достоинства, привлекательная своей необязательностью, ведь свое реальное Я можно заменить на Я виртуальное, выдуманное частично или полностью. И даже если стратегия «покорения мира» потерпела неудачу, в этом обычно нет большой трагедии (хотя бывают и особые случаи, которые могут стать причиной глубокой депрессии или даже самоубийства), ведь всегда можно изменить «ник», начать «с нуля» или вообще изменить один локус (форум, социальная сеть, игру и т.д.) на другой. Развитие эффективных подходов и направлений адаптации личности в виртуальном пространстве происходит в среде, где цифровизация и медиатизация опережает развитие общественных формальных и неформальных институтов [Бабушкин, Двойненко, 2021, с. 107]. При этом социокультурное взаимодействие субъектов может иметь как персональный характер, так и происходит в рамках виртуальных сообществ, возникающих на основе точек пересечения пользователей, имеющих общие интересы, что становится основой для выстраивания зон взаимного интереса и дальнейшего контакта, способствующих взаимопониманию и готовности принять иные ценности, что может привести к формированию субкультур [Летов, 2013, с. 63].

Виртуальное сообщество представляет собой идеальную платформу для социализации, поиска друзей, новых знакомств, единомышленников. Легкость, простота, возможность общаться в свободное время, возможность поиска знакомств и дальнейшей дружбы или иного взаимодействия, несмотря на расстояния, привлекают пользователей разных поколений и предпочтений, а особенно молодежь.

Люди в виртуальных сообществах могут быть с разными взглядами на жизнь, с разной национальностью, расой, вероисповеданием. Виртуальная реальность может быть для человека тайником души: быть информационной средой, коммуникативной, художественной, где у нее нет границ мышления и можно творить все, что заблагорассудится; это почти неограниченное пространство возможностей и идей.

«Совершенно очевидно, что круг персонифицированных агентов социализации личности в интернет-среде может быть чрезвычайно широк за счет коммуникаций в пространстве социальных сетей, блогосферы и видеоблогосферы» [Дружба и др., 2020, с. 145]. В этой большой паутине гораздо легче, чем в жизни. Здесь не высмеют внешность, не критикуют за то, что человек не такой, как того кто-то хочет, не будут позорить. Дело в том, что в киберпространстве человек может при желании остаться анонимным, чтобы его знали исключительно как «юзера». Именно поэтому многие представители молодежной аудитории могут испытывать ту поддержку людей, которую они не найдут в реальной жизни среди своих сверстников.

Следует отметить и существенные черты интернет-медиапространства, которые позволяют ему динамично реагировать на общественные изменения, – свободное участие

в создании медиаконтента и свободный выбор медиаконтента. Пользователи, «пересекая» пространство всемирной паутины и самостоятельно формируя интертекстуальные связи, создают новые значения в сети. Развитие интерактивной составляющей Интернета позволило индивиду выступить в качестве субъекта взаимодействия, непосредственно участвующего в смысловом наполнении киберпространства. Интернет дает возможность реализации индивидуальных импульсов, раскрывающихся в социально ориентированном пространстве сети. К передаче и восприятию информации присоединился процесс создания медиаконтента. Современная медиакультура характеризуется не только массовым потреблением, но и массовым созданием информации. В данном случае важно заметить, что речь идет о создании пользователем собственных сообщений, что переносит акцент исследования на осознание не только мотивов внешнего воздействия, но и мотивов личного участия в сетевом пространстве. Интерактивность виртуальной среды, по мнению австралийского исследователя медиакультуры Д. Матисона [2013, с. 235], изменила представление о традиционном определении потребителей информации такими словами, как «аудитория», «зритель» или «читатель». Интернет предоставил возможность беспрецедентного права участия в информационной среде со стороны любого пользователя, что привело к изменению общепринятой модели взаимодействия с массмедиа «создатель – потребитель» на «создатель – потребитель – создатель».

Медиакультура как фактор расширения пространства социализации личности

Значительное влияние интернета на молодежную аудиторию привело к появлению отдельного феномена интернет-культуры, обладающего собственными нормами, символами, ценностями, сетевым этикетом, сетевым сленгом и сетевым мышлением [Черкашин, 2021]. Предметом изучения медиакультуры личности стало не только качество взаимодействия со средствами массовой коммуникации, выражающееся в способности воспринимать и анализировать медиатексты, но и формы непосредственной реализации индивида в сети. В связи с этим можно определить интернет-медиакультуру как специфическую социокультурную форму сетевой активности, характеризующуюся собственными нормами, правилами и ценностями. Интернет-медиакультура личности – это способ взаимодействия с интернет-средой через восприятие, обработку и распространение медиа сообщений, сопровождающееся усвоением ценностей и норм интернет-пространства.

Исследователи медиа и медиакультуры отмечают актуальность ее формирования у молодежной аудитории [Видная, Меркушина, 2021]. Основные программы медиаграмотности предусматривают критическую и аналитическую работу, рассчитанную на подростковую аудиторию. Подростки составляют многочисленную аудиторию пользователей Интернета и используют предлагаемые сетью возможности для коммуникации и самореализации. Большое количество исследований, связанных с изучением влияния интернета на подрастающее поколение, осуществляются с точки зрения классических концепций поступательного развития личности, где она рассматривается как органическая целостность с логической организацией мышления, необходимостью развития творческих и интеллектуальных способностей с применением классических образовательных моделей. Однако изменение когнитивной, аффективной и ценностной сферы молодых людей под влиянием новейших технологий очевидно и необратимо. Современная концепция формирования медиакультуры должна базироваться на тщательном анализе актуальных изменений, которые произошли в образе мышления, обработки информации и создании знаний у подростков как источников формирования эффективных стратегий формирования медиакультуры.

В.А. Плешаков, описывая медиакультурную социализацию, указывает на функционирование механизмов воспроизводства культуры [Плешаков, 2011, с. 14]. Внешнее выражение (через знаковую и социальную форму) внутренней психической жизнедея-

тельности человека через механизм экстерниоризации реализуется через передачу медиа-сообщений в сеть Интернет. Передача сообщений может предусматривать как создание авторского медиаконтента, так и его тиражирование. В контексте формирования медиакультуры акцент исследования смещается из особенностей форм коммуникации индивидов друг с другом на коммуникацию с сетью. Превратившись из объекта влияния медиа в субъект взаимодействия с интернет-медиапространством, индивид получил возможность «расширения» собственной личности через создание «виртуального Я» [Wertheim, 2000], которое в полной мере реализуется в социальных медиа. Под «виртуальным Я» мы понимаем формы презентации индивида в интернет-среде через различные интернет-сервисы: социальные сети разного типа, компьютерные видеоигры и т.д. Развитие и обеспечение жизнедеятельности «виртуального Я» постоянно заставляет находиться онлайн. Интернет-среда побуждает к публичности, афишированию собственных поступков, которые часто выливаются в рискованные формы поведения. Подростки подвергаются массовому воздействию раньше, чем успевают проанализировать целесообразность собственных действий. Они активно следуют предложенным тенденциям, даже не задумываясь, несут ли они опасность для жизни.

Характеризуя взаимоотношение личностной и социальной медиакультур в рамках медиакультурного пространства социализации, исследователи, как правило, соглашаются, что современные информационно-медийные технологии предоставляют каждому человеку расширенные возможности творческого самовыражения, выбора форм и направлений развития, инструментов для самореализации и творческой деятельности. Следовательно, динамика личностно-социального медиакультурного взаимодействия существенно расширяет возможности социализации, одновременно радикально меняя направленность и содержание процесса социализации. Как указывает Н. Кирилова, «медиакультура включает в себя не только культуру производства и передачи информации, но и культуру ее восприятия; она может выступать и показателем уровня развития личности, способной анализировать, оценивать тот или иной медиатекст, заниматься медиатворчеством, усваивать новые знания с помощью медиа» [Киртллова, 2006, с. 17].

Интернет-медиакультура личности должна включать в себя развитие таких способностей, которые позволят: а) критически анализируя медиаконтент, вовремя выявлять скрытые опасности сети; б) регулировать время нахождения в интернете, отмечая появление тенденции к доминированию сетевой активности над объективной деятельностью; в) давать оценку как внешнему социально-психологическому влиянию сети, так и внутренним психологическим изменениям, которые происходят в результате такого влияния.

Таким образом, интернет-медиакультура является двусторонней формой участия личности в качестве объекта и субъекта интернет-деятельности и предусматривает восприятие и передачу информационных сообщений. Формирование высокого уровня медиакультуры включает развитие критического и аналитического восприятия, а также рефлексивный анализ собственной деятельности в сети.

Влияние социальной мифологии на процесс медиасоциализации личности

Важную роль в процессе медиасоциализации играет социальная мифология, которая представляет собой систему мифов относительно процессов общественного развития и обществе в целом, что существенно влияет на общественное сознание и активизирует деятельность отдельных социальных групп и всего социума [Иванов, Полякова, 2018, с. 6].

Еще в начале XXI века средства массовой информации, в том числе Интернет, стали основным источником для записи, конструирования, архивирования и распространения публичных и частных историй, и понимание прошлого происходит при посредничестве

его медиа-версий, а медиа-среда выступает в качестве дополнительного звена в процессе влияния социального мифа на жизнь общества, погружая человека в определенную реальность, сравнимую с мифологической реальностью [Полякова, 2018, с. 8]. В частности, характерным для медиасреды является существование «псевдособытий», не имеющих воплощения в реальности и существующих только в медиасреде, для которой и были созданы, однако представлены здесь наравне с новостями о реальных событиях [Колпинец, 2016, с. 170].

В интернет-пространстве отображаются и распространяются различные неомифы (идеологические, политические, культурные, социальные, экономические), а также «собственные мифы сети» [Саяпин, 2016, с. 170]. Современный миф имеет как архаический уровень (элементы которого сформированы коллективно), так и инструментальный или конъюнктурный (элементы которого есть результат целенаправленной рациональной деятельности отдельных мифотворцев), на котором происходит осмысление социальной реальности с учетом интересов конкретных социальных групп и выражается их отношение к социальной реальности через формирование интересубъективных для группы ценностей и идеалов, причем значительное место на этом уровне занимает идеология (в каждом социальном мифе происходит постоянное взаимодействие мифологии и идеологии) [Иванов, Полякова, 2018].

Таким образом, миф в виртуальном пространстве становится эффективным средством манипуляции общественным сознанием виртуальных субъектов и может изменять структуру мировоззрения субъектов или замещать целостное мировоззрение фрагментарным, что приводит к неадекватному, искривленному пониманию объективной реальности, в частности, путем замены актуализированных реальностей фиктивными артефактами [Саяпин, 2016].

Виртуальные сообщества являются идеальными мифологическими средствами для борьбы за смыслы и значение – во время пребывания в виртуальном сообществе у субъекта происходит своеобразная мифологизация индивидуального сознания, где формируется эффект постоянного пребывания в большом сообществе, что способствует снижению экзистенциального напряжения жизненных сил субъекта, когда на время исчезает чувство одиночества.

Виртуальная идентичность в пространстве медиакультуры

В условиях, когда интернет-коммуникации становятся продолжением повседневных контактов в физической реальности, сетевая идентичность становится виртуальной оболочкой настоящей идентичности. При этом для лиц с высокой виртуальной идентичностью характерна тенденция, когда виртуальная идентичность искажает реальную, переориентируя ее исключительно на индивидуальный уровень, что сопровождается исчезновением социального [Козлова, 2015, с. 121].

Наряду с этим при формировании виртуальной идентичности наряду с «украшением» реальной идентичности остается вариант радикального изменения ролей и экспериментирование с идентичностями (виртуальное «изменение» пола или гендера, девиантное поведение и т.п.), что может использоваться для манипулирования и введения в заблуждение других участников коммуникации [Фролова, 2018], в том числе благодаря возможностям современных технологий происходит создание и так называемых Deepfakes (глубоких подделок), в частности, реалистичных видеозаписей, где лица реальных участников видео заменены на другие.

Определенная гибридизация реальностей (физической и виртуальной) обеспечивается развитием технологий смешанной (или гибридной) реальности, обеспечивающих возможность взаимодействия и сосуществования в рамках одного континуума объектов

физической и виртуальной реальностей (включает «дополненную реальность», когда физическая реальность дополняется виртуальными объектами и «дополнена виртуальность», когда виртуальная реальность дополняется объектами физической реальности) [Иванова, 2018, с. 89]. При этом, если для конца 1990-х – начала 2000-х гг. характерной альтернативностью виртуальных образов являлась несогласованность реальных и виртуальных идентичностей из-за многочисленности и изменчивости последних (имеющих компенсаторный или поисковый характер), то после появления и распространения социальных сетей, которые побуждали к раскрытию в сети реальной идентичности, происходило нивелирование принципиальных отличий реальной и виртуальной (сетевой) идентичностей, в результате чего произошло снятие альтернативности социального и виртуального миров и для конструирования сетевой идентичности более характерным стало не сочинение новых, не связанных с реальностью сущностей, а модификация и украшение идентичности, используемой в реальном мире [Фролова, 2018].

Таким образом, формирование виртуальной идентичности может происходить как за счет переноса элементов идентичности из реального мира в виртуальный, так и через активную позицию субъекта деятельности в виртуальном пространстве [Козлова, 2015].

В результате технологическое развитие (информационные технологии, биотехнологии, нанотехнологии) определяет не только трансформацию развития культуры, но и потенциальное изменение сущности человека, его превращение в часть технологического, виртуального мира, переход от этапа развития живых существ к этапу развития искусственного [Кастельс, 2000]. Как следствие – человек теряет связь с культурными традициями своего социума, усваивает нормы, ценности правила, которые характерны не для конкретного общества, в котором живет личность, а присущие сетевой общности, в которой она существует в виртуальной реальности, изменяющей ее внутренний мир, отношение к окружающей действительности может привести к кризису культурной идентичности.

Под влиянием глобализации и информатизации социума растет значение макрофакторов и несколько нивелируется роль микрофакторов в социализации, поскольку в виртуальном пространстве семья, соседи, учебные заведения, учреждения культуры существенно теряют свое влияние на личность и, напротив, усиливается влияние социальных сообществ, которые формируются в глобальной сети, да и самой глобальной сети тоже.

Таким образом, наблюдается кризис базовых агентов социализации, среди которых семья, образование, труд. На фоне этого растет значение нетрадиционных агентов социализации, среди которых особенно важным становятся современные средства массовой информации, превращающиеся в наиболее активные трансляторы социального опыта, норм и ценностей информационного общества. Интернет завоевывает место ведущего ресурса информации для современного человека, спецификой его влияния на социализацию личности является опосредованная социальность как результат социализации, поскольку агенты социализации в такой ситуации присутствуют в виде виртуальной реальности, которая побеждает настоящих агентов социализации. Интеграция виртуального и реального в Интернете становится основой нового образа жизни и новых форм социализации. Именно в процессе социализации происходит освоение виртуальной реальности и формируется новый тип личности *Homovirtualis* – человек, который ориентируется на феномен виртуальности [Данилова, 2009].

Модель медиакультурной социализации становится конкурентоспособной альтернативной модели традиционной социализации и берет на себя культурно-просветительскую, образовательно-воспитательную и социализаторскую функции, которые до сих пор выполняли традиционные институты социализации. Медиа не просто приобретают статус альтернативного фактора и института социализации, но и активно вытесняют традиционные институты за пределы социализационного процесса.

Заключение

Обобщая указанное выше, очертим важные для нас концептуальные основы изучения процесса социализации в информационном обществе:

1) виртуализация социокультурного пространства открывает новые возможности для коммуникации и развития личности, в то же время негативно влияет на психическое состояние личности;

2) изменения, которые происходят в информационном обществе, обусловили приобретение социализацией специфических признаков, в частности, меняется роль факторов социализации, повышается значение средств массовой коммуникации, усиливается влияние социальных сообществ, формирующихся в глобальной сети;

3) классическое понимание социализации как процесса усвоения личностью образцов поведения, социальных норм и ценностей, психологических установок расширяется благодаря усвоению информационной культуры, а потому в структуре процесса социализации выделяется такая составляющая, как медиасоциализация;

4) в условиях внешних и внутренних вызовов актуализируется внимание к медиасоциализации молодежи, которая находится на стадии личностного и профессионального становления и в значительной мере вовлечена в виртуальную реальность, а потому возрастает значение высшего образования как ведущего агента социально контролируемой, целенаправленной медиасоциализации личности в современном информационном обществе.

Список литературы

- Бабушкин Д.А., Двойненко М.О. 2021. Актуальные вопросы киберсоциализации субъектов образовательного процесса. *Инновационное развитие профессионального образования*, 4(32): 105–111.
- Видная О.Е., Меркушина Е.А. 2021. Параметры медиасоциализации молодежи: современный ракурс. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, 4(42): 94–104.
- Данилова М.А. 2009. Интернет-социализация студенческой молодежи: специфика мотивации сетевого поведения: автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Саратов, 18 с.
- Дружба О.В., Каирова И.А., Кошман М.В. 2020. Социальные сети как пространство интернет-социализации молодёжи. *Kant*, 1(34): 143–151.
- Иванов А.Г., Полякова И.П. 2018. Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа. *Вестник Пермского университета. Философия Психология. Социология*, 1: 5–15.
- Иванова А.В. 2018. Технологии виртуальной и дополненной реальности: возможности и препятствия применения. *Стратегические решения и риск-менеджмент*, 3(108): 88–107.
- Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., ВШЭ, 608 с.
- Кастельс М. 2004. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург., У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 328 с.
- Кириллова Н.Б. 2006. Медиакультура: от модерна к постмодерну. М., Академический Проект, 448 с.
- Козлова Н.С. 2015. Реальная и виртуальная идентичность. *Социум и власть*, 2(52): 118–121.
- Колпинец Е. 2016. Фигура из пустоты: селебриты как феномен цифровой повседневности. *Логос*, 26(6): 161–188.
- Крамаренко Н.С., Сомов Д.С. 2013. Виртуальный мир как новое пространство самоосуществления человека. *Вестник Адыгейского государственного университета*, 4: 42–48.
- Летов Е.В. 2013. Сетевая идентичность в культуре современного информационного общества. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 4(54): 62–65.
- Матисон Д. 2013. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. М., Изд-во «Гуманитарный центр», 264 с.
- Мудрик А.В. 2009. Человек в процессе социализации: три ипостаси. *Вестник ПСТГУ. Серия 4: Педагогика. Психология*, 14: 7–16.
- Плешаков В.А. 2011. Теория киберсоциализации человека: монография. М., МПГУ; Homo Cyberus, 400 с.

- Рачіпа А.В., Брусенцева Д.М., Фаткуліна Л.А. 2019. Інтернет-тэхналогіі як сродак кіравання працэсам медыясацыялізацыі моладзеі. Дзяржаўнае і муніцыпальнае кіраванне. Учыныя запіскі, 2: 230–234.
- Саяпін В.О. 2016. Міфы сацыяльнай віртуальнасці і іх уплыві на агульнае свядомасць віртуальных абшчын. Манускрыпт, 5(67): 170–177.
- Фролова І.В. 2018. Сетевая ідэнтычнасць сучаснага чалавека: філасофская рэфлексія. Цэннасці і сэнсы, 2(54): 26–38.
- Черкашын М.Д. 2021. Віртуальная рэальнасць як феномен культуры: гісторыя і сучаснасць. Расійская навука і адукацыя сёння: праблемы і перспектывы, 3(40): С. 33–37.
- Wertheim M. 2000. *The Pearly Gates of Cyberspace: A History of Space from Dante to the Internet*. New York, W. W. Norton & Company, 340 p.

References

- Babushkin D.A., Dvoynenko M.O. 2021. Aktual'nyye voprosy kibersotsializatsii sub'yektov obrazovatel'nogo protsessa [Topical issues of cybersocialization of subjects of the educational process]. *Innovatsionnoye razvitiye professional'nogo obrazovaniya*, 4(32): 105–111.
- Vidnaya O.Ye., Merkusheva Ye.A. 2021. Parametry mediasotsializatsii molodezhi: sovremennyy rakurs [Parameters of media socialization of youth: a modern perspective]. *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya*, 4(42): 94–104.
- Danilova M.A. 2009. Internet-sotsializatsiya studencheskoy molodezhi: spetsifika motivatsii setevogo povedeniya [Internet socialization of student youth: the specificity of the motivation of network behavior]. Abstract. dis. ... cand. sociol. Saratov, 18 p.
- Druzhba O.V., Kairova I.A., Koshman M.V. 2020. Sotsial'nyye seti kak prostranstvo internet-sotsializatsii molodozhi [Social networks as a space for online socialization of youth]. *Kant*, 1(34): 143–151.
- Ivanov A.G., Polyakova I.P. 2018. Sotsial'naya mifologiya v prostranstve povsednevnosti i mass-media [Social mythology in the space of everyday life and mass media]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya Psikhologiya. Sotsiologiya*, 1: 5–15.
- Ivanova A.V. 2018. Tekhnologii virtual'noy i dopolnennoy real'nosti: vozmozhnosti i prepyatstviya primeneniya [Virtual and Augmented Reality Technologies: Opportunities and Obstacles of Application]. *Strategicheskkiye resheniya i risk-menedzhment*, 3(108): 88–107.
- Kastel's M. 2000. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura [The Information Age: Economics, Society and Culture]. Moscow, Publ. HSE, 608 p.
- Kastel's M. 2004. Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business and Society]. Yekaterinburg, Publ. U-Faktoriya (pri uchastii Gumanitarnogo un-ta), 328 p.
- Kirillova N.B. 2006. Mediakul'tura: ot moderna k postmodernu [Media culture: from modern to postmodern]. Moscow, Publ. Akademicheskiiy Proyekt, 448 p.
- Kozlova N.S. 2015. Real'naya i virtual'naya identichnost' [Real and virtual identity]. *Sotsium i vlast'*, 2(52): 118–121.
- Kolpinets Ye. 2016. Figura iz pustoty: selebrity kak fenomen tsifrovoy povsednevnosti [A figure from the void: celebrities as a phenomenon of digital everyday life]. *Logos*, 26(6): 161–188.
- Kramarenko N.S., Somov D.S. 2013. Virtual'nyy mir kak novoye prostranstvo samoosushchestvleniya cheloveka [Virtual world as a new space for human self-fulfillment]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*, 4: 42–48.
- Letov Ye.V. 2013. Setevaya identichnost' v kul'ture sovremennogo informatsionnogo obshchestva [Network identity in the culture of the modern information society]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 4(54): 62–65.
- Matison D. 2013. Media-diskurs. Analiz media-tekstov [Media Discourse. Analysis of media texts]. Moscow, Publ. Gumanitarnyy tsentr, 264 p.
- Mudrik A.V. 2009. Man in the process of socialization: three incarnations. *Vestnik PSTGU. Series 4: Pedagogy. Psychology*, 14: 7–16 (in Russian).
- Pleshakov V.A. 2011. Teoriya kibersotsializatsii cheloveka: monografiya [The theory of human cybersocialization: monograph]. Moscow, Publ. MPGU; Homo Cyberus. 400 p.

- Rachipa A.V., Brusentseva D.M., Fatkulina L.A. 2019. Internet-tehnologii kak sredstvo upravleniya protsessom mediasotsializatsii molodezhi [Internet technologies as a means of managing the process of media socialization of youth]. *Gosudarstvennoye i munitsipal'noye upravleniye. Uchenyye zapiski*, 2: 230–234.
- Sayapin V.O. 2016. Mify sotsial'noy virtual'nosti i ikh vliyaniye na obshchestvennoye soznaniye virtual'nykh obshchin [State and municipal administration]. *Manuskript*, 5(67): 170–177.
- Frolova I.V. 2018. Setevaya identichnost' sovremennogo cheloveka: filosofskaya refleksiya [Network identity of modern man: philosophical reflection]. *Tsennosti i smysly*, 2(54): 26–38.
- Cherkashin M.D. 2021. Virtual'naya real'nost' kak fenomen kul'tury: istoriya i sovremennost' [Virtual reality as a phenomenon of culture: history and modernity]. *Rossiyskaya nauka i obrazovaniye segodnya: problemy i perspektivy*, 3(40): 33–37.
- Wertheim M. 2000. *The Pearly Gates of Cyberspace: A History of Space from Dante to the Internet*. New York: W. W. Norton & Company. 340 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 18.05.2022

Поступила после рецензирования 18.08.2022

Принята к публикации 30.10.2022

Received May 18, 2022

Revised August 18, 2022

Accepted October 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Черкашин Михаил Дмитриевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия

Дагаев Рашид Рамазанович, старший преподаватель кафедры теории и технологии социальной работы, Чеченский государственный университет им. А.А. Кадырова, г. Грозный, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mikhail Cherkashin, Candidate of Philosophy Sciences, Associate Professor, Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation

Rashid R. Dagaev, senior lecturer departments of theory and technology of social work, A.A. Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russian Federation

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УДК 340.12; 347.6; 316.36; 314.32; 93
DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-747-755

Традиционные семейные ценности и суррогатное материнство: неразрешимые проблемы совместного сосуществования

¹ Белова С.Н. , ² Строгович Ю.Н. , ³ Аристархов О.А.

¹ Вологодский институт права и экономики ФСИН России,
Россия, 160002, г. Вологда, ул. Щетинина, д. 2,

² Научно-исследовательский институт федеральной службы исполнения наказаний,
Россия, 125130, г. Москва ул. Нарвская д.15а, стр. 1,

³ Струнинский медицинский центр,
Владимирская обл, Александровский р-н, 601672, г. Струнино, ул. Лермонтова, д. 15
E-mail: sveta_1610@list.ru, ustrogovich@yandex.ru, aristarhov.oleh@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены проблемные вопросы соотношения морально-этических норм, скрепляющих традиционные для России семейные ценности, и некоторых правовых норм, регулирующих семейные отношения. Целью исследования является обоснование необходимости запрета на использование суррогатного материнства в Российской Федерации. Вывод: семейные отношения – это особая сфера правоотношений, в основе которых должны лежать морально-этические начала. Закрепление в Конституции РФ положения о том, что Россия сохраняет память предков и чтит те нравственные идеалы, которые они нам передали, а также принятие новой Стратегии национальной безопасности требуют пересмотра действующего законодательства в части применения технологий суррогатного материнства и поэтапного запрета на суррогатное материнство как не только противоречащего исконно присущим нашему народу морально-нравственным ценностям, но и не согласующегося с поправками в Конституцию РФ и принятой Стратегией национальной безопасности Российской Федерации.

Ключевые слова: суррогатное материнство, традиционные семейные ценности, материнство, отцовство, воспитание

Для цитирования: Белова С.Н., Строгович Ю.Н., Аристархов О.А. 2022. Традиционные семейные ценности и суррогатное материнство: неразрешимые проблемы совместного сосуществования. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(4): 747–755. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-747-755

Traditional Family Values and Surrogacy: Unresolvable Problems of Coexistence

¹ S. N. Belova , ² Y. N. Strogovich , ³ O. A. Aristarhov

¹ Vologda Insitute of Law and Economics of the Federal Penal System of Russia,
2 Shchetinin St, Vologda 160002, Russian Federation

² Institute of the Federal Penal Service of Russia
15A, building 1, Narvskaya St, Moscow 125130, Russian Federation

³ Strunino Medical Center,
15, Lermontov St, Strunino 601672, Aleksandrovskii Dis., Vladimir Ob., Russian Federation
E-mail: sveta_1610@list.ru, ustrogovich@yandex.ru, aristarhov.oleh@yandex.ru

Abstract. The article deals with problematic issues to correlate moral and ethical norms that “hold together” traditional family values for our country and some legal norms regulating family relations;

issues of the permissibility of third parties' interference (through the introduction of new reproductive technologies) in such, in fact, sacred sphere of human relations as the mystery of the birth of a new person. The purpose of the study is to justify the need for a ban on the use of surrogacy in the Russian Federation. Conclusion: consolidation in the Constitution of the Russian Federation of the provision that Russia preserves the memory of ancestors and honors moral ideals and adoption of a new National Security Strategy requires a revision of the current legislation regarding the use of surrogate motherhood technologies and a phased ban on surrogate motherhood as not only contradicting moral and moral values intrinsically inherent in our people, but also amendments to the Constitution of the Russian Federation and the adopted National Security Strategy of the Russian Federation.

Keywords: surrogacy, traditional family values, motherhood, fatherhood, upbringing

For citation: Belova S.N., Strogovich Y.N., Aristarhov O.A. 2022. Traditional Family Values and Surrogacy: Unresolvable Problems of Coexistence. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 747–755 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-747-755

Введение

Внесенными в 2020 году в Конституцию Российской Федерации (далее – Конституция РФ) поправками были закреплены те основополагающие традиционные ценности, которые по сути и определяют основы нашего общества. Отметим в их ряду брак как союз мужчины и женщины, семью, материнство, отцовство и детство, достойное воспитание детей в семье. Вопросы защиты этих ценностей отнесены Конституцией РФ к совместно-му ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (ст. 72)¹. В свою очередь, в рамках решения этой задачи на федеральном уровне Правительство Российской Федерации уполномочено обеспечивать проведение единой социально ориентированной государственной политики, направленной на поддержку, укрепление и защиту семьи (и добавим от себя – ограждение от любого реального и потенциального вреда), сохранение традиционных семейных ценностей (ст. 114 Конституции РФ).

Очевидно, что вопросы сохранения и защиты традиционных семейных ценностей как важнейшей составляющей более широкого понятия – духовно-нравственных ценностей выходят на первый план и становятся предметом особого внимания со стороны государства именно сейчас, когда так называемый «цивилизованный мир» стремительно приближается к пропасти, отвергая и разрушая все, что на протяжении веков представляло для человечества несомненную и истинную ценность, насаждая так называемую «новую нормальность», в первую очередь, через слом традиционного института семьи, необратимое изменение представления человека о самом себе, его отношении к другим людям и окружающему миру в целом.

Наглядным подтверждением этому тезису служит недавно утвержденная Указом от 02.07.2021 № 400 Президента Российской Федерации новая Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (далее – Стратегия)², констатирующая, в частности, осознание обществом необходимости защиты и укрепления традиционных духовно-нравственных ценностей, которые позиционированы в качестве национальных интересов России на современном этапе. В ней также зафиксирована невозможность обеспечения национальной безопасности страны без успешного решения задач, обозначенных в рамках стратегических национальных приоритетов. Поскольку данный документ стратегического планирования, на наш взгляд, имеет первостепенное значение в том числе и в контексте рассматриваемого нами вопроса, остановимся на нем более подробно.

---

¹ Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // СЗ РФ. 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

Сбережение народа как одно из стратегических национальных приоритетов

В качестве одного из стратегических национальных приоритетов провозглашено сбережение народа, во многом базирующееся на поддержке семьи, материнства, отцовства и детства, воспитании детей, их всестороннем духовном, нравственном развитии. При этом в качестве одной из задач, решением которых обеспечивается достижение целей политики государства в этой сфере, названа задача по обучению и воспитанию детей и молодежи на основе традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти

Другим национальным приоритетом названа защита такой столь значимой для нашей страны триады, как неразрывно связанные между собой традиционные российские духовно-нравственные ценности, культура и историческая память. В этой части Стратегии сказано, что человечество столкнулось с угрозой утраты традиционных духовно-нравственных ориентиров и устойчивых моральных принципов; все более разрушительному воздействию подвергаются базовые моральные и культурные нормы, религиозные устои, институт брака, семейные ценности; абсолютизируется свобода личности, осуществляется активная пропаганда вседозволенности, безнравственности и эгоизма. Продолжающаяся по нарастанию ревизия основополагающих норм морали имеет своей целью причинение непоправимого ущерба нравственному здоровью человека. Россия рассматривает свои базовые, сформировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности в качестве основы российского общества.

В качестве основных присущих нам традиционных духовно-нравственных ценностей Стратегией названы, в частности, жизнь, достоинство, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, милосердие, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение. А их защита обеспечивается посредством решения комплекса задач, к числу которых относятся укрепление института семьи, сохранение традиционных семейных ценностей.

Что понимается под традиционными семейными ценностями?

Под традиционными семейными ценностями будем понимать совокупность принципов, культурных (в том числе религиозных) традиций, обычаев и правил поведения, исторически присущих данному обществу и связанных с созданием и жизнью семьи [Карнишина, 2017, с. 4].

Отметим, что традиционные семейные ценности российского общества сформировались, прежде всего, благодаря православию. В этой связи их нельзя рассматривать в отрыве от христианской православной этики и морали.

Очевидно, что исчерпывающего перечня традиционных семейных ценностей в российском законодательстве нет и, видимо, быть не должно; при этом частично они могут быть реконструированы с помощью соответствующих положений Конституции РФ, Стратегии, семейного законодательства и в соответствии с уже сложившимися этическими принципами, которые исторически составляли основу брачно-семейной культуры народов России и являлись «базовыми факторами устойчивости российской семьи, веками обеспечивавшими социальную и демографическую стабильность»¹.

Следуя ч. 1. ст. 38 и п. ж.1 ч. 1 ст. 72 Конституции РФ, в качестве ценностей можно определить семью, материнство, отцовство и детство, а также институт брака как союз

---

¹ Традиционные семейные ценности: в теории и на практике. 26 окт. 2015. Сайт РИСИ. Российский институт стратегических исследований. URL: <https://riss.ru/article/3464/> (дата обращения: 12.08.2020).

мужчины и женщины. Очевидно, что понятия «материнство», «отцовство» и «детство», а учитывая исторический аспект, и «брак» взаимосвязаны между собой и неотделимы от понятия семьи в целом.

На важности сохранения традиционных для России ценностей еще раз был сделан акцент в недавно принятых поправках в Конституцию РФ, где в ч. 2 ст. 67.1 сказано, что «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняет память предков, которые передали нам идеалы и веру в Бога».

В данном случае упоминание о вере в Бога имеет принципиальное значение, поскольку Церковь всегда была морально-нравственным ориентиром для общества, стояла за сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей, на страже семьи как оплота государства, «малой Церкви», где ребенку с рождения прививались самые важные установки как гражданина, патриота и будущего семьянина.

Право ребенка воспитываться в полноценной семье и знать своих родителей

Государственная политика Российской Федерации провозглашает приоритет именно семейного воспитания ребенка. При этом само понятие семьи, на что уже неоднократно обращалось внимание, в российском законодательстве не закреплено, нет общепризнанного определения данного понятия и в научной литературе. В толковом словаре русского языка В.И. Даля семья вообще: «совокупность близких родственников, живущих вместе; родители с детьми; женатый сын или замужняя дочь, отдельно живущие составляют уже иную семью» [Даль, 2002, с. 585].

В соответствии со ст. 2 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) членами семьи являются: супруги, родители и дети (в том числе усыновители и усыновленные), а в случаях и в пределах, предусмотренных семейным законодательством, другие родственники (например, бабушки, дедушки, внуки, внучки и т.д.) и иные лица (например, отчим, мачеха, падчерица, пасынок и т.д.)¹. Для ребенка семья – это прежде всего узкий круг, его отец и мать.

Несомненно и то, что ребенок должен появляться на свет именно от тех родителей, которые состоят в зарегистрированном браке как начальном союзе (в том числе для исключения впоследствии спорных ситуаций относительно установления происхождения ребенка), из которого затем уже «образуется союз семейный, родственный, народный и гражданский»². Обратим внимание, что именно такая последовательность (сначала супружество, а затем уже родительство) предусмотрена и в конструкции СК РФ: сначала идут разделы, содержащие нормы о браке, правах и обязанностях супругов, а затем уже раздел, посвященный правовым отношениям родителей и детей.

Более того, еще относительно недавно наше общество (в том числе и в советский период) негативно относилось к факту рождения ребенка вне брака, да и сами одинокие матери стеснялись своего положения. Сегодня ситуация в корне изменилась, и мать-одиночка уже воспринимается как обычное явление. Кроме того, с каждым годом все больше детей появляется на свет от лиц, не только не связанных между собой узами брака (по статистике Росстата за 2020 год из 1 436 514 родившихся 311 174 детей рождены вне брака³), но еще и в результате применения таких биомедицинских технологий, когда в процесс зачатия, вынашивания и воспитания ребенка вовлекаются не два человека, а три и более (например, при применении такой вспомогательной репродуктивной технологии

¹ Семейный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

² Шиманский Гермоген «О Таинствах. Таинство брака». 1 мая 2006 г. Сайт Православие.RU. URL: <https://pravoslavie.ru/2256.html> (дата обращения: 08.06.2020).

³ Демографический ежегодник России. 2021: Стат. сб. Росстат. М., 2021. 256 с. С. 68.

(ВРТ), как суррогатное материнство). При этом услугами суррогатной матери могут воспользоваться как пары, так и одинокая женщина при наличии медицинских показаний к суррогатному материнству (ч. 9 ст. 55 Закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ¹; п. 70 Приложения № 1 к приказу Минздрава России от 31.07.2020 № 803н²).

Государственного учета детей, рожденных суррогатными матерями, нет. По информации, представленной в СМИ, в российских загсах ежегодно регистрируется около 500 «суррогатных» детей. При этом, по оценке Европейского центра суррогатного материнства, в России в год рождается не менее 22 тыс. таких детей³. В общих чертах сущность методики суррогатного материнства сводится к тому, что суррогатная мать по договору (заметим, гражданско-правового характера) с заказчиками вынашивает оплодотворенную яйцеклетку, рождает ребенка и возвращает его заказчикам (заказчику). Таким образом количество лиц, участвующих в процессе «создания» ребенка, при применении такой вспомогательной репродуктивной технологии может достигать до шести человек (два донора половых клеток (для полностью бесплодной пары), суррогатная мать, ее муж и «юридические» родители ребенка). В этой связи ученые, политики, общественные деятели задаются справедливыми вопросами относительно не только правового, но и биологического статуса анонимных доноров половых клеток, в частности – могут ли они считаться биологическими родителями или это просто поставщики биоматериала?

Традиционно под термином «происхождение ребенка» понимается его кровное происхождение от конкретных мужчины и женщины, которое устанавливается по правилам, предусмотренным законом. По установленным законом правилам осуществляется и запись о родителях ребенка.

Ситуация с суррогатным материнством в этих правилах обозначена, однако вопрос о том, кто же должен быть записан матерью ребенка, рожденного по программе суррогатного материнства, однозначного ответа по существу не имеет, поскольку обусловлен согласием суррогатной матери. В абз. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ сказано, что «лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, **могут быть** записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)». Соответственно, при отсутствии согласия суррогатной матери генетические родители не могут зарегистрировать ребенка. Только суррогатная мать на момент рождения ребенка (несмотря на то, что она не состоит с ним в генетическом родстве – суррогатная мать не может быть одновременно донором яйцеклетки) обладает родительскими правами на него.

Причина такой неопределенности видится в вытеснении веками устоявшихся традиций из общественного сознания. В традиционном понимании понятие материнства всегда включало в себя две по сути неразрывные составляющие – биологическое материнство и социальное материнство. При этом базовой составляющей материнства всегда являлось биологическое материнство (способность женщины зачать, выносить и родить ребенка), а разрыв этих составляющих диктовался особыми, но при этом естественными обстоятельствами, как правило, смертью матери и повторным браком отца с удочерением ребенка, смертью обоих родителей и удочерением (взятием на воспитание) ребенка родственниками умерших [Воронина, 2018; Силуянова, 2017].

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 11.06.2022, с изм. от 13.07.2022) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

² Приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению» (Зарегистрировано в Минюсте России 19.10.2020 № 60457). Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 19.10.2020

³ Сайт Eurasianet.org. [Литвинцева Г.](https://russian.eurasianet.org/россия---среди-мировых-лидеров-по-суррогатному-материнству) Россия – среди мировых лидеров по суррогатному материнству. 8 авг. 2018 г. URL: <https://russian.eurasianet.org/россия---среди-мировых-лидеров-по-суррогатному-материнству> (дата обращения: 02.07.2020).

В случае с использованием технологий суррогатного материнства перед нами встает проблема определения статуса лиц, участвующих в процессе появления ребенка на свет [Воронина, 2018], которая является не столько правовой, сколько духовно-нравственной, и решать ее следует именно с этой позиции. Подчеркнем, что Русская православная церковь в декабре 2013 г. на заседании Священного Синода уже высказала свое однозначное мнение о неприемлемости суррогатного материнства ¹.

Позиция Церкви заключается в том, что одним из путей решения проблемы бездетности лиц, желающих иметь ребенка, но не имеющих такой возможности по медицинским показаниям, является усыновление ребенка по обоюдному согласию супругов. Обратим внимание: сегодня в России в банке данных на усыновление зарегистрировано 38 585 детей, желающих обрести мам и пап ². Вместе с тем, по свидетельству экспертов, количество усыновленных детей с каждым годом снижается, а количество детей, рожденных по программам суррогатного материнства, увеличивается ³. Причем до издания приказа Минздрава России от 31.07.2020 № 803н в программах суррогатного материнства заказчиком мог выступить также и одинокий мужчина. Для примера, в 2017 г. в Санкт-Петербурге родились 67 137 детей, 167 из которых были рождены суррогатными матерями. При этом 9 из 167 таких детей (0,0134 % от общего количества детей) рождены с использованием программы суррогатного материнства, в которых клиентом выступил одинокий мужчина [Медведская, 2018].

Сегодня, как это следует из ст. 51 СК РФ и п. 70 приказа Минздрава России от 31.07.2020 № 803н, договор о суррогатном материнстве может быть заключен между суррогатной матерью и потенциальными родителями либо одинокой женщиной.

В целом наличие матерей-одиночек, отцов-одиночек в обществе – четкий индикатор того, что институт традиционной семьи разрушается. В России нормой всегда считалась многопоколенческая семья, включающая бабушек, дедушек, маму, папу, детей и внуков.

Очевидно, что естественным и поистине необходимым для ребенка является наличие обоих родителей. То, в какой обстановке растет ребенок, что он наблюдает дома в детском и более позднем возрасте, когда место одного из родителей по тем или иным причинам замещается «партнером», да еще и того же пола, с большой вероятностью может привести со временем повзрослевшего ребенка к осознанию того, что образ такой «семейной» жизни является нормой. То есть у ребенка формируется искаженное представление о том, что такое семья, для чего она создается и что ее цементирует, каковы функции каждого члена семьи, в чем смысл продолжения твоего рода и о многом другом в этом ряду. Фактически из-под ребенка выбивается опора, фундамент – те самые традиционные семейные ценности, о которых он либо вообще не получает представления, либо получает искаженное представление, уводящее его все дальше от следования этим ценностям. На наш взгляд, использование технологий суррогатного и генетического материнства и обесценивает морально-нравственные основы материнства, и выбивает основание гармонии человеческих отношений ⁴.

Ребенок, рожденный с использованием технологии суррогатного материнства, по сути лишается права знать своих родителей, поскольку определить, кто его мать и отец, в ситуации такой «многосубъектности» фактически невозможно. Также достаточно сложно определить и биологический статус людей, участвующих в процессе «создания» ребенка. Закон на этот счет устанавливает только границы возможного установления материнства:

¹ Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, принятые Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 13–16 августа 2000 г. М., Изд-во Московской Патриархии, 2000.

² Федеральный банк данных «Усыновление в Российской Федерации» URL: <https://xn--b1agisfqlc7e.xn--p1ai/children> (дата обращения: 06.08.2022).

³ Статистика суррогатного материнства в России и в мире. URL: <https://www.mrtexpert.ru/articles/476> (дата обращения: 01.07.2020).

⁴ Силуянова И.В. Включает ли «святость материнства» его суррогатность? Сайт Православие.RU. 22 дек. 2016 г. URL: <https://narod.pravoslavie.ru/99654.html> (дата обращения: 04.06.2020).

либо суррогатная мать, либо генетическая мать (при условии, что суррогатная мать дала на то согласие). В то же время «сама возможность применения ВРТ в России подспудно работает на расшатывание традиционных моделей семейных ролей, в том числе и материнства» [Воронина, 2018, с. 108], а сама по себе правовая сущность суррогатного материнства противоречит правовой сущности брака, который рассматривается российским законодателем как союз двух лиц (мужчины и женщины) (п. 3 ст. 1 СК РФ). В случае с суррогатным материнством, когда допускается вторжение в отношения супругов третьей стороны (хотя и по «доброй», казалось бы, воле), происходит нарушение исключительности брачных отношений, что ведет к обесцениванию института семьи, лишению ребенка права воспитываться в полноценной семье и знать своих родителей.

В этой связи юридическое закрепление родительства (в его традиционном понимании) предельно важно для возникновения семейных правоотношений. В традиционном понимании, на что мы уже обращали внимание выше, мать (биологическая) – это та женщина, которая зачала ребенка, выносила и родила. Социальная мать – это та женщина, которой ребенок был передан под опеку и попечительство в силу сложившихся обстоятельств, о чем было сказано выше¹. В случае с суррогатным материнством отказ матери от новорожденного «создается искусственно и намеренно, и наиболее циничным образом – по договору услуги на производство "качественного продукта"², а сам младенец в таких отношениях выступает как "неодушевленный объект, которому атрибутируются признаки товара и потребительские товарные свойства"» [Понкин, Понкина, 2017, с. 105.].

Развитие медицинских технологий невозможно вне этики, поскольку в основе медицины лежит милосердие и служение ближнему. «Но о каком служении ближнему можно говорить в случае суррогатного материнства, когда девальвируется материнство, а то общение между малышом и матерью, которое начинается задолго до рождения, приносится в жертву родительскому эгоизму заказчиков?.. Разумнее инвестировать деньги не в суррогатное материнство, каковое в рамках ЭКО-технологий дает довольно большой процент больных детей, а поддерживать те молодые семьи, что решились родить и воспитать детей»³. Кроме того, по сведениям ученых-медиков, опасность методов ЭКО состоит не только в высоком проценте детей с нарушениями развития (увеличение числа генетических aberrаций, мутагенных процессов), но и высоком риске онкологических заболеваний для женщин, решившихся на эту процедуру⁴. Во всем мире ежегодно диагностируется 200 тыс. новых диагнозов онкологического процесса и каждый пятый в мире ребенок умирает от онкологии. По мнению исследователей, ЭКО не может исправить демографическую ситуацию в стране. Эту проблему может решить только многодетность, а суррогатное материнство антигуманно и не соответствует идеям человечности⁵.

Необходимо также иметь в виду и то обстоятельство, что наврядли в полной мере будет понятен характер взаимной связи матери (в том числе и суррогатной) с развивающимся в ее утробе ребенком и то, к каким конкретно возможным последствиям (несомненно, отрицательным) для обоих приведет в последующем их разлучение.

¹ Силуянова И.В. 2017. Святость материнства – это материя любви. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://pravoslavie.ru/103071.html> (дата обращения: 04.06.2020).

² Ребенок «на троих» – суррогатное материнство. 29 апр. 2020 г. Сайт Церковь и биоэтика. URL: <http://bioethics.orthodoxy.ru/26-surrogatnoe-materinstvo/443-rebjonok-na-troikh-surrogatnoe-materinstvo> (дата обращения: 04.06.2020).

³ Першин Д., Головкин О. Суррогатное материнство запрещено в странах, переживших фашизм. 14 ноября 2013 г. Сайт Правмир. URL: <https://www.pravmir.ru/surrogatnoe-materinstvo-zapresheno-v-stranax-perezivshix-fashizm/> (дата обращения: 23.07.2020).

⁴ Школяр Н. Урон здоровью при ЭКО, суррогатном материнстве, гормональной контрацепции. Доклад на III Гиппократовском медицинском форуме 2020 «Медицинская этика и демография». URL: <https://cosb-mp.ru/deyatelnost/vzaimodejstvie-s-nauchnym-soobshchestvom/rossijskie-mediki-zayavili-ob-opasnosti-eko-2> (дата обращения: 23.07.2020).

⁵ Союз педиатров России осудил суррогатное материнство и поддержал многодетность. 26 фев. 2020 г. // Сайт Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/69672> / (дата обращения: 23.07.2020).

Заключение

Юридическое закрепление родительства (в его традиционном понимании) предельно важно для развития семейных правоотношений. В биологическом понимании родители – это те лица, которые зачали и родили ребенка. Основанием возникновения прав и обязанностей родителей и детей является происхождение детей от родителей, коими являются отец и мать, записанные в книге записей рождений в качестве таковых в отношении определенного ребенка (детей). В свете новых репродуктивных технологий юридическое понятие родителя может не совпадать с биологическим. Так, в случае с суррогатным материнством количество лиц, участвующих в процессе «создания» ребенка, может доходить до шести человек (два донора половых клеток (для полностью бесплодной пары), суррогатная мать, ее муж и «юридические» родители ребенка).

В этой связи возникают вопросы относительно не только правового, но и биологического статуса анонимных доноров половых клеток, – могут ли они считаться биологическими родителями или просто являются поставщиками «биоматериала»?

Еще одним не столько юридическим, сколько имеющим основополагающий, в определенном смысле онтологический характер, является вопрос о том, допустимо ли в такой по сути сакральной сфере человеческих отношений, как таинство зарождения и появления на свет новой личности, ее последующего развития и становления в качестве полноценного члена общества, рассматривать эти совершенно особые уникальные отношения между двумя людьми – мужчиной и женщиной – в качестве договорных отношений по покупке у третьих лиц (и, соответственно, предоставлению ими) неких специфических услуг и использовать для регулирования этих отношений нормы договорного права.

Несмотря на то, что предметом договора суррогатного материнства (как разновидности возмездного договора оказания услуг) являются, казалось бы, только определенные действия суррогатной матери (об обязательствах «заказчика» по оплате этих услуг речь сейчас не идет), результатом его исполнения, своеобразными «положительными последствиями» действий суррогатной матери является передача ребенка, который выношен и рожден суррогатной матерью (при условии ее согласия на передачу), заказчиком – то есть тем лицам, чьи половые клетки использовались для оплодотворения, либо одинокой женщине, когда вынашивание и рождение ребенка невозможно по медицинским показаниям. Таким образом, юридически ребенок в таких отношениях ничем не отличается от «живого товара» и выступает именно как объект товарно-денежных отношений, что прямо запрещено Конвенцией о правах ребенка (ст. 34, 35 Конвенции о правах ребенка; ст. 1 Факультативного протокола к Конвенции о правах ребенка, касающегося торговли детьми, детской проституции и детской порнографии).

Кроме того, на что уже обращали внимание исследователи, законодатель в ст. 55 ФЗ РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» рассматривает суррогатное материнство как один из современных методов лечения бесплодия у женщин. Лечение (син. терапия) – общее название различного рода мероприятий, направленных на восстановление здоровья¹. По программе суррогатного материнства невозможно восстановить репродуктивное здоровье женщины (вылечить бесплодие), соответственно, термин «лечение» к рассматриваемой методике не может быть применим.

Подводя итог сказанному, полагаем, что закрепление в Конституции РФ положения о том, что Россия сохраняет память предков и чтит те нравственные идеалы, которые они нам передали, в том числе веру в Бога, принятие новой Стратегии национальной безопасности требуют пересмотра действующего законодательства в части применения технологий суррогатного материнства и в конечном счете полного запрета (пусть и поэтапного) на суррогатное материнство как не только противоречащего традиционным, исконно присутствующим нашему народу морально-нравственным ценностям, но и не согласующегося с поправками в Конституцию РФ и принятой в соответствии с ними Стратегией национальной безопасности РФ.

¹ Энциклопедический словарь медицинских терминов: В 3 томах. М. Том 2. 1983. С. 115.

Список литературы

- Воронина О.А. 2018. «Новое» материнство: философско-антропологический взгляд. *Философская школа*, 6: 104–109. DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10647.
- Карнишина Н.Г. 2017. Триада: национальная идентичность – государственная идеология – политическая культура в современной России. *Вестник Пензенского государственного университета*, 3(17): 3–6.
- Медведская А.Е. 2018. Правовые особенности оказания медицинских услуг, связанных с применением ВРТ одиноким мужчинам. В кн.: *Репродуктивные технологии сегодня и завтра. Сборник тезисов XXVIII Ежегодной Международной конференции Российской Ассоциации Репродукции Человека (5–8 сентября 2018 г., Уфа)*. Уфа, Медиа Сфера: 154–155.
- Понкин И.В., Понкина А.А., 2017. Достоинство и права ребенка на пренатальной стадии развития: Конституционно-правовой, медико-правовой и биоэтический анализ. М., Буки Веди, 132 с.

References

- Voronina O.A. 2018. “New” moternity: philosophical and anthropological view. *Filosofskaya shkola*, 6: 104–109 (in Russian). DOI: 10.24411/2541-7673-2018-10647
- Karnishina N.G. 2017. Triada: natsional'naya identichnost' – gosudarstvennaya ideologiya – politicheskaya kul'tura v sovremennoy Rossii [Triad: national identity – state ideology – political culture in modern Russia]. *Vestnik Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta*: 3(17): 3–6 (in Russian).
- Medvedskaya A.E. 2018. Pravovye osobennosti okazaniya meditsinskikh uslug, svyazannykh s primeneniem VRT odinokim muzhchinam [Legal features of the provision of medical services related to the use of ART to single men]. In: Abstracts XXVIII Annual International RAHR conference «Reproductive technologies today and tomorrow». Ufa, Publ. Media Sfera: 154–155.
- Ponkin I.V., Ponkina A.A., 2017. Dostoinstvo i prava rebenka na prenatal'noy stadii razvitiya: Konstitutsionno-pravovoy, mediko-pravovoy i bioeticheskiy analiz [Dignity and rights of the child at the prenatal stage of development: Constitutional, medical, legal and bioethical analysis]. Moscow., Publ. Buki Vedi, 132 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.04.2022
Поступила после рецензирования 15.05.2022
Принята к публикации 01.06.2022

Received April 15, 2021
Revised May 15, 2022
Accepted June 1, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Белова Светлана Николаевна, кандидат юридических наук, начальник организационно-научного отдела ВИПЭ ФСИН России, г. Вологда, Россия.
ORCID: [0000-0001-7168-9747](https://orcid.org/0000-0001-7168-9747)

Строгович Юрий Николаевич, старший научный сотрудник НИЦ-1 ФКУ НИИ ФСИН России, государственный советник юстиции 3 класса, г. Москва, Россия.
ORCID: [0000-0003-1345-3220](https://orcid.org/0000-0003-1345-3220)

Аристархов Олег Александрович, главный врач ООО «Струнинский медицинский центр», г. Струнино, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana N. Belova, Ph.D. in Law, head of the Research Department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal System of Russia, Vologda, Russia
ORCID: [0000-0001-7168-9747](https://orcid.org/0000-0001-7168-9747)

Yuri N. Strogovich, senior Researcher of the Research Institute of the Federal Penal Service of Russia, State Counselor of Justice of the 3rd class, Moscow, Russia
ORCID: [0000-0003-1345-3220](https://orcid.org/0000-0003-1345-3220)

Oleg A. Aristarhov, chief Physician LLC “Strunino Medical Center” Strunino, Russia

УДК 34.03

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-756-762

Юридическое понятие семьи в нормативном регулировании социального обеспечения военнослужащих в 1920–1940-е годы

Володина О.В. , Акименко Е.С. , Стоноженко К.А.

Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт
войск национальной гвардии Российской Федерации,

Россия, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1

E-mail: vovvivv@gmail.com, akimenko.elena.don@yandex.ru, stonozhenkok@mail.ru

Аннотация. Юридическая формулировка понятия «семья» традиционно представляла сложность для отечественного семейного права. В СССР, начиная с 1920-х годов, юридическое понятие семьи трансформировалось параллельно с развитием общественных, экономических и социальных отношений в рамках как семейно-правовой доктрины, так и военного права. При этом в контексте социального обеспечения военнослужащих понятие «семья» выработано так и не было. В связи с недостаточной изученностью данного вопроса авторами поставлена цель обосновать подход советского законодателя к вопросу правовой регламентации семейных отношений. Исследование показало, что в 1927–1944 годах приравнивание фактических брачных отношений военнослужащих к зарегистрированным бракам было обусловлено потребностью в регламентации социального обеспечения семей военнослужащих. В то же время преобладавший в 1920-е годы социально-трудовой характер определения семьи вступил в противоречие с содержанием нормативных актов, лежавших в основе социального обеспечения и льгот военнослужащих, с интересами бюджета, а также с официальной идеологией и моральными нормами советского общества. Сделан вывод о том, что, несмотря на отсутствие легального определения «семья» и существование неопределенности её статуса, социальное обеспечение военнослужащих в рассматриваемый период находилось в поле правовой регламентации законодателя.

Ключевые слова: семья, военнослужащие, Великая Отечественная война, брак, фактический брак, социальное обеспечение

Для цитирования: Володина О.В., Акименко Е.С., Стоноженко К.А. 2022. Юридическое понятие семьи в нормативном регулировании социального обеспечения военнослужащих в 1920–1940-е годы. НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право, 47(4): 756–762. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-756-762

The Legal Concept of the Family in the Normative Regulation of the Social Security of Military Personnel in the 1920-1940s

Olga V. Volodina , Elena S. Akimenko , Konstantin A. Stonozhenko

St. Petersburg Military Institute of the Order of Zhukov
of the National Guard of the Russian Federation,

1 Pilot Pilyutov St, St. Petersburg 198206, Russian Federation

Email: vovvivv@gmail.com, akimenko.elena.don@yandex.ru, stonozhenkok@mail.ru

Annotation. The legal formulation of the concept of "family" has traditionally been difficult for domestic family law. In the USSR, since the 1920s, the legal concept of the family has been transformed in parallel with the development of social, economic and social relations within the framework of both family legal

doctrine and military law. At the same time, in the context of social security of military personnel, the concept of "family" has not been developed. Due to the insufficient study of this issue, the authors set a goal to substantiate the approach of the Soviet legislator to the issue of legal regulation of family relations. The study showed that in 1927–1944, equating the actual marital relations of servicemen with registered marriages was due to the need to regulate the social security of military families. At the same time, the prevailing social and labor character of the definition of the family in the 1920s came into conflict with the content of the normative acts underlying the social security and benefits of military personnel, with the interests of the budget, as well as with the official ideology and moral norms of Soviet society. It is concluded that, despite the absence of a legal definition of "family" and the existence of uncertainty of its status, the social security of military personnel in the period under review was in the field of legal regulation of the legislator.

Key words: family, military personnel, the Great Patriotic War, marriage, actual marriage, social security

For citation: Volodina O.V., Akimenko E.S., Stonozhenko K.A. 2022. The Legal Concept of the Family in the Normative Regulation of the Social Security of Military Personnel in the 1920–1940s. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 756–762 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-756-762

Введение

Юридическая формулировка понятия «семья» традиционно представляла сложность для отечественного семейного права. Юристы указывали на то, что с позиции «юридической понятие "семья" не имеет и не может иметь четкого и незыблемого содержания» [Синайский, 2002]. Выход видели в том, чтобы понимать его не формально, а скорее инстинктивно. Устоявшееся понятие основной и естественной «ячейки» развивали и Г.Ф. Шершеневич и Г.В. Плеханов, с той лишь разницей, что первый относил её к «государственному организму» [Шершеневич, 1995], а второй – к «обществу» [Плеханов, 1949]. Советские ученые указывали на «сложный комплекс естественно биологических, психологических, духовных, материальных связей», которые объединяют составные элементы общего – «семья» [Советское..., 1982]. В современной доктрине предполагается, что «закон... отражает это понятие» [Семейное право, 2019], хотя Семейный кодекс РФ его не содержит.

В юриспруденции наиболее распространенными подходами к исследованию семью являются институциональный [Байдельдинов, Гусев, 2018, с. 69–78]; социально-правовой [Столяров, Никитина, 2019, с. 22–33] и субъективно-правовой [Шершень, 2010, с. 14–18] и др. [Мотренко, 2011, с. 64–73].

Вопрос о юридическом понятии «семья» в условиях обеспечения военнослужащих в период военного времени остается малоизученным. Данный пробел позволяет определить целью исследования обоснование подхода к вопросу правовой регламентации семейных отношений в период военных условий, избранного советским законодателем и противоречащего моральным представлениям советского общества о браке.

Юридическое понятие «семья» в нормативном регулировании социального обеспечения военнослужащих

В действующем Федеральном законе от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих»¹, гарантии правовой и социальной защиты, предоставляются как военнослужащим и уволенным с военной службы, так и «членам их семей» (ст. 3), что свидетельствует об индивидуализации, позволяющей «обойти» обобщающее понятие «семья».

---

¹ О статусе военнослужащих: Федеральный закон от 27.05.1998 №76-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 22. Ст. 2331.

Рассматривая опыт применения советских военно-социальных норм в военный период, следует обратить внимание на то, что в 1920–1930-е годы юридическое понятие семьи трансформировалось параллельно с трансформацией общественных, экономических и социальных отношений не только в рамках семейно-правовой доктрины, но и военного права. Льготы для семей военнослужащих предоставлялись в соответствии со специальным кодифицированным актом, принятым относительно поздно, лишь через 12 лет после официального создания РККА Кодекса о льготах для военнослужащих и военнообязанных Рабоче-Крестьянской Красной Армии и их семей¹ от 23 апреля 1930 г. Положения (ст. 1) документа распространялись на действующих военнослужащих, военнообязанных РККА, уволенных со службы и их семьи.

Правового определения семьи законодательство того времени не содержало. Разработчики Кодекса ориентировались на Кодекс законов о браке, семье и опеке (далее – КоБС), принятый в 1926 г.², где к субъектам правового регулирования были отнесены: супруги, родители, дети, кровные родственники – бабушки, дедушки, братья, сестры, а также усыновители и опекуны. Подчеркнём, что в соответствии со ст. 3 КоБС 1926 г. семейными признавались отношения лиц, совместно проживающих без регистрации брака в органах ЗАГС, т. е. фактический брак.

Характерная для советского законодательства того периода множественность и разнородность актов порождала неизбежное дублирование. Так, понятие «семья» неожиданно было помещено в явно непрофильный для регулируемой сферы Закон «Об обязательной военной службе», принятый в 1930 г. В соответствии со ст. 99 Закона «семьей» считалось «родственно-трудовое объединение лиц, разных степеней родства, живущих вместе и ведущих одно хозяйство или живущих на общие средства»³. Характерным для того времени было указание на обязательно трудовой характер отношений, но ничего не говорилось об обязательности государственной регистрации, а также о целях семьи, как они понимались ранее церковью или как они понимаются сегодня.

В приведенном определении усматриваются два альтернативных признака семьи, наличие одного из которых считалось обязательным для признания совместно проживающих лиц семьей военнослужащего. Мы уже обратили внимание, что это не степень родства или официальная регистрация, а трудовой характер совместного проживания. Предполагалось, что это совместное хозяйство и бюджет. Данное положение соответствовало КоБС 1926 г., где фактические семейно-брачные отношения также предполагали совместное ведение хозяйства. Наличие официального признания лишь совместного проживания и хозяйства, безусловно, упрощало близким военнослужащих обращение за льготами и пособиями. Для лиц, проживающих раздельно, требовалось показать совместные доходы, средства существования. Степень родства и факт официальной регистрации при этом могли не учитываться [Солнцев, 1931].

Такого рода либерализм имел и другие последствия. Так, ближайшие родственники (родители, братья, сестры) военнослужащего могли проживать отдельно и не иметь общих средств существования. Могли они проживать совместно и не вести общего хозяйства. В этих случаях при постановке вопроса о правах на льготы и пособия их могли не признавать членами семьи военнослужащего и оставить без льгот. Льготы детей военнослужащих также «привязывались» к его доходу. Дети, проживающие с другим родителем (после развода или прекращения фактических отношений) получали право на льготы, лишь когда

¹ Кодекс о льготах для военнослужащих и военнообязанных Рабоче-крестьянской Красной армии и их семей (утв. ЦИК СССР, СНК СССР 23.04.1930) // Собрание законодательства СССР. 1930. № 23. Ст. 253.

² О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке: Постановление ВЦИК от 19 ноября 1926 г. (вместе с Кодексом) // СУ РСФСР. 1926. № 82. Ст. 612.

³ Об обязательной военной службе: Закон СССР от 13 августа 1930 г. № 42/2536 // Собрание законодательства СССР. 1930. № 40. Ст. 424.

их содержание (алименты) оплачивал военнослужащий по судебному решению, либо по добровольному соглашению родителей.

Обратим внимание, что расторжение брака, как и прекращение ведения совместного хозяйства, прекращало право на льготы. Бывшие члены семьи их, как правило, не получали. В то же время новый брак, включая фактический, давал такую возможность при условии ведения совместного хозяйства.

Из приведенных положений видно, что понятие «семья военнослужащего» для целей применения Кодекса о льготах было весьма широким и не вполне определенным. В частности, льготы для поступления в вузы предоставлялись лишь детям военнослужащего (ст. 112 Кодекса о льготах), на транспорте – членам семьи – близким и родственникам (жене, детям, братьям, родителям, бабушке и дедушке военнослужащего).

В правоприменительной практике для получения льгот от жён красноармейцев требовали предъявить регистрацию брака. Приказом Реввоенсовета СССР 1927 г. № 589 наличие фактических брачных отношений, установленных в суде, приравнивалось к зарегистрированным бракам. Таким образом были защищены семьи военнослужащих всех форм [Солнцев, 1931]. Требование при обращении за льготами официальной регистрации было запрещено межведомственным циркуляром наркоматов соцобеспечения, финансов и земледелия от 5 ноября 1929 г., которым жены красноармейцев были освобождены при обращении за пособиями и льготами от лишних формальностей, достаточно было выписки из домоводной книги, удостоверения председателя сельсовета и иного документа, удостоверяющего фактический брак.

Для рассматриваемой сферы определение семьи было дано в ст. 99 Закона «О всеобщей военной обязанности» 1930 года. Социально-трудовой характер определения вступал в противоречие с содержанием нормативных актов, лежавших в основе социального обеспечения и льгот военнослужащих. В законе о воинской обязанности семья рассматривалась сквозь призму экономического детерминизма как объединение «лиц, разных степеней родства», образованное, по мысли советского законодателя, 1) «родственно-трудовыми» отношениями (о любви, взаимном уважении, помощи и воспитании детей речи не шло); 2) ведением одного хозяйства или 3) живущих на общие средства. Определение, данное в марксистско-трудовом ключе, предполагало «базирование» семьи на совместном ведении хозяйства и общем бюджете. Такой подход корреспондировал признание фактического брака, который полностью соответствовал указанному выше критерию – ведение трудового совместного хозяйства. Отношениям, связанным с социальным обеспечением военнослужащих, трудовой характер определения семьи явно не подходил, так как речь шла об иждивенцах военнослужащего, о пенсиях и пособиях, которые были связаны не с трудом членов семьи, а исключительно с военной службой одного её члена. В то же время, каким бы проблемным не казался вопрос о юридическом определении «семьи», её правовом статусе в рассматриваемый период, это никак не мешало ни законодателю, ни правоприменителю.

Отметим, что в Великобритании, не имевшей к началу войны в 1939 году как таковой системы социальной поддержки и обеспечения семьи военнослужащих, в соответствии с Законом о военной подготовке 1939 года, определявшим в том числе выплаты военным и их семьям, признавался, как и в СССР (до 1944 г.), фактический брак. Таким образом пособие получали фактические супруги: зарегистрированные (но не жившие вместе), и не зарегистрированные [Любецкий, 2016].

Организационно-правовая структура системы социального обеспечения, сложившаяся в СССР к началу Великой Отечественной войны, как на центральном, так и на местном уровнях может быть признана адекватной, отвечающей интересам военнослужащих и членов их семей. Она строилась на основе единого кодифицированного акта – Кодекса о льготах 1930 года. В то же время документ принимался и работал в мирное время, предполагая корректировку или специальное регулирование на время войны, подготовка к ко-

торой, начавшаяся, как известно, с некоторым опозданием, затронула и сферу правового регулирования в области социальной защиты военнослужащих и членов их семей.

Известно, что в годы войны были чрезвычайно распространены фактические (незарегистрированные) браки, как и иные неформальные семейные отношения, что не могло не затруднять учетную и расчетную работу по социальному обеспечению военнослужащих, так как требовало установления (доказывания) фактических отношений. Раздражение в обществе вызывали скандальные истории о наличии нескольких семей (на фронте и в тылу) у ряда высших офицеров.

Президиум Верховного Совета СССР, реализуя курс на «укрепление советской семьи», издал Указ от 8 июля 1944 г.¹, согласно которому юридический статус (т. е. возникновение прав и обязанностей) получил лишь официально зарегистрированный брак. Фактически это означало, что трудовой (экономический) для определения семьей по общности ведения хозяйства был отвергнут.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 апреля 1945 г. «в интересах государственных и общественных», а также для «охраны личных и имущественных прав и интересов супругов и детей» исключительно зарегистрированный брак мог порождать права и обязанности супругов, которые были предусмотрены КоБС. Важно, что для получения льгот лицам, ранее состоявшим в фактическом браке (до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.), предлагалось «оформить свои отношения путем регистрации брака, с указанием срока фактической совместной жизни», т. е. вводился своеобразный брачный стаж. Участники фактических брачных отношений могли зарегистрировать их. Для случаев, когда это было невозможно по причине смерти одного из них или пропажи без вести на фронте, Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г.² ввел специальный порядок. Социальные гарантии семей военнослужащих, погибших или пропавших без вести на фронте, были защищены тем, что лицо, состоявшее в фактическом браке, получило право признать супружество в судебном порядке в соответствии со статьями 11 и 12 КоБС.

Курс на «укрепление семьи» имел противоречивые последствия. Если в 1940 году в РСФСР на тысячу зарегистрированных браков приходился 1,1 развод, то в 1946 году, несмотря на предельно усложненную и дорогую процедуру, – 7,9, в 1947 году – 17,5, в 1948 году – 25,8, в 1949 году – 34,2, в 1950 году – свыше 40, а в 1955 году – 68³. О кризисе советской семьи здесь вести речь преждевременно. Скорее это была «отложенная» реакция на фактический распад семей в военные годы. В то же время тенденция роста процента разводов продолжалась и в дальнейшем.

Заключение

Юридическое понятие семьи, развиваясь в рамках семейно-правовой, социально-правовой и военно-правовой доктрин, а также соответствующего законодательства, эволюционировало от экономически детерминированного, но либерального подхода, признающего в том числе и фактический брак, к более консервативному, кровнородственному подходу, признающему исключительно официально зарегистрированный брак. Полагаем, что существовавшая неопределенность понятия семьи, существовавшая

¹ Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Мать-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства: Указ Президиума ВС СССР от 08.07.1944 // Ведомости ВС СССР, 1944, № 37.

² О порядке признания фактических брачных отношений в случае смерти или пропажи без вести на фронте одного из супругов: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 ноября 1944 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 60.

³ Свидетельство о браке // Российская газета – Неделя. 2015. 30 апреля № 93(6664) <https://rg.ru/2015/04/30/sttistika.html>

в семейном праве, компенсировалась определенностью в военном праве, что не порождало коллизий, противоречий и не препятствовало правоприменителю.

Но с другой стороны, можно говорить о том, что институт неформальных брачных отношений в период военного времени все же противоречил официальной идеологии советского времени и морали советского общества. К тому же сложившаяся практика представляла определённую сложность с позиции предоставления военнослужащим положенных льгот как якобы состоящим в семейных отношениях. При этом неопределенность в рассматриваемом вопросе обременяла военный бюджет. Полагаем, именно для преодоления сложившихся противоречий в 1944 году был апробирован новый подход в регулировании семейных отношений, который уже в более совершенном виде обеспечивал социальную защиту.

В целом исследование семейно-брачных отношений в период войны позволило объяснить подход советского законодателя к вопросу правовой регламентации семейных отношений и его позицию в понимании того, что есть семья.

Список литературы

- Байдельдинов Д.Л., Гусев М. 2018. Институт семьи: понятие, составные элементы. Вестник Казахского национального университета. Серия юридическая, 88(4): 69–78.
- Любецкий А.Е. 2016. Государство и семьи военнослужащих в годы Второй мировой войны: СССР, Германия, Великобритания – компаративный анализ. *Проблемы истории, филологии, культуры*, 3(53): 211–218.
- Мотренко Ю.И. 2011. Трансформация понятия семьи в ходе общественной эволюции. *Политика и общество*, 11(83): 64–73.
- Плеханов Г.В. 1949. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М., Госполитиздат, 336 с.
- Семейное право. 2019. Под ред. П.В. Крашенинникова. М., Статут, 302 с.
- Синайский В.И. 2002. Русское гражданское право. М., Статут, 636 с.
- Советское семейное право. Под ред. В.А. Рясенцева. М., 1982. 284 с.
- Солнцев К.И. 1931. Льготы военнослужащим, военнообязанным и их семьям. М., Советское законодательство, 135 с.
- Столяров Д.А., Никитина Е.Г. 2019. Понятие и социально-правовая сущность семьи: междисциплинарный и межотраслевой анализ. Вестник Международного юридического института, 3(70): 22–33.
- Шершеневич Г.Ф. 1995. Учебник русского гражданского права (по изд. 1907 г.). М., 543 с.
- Шершень Т.В. 2010. О праве на семью и проблеме определения понятия семьи в современном российском праве. Семейное и жилищное право, 6: 14–18.

References

- Bajdel'dinov D.L., Gusev M. 2018. Institut sem'i: ponyatie, sostavnnye elementy [The institution of the family: the concept, the constituent elements]. *Vestnik Kazahskogo nacional'nogo universiteta. Seriya yuridicheskaya*, 88(4): 69–78 (in Russian).
- Ljubeckij A. E. 2016. Gosudarstvo i sem'i voennosluzhashhih v gody vtoroj mirovoj vojny: SSSR, Germanija, Velikobritanija – komparativnyj analiz. [The state and military families during the Second World War: USSR, Germany, Great Britain – comparative analysis]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 3(53): 211–218.
- Motrenko YU.I. 2011. Transformaciya ponyatiya sem'i v hode obshchestvennoj evolyucii [Transformation of the concept of family in the course of social evolution]. *Politika i obshchestvo*, 11(83): 64–73. (in Russian).
- Plehanov G.V. 1949. K voprosu o razvitii monisticheskogo vzgljada na istoriju. [On the question of the development of a monistic view of history]. М., Gospolitizdat, М., Gospolitizdat, 336 p.
- Sinaysky V.I. 2002. Russian civil law. М., Publ. Statute, 636 p. (in Russian).
- Family law. 2019. Edited by P.V. Krasheninnikov. М., Publ. Statute, 302 p. (in Russian).
- Soviet family law. 1982. Edited by V.A. Ryasentsev. М., 284 p. (in Russian).

- Solncev K.I. 1931. L'goty voennosluzhashhim, voennoobjazannym i ih sem'jam. [Benefits for military personnel, military service personnel and their families]. M., Publ. Sovetskoe zakonodatel'stvo. 314 p.
- Stolyarov D.A., Nikitina E.G. 2019. Ponyatie i social'no-pravovaya sushchnost' sem'i: mezhdisciplinarnyj i mezhotraslevoj analiz [The concept and socio-legal essence of the family: interdisciplinary and intersectoral analysis]. *Vestnik Mezhdunarodnogo yuridicheskogo instituta*, 3(70): 22–33 (in Russian).
- Shershenevich G.F. 1995. Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava (po izd. 1907 g.). M., 543 p.
- SHershen' T.V. 2010. O prave na sem'yu i probleme opredeleniya ponyatiya sem'i v sovremennom rossijskom prave [On the right to a family and the problem of defining the concept of family in modern Russian law]. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo*, 6: 14–18 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 17.05.2022
Поступила после рецензирования 17.06.2022
Принята к публикации 25.06.2022

Received May 17, 2022
Revised June 17, 2022
Accepted June 25, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Володина Ольга Владимировна, подполковник юстиции, преподаватель кафедры гражданского права факультета (командного), Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации

ORCID: [0000-0002-7548-5933](https://orcid.org/0000-0002-7548-5933)

Olga V. Volodina, lieutenant colonel of justice, teacher of the department of civil law of the faculty (command), St. Petersburg Military Order of Zhukov of the Institute of National Guard Troops of the Russian Federation

ORCID: [0000-0002-7548-5933](https://orcid.org/0000-0002-7548-5933)

Акименко Елена Сергеевна, майор юстиции, старший преподаватель кафедры гражданского права факультета (командного), Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации

ORCID: [0000-0001-8787-8702](https://orcid.org/0000-0001-8787-8702)

Elena S. Akimenko, Major of Justice, Senior Lecturer of the Department of Civil Law of the Faculty (Command), St. Petersburg Military Order of Zhukov, Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation

ORCID: [0000-0001-8787-8702](https://orcid.org/0000-0001-8787-8702)

Стоноженко Константин Александрович, полковник юстиции, заместитель начальника кафедры гражданского права факультета (командного), Санкт-Петербургский военный ордена Жукова институт войск национальной гвардии Российской Федерации

ORCID: [0000-0003-2635-3691](https://orcid.org/0000-0003-2635-3691)

Konstantin A. Stonozhenko, Colonel of Justice, Deputy Head of the Department of Civil Law of the Faculty (Command) of the St. Petersburg Military Order of Zhukov of the Institute of National Guard Troops of the Russian Federation

ORCID: [0000-0003-2635-3691](https://orcid.org/0000-0003-2635-3691)

УДК 342

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-763-769

Доверие гражданского общества органам публичной власти Российской Федерации

Гуторова А.Н.

Юго-Западный государственный университет
Россия, 305040 г. Курск, 50-лет Октября д.94
E-mail: allagutorova@mail.ru

Аннотация. Одним из важных аспектов обеспечения национальной и государственной безопасности, территориальной целостности России является доверие гражданского общества к государству и его публичным органам. Соответственно нормальное (без гражданских войн, переворотов, революций) развитие государства возможно только при условии наличия у граждан страны доверия к органам государственной власти и местного самоуправления. Следовательно, необходимость анализа средств обеспечения мандата народного доверия и форм выражения недоверия обосновывает актуальность проведенного исследования. Автором поднимаются вопросы институционального и персонифицированного доверия, солидарности и лояльности, а также недоверия. В результате анализа сделан вывод о необходимости генерального доверия гражданского общества государству при наличии институционально-конституционных гарантий для возможности выражения фрагментарного недоверия.

Ключевые слова: народное доверие, публичная власть, гражданское общество, народное представительство, выборы

Для цитирования: Гуторова А.Н. 2022. Доверие гражданского общества органам публичной власти Российской Федерации. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(4): 763–769. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-763-769

Trust of Civil Society to Public Authorities of the Russian Federation

Alla N. Gutorova

Southwest State University
94 50 Let Oktyabrya St, Kursk 305040, Russian Federation,
e-mail: allagutorova@mail.ru

Abstract. One of the important aspects of ensuring national and state security, the territorial integrity of Russia is the trust of civil society in the state and its public bodies. Accordingly, the normal (without civil wars, coups, revolutions) development of the state is possible only if the citizens of the country have confidence in the bodies of state power and local self-government. Therefore, the need to analyze the means of ensuring the mandate of people's trust and forms of expressing distrust substantiates the relevance of the study. The author raises issues of institutional and personalized trust, solidarity and loyalty, as well as mistrust. Institutional trust is understood as the conviction of civil society in the reasonableness and fairness of the constitutional system, the structure of existing state bodies, their powers and functions. Under the personified - the trust of citizens to the representatives of the people. Distrust is seen as a form of social exclusion. Only genuine trust presupposes solidarity and loyalty of citizens towards the state and the state-legal system. The main instrument for achieving this goal has been and remains competitive elections based on universal, equal and direct suffrage by secret ballot. As a result of the analysis, a conclusion is made about the need for general trust of civil society in the state, in the presence of institutional and constitutional guarantees for the possibility of expressing fragmented distrust.

Key words: people's trust, public authority, civil society, people's representation, elections

For citation: Gutorova A.N. 2022. Trust of Civil Society to Public Authorities of the Russian Federation. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 763–769 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-763-769

Введение

Проблема обеспечения демократического мандата народного доверия с теоретико-методологических позиций может быть исследована в приложении к трем крупным компонентам конституционно-политической системы страны: федеральному уровню, публичной власти в субъектах РФ и в муниципальных образованиях. Несмотря на новации конституционной реформы от 2020 года, согласно которым в конституционном праве занял более прочное место принцип единства системы публичной власти [Астафичев, 2022, с. 19], это не снимает с повестки дня вопрос о дифференциации конституционно-правового регулирования [Абрамова, 2018] организации единой публичной власти на этих уровнях. Федеральная, региональная и муниципальная власть с неизбежностью имеют свою специфику, которая подлежит адекватному учету конституционным законодателем. В свою очередь, демократический мандат народного доверия, несмотря на ряд общих черт, имеет отличительные свойства, нуждающиеся в своем научном исследовании.

Полагаем, что на федеральном уровне демократический мандат народного доверия проявляется не в полной мере так же, как и на уровне субъектов РФ. Аналогичное суждение может быть отнесено к взаимодействию субъектов РФ и муниципальных образований. Об этом свидетельствует как минимум структура выборных и невыборных органов публичной власти, дифференцированные способы их формирования, конституционные принципы федеративного устройства и местного самоуправления. Важное значение также имеют предметы ведения и полномочия, которые не тождественны при их разграничении в «вертикальной» подсистеме разделения властей. Вышеуказанные обстоятельства предопределяют необходимость обособленного исследования проблем, во-первых, законодательных и правоприменительных гарантий обеспечения мандата народного доверия в деятельности федеральных органов государственной власти; во-вторых, конституций (уставов) и законов субъектов РФ как средств обеспечения мандата народного доверия; в-третьих, обеспечения народного доверия в деятельности муниципальных сообществ.

Интерпретация доверительных отношений между гражданским обществом и федеральной публичной властью

Доверительные отношения между гражданским обществом и федеральной публичной властью имеют государствообразующее значение, это напрямую связано с территориальной целостностью страны и проблемами государственной безопасности [Нечкина, 2018, с. 6]. Здесь имеет место многосторонняя договоренность, которая касается множества субъектов конституционных правоотношений. В сущности, само нахождение субъектов в составе России, отсутствие их склонности к сепаратизму – это фактор доверия национальных и территориальных политических сообществ к федеральной власти и федеральному центру. Такое доверие не должно быть ситуативным и должно быть рассчитано на долгосрочную перспективу.

Граждане, их объединения, политические партии, профессиональные союзы, другие общественные организации должны доверять федеральной публичной власти как таковой в институциональном и персональном аспектах. Под институциональным доверием мы понимаем убежденность гражданского общества в разумности и справедливости конституционной системы, структуры имеющихся государственных органов, их полномочий и функций. Гражданское общество в случае его разочарования в потенциале федеральной

государственной публичной власти способно на деструктивные формы деятельности, начиная с пассивного неодобрения, заканчивая противоправными бунтами, мятежами и государственными переворотами [Томсинов, 2017]. Чтобы избежать этого, государственно-правовая система должна создавать прочные институциональные гарантии устойчивого гражданского доверия публичной власти [Кудратов, 2021, с. 24]. Основным инструментом для достижения этой цели были и остаются состязательные выборы, основанные на всеобщем, равном и прямом избирательном праве при тайном голосовании [Фомина, 2015, с. 204]. Периодическая сменяемость персоналий политиков гарантирует народное доверие в персонифицированном смысле.

Доверие в политическом смысле – это во многом солидарность и лояльность. Данный тезис не означает, что доверие должно быть вынужденным, воспитываться страхом и базироваться на манипулировании общественным мнением. Напротив, подлинное доверие предполагает солидарность и лояльность граждан в отношении государственности, государственно-правовой системы, их патриотизм и приверженность базовым ценностям данного социума. Однако демократические принципы конституционного права современной России исключают ситуацию, при которой солидарность и лояльность распространялась бы строго на политические персоналии. Солидарность и лояльность необходимы главным образом в институциональном конституционно-правовом смысле. Сам же персональный состав политиков должен подвергаться разумной ротации, чему способствуют периодические и свободные выборы Президента РФ и депутатов Государственной Думы.

Доверие граждан к народным представителям основывается на их компетентности, опыте и способности временно (т.е. на срочной основе, до очередных выборов) осуществлять вверенные им публичные полномочия и функции. Это не означает, что сменяемость персоналий политических деятелей – самоцель конституционного регулирования, к которой необходимо стремиться с безусловностью. Если публичный политик в состязательной конкурентной межпартийной борьбе доказывает свою способность к дальнейшему представительству интересов народа – избирательная система должна позволять ему продолжить соответствующую деятельность. Смысл конституционной системы демократического мандата народного доверия состоит не столько в сменяемости и стремлении к обновлению, сколько в гарантированном механизме постоянной «сверки» текущей политики с действительными потребностями и интересами граждан [Кандыба, 2019].

Солидарность и лояльность могут достигаться и другими публично-организационными средствами, включая активную пропаганду и агитацию в СМИ, административный контроль над выборами и избирательной системой, ограничение электоральной конкуренции посредством дискредитации оппозиционных политиков, смещение акцентов в партийном строительстве и монополизацию в электоральном цикле. Указанные формы отчасти наблюдаются в конституционно-правовой жизни современной России, однако следует учитывать их фрагментарный характер и неспособность повлиять на главное условие доверия общества к власти – гражданственность, патриотизм, любовь к Родине и подлинное стремление обеспечить ее развитие и процветание [Филиппов, 2018, с. 57]. Это следует из содержания преамбулы Конституции РФ и ряда конституционных поправок от 2020 года.

Интерпретация недоверия между гражданским обществом и федеральной публичной властью

Недоверие – это форма социального отчуждения. Если государственная власть и государственный аппарат отчуждены от общества, существуют сами по себе и преследуют цели удовлетворения лишь собственных потребностей [Пантин, 2019, с. 120], институциональное доверие в глобальном масштабе становится невозможным или недостижимым. Отчуждение общества от государства столь же негативно сказывается на феномене пуб-

личного доверия, как и отчуждение государства от общества [Гавриленко, 2016, с. 123], хотя гражданское общество должно иметь значительную сферу автономного функционирования, в которое государству вмешиваться нецелесообразно и даже вредно. Социальное отчуждение государства и гражданского общества ведут к анархическим тенденциям либо к их противоположности – чрезмерной авторитаризации публичной власти. Конституционные принципы и нормы, в свою очередь, требуют соразмерного ограничения данных «крайностей», нахождения некоего компромисса и социального консенсуса.

Наглядным примером отчуждения власти и общества является коррупция. Если государство проводит активную антикоррупционную политику – оно способствует повышению доверия народа к публичной власти; в отсутствие такой политики либо при ее низкой эффективности с неизбежностью наблюдаются противоположные тенденции [Потоцкая, 2016, с. 738]. Коррупция – это не просто взяточничество чиновников, это институциональная коррозия публично-властного инструментария, который используется не по назначению: вместо обеспечения потребностей и интересов граждан, защиты прав и свобод человека и гражданина – публичная власть озабочена своими собственными выгодами и частными интересами. Безусловно, такая политика подрывает социальное доверие и приводит к общественному отчуждению политиков от электорального большинства [Михайлов, 2010, с. 30].

В связи с этим в социально-правовом смысле нуждается в осмыслении проблема оценки феномена доверия. Всегда ли это «отрицательная» ценность? Нужно ли государству проводить такую политику, чтобы недоверие повсеместно искоренять и устранять? Или же в обществе является полезным определенный уровень «недоверия», который является своего рода катализатором социально-экономического развития и разумных перемен в политической системе? Полагаем, что доверие граждан к публичной власти должно быть безусловным лишь в «генеральном», т. е. в общем смысле [Нарутто, 2022]. Граждане должны доверять государству, испытывать чувство уверенности в позитивном смысле основных конституционно-политических институтов [Михеев, 2017, с. 162], основываясь при этом на историческом опыте собственной страны и практике зарубежных стран.

С этой точки зрения, на наш взгляд, Россия преодолела сложный и противоречивый исторический путь, включая опыт восстания декабристов, николаевской реакции, «великих реформ» Александра II, последующей реакции Александра III, противоречивой политики Николая II, марксистско-ленинской революции, участия СССР во Второй мировой войне на стороне антигитлеровской коалиции, хрущевскую оттепель, период развитого социализма, горбачевской перестройки, ельцинских реформ и др. Эти историко-правовые факторы создали важный и прочный фундамент народного доверия к государству, который выражается в наличии Конституции РФ, выборности Президента РФ, полноправного парламента с исключительными законодательными полномочиями, существовании и эффективном функционировании конституционного правосудия. В стране за последние десятилетия фактически отменена смертная казнь [Лукьянова, 2014, с. 146], действует принцип *habeas corpus*, Конституционный Суд РФ ежегодно дисквалифицирует около 50 законодательных актов по индивидуальным жалобам граждан, которые препятствовали реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина. Эти позитивные тенденции, безусловно, гарантируют доверие общества к власти в целом, т. е. в генеральном и в самом общем, фундаментальном смысле.

Заключение

Подводя итог, следует уточнить – вышесказанное не означает, что доверие граждан является полным и безоговорочным. Граждане не являются полностью лояльными и однозначно солидарными со всеми политико-правовыми решениями, которые принимают конституционные органы согласно их юридической компетенции. Иное приводило бы нас к тоталитарному обществу, в котором полностью отсутствуют гарантии персональной сво-

боды и ответственности [Стожко, 2021, с. 113]. Гражданин вправе выразить свое несогласие в форме жалобы, заявления или предложения в органы законодательной или исполнительной власти, посредством обращения в судебные инстанции. Граждане в современной России значительно чаще прибегают к судебной форме защите прав и законных интересов, чем это имело место в советский период отечественной истории. Наконец, гражданин не обязывается к голосованию на выборах в пользу лишь одной, заранее определенной кандидатуры. Публичные выборы являются альтернативными и тайными.

Все это свидетельствует о наличии в современном обществе институционально-конституционных гарантий для выражения недоверия гражданского общества к отдельным проявлениям ресурсов и прерогатив публично-властной системы. При общем, генеральном доверии общества к государству наблюдаются многочисленные частные формы фрагментарного недоверия. Они могут находить выражение в легальных формах (петиции, обращение в суд, участие в законных публичных манифестациях) либо предпочитать противоправный путь (государственные перевороты, смуты, беспорядки, гражданские войны, мятежи, революции). Полагаем, что важнейшей задачей конституционно-правового регулирования данных общественных отношений является не столько безусловное обеспечение полного доверия граждан к власти (солидарности, лояльности), сколько гарантирование действия законных форм выражения частного недоверия, с тем чтобы протестные настроения не перерастали в противоправные формы социальной активности населения.

Список литературы

- Абрамова А.И. 2018. Современные тенденции интеграции и дифференциации правового регулирования. Журнал российского права, 9: 29–38.
- Астафичев П.А. 2022. Проблемы реализации конституционного принципа единства системы публичной власти в федеральном законодательстве. Градостроительное право, 2: 19–27.
- Гавриленко А.С. 2016. Проблема «отчуждения» государства от общества в современном мире и пути ее решения. В кн.: Правовые и гуманитарные исследования: сб. науч. ст. студентов и аспирантов. Том 1. СПб., Изд.: Санкт-Петербургский институт (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)": 123–127.
- Кандыба Р.А. 2019. Проблема ротации высшей политической элиты России и преемственность политического курса. Вестник Пятигорского государственного университета, 1: 238–240.
- Кудратов Н.А. 2021. Уголовно-правовая охрана основ конституционного строя и безопасности государства: проблемы доктрины, правоприменения и совершенствования законодательства. Душанбе, Таджикский национальный ун-т, 539 с.
- Лукьянова А.А. 2014. Отмена моратория на смертную казнь: все «за» и «против». Право и общество, 1: 146–147.
- Михайлов В.И. 2010. Противодействие коррупции: на основе доверия и контроля. Государственная служба, 6: 30–32.
- Михеев В.А. 2017. Власть и гражданские институты: к проблеме доверия и недоверия. Власть, 25(5): 162–167.
- Нарутто С.В. 2022. Конституционный принцип доверия в современном российском обществе. Конституционное и муниципальное право, 7: 13–18.
- Нечкина А.А. 2018. Анализ политического доверия граждан к федеральным и региональным органам власти (на примере Иркутской области). Nauka.me, 5. DOI: 10.18254/S0000214-9-1
- Пантин В.И. 2019. Российское общество начала XX и начала XXI вв.: проблемы и риски. Социологические исследования, 11: 120–130.
- Стожко К.П. 2021. Личность в условиях тоталитарного общества. В кн.: Россия и Казахстан в новейшей истории: международный сборник научных трудов (Екатеринбург, 2021). Екатеринбург, Издательство УМЦ УПИ: 113–120.
- Томсинов В.А. 2017. Революция 1917 года в России в свете мирового революционного опыта. Вестник Московского университета. Серия: Право, 2: 3–33.

- Филиппов С.И. 2018. Условия солидарности элит и внеэлитных групп населения. Идеи и идеалы, 1(1): 57–69. DOI: [10.17212/2075-0862-2018-1.1-57-69](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-1.1-57-69)
- Фомина Ж.С. 2015. К вопросу о значении выборов в обеспечении национальной безопасности. В кн.: Национальная безопасность России и проблемы ее обеспечения на современном этапе: сборник трудов конференции (Волгоград, 18 апреля 2014 г.). Волгоград, Изд. РАНХиГС, Волгоградский филиал: 200–204.

References

- Abramova A.I. 2018. Sovremennyye tendentsii integratsii i differentsiatsii pravovogo regulirovaniya. [Current trends in the integration and differentiation of legal regulation] *Zhurnal rossiyskogo prava*, 9: 29–38.
- Astafichev P.A. 2022. Problemy realizatsii konstitutsionnogo printsipa yedinstva sistemy publichnoy vlasti v federal'nom zakonodatel'stve. [Problems of implementation of the constitutional principle of the unity of the system of public authority in federal legislation] *Gradostroitel'noye pravo*, 2: 19–27.
- Gavrilenko A.S. 2016. Problema «otchuzhdeniya» gosudarstva ot obshchestva v sovremennom mire i puti yeye resheniya. [The problem of "alienation" of the state from society in the modern world and ways to solve it.] In: *Pravovyye i gumanitarnyye issledovaniya*. [Legal and Humanitarian studies: collection of scientific articles of students and postgraduates]. Volume 1. SPb., Ed.: St. Petersburg Institute (branch) of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)": 123–127.
- Kandyba R.A. 2019. The problem of rotation of Russia's highest political elite and continuity of the political course. *Vestnik Pyatigorskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1: 238–240 (in Russian).
- Kudratov N.A. 2021. Ugolovno-pravovaya okhrana osnov konstitutsionnogo stroya i bezopasnosti gosudarstva: problemy doktriny, pravoprimereniya i sovershenstvovaniya zakonodatel'stva. [Criminal law protection of the foundations of the constitutional system and state security: problems of doctrine, law enforcement and improvement of legislation]. Dushanbe, Publ. Tadjikskiy natsional'nyy un-t, 539 p. (in Russian)
- Luk'yanova A.A. 2014. Otmena moratoriya na smertnuyu kazn': vse "za" i "protiv". [Lifting the moratorium on the death penalty: all for and against]. *Pravo i obshchestvo*, 1: 146–147.
- Mikhaylov V.I. 2010. Protivodeystviye korruptsii: na osnove doveriya i kontrolya. [Countering Corruption: Based on Trust and Control]. *Gosudarstvennaya sluzhba*, 6: 30–32.
- Mikheyev V.A. 2017. Vlast' i grazhdanskiye instituty: k probleme doveriya i nedoveriya. [Power and civil institutions: to the problem of trust and distrust] *Vlast'*, 25(5): 162–167.
- Narutto S.V. 2022. Konstitutsionnyy printsip doveriya v sovremennom rossiyskom obshchestve. [The constitutional principle of trust in modern Russian society]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo*, 7: 13–18.
- Nechkina A.A. 2018. Analiz politicheskogo doveriya grazhdan k federal'nym i regional'nym organam vlasti (na primere Irkutskoy oblasti). [Analysis of the political trust of citizens in federal and regional authorities (on the example of the Irkutsk region)]. *Nauka.me*, 5. DOI: [10.18254/S0000214-9-1](https://doi.org/10.18254/S0000214-9-1) (in Russian)
- Pantin V.I. 2019. Rossiyskoye obshchestvo nachala XX i nachala XXI vv.: problemy i riski. [Russian society in the early 20th and early 21st centuries: problems and risks]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 11: 120–130.
- Stozhko K.P. 2021. Lichnost' v usloviyakh totalitarnogo obshchestva. [Personality in a totalitarian society]. In: *Rossiya i Kazakhstan v noveyshey istorii*. [Russia and Kazakhstan in Modern History]: International Collection of scientific papers (Yekaterinburg, 2021). Yekaterinburg, Ed.: LLC "Publishing House of UMC UPI": 113–120.
- Tomsinov V.A. 2017. Revolyutsii 1917 goda v Rossii v svete mirovogo revolyutsionnogo opyta. [Revolutions of 1917 in Russia in the light of world revolutionary experience]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2: 3–33 (in Russian).
- Filippov S.I. 2018. Conditions of the solidarity between elites and non-elite groups. *Idey i idealy*, 1(1-35): 57–69. DOI: [10.17212/2075-0862-2018-1.1-57-69](https://doi.org/10.17212/2075-0862-2018-1.1-57-69) (in Russian).
- Fomina ZH.S. 2015. K voprosu o znachenii vyborov v obespechenii natsional'noy bezopasnosti. [On the Question of the Significance of Elections in Ensuring National Security]. In: *Natsional'naya bezopasnost' Rossii i problemy yeye obespecheniya na sovremennom etape*. [National security of

Russia and the problems of its provision at the present stage]: proceedings of the conference (Volgograd, April 18, 2014). Volgograd, Publ. RANKhiGS, Volgograd branch: 200–204 (in Russian).

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 08.08.2022

Received September 8, 2022

Поступила после рецензирования 28.09.2022

Revised September 28, 2022

Принята к публикации 05.10.2022

Accepted October 5, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Гуторова Алла Николаевна, канд. юр. наук, доцент, доцент кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, Россия
ORCID: [ID 0000-0003-0345-6903](https://orcid.org/0000-0003-0345-6903)

Alla N. Gutorova, candidate of legal sciences, associate Professor of the Department of constitutional law Southwest State University, Kursk, Russian Federation
ORCID: [ID 0000-0003-0345-6903](https://orcid.org/0000-0003-0345-6903)

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-770-778

Привилегия как разновидность правового преимущества в первые годы советской власти

Емельянов А.С.

Юго-Западный государственный университет,
Россия, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
E-mail: as.emelyanov46@gmail.com

Аннотация. В настоящее время наблюдается значительное возрастание исследовательского интереса к советскому наследию – это вызвано необходимостью концентрации внимания на собственном уникальном историческом опыте. Отдельного внимания заслуживают процессы правового закрепления преференций для отдельных категорий населения, призванных решать ключевые задачи, стоящие перед государством в различные периоды времени, – подобные механизмы не утратили свою актуальность и в современности. Правовые преимущества входили в сферу научных интересов множества отечественных ученых, однако в работах, посвященных указанной проблематике, советский период остается вне поля зрения авторов. Тем не менее, несмотря на концепцию построения внеклассового, эгалитарного общества, характерную для советской идеологии, очевидно, что фактически привилегии существовали – как косвенно, так и вполне легально. Комплексный анализ особенностей закрепления категории «привилегия» в советском праве в первые годы после прихода к власти большевиков позволит частично восполнить этот пробел. В ходе исследования были проанализированы нормативные правовые акты, изданные в период с 1917 по 1922 гг. и определены особенности формирования механизма предоставления привилегий, субъектный состав подобных правоотношений. Это позволило эмпирически доказать, что уже для первых лет советской власти характерен отход от принципов эгалитаризма ввиду осознания необходимости решения важнейших государственных задач в сфере экономики, производства и народного образования.

Ключевые слова: привилегия, льгота, советское право, советское государство, правовое преимущество

Для цитирования: Емельянов А.С. 2022. Привилегия как разновидность правового преимущества в первые годы советской власти. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 47(4): 770–778. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-770-778

Privilege as a Type of Legal Advantage in the Early Years of the Soviet State

Alexey S. Emelyanov

Southwestern State University,
94 50 let Oktyabrya St, Kursk 305040, Russian Federation
E-mail: as.emelyanov46@gmail.com

Abstract. Currently, there is a significant increase in research interest in the Soviet heritage – this is caused by the need to focus on their own unique historical experience. Special attention should be paid to the processes of legal consolidation of preferences for certain categories of the population, designed to solve the key tasks facing the state in different periods of time – such mechanisms have not lost their relevance in modern times. Legal advantages were included in the sphere of scientific interests of many Russian scientists. However, in the works devoted to this problem, the Soviet period remains out of the field of view of the authors, it is only indirectly affected. Despite the concept of building an extra-class,

egalitarian society, characteristic of Soviet ideology, in fact, privileges existed – both indirectly and quite legally. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the features of the consolidation of the category of «privilege» in Soviet law in the first years after the Bolsheviks came to power, as well as the definition of the features of the formation of the mechanism for granting privileges, the subject composition of such legal relations. The results of the study suggest that the forms of privileges that developed in the early years of Soviet power are united by a common feature that fundamentally distinguishes them from the category of exemptions – they provide additional advantages, endow the bearer of the privilege with «superpowers» that are inaccessible to other categories, motivate and stimulate. Exemptions in general are aimed, first of all, at easing the situation of the subject, replenishing its material base. The analysis of normative acts carried out within the framework of this article empirically confirms the position on the need to distinguish between the concepts of «privilege» and «exemptions».

Keywords: privilege, exemption, Soviet law, Soviet state, legal advantage

For citation: Emelyanov A.S. 2022. Privilege as a Type of Legal Advantage in the Early Years of the Soviet State. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 770–778 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-770-778

Введение

Марксистско-ленинская идеология, ставшая основой построения советского государства после прихода к власти большевиков в 1917 году, напрямую ассоциируется с уничтожением классовых преференций и переходом к эгалитарной концепции функционирования общества. Тем не менее очевидным является тот факт, что для советского периода все же характерны множественные случаи отхода от подобной позиции – в качестве примеров можно привести негласное формирование класса советской «номенклатурной и партийной элиты», пользовавшейся привилегированным положением в обществе; расширенные права советского дипломатического корпуса; дополнительные возможности для членов комсомольской организации, интеллектуальной и творческой интеллигенции; преимущества в доступе к высшему образованию представителей рабоче-крестьянской среды и т.д.

В первом случае наличие «особого статуса» партийного или государственного деятеля может восприниматься в негативном ключе и в контексте советского периода носит зачастую не правовой, а обычно-традиционный характер. Последующие же примеры позволяют предположить, что привилегии вполне могут обладать положительным стимулирующим, мотивационным признаком, находиться в рамках закона и оказывать благоприятное воздействие на активную часть населения.

К основоположникам исследования правовых преимуществ в отечественной науке относится, в первую очередь, С.С. Алексеев – в его работах получила обоснование необходимость рассмотрения правовых преимуществ как отдельной правовой категории [Алексеев, 1989]. Привилегия как источник исключительного права в рамках патентных правоотношений рассматривается в исследованиях В.И. Афанасьевой [2012], как категория уголовного права и уголовного процесса – в исследованиях М.Г. Дибирова [2015] и А.В. Красильникова [2006], теория и техника закрепления преимуществ в праве рассмотрена А.Г. Репьевым [2019]. Историко-правовое исследование правовых преимуществ советского периода в отечественной науке не осуществлялось, данная категория рассматривалась, как правило, в контексте отраслевого подхода или же с точки зрения общей теории права – указанное обстоятельство предопределило актуальность исследования, в настоящее время данная проблематика остается не изученной.

Целью исследования является обоснование тезиса о том, что уже в первые годы после прихода к власти большевиков происходит осозанный и планомерный отказ от принципов построения эгалитарного общества – в советском праве получает закрепление мно-

жество правовых предпочтений, носящих «служебный» характер (то есть предоставляемых отдельным, наиболее востребованным категориям трудящихся).

Привилегии в первые годы советской власти: правовое закрепление

В первую очередь необходимо определиться с содержанием понятия «привилегия» с точки зрения правовой науки. Так, А.В. Малько и И.С. Морозова отмечают, что привилегии являются разновидностью правовых льгот: «...Привилегии есть специальные (во многом исключительные, монопольные) льготы для конкретных субъектов и, в первую очередь, для властных органов и должностных лиц, необходимые им в целях наиболее полного и качественного осуществления своих определенных обязанностей...» [Малько, Морозова, 1999, с. 144]. Ряд авторов при определении понятия и сущности привилегий используют категорию «льгота» как своего рода базу, генезис правовой привилегии. К примеру, В.И. Афанасьева полагает, что определенная должность, сопровождаемая наличием льгот, является основным источником возникновения привилегий [Афанасьева, 2012, с. 7]. Несколько упрощенным видится мнение М.Г. Дибирова, который в своих исследованиях вовсе не проводит линий разграничения между понятиями «льгота» и «привилегия», предлагая использовать их как абсолютные синонимы даже в рамках строгой юридической терминологии [Дибиров, 2015]. Представляется, что причинами существенных разночтений в указанных позициях являются отсутствие закрепления дефиниции рассматриваемых понятий в законодательстве, различие отечественной и зарубежной правовой традиции, множественность семантических толкований данных терминов. К схожему выводу приходит также и А.В. Красильников, подчеркивая, что отсутствие единого подхода к пониманию и осмыслению рассматриваемых выше понятий негативно влияет не только на общий уровень юридической культуры, но и на процесс правотворчества [Красильников, 2015].

Тем не менее значительное количество авторов (в том числе А.В. Малько и И.С. Морозова) все же отмечают наличие ряда отличий между льготами и привилегиями, что создает определенное противоречие в их позициях – представляется логичным, что если возможно провести сравнительную характеристику, выделить специфические признаки каждого из понятий, их отождествление становится крайне сомнительным, как и «поглощение» одного понятия другим [Ланг, 2017; Лебедева, 2002; Савушкина, 2017].

На наш взгляд, существенная работа по осмыслению юридической категории «привилегия» была проведена А.Г. Репьевым. Автор формулирует общее родовое понятие «правовое преимущество», составными частями которого являются привилегии, льготы и иммунитет, таким образом исследователь не допускает слияния указанных категорий, приводит отличительные признаки каждой из них. По мнению А.Г. Репьева, «...привилегия... представляет собой юридическое преимущество, заключающееся в предоставлении особых дополнительных прав и гарантий, путем материального, духовного, властного или иного содействия, осуществляемого на основе положительной оценки предпринимательской, трудовой, служебной и иной социально полезной деятельности для ее прямой или опосредованной поддержки...» [Репьев, 2019, с. 302]. Кроме того, автор выделяет отдельные виды привилегий (преференция; субсидия; грант; квота; властная прерогатива), наглядно демонстрирующие, что привилегия – это самостоятельная категория, отличная от иных правовых преимуществ [Репьев, 2019, с. 303].

Интересным также является тот факт, что в работах, посвященных привилегиям, советский период фактически остается за скобками, не исследуется авторами – при этом детально анализируется природа привилегий со времен римского права, зарубежный опыт, рассматривается история и механизм закрепления правовых предпочтений в период Древней Руси, Российской Империи – и в современной России. На наш взгляд, указанное обстоятельство весьма симптоматично – советская правовая система обладает су-

ственной спецификой, сложной системой источников права – для исследования советский явлений и институтов ключевое значение имеет временной контекст, требующий нестандартного и детального подхода к изучению каждого правового явления с учетом действующей идеологии, структуры партийных и государственных органов, их взаимодействия, а также политической и экономической конъюнктуры в целом.

В 1917 году в работе «Государство и революция» В.И. Ленин последовательно выступал с критикой привилегированного положения чиновников, в том числе ссылаясь на позицию Ф. Энгельса о том, что, будучи наделенными общественной властью, чиновники становятся «...над обществом... создаются особые законы о святости и неприкосновенности...» [Ленин, 1953, с. 11; Маркс, Энгельс, с. 171]. Кроме того, В.И. Ленин поддерживал опыт Парижской Коммуны в части уравнивания заработной платы рабочих и представителей власти. Он обосновывал необходимость лишения последних любых форм привилегий тем фактом, что благодаря высоким темпам развития индустриального общества труд чиновника значительно упрощен, он вполне доступен каждому грамотному человеку и не должен оцениваться выше труда любого рабочего [Ленин, 1953, с. 41]. Непосредственное воплощение в жизнь подобный подход получает практически одновременно с формированием вышеуказанных тезисов – Постановление Совета Народных Комиссаров «О размерах вознаграждения Народных Комиссаров, высших служащих и чиновников» от 18 ноября 1917 г. ужесточало контроль над уровнем доходов членов бюрократического аппарата – любые чрезмерные выплаты предписывалось урезать, ответственность за это напрямую возлагалась на министерство финансов и отдельных комиссаров. Кроме того, указанный документ закреплял максимально допустимые размеры заработной платы (жалованья) и жилой площади для указанных категорий лиц ¹.

Тем не менее уже в первые годы советской власти становится очевидно, что тотальное уравнивание социального положения всего населения не всегда целесообразно – так, в том же 1917 году на заседании Петроградского совета В.И. Ленин отмечал, что важнейшую роль в процессе производства играют квалифицированные инженеры, их труд не должен быть недооценен: «...Мы их будем охотно оплачивать. Мы не собираемся лишать пока их привилегированного положения. Всякий, кто хочет работать, нам ценен...» [Ленин, 1974, Т. 35, с. 64].

В 1918 году В.И. Ленин сформулировал «Шесть тезисов об очередных задачах Советской власти», принятых ВЦИК в качестве резолюции – в четвертом тезисе говорилось, что на первоначальном этапе построения социализма существует необходимость сохранения высокой заработной платы для некоторых квалифицированных специалистов, несмотря на то, что это противоречит общей идее равного распределения ресурсов в государстве (предполагалось, что позднее необходимость в этом естественным образом отпадет ввиду эффективного применения принципов учета и контроля). В.И. Ленин считал, что подобные действия советской власти являются определенным «компромиссом» [Ленин, 1974, Т. 36, с. 278].

Продолжением политики фактического наделения квалифицированных специалистов правом на получение заработной платы, превышающей по своему размеру средне-статистические показатели простых рабочих, является постепенное формирование системы премирования. В 1920 году Декрет Совета Народных Комиссаров «Общее положение о тарифе (Правила об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств в РСФСР)» определил порядок предоставления премиальной

¹ Постановление Совета Народных Комиссаров «О размерах вознаграждения Народных Комиссаров, высших служащих и чиновников» от 18 ноября (1 декабря) от 1917 г. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 38.

оплаты рабочим, техническому, административно-техническому и конторскому персоналу, непосредственно связанному с производственной деятельностью на предприятиях, – основания получения дополнительных средств сводились к повышению производительности труда в той или иной форме ¹.

Отдельный интерес представляет Постановление Совета труда и обороны РСФСР от 5 октября 1922 года (Инструкция о порядке выдачи наградных и тантьем в государственных управлениях, предприятиях и объединениях административному и техническо-хозяйственному персоналу), которым устанавливался порядок предоставления дополнительного вознаграждения, определялись его формы, источники финансирования, субъекты, имеющие право претендовать на получение такого стимулирования. Особенно нетипичным для советского периода выглядит закрепление исключительного права членом правлений и директоров трестов, синдикатов и крупных предприятий на получение вознаграждения в виде процента от прибыли. На премиальные и наградные выплаты имели право претендовать лица, принадлежащие к административному и техническо-хозяйственному персоналу. Исходя из содержания Постановления, размер вышеуказанных выплат мог быть весьма внушительным – ограничителем выступал только допустимый законом годовой максимум заработной платы (для сравнения, премиальная оплата простым рабочим не должна была превышать в совокупности 200 % тарифной ставки) ².

Правом на дополнительные преференции обладали не только квалифицированные специалисты и руководители предприятий, но и научная интеллигенция, работники образовательной сферы. Так, Приказ Народного Комиссариата по Военным Делах от 24 августа 1918 года «Об освобождении от призыва в тыловое ополчение некоторых категорий служащих Народного Комиссариата Просвещения» предоставлял лицам, «...состоящим в ведении Народного Комиссариата Просвещения в качестве членом местных Отделов и Советов по Народному Образованию, инструкторов-преподавателей школ всех типов и ступеней, школьных врачей и лиц, принадлежащих к составу школьной администрации...», право не призываться в тыловое ополчение, что в условиях гражданской войны также являлось привилегией нематериального характера ³. Кроме того, в первые годы советской власти члены профсоюзных организаций получают преференцию в виде права на доступ к управлению – так, Декрет СНК от 10 октября 1919 года постановил «...включить в состав местных отделов народного образования по одному представителю от соответствующих местных отделов Всероссийского союза работников просвещения и социалистической культуры в качестве полноправных членом коллегии...» ⁴.

Одним из выдающихся достижений большевиков, которое признают даже непримиримые критики советского режима, является ликвидация безграмотности населения. Помимо введения общей обязанности обучаться грамоте для всех без исключения лиц в возрасте от восьми до пятидесяти лет, был также разработан комплекс стимулирующих мер,

---

¹ Декрет Совета Народных Комиссаров «Общее положение о тарифе (Правила об условиях найма и оплаты труда рабочих и служащих всех предприятий, учреждений и хозяйств в РСФСР)» от 17 июня 1920 г. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 70.

² Постановление СТО РСФСР от 05.10.1922. Инструкция о порядке выдачи наградных и тантьем в государственных управлениях, предприятиях и объединениях административному и техническо-хозяйственному персоналу. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1406.htm (дата обращения 09.09.2022)

³ Приказ Народного Комиссариата по Военным Делах «Об освобождении от призыва в тыловое ополчение некоторых категорий служащих Народного Комиссариата Просвещения» от 24 августа 1918 г. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917-1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 981.

⁴ Декрет Совета Народных Комиссаров «О включении в состав местных отделов народного образования по одному представителю от местных отделов Всероссийского союза работников просвещения и социалистической культуры» от 10 октября 1919 г. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 707.

выводящий всю систему народного просвещения на совершенно новый уровень – Декрет СНК «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26 декабря 1919 года прямо предусматривал, что снабжающие органы обязаны удовлетворять запросы учреждений, имеющих целью ликвидацию безграмотности, преимущественно перед другими учреждениями¹. Кроме того, в 1919 году Народный Комиссариат по Просвещению в целях удовлетворения нужд образования получил право «...по соглашению с соответствующими центральными и местными учреждениями занимать во временное или постоянное пользование отдельные земельные участки, сельскохозяйственные экономии, лесные дачи, месторождения полезных ископаемых, промышленные предприятия...»².

В рамках политики по общему подъему статуса образования и восполнения нехватки квалифицированных кадров в 1920 году правительством были предприняты беспрецедентные меры в части предоставления студентам инженерных специальностей дополнительных привилегий. Так, бывшие студенты, заявившие о своем желании закончить образование в 1920 году, получали следующие права:

- быть откомандированными из армии и любых других учреждений в целях скорейшего возобновления обучения в усиленном режиме;
- пользоваться правом внеочередного проезда (контроль возлагался на местные власти и органы управления железными дорогами);
- получать улучшенное снабжение (были приравнены к учащимся военных учебных заведений);
- получать увеличенные ежемесячные выплаты в размере 4 800 рублей (источник финансирования – НК Просвещения)³.

Схожие меры предусматривались также для студентов-медиков и ветеринаров.

В 1921 году было улучшено правовое положение педагогов – пожилые лица и инвалиды, имеющие заслуги в деле народного образования, получили право на усиленную пенсию в двойном размере⁴. Кроме того, в 1921 году Декретом СНК «Об улучшении быта ученых» устанавливалось дополнительное академическое обеспечение научных работников, вводилась система премирования и, что особенно значимо, предоставлялся упрощенный порядок выезда за границу и возможность получения зарубежных научных изданий⁵.

В этот же период активно продолжается тенденция по расширению системы привилегий для работников инженерно-технических специальностей. Показательным документом, демонстрирующим ключевую значимость инженеров для государства, является Декрет СНК «О мерах к поднятию уровня инженерно-технического знания в стране и к улучшению условий жизни инженерно-технических работников РСФСР» от 25 августа 1921 г., который закреплял для данной категории трудящихся:

- обеспечение всестороннего правового и материального благополучия;
- устранение необходимости работы по совместительству;

---

¹ Декрет Совета Народных Комиссаров «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26 декабря 1919 г. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 845-846.

² Декрет Совета Народных Комиссаров «О предоставлении Народному Комиссариату по Просвещению права занимать земельные участки, сельскохозяйственные экономии и некоторые другие участки и предприятия для нужд трудового образования» от 14 мая 1919 г. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 332-333.

³ Декрет Совета Народных Комиссаров «О срочном выпуске инженеров-специалистов» от 24 марта 1920 г. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 151-152.

⁴ Декрет Совета Народных Комиссаров «Об установлении усиленных пенсий для престарелых и инвалидных педагогов» от 20 января 1921 г. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. С. 84.

⁵ Декрет Совета Народных Комиссаров «Об улучшении быта ученых» от 6 декабря 1921 г. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1922 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1950. с. 4-5.

- облегченный режим проведения любых собраний и встреч;
- содействие сношению с зарубежными научными организациями;
- возможность издания собственных печатных произведений;
- поощрения создания научных обществ;
- привлечение к инженерно-техническому образованию специалистов из зарубежных стран;
- максимально возможное повышение уровня оплаты труда;
- обеспечение надлежащими жилищными условиями и т. д. ¹.

Заключение

Приведенные выше многочисленные примеры поддерживаемого государством неравенства в правовом положении отдельных групп населения позволяют сформулировать следующие выводы.

Уже в первые годы советской власти становится очевидным, что одномоментное воплощение марксистско-ленинской концепции эгалитаризма невозможно – это подтверждал и сам В.И. Ленин. В течение нескольких лет после прихода к власти большевиков происходит формирование механизмов предоставления привилегий определенным лицам и, что особенно важно, такие прерогативы не носят теневой характер, они получают полноценное правовое закрепление.

Анализ нормативных актов, принятых в период с 1917 по 1922 годы, показывает, что формирование широких преференций партийной и государственной элиты для данного периода не характерно – наиболее благоприятное положение приобретают представители инженерно-технических специальностей, высококвалифицированные рабочие. Также определенными дополнительными возможностями, выходящими за рамки содержания правового статуса большинства трудящихся, наделены представители научного сообщества, студенты некоторых специальностей, руководители предприятий – то есть активная часть населения, заинтересованная в достижении результата и составляющая потенциальную основу для развития государства в ускоренном темпе. Основопологающим фактором возникновения привилегий становится наличие определенного служебного статуса – при этом не только в рамках уже полученной квалификации, но и в процессе освоения профессии. Безусловно, в первые годы советской власти ключевой задачей руководящих органов являлось создание эффективно функционирующей экономики – данный вопрос не мог быть решен без технических специалистов высокого уровня, широкомасштабной работы по реформированию сферы школьного и высшего образования, поддержки науки и медицины. Для достижения указанной цели потребовались разработка и формализация системы преимуществ для отдельных категорий трудящихся и студентов – несмотря на известный отход от концепции всеобщего равенства.

На основе рассмотренных документов удастся выделить формы привилегий, характерные для первых лет советской власти – к ним относятся возможность получения дополнительного материального стимулирования, доступ к управлению, улучшенные жилищно-бытовые условия, улучшенное снабжение, освобождение от призыва и возможность быть откомандированным для продолжения обучения, облегченный доступ к зарубежным информационным источникам, упрощенный порядок выезда за границу. Приведенные формы привилегий объединены общим признаком, в корне отличающим их от категории льгот, – они предоставляют дополнительные преимущества, наделяют носителя привилегии «сверхвозможностями», недоступными другим категориям, мотивируют

---

¹ Декрет Совета Народных Комиссаров «О мерах к поднятию уровня инженерно-технического знания в стране и к улучшению условий жизни инженерно-технических работников РСФСР» от 25 августа 1921 г. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1921 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1944. С. 756–757.

и стимулируют. Льготы в общем виде направлены в первую очередь на облегчение положения субъекта, восполнение его материальной базы.

Проведенный анализ нормативных актов эмпирически подтверждает позицию о необходимости разграничения понятий «привилегия» и «льгота». Очевидно, что само понятие «привилегия» не могло найти прямого закрепления в советском праве в рассматриваемый период, тем не менее предусмотренные для некоторых категорий лиц правовые преимущества были формализованы напрямую. Анализ содержания указанных преимуществ, субъектная принадлежность, цели предоставления позволяют говорить о том, что уже в первые годы советской власти формируется определенная система «поощрений» в виде наделения отдельных субъектов дополнительными правами, преимуществами – правовыми привилегиями. Первоначально они распространялись только на некоторые категории трудящихся, имеющие ключевое значение для построения государства и общества нового советского типа. Известно, что в последующем подобными преимуществами будут наделены представители партийно-государственного аппарата, высшее военное командование, дипломатический корпус, некоторые члены комсомольских организаций. Тем не менее на начальном этапе существования советского государства и права привилегии предоставлялись фрагментарно и в первую очередь исходя из первостепенных интересов государства.

Список литературы

- Алексеев С.С. 1989. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., Юрид. лит., 288 с.
- Афанасьева В.И. 2012. Привилегия, патент, авторское свидетельство в России. М., Юрлитинформ, 317 с.
- Дибиров М.Г. 2015. Привилегии в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 228 с.
- Красильников А.В. 2006. Уголовно-процессуальные привилегии отдельных категорий лиц: дис. ... канд. юрид. наук. М., 242 с.
- Ланг П.П. 2017. Особые производства в юридическом процессе: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 206 с.
- Лебедева Е.Н. 2002. Механизм правового стимулирования социально-активного поведения (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 207 с.
- Ленин В.И. 1953. Государство и революция. Ленинград, Госполитиздат, 120 с.
- Ленин В.И. 1974. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 35. М., Издательство политической литературы, 600 с.
- Ленин В.И. 1974. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Т. 36. М., Издательство политической литературы, 741 с.
- Малько А.В., Морозова И.С. 1999. Привилегии как специфическая разновидность правовых льгот. Известия высших учебных заведений. Правоведение, 4 (227): 143–156.
- Маркс К., Энгельс Ф. 1961. Сочинения. 2-е изд. Т. 21. М., Госполитиздат, 745 с.
- Решев А.Г. 2019. Преимущества в российском праве: теория, методология, техника: дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 529 с.

References

- Afanas'eva V.I. 2012. Privilegiya, patent, avtorskoe svidetel'stvo v Rossii [Privilege, patent, copyright certificate in Russia]. M., Publ. Yurlitinform, 317 p.
- Dibirov M.G. 2015. Privilegii v ugovnom prave Rossii [Privileges in Russian Criminal Law]: dis. ... cand. jurid. sciences'. Saratov, 228 p.
- Krasil'nikov A.V. 2006. Ugolovno-processual'nye privilegii otdel'nykh kategorij lic [Criminal procedural privileges of certain categories of persons]: dis. ... cand. jurid. sciences'. M., 242 p.
- Lang P.P. 2017. Osobyje proizvodstva v yuridicheskom processe: teoretiko-pravovoe issledovanie [Special proceedings in the legal process: theoretical and legal research]: dis. ... cand. jurid. sciences'. Samara, 206 p.
- Lebedeva E.N. 2002. Mekhanizm pravovogo stimulirovaniya social'no-aktivnogo povedeniya (problemy teorii i praktiki) [Mechanism of legal stimulation of socially active behavior (problems of theory and practice)]: dis. ... cand. jurid. sciences'. Saratov, 207 p.

- Lenin V.I. 1953. Gosudarstvo i revolyuciya [The State and the Revolution]. Leningrad, Gospolitizdat, 120 p.
- Lenin V.I. 1974. Polnoe sobranie sochinenij [The Complete Works]. Ed. 5. Vol. 35. M., Publ. Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 600 p.
- Lenin V.I. 1974. Polnoe sobranie sochinenij [The Complete Works]. Ed. 5. Vol. 36. M., Publ. Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 741 p.
- Mal'ko A.V., Morozova I.S. 1999. Privilegii kak specificheskaya raznovidnost' pravovyh l'got [Privileges as a specific type of legal benefits]. Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie, 4(227): 143-156.
- Marks K., Engel's F. 1961. Sochineniya [Essays]. 2 Ed. Vol. 21. M., Publ. Gospolitizdat, 745 p.
- Rep'ev A.G. 2019. Preimushchestva v rossijskom prave: teoriya, metodologiya, tekhnika [Advantages in Russian law: theory, methodology, technique]: dis. ... doct. jurid. sciences'. Saratov, 529 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 11.07.2022
Поступила после рецензирования 01.09.2022
Принята к публикации 14.09.2022

Received July 1, 2022
Revised September 1, 2022
Accepted September 14, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Емельянов Алексей Сергеевич, соискатель кафедры теории и истории государства и права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия
ORCID: [0000-0001-3375-9403](https://orcid.org/0000-0001-3375-9403)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexey S. Emelyanov, candidate of the Department of Theory and History of State and Law, Southwest State University, Kursk, Russia
ORCID: [0000-0001-7001-4908](https://orcid.org/0000-0001-7001-4908)

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-779-787

Общетеоретические аспекты соотношения понятий «юридический процесс», «правовая процедура», «судопроизводство»

Кутько В.В., Косолапова Н.А., Долженко Н.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: kutko@bsu.edu.ru

Аннотация. Социально-экономические, политические, идеологические преобразования, происходящие в современном российском обществе и государстве, обуславливают необходимость институционализации, правовой фиксации отдельных видов государственно-властной деятельности. Эта тенденция порождает процессуализацию законодательства России, необходимость закрепления основных прав, свобод и законных интересов личности, а также механизма и гарантий их реализации в соответствующих нормах и институтах процессуального права, связанных с появлением новых видов юридического процесса и отдельных правовых процедур осуществления государственно-властной работы уполномоченными субъектами. Несмотря на многочисленность публикаций по данной проблематике, практически отсутствуют исследования, посвященные сравнительно-правовой характеристике правовых процедур и видов юридического процесса. Цель исследования: опираясь на сформировавшиеся в общепроцессуальной теории точки зрения, представить авторское видение сущностных признаков, общих и особенных черт юридического процесса, судопроизводства и правовой процедуры. Исследование позволило выявить и сформулировать характеристики юридического процесса как организационно-властной деятельности, определить объем и содержание данного феномена правовой действительности.

Ключевые слова: властные полномочия, судопроизводство, юридический процесс, правовая процедура, юрисдикция

Для цитирования: Кутько В.В., Косолапова Н.А., Долженко Н.И. 2022. Обще­теоретические аспекты соотношения понятий «юридический процесс», «правовая процедура», «судопроизводство». НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(4): 779–787. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-779-787

General Theoretical Aspects of the Relation of Concepts "Legal Process", "Process of Law", "Legal Proceedings"

Victoria V. Kutko, Natalia A. Kosolapova, Natalia I. Dolzhenko

Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: kutko@bsu.edu.ru

Abstract. Social and economic, political, ideological transformations taking place in modern Russian society and the state determine the need for institutionalization, legal fixation of certain types of state-power activities. This tendency gives rise to the proceduralization of Russian legislation, the emergence of new types of state work, varieties of the legal process and legal procedures, and therefore equal sets of norms and institutions of procedural law, which is linked to the strengthening of the requirements of legality, guarantee and full protection of the rights, freedoms and legitimate interests of the person in the exercise of the functions of the state and its bodies. Despite large number of publications on this

perspective, there are practically no researches devoted to comparative and legal characteristic of processes of law and types of legal process. Research objective is to present author's vision of intrinsic signs, common and special features of legal process, legal proceedings and process of law relying on the points of view created in the all-procedural theory. The research of a problem of a ratio of the studied concepts allowed to reveal and formulate characteristics of legal process as organizational and imperious activity, and also to determine the volume and the maintenance of this phenomenon of legal reality.

Keywords: power, legal proceedings, legal process, process of law, jurisdiction

For citation: Kutko V.V., Kosolapova N.A., Dolzhenko N.I. 2022. General Theoretical Aspects of the Relation of Concepts "Legal Process", "Process of Law", "Legal Proceedings". NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 779–787 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-779-787

Введение

Появление новых видов юридического процесса, реформирование государственного механизма, а также потребности правоприменительной практики требуют законодательного закрепления процедуры, стадийности осуществления государственно-властной деятельности. Очевидно, что юридическая фиксация, правовое закрепление процессуализации государственной деятельности невозможно без всестороннего теоретического осмысления.

Актуальность данного исследования обусловлена еще и тем обстоятельством, что в настоящее время происходит «процессуальная революция» [Краснов, 2018], модернизация правовых форм государственной деятельности, их ориентация на обеспечение прав, свобод и законных интересов личности посредством фиксации четких правовых процедур осуществления властных полномочий и установления мер ответственности за несоблюдение установленного порядка. Возникает объективная необходимость совершенствования уже существующих и закрепления новых видов юридического процесса, его процессуальной формы, стадий, субъектного состава и других структурных элементов данного комплексного системного явления.

Проблема соотношения понятий «юридический процесс», «правовая процедура» и «судопроизводство» связана, прежде всего, с существованием в науке концепций «широкого» и «узкого» понимания юридического процесса. Как справедливо отмечал один из авторов теории юридического процесса, сторонник концепции его понимания в широком смысле, В.М. Горшенев, юридический процесс следует рассматривать как комплексную систему, одним из признаков которой является стадийность, особая последовательная процедура осуществления юридически значимых действий [Горшенев, 1979, с. 3]. Вместе с тем ряд сторонников «узкого» понимания отождествляют юридический процесс и процедуру, аргументируя свою позицию тем, что на законодательном уровне не происходит такого разделения, и чаще всего используется общий термин «судопроизводство», поэтому возникает необходимость разъяснения содержания и соотношения указанных категорий.

Методы исследования

Определение сущности и структурных элементов юридического процесса, его соотношения с иными феноменами процессуальной теории нуждается в задействовании целого комплекса приемов, способов и средств познания.

Методы анализа и синтеза позволяют определить сущность не только самого юридического процесса, но и его составляющих, а также некоторых смежных категорий. Системный метод позволяет рассмотреть элементы юридического процесса, имеющего свой количественный и качественный состав. На основании применения структурного подхода можно сделать вывод о взаимодействии различных правовых процедур как составных ча-

стей юридической процессуальной формы. Исторический метод позволил проследить динамику развития юридического процесса в целом, его видов и процедурных компонентов, выявить характерные для данных явлений в зависимости от исторического периода существования отечественного государства признаки, спрогнозировать тенденции его развития. Догматика как самостоятельный методологический подход служит основанием выявления общих закономерностей существования юридического процесса, позволяет сформулировать определение самого процесса, судопроизводства и правовой процедуры не только исходя из существующих нормативно закреплённых формулировок, но и из обусловленных самой сущностью, правовой природой этих явлений характеристик.

Исходя из сравнительно-правового анализа понимания и закрепления правовых процедур, процесса осуществления различных видов государственной деятельности можно констатировать, что юридический процесс в англо-саксонской правовой семье отождествляется с судопроизводством, а правовая процедура рассматривается как его структурный элемент [Tyler, 2003]. В романо-германской же семье прослеживается деление права на материальную и процессуальную его составляющие, поэтому понятие юридического процесса и его процедурных компонентов находят в той или иной степени свое нормативное закрепление. С точки зрения аксиологического подхода юридический процесс следует рассматривать как правовую ценность, определив его роль в обеспечении законности и прозрачности юридически значимых действий, совершаемых субъектами-носителями властных полномочий.

Юридический процесс и правовая процедура – базовые элементы процессуальной теории

Как отмечалось ранее, сторонники концепции «широкого» понимания юридического процесса рассматривают его как системное стадийное образование, одним из элементов которого выступает юридическая процедура, поэтому возникает необходимость установления соотношения объема этих понятий.

Среди наиболее распространенных трактовок правовой процедуры можно встретить ее определение как нормативно установленного порядка осуществления совокупности юридических действий, которые установлены для реализации закреплённых соответствующими субъектами полномочий. Юридическая (правовая) процедура является динамической иерархической системой, обслуживающей обусловившее ее появление правоотношение [Протасов, 1993, с. 5]. По мнению О.В. Яковенко, правовую процедуру следует определять как нормативно закреплённую последовательную реализацию материальной нормы в соответствующем материальном правоотношении [Яковенко, 1999, с. 43].

В целях проведения качественного и полноценного анализа юридической процедуры как самостоятельного правового явления, на наш взгляд, целесообразно обозначить её ключевые признаки.

Так, во-первых, обращает на себя внимание четко прослеживаемое целевое направление осуществления правовых процедур. Сами по себе процедуры устанавливаются теми или иными правовыми актами по причине необходимости регламентации действий определённых субъектов, упорядочивания выполнения различных нормативных предписаний. Другими словами, всегда известна конкретная цель осуществления соответствующей правовой процедуры и то, что станет её следствием. Законодательство закрепляет порядок выполнения действий, необходимых для осуществления субъектами в целях наступления желаемых последствий.

Во-вторых, юридическая процедура отражает деятельностный аспект ее субъектов. Реализация процедуры предполагает выполнение конкретных действий общего или специального характера, необходимых в определённых условиях. Причём «векторы» и количество указанных действий предопределяются назначением самой процедуры [Середа, 2008, с. 27].

В-третьих, правовые процедуры имеют строго очерченные законом временные рамки, позволяющие закрепить их структурность.

В-четвёртых, юридические процедуры во всех случаях осуществляются в целях достижения конкретного и заранее известного результата. Иначе говоря, на стартовой позиции субъекты процедуры всегда чётко осознают, чем она в итоге закончится и к каким это приведёт последствиям. Как правило, реализация той или иной процедуры влечёт наступление правовых последствий для инициировавшего её или участвующего в ней субъекта. При этом существуют процедуры и иного формата – их осуществление обязательно для целей организации определённых процессов. В подобных ситуациях процедуры представляют собой составные части соответствующих процессов и претворяются в жизнь компетентными должностными лицами, которые фактически инициаторами процесса не являются (к примеру, процедура составления протокола административного нарушения в административном процессе).

В-пятых, правовые процедуры всегда предполагают фиксацию результата. Так, результат реализации юридической процедуры обязательно фиксируется документально, что по сути является доказательством её выполнения [Байтин, Яковенко, 2000, с. 97].

Отдельно подчеркнём очевидную связь понятия «правовая процедура» и иной категории – «юридический процесс». При этом нельзя не обозначить, что в науке существуют различные взгляды на характер их взаимодействия и соотношения [Фатхудинова, 2000]. Так, к примеру, А.Ю. Якимов обозначает взаимосвязь процесса и процедуры на уровне таких философских категорий, как форма и содержание [Якимов, 1999, с. 7]. При этом процесс отражает содержательную характеристику государственной работы, а процедура – форму, в которую эта деятельность облекается. С точки зрения представителей отраслевых наук, юридический процесс связан исключительно с юрисдикционной деятельностью уполномоченных органов, во всех остальных случаях следует вести речь о правовой процедуре. Так, по мнению Н.А. Рассахатской, конституционно закреплены только четыре вида юридического процесса, все остальные виды государственно-властной деятельности – не процессы, а процедуры [Рассахатская, 1995, с. 16].

На наш взгляд, указанная позиция представляется весьма спорной, что обусловлено выходом на первый план при подобном подходе юрисдикционной деятельности, отведением ей определяющей, социально значимой в плане обеспечения прав личности роли и неким принижением иных «процедурных» форм государственной деятельности. Более того, считаем ошибкой обязательное отождествление юридического процесса с необходимостью применения мер процессуального принуждения, так как в ряде случаев даже судебное производство не предполагает их использование.

В правовой литературе также существуют мнения, согласно которым фактически (за некоторыми изъятиями) можно поставить знак равенства между категориями «процессуальная форма» и «юридическая процедура». Разница лишь в том, что для внутреннего устройства процессуальной формы характерна системность, строгая последовательность осуществления процессуальных правил и действий, регламентированных процессуальным законом. Юридическая же процедура, напротив, подобной структурности лишена.

В силу названных обстоятельств процессуальная форма всегда имеет тесную взаимосвязь с юрисдикционной деятельностью, осуществляемой различными правоприменительными органами, а юридическая процедура, в свою очередь, свойственна уже любой юридической деятельности, связанной с реализацией права или правотворчеством со стороны любых государственных или общественных органов [Пелевин, 1998, с. 80].

Позволим себе не согласиться с данной точкой зрения, поскольку некоторые виды юридического процесса не носят юрисдикционного характера, однако при этом не утрачивают признаков процесса, не превращаются в процедуру. Так, сама по себе процедура есть процессуальная стадия – определённая последовательность совершения уполномоченными субъектами юридически значимых действий. Несмотря на то, что процедура

представляет собой неотъемлемый элемент юридического процесса, последний включает в себя не только её – наравне с процедурой ключевыми компонентами юридического процесса выступают уяснение круга его субъектов, их компетенции, полномочий, предмета ведения, определение перечня рассматриваемых дел, в силу чего процедура не охватывает собой весь «юридический процесс», а лишь является одой из составляющих юридической процессуальной формы.

По мнению И.М. Погребного, юридический процесс представляет собой специфическую работу с нормами материального и процессуального права. При этом задачей властного субъекта является выбор наиболее оптимальной материальной нормы, а также определение процессуального порядка, при котором желаемый результат будет достигнут в кратчайший срок с наименьшими затратами [Погребной, 1998, с. 16]. При этом он, как и сторонники концепции «широкого» понимания юридического процесса, использует термин «процессуальное производство», которое характеризуется рядом признаков: системностью, связью материальных и процессуальных норм, закреплённостью результата в соответствующих процессуальных документах.

Солидарна с ним и И.В. Панова [1998, с. 30]. При этом автор рассматривает процессуальное производство как элемент правовой процедуры, а процедуры в свою очередь, объединяясь в стадии и циклы, образуют вид юридического процесса.

Заслуживающей внимания является точка зрения В.А. Тарасовой, считающей правовую процедуру самостоятельной формой, которая при определённых обстоятельствах может стать юридическим процессом [Тарасова, 1973, с. 112]. Среди критериев разграничения процесса и процедуры автор указывает тот факт, что юридический процесс более упорядочен, в процессе всегда есть гарантии достижения юридически значимого результата, установления истины.

Резюмируя, отметим, что согласно концепции «широкого» понимания процесса, юридический процесс и правовая процедура соотносятся как общее и частное – процедура позиционируется в качестве структурного элемента юридического процесса.

С.А. Курочкин, в свою очередь, утверждает, что правовая процедура – более широкое понятие, включающее в себя юридический процесс. Автор рассматривает процесс как вид процедуры. А деление на виды происходит в зависимости от тех материальных отношений, которые обусловили соответствующую процедуру [Курочкин, 2010, с. 39]. С такой позицией сложно согласиться, ведь для каждого вида процесса предусмотрена своя процедура, стадии и круг субъектов, а не наоборот.

Полагаем, что наиболее обоснованное мнение высказано в работе М.И. Байтина и О.В. Яковенко, которые разграничивают понятия процесса и процедуры, при этом отмечая неразрывную связь между ними [Байтин, Яковенко, 2000, с. 98]. Юридический процесс является более широким понятием, включающим в себя правовые процедуры и процессуальные производства. Формулу согласования процесса и процедуры можно определить как соотношение целого и части [Макогон et al., 2020].

На наш взгляд, юридический процесс целесообразно находить в рамках государственной деятельности, определённой реализацией властных полномочий [Kutko et al., 2018]. В свою очередь, правовая процедура есть составная часть, исключительный и незаменимый компонент любого юридического процесса.

Судопроизводство как вид юрисдикционного процесса

Еще одним заслуживающим внимания вопросом является определение понятия и места термина «судопроизводство» в общепроцессуальной теории. Наиболее часто встречающимся определением судопроизводства является следующее: судопроизводство – это осуществляемая в судебном порядке деятельность по рассмотрению конкретной жизнен-

ной ситуации и принятию законного и обоснованного процессуального решения в целях обеспечения и защиты прав и законных интересов личности.

Все точки зрения о соотношении категорий «судопроизводство» и «юридический процесс» целесообразно изложить в рамках трех ключевых позиций.

Первая (среди её представителей можно выделить, например, Е.А. Нефедьева, П.Ф. Елисейкина, В.П. Божьева, М.К. Треушникова и др.) уходит корнями в дореволюционный период развития отечественной правовой науки и предполагает содержательное равенство названных выше понятий. К примеру, Е.А. Нефедьев, занимавшийся проблемами гражданского судопроизводства, отмечал, что гражданский процесс как регламентированная законом деятельность посвящен разрешению спора о праве. При этом четкого разграничения между гражданским процессом и гражданским судопроизводством автор не проводил [Нефедьев, 2005, с. 39]. Т.В. Сахнова выделяла судебные и несудебные процедуры, причем первые характеризовались такими признаками, как процессуальный характер, согласованность частных и публичных интересов, определенный субъектный состав, предметный компонент (категории дел, которые рассматриваются в судебном порядке). Перечисленные признаки, безусловно, сближают понятия процесса и судопроизводства [Сахнова, 2012, с. 11].

Таким образом, сторонники данной концепции отождествляют юридический процесс, правовую процедуру и судопроизводство, считая эти термины синонимичными. Основным аргументом в поддержку своей позиции они называют отсутствие в западной доктрине деления деятельности по рассмотрению гражданских дел на процессуальную и процедурную формы, там используется общее понятие – *civil procedure*.

Следует отметить, что подобная формула «работает» только для юрисдикционных видов процесса, при этом оставляя без внимания учредительный, избирательный, регистрационный и иные виды юридического процесса.

Представители второй концепции также были в основном учеными-цивиристами. Суть данной точки зрения состоит в том, что процесс и судопроизводство – понятия близкие, но не тождественные. При этом судопроизводство считается более широким понятием, а процесс сводится к выполнению определенных установленных законом действий при рассмотрении дел в судебном порядке [Решетникова, 2009, с. 26]. Согласно точке зрения представителей данной концепции, внесудебных видов юридического процесса просто не существует.

Суть третьей концепции состоит в том, что судопроизводство является более узким понятием по отношению к юридическому процессу. По нашему мнению, данная точка зрения является наиболее убедительной и обоснованной.

Так, Е.В. Слепченко разделяет судебную деятельность, осуществляемую в особом процессуальном порядке строго уполномоченными должностными лицами в установленные законом сроки в форме гражданского, уголовного, арбитражного и иного судопроизводства, и правоприменительный процесс. Автор отмечает, что юридический процесс как строго регламентированная деятельность может осуществляться не только в судебном порядке, а следовательно, понятие судопроизводства более узкое по отношению к процессу [Слепченко, 2012, с. 8].

Таким образом, следует обозначить, что судопроизводство, являясь подвидом правоприменительного процесса, обладает всеми признаками, присущими процессу в целом, и является понятием более узким, чем процесс.

Выводы

Исходя из анализа позиций сторонников как «широкого», так и «узкого» понимания юридического процесса, его определение можно сформулировать следующим образом: юридический процесс – это сложно структурное явление, состоящее из различных форм

государственно-властной деятельности, каждая из которых объединяет субъектный, процедурный, обеспечительный, предметный и иные компоненты, направленное на разрешение определенной жизненной ситуации в установленном законом порядке в соответствии с нормативно закрепленными полномочиями по достижению юридически значимого результата, отраженного в соответствующем правовом акте.

Правовая процедура является элементом юридического процесса, более проста по своей структуре, выступает системой более низкого порядка по отношению к процессу; данные явления соотносятся как общее и частное. Правовая процедура определяется как стадийная последовательная, ограниченная во времени деятельность, направленная на получение юридически значимого результата. Определенный вид юридического процесса может включать в себя несколько предусмотренных законом процедур.

Судопроизводство, в свою очередь, следует рассматривать как особую форму юридического процесса, не отождествляя с его видами. Судопроизводство – это осуществление правосудия, форма реализации судебной власти.

Таким образом, можно констатировать, что юридический процесс, являясь системным образованием, включает в себя процедурный компонент, объединяя все виды государственной работы, различные разновидности и формы правовых процедур.

Список литературы

- Байгин М.И., Яковенко О.В. 2000. Теоретические вопросы правовой процедуры. Журнал российского права, 8: 93–102.
- Горшенев В.М. 1979. О разновидностях юридического процесса. В кн.: Актуальные проблемы юридического процесса в общенародном государстве. Под ред. В.М. Горшенева. Ярославль, Ярославский государственный университет: 3–10.
- Краснов Ю.К. 2018. Процессуальная революция переходит в процессуальную реформу. Наука и образование: хозяйство и экономика, предпринимательство; право и управление, 10(101): 49–53.
- Курочкин С.А. 2010. Гражданский процесс в системе социального управления. Арбитражный и гражданский процесс, 7: 39–44.
- Нефедьев Е.А. 2015. Учебник русского гражданского судопроизводства. Краснодар, Изд.: Совет. Кубань, 472 с.
- Панова И.В. 1998. Юридический процесс. Саратов, Изд.: Светопись, 76 с.
- Пелевин С.М. 1998. Еще раз о «едином гражданском процессуальном праве». Правоведение, 1: 80–84.
- Погребной И.М. 1998. Общетеоретические проблемы производств в юридическом процессе. Харьков, 144 с.
- Протасов В.Н. 1993. Теоретические основы правовой процедуры. Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 49 с.
- Рассахатская Н.А. 1995. Гражданская процессуальная форма. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 20 с.
- Решетникова И.В. 2009. Гражданский процесс. В кн.: Гражданский процесс. Под ред. В.В. Яркова. Москва, Изд.: Волтерс Клувер, 272 с.
- Сахнова Т.В. 2012. Процедурность цивилистического процесса: методология будущего. Вестник гражданского процесса, 1: 9–24.
- Середа О.О. 2008. Правовая процедура: теоретико-правовые основы и практическое измерение. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев. 20 с.
- Слепченко Е.В. 2012. Гражданское судопроизводство. Дис. ... канд. д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург. 484 с.
- Тарасова В.А. 1973. Процедурная форма деятельности органов социального обеспечения. Советское государство и право, 11: 112–115.
- Фатхудинова О.В. 2000. Теоретико-правовые проблемы юридического процесса. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев. 18 с.

- Якимов А.Ю. 1999. Административно-юрисдикционный процесс и административно-юрисдикционное производство. *Государство и право*, 3: 5–10.
- Яковенко О.В. 1999. Правовая процедура. Дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 219 с.
- Boris V. Makogon, Evgeniy V. Aristov, Evgeniy A. Chaban, Maxim V. Fedorov, Madina A. Umarova. 2020. Law Enforcement as Discretion and Legal Process. *International Journal of Criminology and Sociology*, 9: 1918-1921.
- Kutko V. V., Makogon B. V., Shishkin A. A., Vasekina E. M., Y. M. Goryachkovskaya. 2018. Procedural law development stages. *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication – TOJDAC*, March 2018 Special Edition: 226-230.
- Tom R. Tyler. 2003. Procedural Justice, Legitimacy, and the Effective Rule of Law. *Crime and Justice*: 283–357.

References

- Baytin M.I., Yakovenko O.V. 2000. Teoreticheskie voprosy pravovoy protsedury [Theoretical questions of legal procedure]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 8: 93–102.
- Gorshenev V.M. 1979. O raznovidnostyah yuridicheskogo processa [About the varieties of the legal process]. In: *Aktual'nye problemy yuridicheskogo processa v obshchenarodnom gosudarstve*. [Actual problems of the legal process in the national state: interuniversity thematic collection]. Ed. V.M. Gorsheneva. YARoslavl', YARoslavskij gosudarstvennyj universitet: 3–10.
- Krasnov YU.K. 2018. Processual'naya revolyuciya perekhodit v processual'nyu reform [The procedural revolution is turning into a procedural reform]. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika, predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 10(101): 49–53.
- Kurochkin S.A. 2010. Grazhdanskiy protsess v sisteme sotsial'nogo upravleniya [Civil process in the system of social management]. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess*, 7: 39–44.
- Nefed'ev E.A. 2015. Uchebnik russkogo grazhdanskogo sudoproizvodstva [Textbook of Russian Civil Litigation]. Krasnodar, Publ. Sovet. Kuban', 472 p.
- Panova I.V. 1998. Yuridicheskij protsess [Legal process]. Saratov, Publ. Svetopis', 76 p.
- Pelevin S.M. 1998. Eshche raz o «edinom grazhdanskom protsessual'nom prave». [Once again about the «unified civil procedural law»]. *Pravovedenie*, 1: 80–84.
- Pogrebnoy I.M. 1998. Obshcheteoreticheskie problemy proizvodstv v yuridicheskom protsesse [General theoretical problems of production in the legal process]. Khar'kov, 144 p.
- Protasov V.N. 1993. Teoreticheskie osnovy pravovoy protsedury [Theoretical foundations of legal procedure]. Avtoref. Diss. candidate of Legal Sciences. Moscow, 49 p.
- Rassakhatskaya N.A. 1995. Grazhdanskaya protsessual'naya forma [Civil procedural form]. Avtoref. Dissertation candidate of Legal Sciences. Saratov, 20 p.
- Reshetnikova I.V. 2009. Grazhdanskiy protsess. [Civil procedure]. In: *Grazhdanskiy protsess*. Pod red. V.V. Yarkova. Moscow. Publ. Volters Kluver, 272 p.
- Sakhnova T.V. 2012. Protsedurnost' tsivilisticheskogo protsessa: metodologiya budushchego [Procedurality of the civil process: methodology of the future]. *Vestnik grazhdanskogo protsessa*, 1: 9–24.
- Sereda O.O. 2008. Pravovaya protsedura: teoretiko-pravovye osnovy i prakticheskoe izmerenie [Legal procedure: theoretical and legal foundations and practical dimension]. Avtoref. Dissertation ... candidate of Legal Sciences. Kiev, 20 p.
- Slepchenko E.V. 2012. Grazhdanskoe sudoproizvodstvo [Civil Litigation]. Dissertation candidate of Legal Sciences. St. Petersburg, 484 p.
- Tarasova V.A. 1973. Protsedurnaya forma deyatel'nosti organov sotsial'nogo obespecheniya [Procedural form of activity of social security authorities]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, 11: 112–115.
- Fatkhudinova O.V. 2000. Teoretiko-pravovye problemy yuridicheskogo protsessa [Theoretical and legal problems of the legal process]. Avtoref. Dissertation candidate of Legal Sciences. Kiev, 18 p.
- Yakimov A.Yu. 1999. Administrativno-yurisdiktsionnyy protsess i administrativno-yurisdiktsionnoe proizvodstvo. [Administrative-jurisdictional process and administrative-jurisdictional proceedings]. *Gosudarstvo i pravo*, 3: 5–10.
- Yakovenko O.V. 1999. Pravovaya protsedura [Legal procedure]. dis. ... cand. jurid. sciences'. Saratov. 219.
- Makogon B.V., Aristov E.V., Chaban E.A., Fedorov M.V., Umarova M.A. 2020. Law Enforcement as Discretion and Legal Process. *International Journal of Criminology and Sociology*, 9: 1918–1921.

Kutko V.V., Makogon B.V., Shishkin A.A., Vasekina E.M., Goryachkovskaya Y.M. 2018. Procedural law development stages. *The Turkish Online Journal of Design, Art and Communication – TOJDAC, March 2018 Special Edition*: 226–230.

Tom R. Tyler. 2003. Procedural Justice, Legitimacy, and the Effective Rule of Law. *Crime and Justice*: 283–357.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.05.2022

Received May 15, 2022

Поступила после рецензирования 25.06.2022

Revised June 25, 2022

Принята к публикации 02.07.2022

Accepted July 2, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кутько Виктория Васильевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Victoria V. Kutko, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Косолапова Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Natalia A. Kosolapova, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Долженко Наталья Игоревна, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Natalia I. Dolzhenko, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Forensic Science and Criminalistics, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

УДК 342.7

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-788-800

Актуальные проблемы конституционно-правового закрепления и реализации соматических прав в Российской Федерации

Масуфранова Е.А., Кораблёва А.А.

Юго-Западный государственный университет,

Россия, 305040, г. Курск, 50 лет Октября, 94

E-mail: a25021985@yandex.ru, k.vaylengil@gmail.com

Аннотация. В современных условиях развития российского общества исследование реализации соматических прав и их правового закрепления представляет особую значимость в силу того, что практически отсутствует их нормативное регулирование и эффективный механизм закрепления в федеральном законодательстве. Данная проблема влечет за собой стихийность и бесконтрольность возникновения правоотношений, основанных на данной категории прав, приводящих к несоответствию права современным требованиям общества. При этом соматическое право является весьма спорной и недостаточно исследованной категорией, в связи с чем целью данного исследования является выявление основных проблемных аспектов законодательного закрепления и реализации некоторых наиболее распространенных соматических прав в Российской Федерации. В процессе комплексного анализа категории соматических прав выявлены: необходимость формулирования легальной дефиниции соматических (личностных) прав в целях предотвращения отождествления их с личными правами человека и гражданина; важность диалога с пациентами и медицинскими работниками по поводу их отношения к легализации эвтаназии, разработке закона «Об эвтаназии»; налаживание связи между государственными, муниципальными органами, их должностными лицами с населением (особенно подростками) с целью получения ими грамотной информации о половом воспитании; необходимость улучшения благосостояния общества для минимизации числа аборт; были установлены причины их возникновения и предложены варианты преодоления связанных с ними правовых пробелов.

Ключевые слова: конституция, права и свободы человека и гражданина, личные права, соматические права, эвтаназия, дискриминация, механизм реализации прав

Для цитирования: Масуфранова Е.А., Кораблёва А.А. 2022. Актуальные проблемы конституционно-правового закрепления и реализации соматических прав в Российской Федерации. *НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право*, 47(4): 788–800. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-788-800

Current Problems of Constitutional and Legal Strengthening and Realization of Somatic Rights in the Russian Federation

Elena A. Masufranova, Anastasia A. Korableva

Southwest State University,

94 50 Let Oktyabrya St, Kursk 305040, Russian Federation

E-mail: a25021985@yandex.ru, k.vaylengil@gmail.com

Abstract. In modern conditions of development of Russian society the study of realization of somatic rights and their legal consolidation is of particular importance due to the fact that there is practically no normative regulation and effective mechanism of their consolidation in the federal legislation. This problem entails spontaneity and uncontrolled emergence of legal relations based on this category of rights, leading to inconsistency of law with modern requirements of society. At the same time, somatic law is a very controversial and insufficiently researched category, in connection with which the purpose

of this study is to identify the main problematic aspects of the legislative consolidation and implementation of some of the most common somatic rights in the Russian Federation. In the process of a comprehensive analysis of the category of somatic rights we have identified: the need to formulate a legal definition of somatic (personal) rights in order to prevent their identification with personal human and civil rights; the importance of dialogue with patients and medical workers regarding their attitude to the legalization of euthanasia and the development of the law «On Euthanasia»; establishing «communication» between state and municipal bodies, their officials and the population (especially teenagers) to provide them with competent information about gender.

Keywords: Constitution, human and civil rights and freedoms, personal rights, somatic rights, euthanasia, discrimination, mechanism for realization of rights

For citation: Masufranova E.A., Korableva A.A. 2022. Current Problems of Constitutional and Legal Strengthening and Realization of Somatic Rights in the Russian Federation. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 788–800 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-788-800

Введение

Права и свободы человека и гражданина, система их гарантий, обеспечение и защита выступают важнейшими составляющими нормального функционирования общества и государства, так как позволяют людям быть уверенными в своем настоящем и будущем, ощущать стабильность. Правомочия, связанные с телом как объектом четвертого поколения прав человека, с каждым годом все более и более актуализируются. Закономерные изменения, происходящие в сознании и поведении современных людей как субъектов соматических правоотношений, неизбежно влекут потребность в законодательном закреплении новых для российского общества институтов, связанных с «телесными правами», и эффективном преобразовании, реформировании уже имеющихся.

В России термин «соматические права» был введен В.И. Круссом. Им же был определен наиболее развернутый перечень таких прав в исследовании «Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы», где указал, что в законодательстве России идет довольно сложный процесс их восприятия. Безусловно, теория соматических прав, до сих пор вызывает резонанс в юридическом сообществе.

Отсутствие нормативного регулирования соматических прав и их детального, продуманного закрепления в федеральном законодательстве влечет стихийность, бесконтрольность возникновения сосредоточенных на них правоотношений и приводит к явному несоответствию права современным требованиям общества, возникновению в нем пробелов и многочисленным юридическим проблемам по причине непонимания, как действовать при реализации людьми тех или иных соматических прав. Саморегуляция же, как показывает практика, не позволяет в должной мере защитить права и законные интересы граждан при возникновении отношений по поводу реализации соматических прав.

Целью работы является выявление основных проблемных аспектов законодательного закрепления и реализации некоторых наиболее распространенных соматических прав в Российской Федерации, а также формулирование предложений по устранению правовых пробелов в сфере защиты соматических прав человека. Для достижения поставленной цели были поставлены следующие задачи:

- раскрыть понятие соматических прав, выделить их объект и отличительные особенности;
- выделить и проанализировать некоторые виды соматических прав, урегулирование которых ставится как крайне актуальный вопрос в Российской Федерации;
- сформулировать и обосновать пути решения проблем законодательного закрепления и реализации соматических прав в России.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступают общественные отношения, связанные с юридическим регулированием личностных прав человека и гражданина.

Предметом данного исследования являются нормы международного и федерального права, которые регулируют общественные отношения по поводу соматических прав, а также историко-правовые и теоретико-правовые проблемы реализации соматических прав в Российской Федерации.

При написании работы использовались методы анализа, индукции, дедукции, классификации, системного подхода, сравнительно-правовой метод, исторический и статистический.

Соматические права в Российской Федерации

Принятая 12 декабря 1993 года Конституция РФ коренным образом изменила большинство аспектов жизни российского общества и государства в целом. Одним из наиболее важных направлений этих изменений стало формирование новой модели отношений человека и государства, отказ от классово-идеологического подхода к правовому статусу личности, приоритета государственных интересов над частными, а также безоговорочное признание естественных прав человека неотчуждаемыми – теми, которые принадлежат ему от рождения, независимо от состояния гражданства.

Так, статья 2 Конституции РФ закрепляет, что человек, его права и свободы объявляются высшей ценностью, а уже во второй главе основные права и свободы человека и гражданина непосредственно конкретизируются и раскрываются: от личных до культурных. Законодатель не просто так отводит им столь высокое место в структуре Конституции России: он дополнительно подчёркивает их важность, особенность и приоритет государства в их обеспечении и защите. Это – одна из основных функций правового демократического государства, которым была провозглашена Россия после судьбоносного 1991 года – года распада СССР.

Концепции прав человека имеют свойство видоизменяться, нередко стихийно, совместно с установлением господства тех или иных политико-правовых идей, движений, ведь право по своей сути имеет свойство со временем подстраиваться под требования современного ему человека, чтобы отвечать настоящему моменту и успешно регулировать возникающие в нём правоотношения. «Этот продолжительный и сложный процесс можно охарактеризовать как борьбу людей и их сообществ за право признания естественных прав и обретение новых прав человека», – писали А.Н. Олейник и Н.Н. Олейник в «Историческом развитии поколений «прав человека». Вполне естественно, что за этот немалый срок – почти три десятилетия – такая подвижная категория, как права человека, не оставалась на месте: она подвергалась «обработке» на социально-культурном, морально-этическом, политическом и юридическом уровнях, переосмысливалась и обростала новыми началами – не всегда приглядными или способными прижиться на территории постсоветского пространства и в частности в России [Олейник А.Н., Олейник Н.Н., 2015, с. 120].

Появление каждого нового поколения прав, естественно, напрямую связывается с изменениями, происходящими с мировоззрением, взглядами и отношением общества или большей его части к тем или иным явлениям, событиям общественной жизни. Кроме того, немалое влияние оказывает такой фактор, как открытия, совершаемые в научной сфере, и развитие биомедицинских, кибернетических технологий, генной инженерии, которые оперативно внедряются в жизнь людей. Это, в свою очередь, влечет своеобразный конфликт науки, морали и закона, который должен своевременно и эффективно регулировать новые правоотношения [Порывакина, 2021].

Соматические права принадлежат к так называемому четвертому поколению прав человека. Впервые в юридическую литературу данный термин был введен В.И. Круссом.

В своей работе «Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы» он предварительно обозначил круг тех прав, которые в современное время можно причислить к соматическим. Среди них он назвал: право на смерть; право на аборт; право на изменение пола; право на гомосексуальные контакты; право на стерилизацию; право на виртуальное моделирование в контексте полного «копирования», «создания» себя в нематериальной, виртуальной форме посредством предназначенных для этого программ и фактического «переноса» жизни в пространство сети Интернет, а также ряд других прав [Крусс, 2000].

Именно научно-технический прогресс проложил путь для возникновения новых общественных отношений – в особенности это коснулось взаимоотношений людей друг с другом, места и правового положения личности в обществе и государстве. Благодаря современному уровню технологий люди получили возможность свободно распоряжаться и своим телом (бариатрические, пластические операции, контурная пластика частей тела, смена пола и т.д.), и своей жизнью вплоть до добровольного отказа от неё (посредством эвтаназии). Важное место здесь занимают и репродуктивные технологии, с помощью которых, например, женщины, страдающие от бесплодия, могут быть оплодотворены искусственно (экстракорпоральное оплодотворение). Одновременно, перешагнув четверть века, учёные всё с большим энтузиазмом говорят о предпосылках достижений в области клонирования человека [Бабаджанов, Сальников, 2016].

Давая определение категории соматических прав (от греч. *soma* – тело), В.И. Крусс писал: «...Можно выделить особую группу таких, которые основываются на фундаментальной мировоззренческой уверенности в «праве» человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осуществлять его «модернизацию», «реставрацию» и даже «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами» [Крусс, 2000, с. 43]. Уже О.Э. Старовойтова в своих исследованиях говорила о том, что не следует причислять соматические права исключительно к веянию новейшего времени: часть из них была известна со времён Древней Греции и Древнего Рима. В то же время нельзя не признать, что другие из них стали активно актуализироваться примерно с 90-х годов двадцатого столетия, закрепились в начале XXI века и нередко вызывают спорное отношение к ним современного человека [Волынец, 2018].

Обращаясь к правовой доктрине, можно сделать вывод о том, что в основном под соматическими правами в узком смысле принято понимать возможность определённого поведения индивида, которая признаётся за ним обществом и государством и выражается в свободном распоряжении собственным телом согласно его желанию и выбору.

На современном этапе развития Российской Федерации не сложилось оптимизированного, эффективного механизма реализации и защиты соматических прав. Стоит сказать, что далеко не все из них нашли отражение в российском законодательстве, а некоторые из них были сформулированы в негативной форме (например, запрет эвтаназии прописан в ст. 45 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»).

Среди основных проблем реализации соматических прав считаем нужным выделить следующие:

- низкий уровень взаимодействия с мировым сообществом по поводу опыта закрепления соматических прав на законодательном уровне;
- отсутствие механизма и реализации восстановления и защиты нарушенных прав в связи с нерешённым вопросом юридического закрепления;
- отсутствие системы гарантий;
- высокое внимание к оценке со стороны общества (высокий уровень общественного порицания за некоторые виды реализации соматических прав);

– фактическое существование в обществе, несмотря на отсутствие юридического, официального аспекта, порождает ещё большую стихийность их формирования, развития и модернизации.

В связи с этим крайне важно уделить особое внимание формулированию понятия, отличительных особенностей и характеристик соматических прав не только в правовой доктрине, но и на законодательном уровне.

Современные подходы к пониманию категории «соматические права»

В развитии репродуктивных прав как составляющей личностных весомую роль сыграло становление лоббизма в США. В частности, в XIX в. организовывались движения профессиональных врачей, отстаивающих лицензионную профессиональную медицину как единственную, способную наиболее безопасно и эффективно оказывать услуги, в том числе связанные с абортами. Сторонники абортот, являвшиеся непрофессиональными врачами, именовались ими худшим риском для здоровья и жизни, веянием безнравственного и аморального [Познер, 2004]. Ничего удивительного: женщины, забеременевшие в результате насильственных действий или непреднамеренно в результате добровольного полового контакта, предпочитали обращаться к самоучкам, к «домашним» знахарям и прочим лицам, обладающим сомнительными профессиональными навыками и в основном лишенным всякого образования в этой сфере. Страх перед общественным мнением, перед ответственностью, с которой им бы наверняка предстояло столкнуться, вынуждал их прибегать к абсолютно небезопасным способам прерывания беременности.

В России легализация абортот произошла после революции – в 1920 году, после издания Постановления Наркомздрава и Наркомюста. За женщинами официально признавалось право на искусственное прерывание беременности. Впрочем, в 1936 году на абортот был наложен запрет [Романовский, 2003].

Исходя из сказанного, можно утверждать, что категория личностных прав в российской системе права не является новой. Так или иначе на разных исторических этапах наиболее значимые из них нормативно формулировались и регулировались с преобладанием метода запретот.

Как было сказано ранее, В.И. Крусс первым предложил использовать термин «соматические (личностные) права» в отношении четвертого поколения прав человека и дал им довольно развернутое определение [Крусс, 2000]. С критикой его теории в 2005 году выступил М.А. Лаврик, предложивший отказаться от использования дефиниции «личностные», исходя из мнения о визуально-вербальной схожести их с «личными» и о возможной путанице, к которой это может привести. Он утверждал, что в настоящий момент тяжело судить о том, относится ли тело человека к сугубо личностным его характеристикам [Лаврик, 2005]. Одновременно именно ему принадлежит выделение наиболее полной, детальной классификации соматических прав и раскрытие их сущности.

Рассмотрим эту классификацию:

1) право человека на смерть (в доктрине оно раскрывается следующим образом: право на смерть есть возможность человека самостоятельно, добровольно, свободно и в определенный им момент времени уйти из жизни (умертвить себя) выбранным им способом) [Зоиров, Щендригин, 2013, с. 158];

2) права человека, связанные с его сексуальностью, или сексуальные права (в контексте соматических прав – возможность получать сексуальное образование, решение об активной сексуальной позиции или асексуальности, каминг-аут, проблема легализации проституции, регулирование актуального вопроса по поводу сексуальных меньшинств, выбор партнёра и т.д.);

3) право на смену пола;

4) репродуктивные права, среди которых ученый выделяет репродуктивные права позитивного (ЭКО – искусственное оплодотворение) и негативного характеров (стерилизация, аборт);

5) права человека, связанные с его органами и тканями (донорство органов и тканей живого человека, донорство органов и тканей трупа и право на изъятие их у него, моральная составляющая);

6) право на употребление наркотиков и психотропных веществ;

7) право на клонирование [Девятовская, 2018].

К этой классификации Е.М. Нестерова добавляет право на генетические и косметологические модификации тела человека, говоря о том, что в XXI веке многие люди активно прибегают к реставрации своих тел с помощью пластической хирургии [Нестерова, 2014]. В своих исследованиях она же обозначила ряд признаков, которые свойственны этой категории прав: специфика объекта; наличие возможности их осуществления при помощи технологического прогресса (в области биологии, химии, генетики, медицины и т.д.); нередко отрицательное отношение к ним со стороны религии, морали. Нельзя не сказать, что в науке до сих пор не сложилось единое отношение к феномену соматических прав.

А.И. Ковлер причислил соматические права к одной из разновидностей личных прав. В качестве аргумента им приводилось, что к личным правам относят право на жизнь как важнейшее и естественное для человека, право на свободу и личную неприкосновенность, которые выступают фундаментом для личностных прав и без которых эта категория не мыслится [Ковлер, 2002]. Однако несмотря на то, что его точка зрения имеет место, считаем ее весьма спорной, потому что объем соматических прав выходит за исключительные пределы права на жизнь. В него однозначно не вписывается донорство органов и тканей после смерти. Нельзя с уверенностью включить в него и право на клонирование или виртуальное моделирование.

По мнению В.И. Крусса, эта категория прав в силу своей специфики вряд ли найдёт место в традиционной классификации прав и свобод, свойственной для российского правообразования. Если не принимать во внимание достаточно частое формулирование личностных прав в негативной форме, все-таки по своей природе они позитивны, потому как состоят в определенных притязаниях личности к обществу и государству [Деркач, Луковская, 2019]. В этом наглядно проявляется их дуалистический характер – сочетание первого и второго поколения прав человека.

В противовес ему выступают научные обоснования некоторых ученых, ссылающихся на то, что стремительный научный прогресс задает свои правила и тем самым буквально навязывает государству необходимость скорейшего придания соматическим правам нормативного характера в целях недопущения ситуации их «живого» бесконтрольного для государства регулирования самим обществом. Несомненно, достижения в области медицинских технологий дали немало положительного: от шанса восстановить зрение посредством операций до получения возможности продолжать нормальную жизнь благодаря, например, донорству жизненно важных органов. Но стоит признать, что другие проявления прогресса повлекли неминуемое возникновение как юридических, так и морально-этических проблем, которые требуют решения [Ильченко, 2016].

Таким образом, мнения ученого сообщества на понимание соматических прав терпели изменения. Часть из них поддержали теорию В.И. Крусса, согласившись, что необходимо рассматривать соматические (личностные) права через призму философии и конституционного права. Другие, напротив, углубились в медицинскую составляющую. И всё же надо признать, что до сих пор конституционно-правовой концепции определения правовой природы личностных прав отводится ведущая позиция с уклоном в обоснование признания их на законодательном уровне и обозначение круга проблем их реализации в современной России.

Отдельные виды соматических прав и актуальные проблемы их реализации на территории Российской Федерации

Соматические права определяются особым объектом – телом человека и связанными с ним отношениями по поводу его изменения, модификации и т.п. Обратимся к некоторым из их видов.

В последние годы в России на правовой повестке всё чаще встает вопрос о запрете абортов. Ранее было отмечено, что тема искусственного прерывания беременности в ретроспективе достаточно подвижна. В Постановлении Наркома Здравоохранения РСФСР и Наркома юстиции РСФСР от 18 ноября 1920 года № 471 «Об охране здоровья женщин» указывалось, что в связи с ростом числа женщин, прибегающих к прерыванию беременности, и временным отказом от карательных мероприятий для женщин и врачей, решившихся на совершение этого деяния, в РСФСР разрешаются аборты, но исключительно в советских больницах и профессиональными врачами. Целью этого называлось стремление снизить смертность женщин (она составляла 4 %) и возникновение у них болезней (около 50 % женщин заболели) из-за неправильного проведения операций по искусственному прерыванию беременности в домашних условиях.

Впрочем, такая лояльность показала обратные результаты: в 1924 году только в Москве было зарегистрировано 14 тысяч абортов, а уже в 1927 году эта цифра перешагнула 46 тысяч. В 1929 году А. Генс писал: «...Приходится констатировать, что аборт в деревне стал бытовым явлением» [Генс, 1929]. В 1934 году по статистике на одно рождение стало приходиться три аборта [Урланис, 1963]. Женщины активно пользовались предоставленным им правом. Такие показатели не могли не насторожить руководство республики, и с 1930-х годов стали приниматься активные меры по снижению статистики: возник запрет на прерывание первой беременности, затем операции сделали платными и, как итог, 27 июня 1936 года Постановлением ЦИК и СНК СССР аборты были официально запрещены.

В современной России практика искусственного прерывания беременности вновь получила легальный окрас. В статье 56 Федерального Закона № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» право женщин на материнство формулируется позитивно: «Каждая женщина самостоятельно решает вопрос о материнстве». Женщины свободны в добровольном изъявлении желания прервать беременность, но при этом должен быть соблюден ряд обязательных условий: срок беременности до двенадцати недель – по желанию женщины при ее обращении в медицинскую организацию; срок беременности до двадцати двух недель – по социальным показателям; независимо от срока беременности – по медицинским показателям.

К социальным показателям, согласно Постановлению Правительства от 6 февраля 2012 года № 98, относят изнасилование как деяние, запрещенное УК РФ. Однако, в соответствии со статьей 20 УПК РФ, деяние, предусмотренное частью 1 статьи 131 УК РФ, является делом частного-публичного обвинения и возбуждается не иначе как по заявлению потерпевшей или ее представителя. Это порождает высокий уровень латентности данного преступления и дает противникам абортов лишний аргумент для борьбы за исключение социального показателя из законодательства. Широкий перечень медицинских показателей приведен в Приказе Минздравсоцразвития РФ от 03.12.2007 № 736 «Об утверждении перечня медицинских показаний для искусственного прерывания беременности».

Так, в августе 2022 года группа депутатов во главе с В. Милоновым выразила намерение вновь внести на осенней сессии проект закона о запрете абортов по полису обязательного медицинского страхования. В интервью В. Милонов заявил, что в рамках законопроекта поднят вопрос о выводе абортов из системы обязательного медицинского страхования по немедицинским показателям. «Хочу посмотреть, кто будет достаточно бессовестным, чтобы выступить против этого законопроекта», – поделился депутат, чем немед-

ленно привлек внимание общественности, и, что логично, – вызвал осуждение. С отрицательными оценками его слов выступили журналисты ряда крупных газет и информационных порталов (Lenta.ru, РБК, Коммерсантъ и др.).

Совершенно очевидно, что парламентарии целенаправленно игнорируют социальный показатель и не считают нужным заботу государства о жертвах изнасилований. Более того, из предложения следует, что ими не проводился анализ ни на краткосрочную, ни на долгосрочную перспективу, не анализировался исторический опыт, данные международных организаций. Так, по исследованиям ВОЗ, в мире 45 % беременностей прерываются небезопасно. Эта статистика прежде всего складывается из данных тех 25 государств, в которых официально запрещен аборт (Египет, Ирак и т.д.). В тех государствах, где наблюдается частичное разрешение аборт, все же не исключается так называемый «психический показатель» для женщин, ставших жертвами изнасилований и забеременевших в результате их совершения. Надо ли говорить о том, что с увеличением количества стран, отменяющих право женщин на прерывание беременности, возрастет и число обращений к непрофессионалам, оказывающих опасную услугу «на дому»? Соответственно, произойдет подъем женской смертности или, как альтернативный вариант, возрастет объем «отказников» – нежеланных детей, от которых будут отказываться и забота о которых по Конституции РФ будет возложена на государство. Мы считаем это логичным следствием и констатируем, что в современных условиях, учитывая менталитет, особенности общества, статистику преступлений против половой неприкосновенности и положительное отношение преобладающей части женского населения России к искусственному прерыванию беременности, вопрос о запрете аборт не может быть решен, так как это повлечет более опасные и экономически невыгодные последствия для государства.

К таким же острым проблемам современности надо отнести проблему смены пола. В большинстве государств эта разновидность соматических прав запрещена как противостественная. По Международной классификации болезней транссексуализм принадлежит к расстройствам половой идентификации и признается болезнью. Согласно этому документу, под транссексуализмом понимается стремление жить и восприниматься обществом в качестве лица противоположного пола. Обычно это сопровождается критическим, дискомфортным восприятием своего тела, что приводит к возникновению желания путем хирургического вмешательства и курса гормональной терапии добиться соответствия предпочитаемому полу.

Борьба за права транссексуалов зародилась во второй половине XX века. «Равенство и отсутствие дискриминации» – под такими лозунгами выступали правозащитные организации и были успешны в своих стремлениях. Эти положения были закреплены во Всеобщей декларации прав человека, в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. В 2006 году приняты Джокьякартские принципы, ставшие базовыми для гендерной идентичности и сексуальной ориентации, в 2008 году в рамках ООН принята Декларация по вопросам сексуальной ориентации и гендерной идентичности, которую подписали 66 государств. Россия и некоторые другие государства, такие как Китай, не присоединились к Декларации, так как, аргументировали послы, выделение особых групп, меньшинств в рамках действия прав и свобод человека противоречит их универсальности. Впрочем, это совсем не означало их непризнание.

В настоящий момент в России действуют клиники, проводящие операции по изменению пола. Приказом Минздрава от 23 октября 2017 года регулируется форма и порядок выдачи медицинской организацией документа об изменении пола, указывающего, что данный вид деятельности возможен исключительно по лицензии, которой предусмотрено выполнение работ (оказание услуг) по психиатрии и в результате установления факта половой переориентации лица. Половую переориентацию устанавливает врачебная комиссия, состоящая из врача-психиатра, врача-сексолога и медицинского психолога.

Главной особенностью реализации этого соматического права выступает крайне негативное отношение к нему российского общества, вплоть до проявления активной агрессии. Не только граждане, но и политики, и СМИ – лицо государства – допускают откровенно дискриминационные, нетактичные высказывания в отношении транссексуальных лиц, подчеркивают их «ненормальность» и «вред» для «нормальных» людей. Общество, преимущественно старшие поколения «х» и «у», отказываются проявлять терпимость к меньшинствам. По исследованиям Н.А. Калайтановой в 2017 году 110 тыс. мужчин сменили пол на женский и 240 тыс. женщин – на мужской [Романовский, 2003].

Проблем, касающихся юридического аспекта смены пола, не меньше, чем проблем, относимых к моральному.

Во-первых, необходимо разграничивать дефиниции «транссексуал» и «трансгендер». Транссексуалом можно считать лицо, которое решило изменить свой природный пол хирургическим или гормональным методом. Трансгендер – это человек, рожденный с одним полом, но ощущающий и осознающий свою принадлежность к противоположному полу, поведение и сознание которого соответствуют (или совпадают) с поведением и сознанием лиц противоположного пола, характеризующими их гендерную идентичность.

Во-вторых, существование Приказа Минздрава не ликвидирует правовые пробелы, относимые к смене пола. На законодательном уровне, подчеркивают М.А. Лаврик и Е.А. Отставнова, отсутствуют правила проведения операций, система гарантий, закрепление правового положения лиц после операций, а ведь это – серьезное упущение. Ни в Гражданском, ни в Семейном, ни в Трудовом кодексах, не говоря уже о Конституции, нет положений, которые могли бы урегулировать актуальные вопросы смены пола. Нет и какого-либо отдельного закона, что влечет незащищенность транссексуальных меньшинств, многочисленные вопросы работодателей, чьи работники сменили пол, и откровенное противоречие этого процесса принципам семейного законодательства. В связи с внесением поправок в Конституцию в 2020 году открытым остается вопрос о том, следует ли понимать брак с лицом, сменившим пол, как соответствующий конституционному определению, т. е. как союз мужчины и женщины.

Также в рамках исследования нельзя не коснуться права на смерть, которое в контексте работы будем рассматривать через легализацию эвтаназии как одной из сторон этого соматического права. Право на жизнь принадлежит к естественным правам человека и сформировалось достаточно давно. В конституционном праве Российской Федерации его причисляют к базовым личным правам человека, что вполне обоснованно. В то же время право на смерть как антипод относят к соматическим (личностным) правам, и этому есть довольно простое объяснение. Процесс рождения не контролируется самим человеком. Его не связывают воля или желание новорожденного – это происходит естественно, в силу природы и волеизъявления (или отсутствия такового) его родителей. В противоположность, человек на определенном этапе жизни уже способен полноценно распоряжаться собственным телом вплоть до определения момента и способа своей смерти, если он выразит такое желание.

В Российской Федерации действует Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», в котором в статье 45 напрямую прописан запрет эвтаназии, а уже практика рассмотрения уголовных дел заключает, что человек, согласившийся помочь другому человеку осуществить эвтаназию, будет осужден по статье 105 УК РФ «Убийство». Отдельной ответственности уголовным законодательством не предусмотрено. Вместе с тем ученые не перестают дискутировать на тему легализации эвтаназии в Российской Федерации, но до сих пор попытки предложения законопроектов не нашли поддержки ни в обществе, ни среди парламентариев.

Прежде всего хочется обратить внимание на то, что главным образом обсуждается закрепление реализации эвтаназии по медицинским показателям. Сейчас складывается такая ситуация, что неизлечимо больной пациент, обладая правом умереть собственной

смертью, совершенно лишен права ускорить ее [Риффель, Рачин, 2018], тем самым избавившись от физических страданий и психической нагрузки. Хотя нравственность ставится под вопрос, все-таки нельзя не сослаться на первоочередную задачу, даже обязанность, медицинских работников – стремление спасти жизнь человека, а в случае объективной невозможности этого, облегчить его боль. Еще Ф. Бэкон относил облегчение страданий пациентов к обязанностям врачей. Эвтаназия обозначает легкую, безболезненную смерть, которая способна предотвратить длительные физические мучения и нравственные страдания больного человека и его семьи. Отсюда вытекают свойственные ей черты: добровольность; совершается врачом по просьбе пациента или самим пациентом под контролем и наблюдением врачей; перед принятием решения об эвтаназии должна быть дана по возможности наиболее объективная оценка состояния его здоровья. Таким образом почти исключается шанс на эвтаназию для лиц, которые имеют реальную и обоснованную надежду на выздоровление и возвращение к нормальной жизни. Для тех же пациентов, чьи дни проходят в мучительном ожидании смерти, в наблюдениях за переживаниями и нравственными страданиями близких им людей, эвтаназия превращается в гуманное спасение, которое способно дать облегчение и позволить умереть спокойно, без агонии.

Однако к решению этой проблемы, как и к другим соматическим правам, требуется вдумчивый, последовательный и эффективный подход. Мировая практика не демонстрирует тех результатов, на которые стоило бы полагаться или опираться: в странах с легализованной эвтаназией нет четкой формулировки этой дефиниции; нет критериев, по которым то или иное действие с целью умерщвления себя в силу медицинских показателей можно расценивать как эвтаназию; часто не определен круг лиц, которыми она может быть совершена.

Рассмотрев некоторые из видов соматических прав, которые, на наш взгляд, являются актуальными для России, можно прийти к выводу, что нормативное закрепление личностных прав в Российской Федерации не лишено смысла. Неоднозначность отношения к ним ярко демонстрируется на примере права на смену пола, которое практически не регулировано ни в одном из аспектов.

Заключение

Таким образом, резюмируя все вышесказанное, можно прийти к определенным выводам и констатировать некоторые предложения. Для того, чтобы в Российской Федерации у граждан была возможность эффективно реализовывать соматические права, необходимо следующее:

Во-первых, законодательно закрепить дефиницию соматических (личностных) прав в целях предотвращения отождествления их с личными правами человека и гражданина. Включение соматических прав в личные, как пишут отдельные ученые, представляется неверным, так как они выходят за рамки личных и распространяются на правомочия в отношении тела в том числе после его физической смерти. В качестве варианта такого определения предлагается использовать следующее: «Соматические права – это возможность определённого поведения индивида (личности), которая признаётся за ним (ней) обществом и государством и выражается в свободном распоряжении собственным телом согласно его (её) желанию и выбору». Единое понимание их в контексте российского законодательства создаст юридически правильную почву для дальнейшего решения вопроса по развитию системы законодательных актов, касающихся соматических (личностных) прав.

Во-вторых, стоит признать, что большое количество аборт в России совершается не по социальному или медицинскому показателю, а по самостоятельному желанию женщины. В 2020 году в России зафиксировано 553 тыс. случаев прерывания беременности. Данные Росстата за 2021 год разнятся: исследователи и врачи называют примерную цифру от 430 до 450 тыс. абортов. Причиной этому прежде всего выступает низкий уровень жиз-

ни населения. Так, в Тыве и Еврейской автономной области, где за чертой бедности находятся более 22 % людей, на 1000 женщин приходилось 14 операций по искусственному прерыванию беременности. В Магаданской области и Забайкальском крае – 13 аборт на 1000 женщин. Обратную статистику показывают более консервативные в плане традиций и религиозные субъекты Российской Федерации: в Ингушетии и Дагестане среди 1000 женщин только 3 решались на аборт, – а также регионы с более высоким уровнем доходов населения: Белгородская, Московская области, Приморский край и другие.

Отсюда, а также из ранее выдвинутых в работе тезисов, следует, что запрет аборт по ОМС – это не решение, ведь фундаментом служат более глубокие социальные проблемы населения. Отсутствие рабочих мест, низкий уровень доходов, плохие бытовые условия, отсутствие качественного медицинского обслуживания в населенных пунктах регионов, нестабильность экономики, низкий уровень работы социальных программ для населения, отсутствие «сексуального» образования для подростков «возраста согласия», целью которого могло бы быть разъяснение общей физиологии мужчин и женщин и рассмотрение способов предохранения при совершении полового акта, – всё это выступает той базовой первопричиной, по которой аборт по-прежнему «популярны» среди женского населения. Плодотворная работа государственных органов, органов власти субъектов и их должностных лиц по разработке, внедрению и реализации социальных и образовательных программ, направленных на улучшение благосостояния населения и получение необходимой информации, связанной с половым взрослением, считаем, вполне могло бы способствовать снижению количества аборт.

В-третьих, на наш взгляд, важен качественный диалог с пациентами и медицинскими работниками по поводу их отношения к легализации эвтанази. Статистика опросов год за годом демонстрирует, что как население, так и врачи все чаще говорят о теоретической возможности этого, ведь по своей сути эвтаназия не может полноценно рассматриваться как убийство и более того – признается международной практикой как акт милосердия и гуманизма. Профессиональная точка зрения медицинских работников и «живая», эмоционально-субъективная точка зрения неизлечимо больных пациентов помогла бы в лучшей степени определить перспективы легализации эвтаназии и более точно определить ее условия, компоненты.

Нельзя не заметить, что даже с учетом запрета эвтаназии на территории России, уголовного ее преследования в уголовном законодательстве не содержится отдельного состава, который бы содержал ее признаки, субъектов и санкции за совершение этого деяния, что, опять же, мыслится совершенно неправильным, так как влечет излишнюю свободу трактования этого деяния судами. Важно напомнить, что в России судебный прецедент не является источником права, и, следовательно, в каждом отдельном случае суд волен самостоятельно определять судьбу обвиняемых по делам об эвтаназии. Это порождает недоверие к справедливости судебных решений.

Отечественные юристы, поддерживающие легализацию эвтаназии, выступают за разработку Федерального закона «Об эвтаназии», в котором бы были отражены следующие важные моменты: понятие эвтаназии; условия эвтаназии; субъекты, правомочные решать вопрос об эвтаназии, т. е. соответствия состояния здоровья пациента условиям эвтаназии, и содействовать пациенту в его добровольном уходе из жизни при получении им разрешения; гарантии для субъектов; средства эвтаназии; ответственность за неправомерную эвтаназию.

Таким образом, считаем, что данные предложения являются весьма рациональными, особенно исходя из того, что соматические права являются быстроразвивающейся, подвижной категорией и их урегулирования не может отлагаться «на перспективу».

Практическая значимость работы раскрывается в том, что выводы и предложения, полученные и сформулированные в результате исследования проблематики темы, могут быть применены законодателем с целью ликвидации пробелов в праве и решения проблемы нормативного закрепления отдельных видов соматических прав.

Список литературы

- Ананских И.А., Чернова О.Ю. 2013. Соматические права в системе прав человека. Юридическая наука: история и современность, 12: 11–17.
- Бабаджанов И.Х. Сальников В.П. 2016. Клонирование человека: теория правового регулирования. Мир политики и социологии, 9: 173–182.
- Вольнец А.А. 2018. Правовые аспекты эвтаназии. Медицинское право: теория и практика, 2(8): 156–160.
- Генс А. Б. 1929. Проблема аборта в СССР. Госмедиздат, 90 с.
- Девятковская К.В. 2018. Соматические права как новое поколение прав человека. Вестник Полоцкого государственного университета, 13: 180–188.
- Деркач Н.Г., Луковская Д.И. 2019. Соматические права в системе прав человека. Юридическая наука: история и современность, 1: 30–36.
- Зоиров Д.М., Щендригин Е.Н. 2013. Смертная казнь и право на жизнь: юридическая теория и правоприменительная практика. Юридическая наука: история и современность, 10: 158–162.
- Ильченко К.В. 2016. Право собственности на тело в контексте соматических прав человека. Новая наука: опыт, традиции, инновации: 10(2): 174–176.
- Калайганова Н.А. 2017. Смена пола. Повторный процесс социализации трансгендеров. Проблемы и перспективы развития гуманитарных и социально-экономических наук, ООО Агентство перспективных научных исследований (АПНИ), 154 с.
- Ковлер А.И. 2002. Антропология права. НОРМА, 480 с.
- Крусс В.И. 2000. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы. Государство и право, 10: 43–50.
- Лаврик М.А. 2005. К теории соматических прав человека. Сибирский юридический вестник, 3: 24–25.
- Лосяков А.В. 2019. Правовое регулирование смены (изменения) пола в Российской Федерации и в мировой практике. Вестник Международного юридического института, 2(69): 140–148.
- Нестерова Е.М. 2014. Личностные (соматические) права в системе прав человека. дис. ... канд. юрид. наук, 197 с.
- Олейник Н.Н., Олейник А.Н. 2015. Историческое развитие поколений «Прав человека». Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право, 14(211): 120–128.
- Познер Р.А. 2004. Экономический анализ права. СПб., 524 с.
- Порывакина Т.С. 2021. Соматические права, как новое поколение прав человека. Скиф. Вопросы студенческой науки, 5(57): 417–420.
- Риффель А.В., Рачин А.П. 2019. Современные проблемы законодательного регулирования медицинской деятельности в Российской Федерации. М., ГЕОТАР-Медиа, 192 с.
- Романовский Г. Б. 2003. Гносеология права на жизнь. СПб., 370 с.
- Урланис Б.Ц. 1963. Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. Москва, Госстатиздат, 136 с.

References

- Ananskih I.A., Chernova O.Yu. 2013. Somaticheskie prava v sisteme prav cheloveka [Ananskih I.A., Chernova O.Yu. 2013. Somaticheskie prava v sisteme prav cheloveka]. *Juridicheskaja nauka: istorija i sovremennost'*, 12: 11–17.
- Babadzhanov I.H. Sal'nikov V.P. 2016. Klonirovanie cheloveka: teorija pravovogo regulirovanija [Klonirovanie cheloveka: teoriya pravovogo regulirovaniya]. *Mir politiki i sociologii*, 9: 173–182.
- Volynec A.A. 2018. Pravovye aspekty jevtanazii [Pravovye aspekty evtanazii]. *Medicinskoe pravo: teorija i praktika*, 2(8): 156–160.
- Gens A. B. 1929. Problema aborta v SSSR [Problema aborta v SSSR]. Gosmedizdat, 90 p.
- Devjatovskaja K.V. 2018. Somaticheskie prava kak novoe pokolenie prav cheloveka [omaticheskie prava kak novoe pokolenie prav cheloveka]. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta*, 13: 180–188.
- Derkach N.G., Lukovskaja D.I. 2019. Somaticheskie prava v sisteme prav cheloveka [Somaticheskie prava v sisteme prav cheloveka]. *Juridicheskaja nauka: istorija i sovremennost'*, 1: 30–36.
- Zoirov D.M., Shhendrigin E.N. 2013. Smertnaja kazn' i pravo na zhizn': juridicheskaja teorija i pravoprimeritel'naja praktika [Smertnaya kazn' i pravo na zhizn': yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika]. *Juridicheskaja nauka: istorija i sovremennost'*, 10: 158–162.

- Pl'chenko K.V. 2016. Pravo sobstvennosti na telo v kontekste somaticheskikh prav cheloveka [Pravo sobstvennosti na telo v kontekste somaticheskikh prav cheloveka]. *Novaja nauka: opyt, tradicii, innovacii*, 10(2): 174–176.
- Kalajtanova N.A. 2017. Smena pola. Povtornyj process socializacii transgenderov. Problemy i perspektivy razvitiya gumanitarnyh i social'no-jekonomicheskikh nauk [Smena pola. Povtornyj process socializacii transgenderov. Problemy i perspektivy razvitiya gumanitarnyh i social'no-jekonomicheskikh nauk], OOO Agentstvo perspektivnyh nauchnyh issledovanij (APNI), 154 p.
- Kovler A.I. 2002. Antropologija prava [Antropologiya prava]. NORMA, 480 p.
- Kruss V.I. 2000. Lichnostnye («somaticheskije») prava cheloveka v konstitucionnom i filosofsko-pravovom izmerenii: k postanovke problem [Lichnostnye («somaticheskije») prava cheloveka v konstitucionnom i filosofsko-pravovom izmerenii: k postanovke problemy]. *Gosudarstvo i pravo*, 10: 43–50.
- Lavrik M.A. 2005. K teorii somaticheskikh prav cheloveka [K teorii somaticheskikh prav cheloveka]. *Sibirskij juridicheskij vestnik*, 3: 24–25.
- Losjakov A.V. 2019. Pravovoe regulirovanie smeny (izmenenija) pola v Rossijskoj Federacii i v mirovoj praktike [Pravovoe regulirovanie smeny (izmenenija) pola v Rossijskoj Federacii i v mirovoj praktike]. *Vestnik Mezhdunarodnogo juridicheskogo instituta*, 2(69): 140–148.
- Nesterova E.M. 2014. Lichnostnye (somaticheskije) prava v sisteme prav cheloveka. [Lichnostnye (somaticheskije) prava v sisteme prav cheloveka]. Dis. ... cand. jurid. sciences'. 197 p. (in Russian)
- Olejnik N.N., Olejnik A.N. 2015. Istoricheskoe razvitie pokolenij «Prav cheloveka» [Istoricheskoe razvitie pokolenij «Prav cheloveka»]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Pravo*, 14(211): 120–128.
- Pozner R.A. 2004. Jekonomicheskij analiz prava [Jekonomicheskij analiz prava]. SPb., 524 p. (in Russian)
- Poryvakina T.S. 2021. Somaticheskije prava, kak novoe pokolenie prav cheloveka [Somaticheskije prava, kak novoe pokolenie prav cheloveka]. *Skif. Voprosy studencheskoj nauki*, 5(57): 417–420.
- Riffel' A.V., Rachin A.P. 2019. Sovremennye problemy zakonodatel'nogo regulirovanija medicinskoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii [Sovremennye problemy zakonodatel'nogo regulirovanija medicinskoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii]. M., GEOTAR-Media, 192 p.
- Romanovskij G. B. 2003. Gnoseologija prava na zhizn' [Gnoseologiya prava na zhizn']. SPb., 370 p.
- Uralnis B.C. 1963. Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR [Rozhdaemost' i prodolzhitel'nost' zhizni v SSSR]. M., Gosstatizdat, 136 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 01.09.2022
Поступила после рецензирования 25.09.2022
Принята к публикации 10.10.2022

Received September 1, 2022
Revised September 25, 2022
Accepted October 10, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Масуфранова Елена Александровна, доцент кафедры конституционного права, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия

Elena A. Masufranova, Candidate of historical Sciences, Associate Professor, department of constitutional law, Southwest State University, Kursk, Russia

Кораблёва Анастасия Андреевна, студентка юридического факультета, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия

Anastasia A. Korableva, student of the Faculty of Law, Southern State University, Kursk, Russia

УДК 340.12

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-801-811

Общественное право в воззрениях полицейстов

Трофимова С.А.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина
308024, Россия, Белгород, ул. Горького, 71
E-mail: sssvetlana.trofimova@mail.ru

Аннотация. Исследованы предпосылки становления, генезиса и эволюции учения об общественном праве в зарубежной и отечественной политико-правовой мысли. Существовавший в период абсолютизма в Западной Европе и самодержавия в России полицейский тип управления государством в XIX веке сменился децентрализацией власти. В связи с этим переосмыслению были подвержены взгляды на сущность общества, его значение и потенциал. В работе рассмотрены воззрения правоведов на роль общества во внутреннем управлении, анализируются положения теории общественного права, отмечаются ее положительные и отрицательные черты. Исследование проведено на основе трудов отечественных ученых дореволюционного периода, а также работ зарубежных полицейстов. Автор пришел к выводу, что теория общественного права была сформулирована в качестве учения, оппозиционной идеи полицейского государства, и была объективно обоснована в условиях кардинальных политико-правовых и социально-экономических перемен. Это учение имело весомое историко-правовое значение, поскольку стало первой попыткой обосновать с научных позиций право общества на самостоятельность и самоуправление.

Ключевые слова: полицейское право, государство, общественное право, народ, общество, общественные союзы, самоуправление, Г. Рёзлер, В.Н. Лешков, М.М. Шпилевский

Для цитирования: Трофимова С.А. 2022. Общественное право в воззрениях полицейстов. НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(4): 801–811. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-801-811

The Public Law in the Views of the Polizei

Svetlana A. Trofimova

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry internal affairs
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation
E-mail: sssvetlana.trofimova@mail.ru

Abstract. Article is devoted to research of preconditions of formation, genesis and evolution of the doctrine of public law in foreign and domestic political and legal thought. Existing in the period of absolutism in Western Europe and autocracy in Russia police type of state management in XIX century was replaced by decentralization of power. In connection with this, views on the essence of society, its significance and potential were subjected to reconsideration. The work considers legal scholars' views on the role of society in the internal government, analyzes the provisions of the public law theory, notes its positive and negative features. The research is carried out on the basis of works of domestic scientists of the pre-revolutionary period, as well as the works of foreign policies. The author has concluded that the theory of public law was formulated as a doctrine opposing the idea of police state and was objectively justified in conditions of cardinal political-legal and socio-economic changes. This doctrine had a weighty historical and legal significance because it was the first attempt to substantiate from scientific positions the right of society to autonomy and self-government.

Keywords: police law, state, public law, people, society, public unions, self-government, G. Roesler, V.N. Leshkov, M.M. Shpilevsky

For citation: Trofimova S.A. 2022. The Public Law in the Views of the Polizei. NOMOTNETKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 801–811 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-801-811

Введение

Вопросы, касающиеся оптимальной формы организации управления в государстве, на сегодняшний день продолжают оставаться актуальными и дискуссионными как среди научного сообщества, так и в высших эшелонах власти. Принятие поправок в Конституцию РФ, внесение изменений в отраслевое законодательство обусловлено стремлением к совершенствованию форм взаимодействия государственных и муниципальных органов, достижению компромисса интересов населения соответствующей территории и государства [Козлова, 2022]. Как отмечал И.Т. Тарасов, «правильная организация управления состоит не в господстве и преобладании какого-либо начала, правительственного или местного, а в правильном их сочетании» [Тарасов, 1897, с. 45]. Осмысление современных реалий государственного строительства, определение направлений развития и прогнозирование успешного будущего в сфере взаимодействия государства и общества невозможны без учета исторических традиций и концептуального осмысления научного опыта, накопленного зарубежными и отечественными правоведами.

Полицейское государство как предмет исследования в полицейско-правовой теории

В Западной Европе и России с научной точки зрения данные проблемы стали осмысливаться не ранее XVII века. Первые работы в сфере управления носили смешанный характер, поскольку исследовали проблематику сугубо с политических, исторических и религиозных позиций [Горбунов, 1906]. В конце XVII столетия взгляды на сущность, функционирование государства и общества дифференцировались, получив оформление в различных научных направлениях, среди которых приоритетное место занимала камералистика. Вопросы, касающиеся управления казенным (фискальным, камерным) имуществом, имели сущностное значение [Дергилева, 2014]. В рамках камеральной науки был выработан инструментарий изучения процессов и результатов управления. Камералистика собрала обширный материал, характеризующий особенности воздействия государства на социально-экономические процессы [Тарасов, 1891]. На ее основе зародилась наука об управлении, получившая в последствии название «полицейское право». Целью ее создания было оказание научного содействия практическому разрешению проблемы – что должно делать государство для обеспечения народного благополучия [Горбунов, 1906].

В воззрениях полицейистов субъектом управления выступало государство, которое в период абсолютизма выполняло роль народного опекуна. Преследуя цель утверждения верховенства единой государственной власти, полицейская деятельность правительства была направлена на достижение всеобщего «блага» и затрагивала все сферы общественной жизни. А.И. Елистратов, анализируя Регламент Главному магистрату 1721 года, отмечал, что «полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства» [Елистратов, 1911, с. 19]. Необходимость принудительно доставлять благосостояние обществу нашла свое философское обоснование в учении эвдемонистов. Согласно этому учению, люди для прекращения взаимной вражды еще в древние времена заключили договор, передав обеспечение и развитие свойств, вытекающих из разумной природы человека, государству. Высшую цель государства вследствие этого составило всеобщее счастье. Средством достижения этого всеобщего благополучия являлась неограниченная власть монарха. Философия эвдемонизма идейно затушевывала принудительный, насильственный характер полицейского вмешательства.

Б.А. Кистяковский отмечал, что полицейское государство характеризовалось беспрекословным подчинением гражданина правительственным органам в ущерб его собственным интересам [Кистяковский, 1916]. Убежденность в том, что цель государства состоит в общественном благосостоянии и безопасности, во второй половине XVIII века высказывал немецкий философ-правовед Х. фон Вольф. Он считал, что для «облагодетельствования» граждан правительству должно быть предоставлено право «усовершенствовать» их даже насильно [Вольф, 1765]. В компетенцию органов государственной власти, по его мнению, должен был входить широкий круг вопросов общественной жизни, среди которых наблюдение за нравственностью граждан и даже выполнением ими религиозных обязанностей [Андреевский, 1874].

При таком подходе обществу отводилась исключительно пассивная роль. Это обуславливалось как социальными причинами, так и политическими. Население было не развитым, образование могли получить лишь те лица, которые планировались для замещения должностей государственной службы, остальная же масса была безграмотной. Как писал австрийский полицейист Зонненфельс, «люди, которые молодость свою проживают в училищах, привыкши к покойной учености, делаются ленивыми к ручным работам, поэтому надлежит не всех, даже и тех, которые превосходнейшие дарования имеют, допускать к учению» [Елистратов, 1911]. Это заключение свидетельствует о том, что подъем общественного самосознания и самостоятельности не только не составлял задачи полиции, но противоречил одному из основных требований благочиния. Политика абсолютизма основывалась на повиновении обывателей и невозможности сопротивления.

Однако правительства, образовавшие в XVIII веке полицейские государства с обширными полицейскими полномочиями, постепенно пришли к убеждению о невозможности выполнения такой задачи. С XIX века начался новый этап в развитии западноевропейских, а немного позже отечественного государств, характерной чертой которых являлось ограничение абсолютной власти. В структуре внутренней организации появилось самоуправление. В противоположность правительственной опеке и тотальной регламентации сфер общественной жизни выдвинулась самостоятельность граждан, принудительное управление постепенно стало уступать место свободному. Органами внутреннего управления в совокупности стали правительственные органы и органы самоуправления. Происходила трансформация «от идей полицейского государства до либерального понимания государства как ночного сторожа» [Горожанин, 1999, с. 30]. И хотя сфера деятельности в различных государствах варьировалась, в общих чертах за правительственными органами закреплялась задача реализации той части внутреннего управления, что называлась полицией, должной устранять препятствия развития личности путем борьбы с силами, враждебными этому развитию (полиция безопасности), а за органами самоуправления – содействие благосостоянию личности путем возмещения недостаточности индивидуальных сил.

Предпосылки становления и развитие учения об общественном праве

Если на первых двух этапах своего развития наука о полиции ставила в центр государство его деятельность в сфере управления, то в силу политических, экономических и социокультурных изменений учет общественных сил оказался неизбежным. Как отмечал П.Н. Обнинский, «общественная, свободная и добровольная инициатива в государственной сфере – дело новое, нуждающееся в поддержке теоретической мысли и содействии в практическом осуществлении» [Обнинский, 1887, с. 230]. Это послужило благотворной почвой для формулирования нового учения в рамках полицейской науки – учения об общественном праве, или о праве общественного управления [Тарасов, 1910]. Идея его развития обусловлена значением, которое стали приобретать органы самоуправления и общественные союзы, а также стремлением оградить их от чрезмерной опеки бюрократии,

отведя соответствующее место в юриспруденции. Целью новой теории было доказательство возможности, необходимости участия общества как самостоятельного субъекта в делах внутреннего управления, позиционирование его деятельности как самостоятельной, а не по уполномочию государственной власти [Тарасов, 1897].

Одним из первых ученых, высказывающихся о выделении новой отрасли правоведения, регулирующей свободную деятельность общественных союзов, был немецкий правовед Роберт фон Мольте [Mohl, 1851]. Будучи в числе основоположников полицейского права Германии, он признавал при этом необходимость изучения общества и его роли в деятельности государства. Кроме того, полицеист выделял, наряду с государственными и частными, интересы общественные. Ученый полагал, что изучение общества должно сопровождаться изменением всей системы государственных прикладных наук и особенно науки о полиции. Однако точного определения предмета общественного права Р. фон Мольте дано не было, так же как и не было раскрыто его содержания.

Другой немецкий ученый Генрих Аренс в ходе разработки курса по естественному праву предпринимал попытку объяснить содержание общественного права с философских позиций. В его трактовке оно понималось как «право государства в отношении к различным общественным жизненным и культурным сферам» [Arens, 1871, p. 476]. Однако в виду того, что основной задачей Г. Аренса было определение отношения государства к обществу, а не создание полного учения об общественном праве, данные вопросы были раскрыты им лишь в общих чертах.

Еще один представитель немецкой юридической школы Герман Рёзлер в рамках курса административного права ввел понятие права социального управления, указав на возможность переименования полицейского права в общественное. В своем учении в качестве субъектов управления правовед выделял и государство, и общество, разграничивая при этом само содержание управления на политическое, где главенствующая роль принадлежит государству и социальное, где правом решений обладают отдельные индивиды [Roesler, 1872]. Политическое управление призвано регулировать отношения между государством и обществом в сфере публично-правовых отношений, а социальное – отвечать за «правовой порядок отношений между людьми и направлено на культурное развитие деятельности последних внутри общества» [Горбунов, 1906, с. 202]. Г. Рёзлер характеризовал общество как «человечество, развивающееся в свободной деятельности в силу равных законов», за что был подвержен существенной критике с указанием на то, что данное определение не отражало его юридической характеристики и статуса субъекта управления, а следовательно, и отсутствовали основания для выделения нового вида права, регулирующего эту неопределенную категорию. По мнению Н.Н. Голубева, учение, сформулированное Г. Рёзлером, по содержанию представляло собой тот же материал, который ранее регулировался нормами полицейской деятельности, с оговоркой на то, что полиции была отведена более узкая сфера деятельности, а значительная часть полицейских функций передана обществу [Голубев, 1914].

Австрийский юрист Антон Менгер в трудах «Народная политика» и «Новое учение о государстве» также выдвинул на первый план в сфере государственного управления социальный элемент. Помимо этого, при анализе правовых систем он уделял первостепенное внимание особенностям исторического развития народа. Во взаимодействии государства и общества важным аспектом ученый считал соотношение сил, отмечая, что «широкие народные массы должны стремиться не только к свободе, но и к власти» [Тарасов, 1910, с. 248].

Введение общественного права как самостоятельной отрасли юриспруденции предлагал и другой австрийский ученый – Мориц Гейсслер. Отождествляя общество с народом, он утверждал, что оно обладает особыми правами, которые не принадлежат ни государству, ни отдельным индивидам. Но в положениях, высказанных правоведом, отсут-

ствовали критерии определения границ регулирования общественного права и его места в системе юридических наук, а само общество представлялось в виде хаотичной совокупности граждан, не имеющих совместной организации [Heyssler, 1850].

В отечественной политико-правовой теории первым ученым, выступившим с идеей и обоснованием замены полицейского права общественным, был В.Н. Лешков. В разработанной им теории, изложенной преимущественно в двух фундаментальных трудах «Русский народ и государство: история русского общественного права до XVIII в.» и «О праве самостоятельности как основе для самоуправления», ученый предпринял попытку определить понятие, предмет, метод, систему общественного права, а также проследить содержание и развитие общественного права во временном и пространственном аспекте. Особенность его теории заключались в том, что общество представлялось в качестве субъекта управления, обладающего неотъемлемым правом на самостоятельность, государству же при этом отводилась второстепенная роль. Вмешательство государства в жизнедеятельность общества было обоснованным только в случае, если обществу не удавалось самостоятельно разрешить тот или иной вопрос. Анализируя полицейско-правовую теорию, правовед обращал внимание на положение, согласно которому сущность государства заключается во всеобщем счастье для народа. При этом он проводил параллель: «То, что является счастьем для отдельного лица, то обозначается благом, благополучием, благосостоянием говоря о народе» [Лешков, 1871, с. 9]. Сущность этих понятий едина и заключается в том, что как для лица нет счастья вне его воззрений и убеждений, так и для народа благополучие должно быть продуктом его воли. Навязывание и принуждение уничтожает основу права, свободу лица или народа.

Кроме того, все политико-правовые и социокультурные процессы рассматривались правоведом исключительно с позиций национальной русской государственности. В.Н. Лешков отмечал, что «каждый народ находится под влиянием своей особой идеи, которая отличает его от других» [Беляев, 1859, с. 23]. И таким отличием для российского народа, по его мнению, были общинность, общинный быт.

Характеризуя общество, ученый определял его как связующее звено между индивидами и государством, которое соединяет частные интересы отдельных лиц и интересы государственного союза, и эта посредствующая среда, как отмечал правовед, «живет особой жизнью и должна иметь свои права и обязанности наравне с правами частных лиц и государства» [Беляев, 1859, с. 19]. Соответственно этому В.Н. Лешков выделял три интереса. Политический интерес касается внешней самостоятельности государства и внутреннего государственного устройства. Гражданский частный интерес включает в себе безопасность лиц, обеспечение законности в отношениях и неприкосновенность имущества, что совершается посредством гражданского и уголовного права. И, наконец, общественный интерес, к которому ученый относил все то, что «не принадлежит ни правительству, ни частным лицам, а принадлежит общинам, сословию, всему населению, состоит в духовном и вещественном благосостоянии народа и совершается всем народом» [Лешков, 1858, с. 6].

Наряду с этим правовед обосновывал нормативную базу учения, раскрывая сущность законов общественного права. Учитывая, что в центр теории В.Н. Лешков ставит общество, то основу законов, по его мнению, должны составлять интересы народа и научные доводы, а не воля законодателя: «Государственному закону не остается другой задачи, как черпать из народной опытности и из ученого сознания или науки материальную истину своих распоряжений и сообщать ей внешнюю силу в пространстве и во времени» [Лешков, 1858, с. 19]. Это положение В.Н. Лешков объясняет тем, что правитель может заблуждаться в своих решениях, а сложившиеся в общественном сознании ряда поколе-

ний потребности выступают как критерий истинной необходимости. Кроме того, именно народные интересы способны отражать общую потребность, а не личную заинтересованность частных лиц.

Основная идея законов общественного права состоит в том, что индивиды самостоятельны в решении вопросов и лишь в ситуации, когда собственных сил и ресурсов становится недостаточно, они обращаются за помощью к общине, обществу. Аналогично дело обстоит и с общественными вопросами и задачами. Если обществу по силам разрешить их собственными народными силами, то вмешательства государства в такие вопросы не требуется. Государство таким образом позиционируется как один из многочисленных общественных институтов, необходимый для решения специфических задач [Мутагиров, 2014].

Под общественным правом В.Н. Лешков в широком смысле понимал право лиц и обществ на осуществление деятельности, направленной на обеспечение благосостояния народа с использованием средств, имеющихся у государства, а в узком смысле – право лица на развитие посредством пользования ресурсами, имеющимися у общества и государства [Лешков, 1858]. Субъектом права в его теории являлось общество, состоящее из семейств, общин, земств.

Учение В.Н. Лешкова различно оценивалось современниками. Ф.М. Дмитриев, критикуя его заключения, обращал внимание на то, что общество в данной теории представлено суммой мелких соединений, а не органическим единством в юридическом смысле, называя его «загадочным существом, неуловимым, как призрак» [Дмитриев, 1900, с. 168], а в предлагаемой им новой науке общественного права усматривал всецело полицейское право с тем же содержанием.

И.Е. Андреевский считал выдвинутые В.Н. Лешковым идеи неверными, поскольку хотя и признавал необходимым введение науки общественного права, но вкладывал в ее понятие другой смысл. По его мнению, содержание новой науки должны составлять совокупность всех государственных законов определенного государства, имеющих целью определить все необходимые отношения между верховной властью государства и гражданами. Исходя из этого определения, оно должно складываться из государственного, финансового, полицейского, уголовного права [Андреевский, 1859].

Н.Н. Голубев, анализируя учение В.Н. Лешкова, отмечал, что соединившиеся с понятием об обществе представление о самоуправлении, о социальной свободе общественных союзов привело к тому, что, вопреки действительности, в теории общественного права была порвана непосредственная связь между обществом и государством. Такое разделение двух понятий, придание им статуса самостоятельных организаций, друг друга исключаящих и преследующих диаметрально противоположные цели, защищающих непримиримые между собой интересы, способно привести лишь к неверным представлениям [Голубев, 1914].

Другие ученые, напротив, поддерживали учение В.Н. Лешкова. Так, И.Д. Беляев сходил с ним во мнении относительно замены полицейского права общественным, поскольку считал, что это «старое» название, пришедшее в отечественное правоведение из Германии, не выражало предмета общественного права и не позволяло верно определить рамки науки. И.Д. Беляев отмечал, что «в каком значении не принимай название полиция, оно не способно будет охватить весь объем материала, предлагаемый в общественном праве» [Беляев, 1859, с. 18]. Давая оценку теории, разработанной В.Н. Лешковым, И.Д. Беляев называл ее «важным приобретением учено-исторической литературы» [Беляев, 1859, с. 64]. Свое мнение он обосновывал тем, что профессор был первым не только в отечественном правоведении, но и среди зарубежных ученых, кто предпринял попытку рассмотреть в своих работах новые проблемы, порожденные изменением политико-

правовых и социально-экономических реалий, предложив уникальную теорию, в центре которой – общество и его интересы.

М.М. Шпилевский разделял идею преобразования полицейского права в общественное, поскольку полагал, что это позволило бы обобщить весь разнородный материал, собранный в полицейско-правовой теории, определить ее теоретические границы и место в системе юридических наук. Как отмечал правовед, само название «общественное право» более «соответствовало духу того времени» [Шпилевский, 1875, с. 129]. М.М. Шпилевский признавал работу, сделанную в этой сфере В.Н. Лешковым, достаточно объемной и содержательной, однако соглашался далеко не со всеми его выводами. Ученый определял общественное право несколько иначе – как право общества на развитие и охрану его интересов при содействии и под надзором правительства [Шпилевский, 1875]. Исходя из данного им понятия, следует более заметная и существенная роль государства, чем в теории В.Н. Лешкова. М.М. Шпилевский отмечал, что государство и общество только в теории наук могут рассматриваться отдельно, для удобства изучения, в практическом же отношении такой подход является односторонним и неэффективным. Обосновывая данное положение, правовед утверждал, что и государство, и общество – это союз одного и того же народа, только с точки зрения государства он основывается на единстве верховной власти, а с точки зрения общества – на общности солидарности культурных интересов. И несмотря на то, что их цели различны, один без другого существовать не может. Общество может преследовать свои цели, лишь не нарушая государственных интересов. Государство допускает общество к деятельности в области не политических, социальных интересов, однако оно не допускает этого соучастия в области политических, государственных интересов. Вообще учение об обществе как об общении людей, отличных от государства, не есть правовое учение, как не было бы таковым и учение о государственной власти, взятой вне представления о государстве как совокупности подданных.

Что касается методологии общественного права, то М.М. Шпилевский, хотя и признавал приоритет исторического метода, декларируя, что «игнорирование связи между прошлым и настоящим науки не способно привести к плодотворным результатам в разработке перспективных направлений» [Шпилевский, 1875, с. 12], однако им одним не ограничивался. Для более полного и глубокого осмысления права общественного управления ученый предлагал применять догматический, политический или прагматический и философский методы. Кроме того, разрабатывая общественное право как науку, М.М. Шпилевский выделил его общую и особенную части, четко определил предмет и логически обосновал взаимодействие институтов. Если В.Н. Лешков рассматривал общественное право больше с исторических позиций, то М.М. Шпилевский произвел его систематическую разработку и придал ей вид науки.

Вопросы о необходимости и целесообразности создания новой науки общественного права поднимались и в работах других отечественных правоведов. В.Ф. Левитский полагал, что учение об обществе, возникшее на почве протеста против полицейской деятельности государства и основанное на провозглашении принципа государственного невмешательства, должно было привести к не более чем перемене взгляда на отношение государства к обществу в полицейском праве. Общество, ранее представляющее собой пассивную массу индивидов, не знающих другого закона, кроме как приписываемого ей правительством, предстало в новом качестве и государству необходимо было признать его в качестве «организма, подчинённого своим самобытным законам» [Левитский, 1894, с. 242].

И.Т. Тарасов указывал, что общественное право может стать логическим продолжением полицейского, и был сторонником переименования науки. Ученый мотивировал это тем, что изменились воззрения на соотношение общества и государства, была ограничена сфера полицейского вмешательства, на передний план был выдвинут «об-

шественный элемент», обществу стало придаваться значение не объекта, а субъекта управления [Тарасов, 1897].

По мнению Л.А. Камаровского, общественное право необходимо для того, чтобы охранять собственно общественные интересы, то есть те, которые, хотя и касаются частных лиц, но относятся главным образом к обществу в целом и при этом не с политической стороны. Эти общественные интересы своим предметом имеют благосостояние всего населения, общества, как единого и живого целого, независимо от его политического строения и дробления [Камаровский, 1898].

В.В. Ивановский, поддерживая в целом идею общественного права, при этом ставил под сомнение положение об обществе как субъекте общественного права. По мнению ученого, общество реально не существует как единое юридически организованное целое. Он предлагал субъектами общественного права считать общественные союзы, вступающие в процессе своей деятельности в различные правоотношения с государственными органами и частными лицами, а совокупность правовых норм, регулирующих данные правоотношения, – общественным правом [Ивановский, 1904].

Заключение

Подводя итог, отметим, что различные положения общественного права так или иначе поднимались в один и тот же период как западноевропейскими, так и отечественными правоведами. В учениях большинства полицейстов эта проблематика затрагивалась частично, при этом в трудах В.Н. Лешкова, М.М. Шпилевского, Г. Рёзлера идея о праве общественного управления получила полноценное развитие. Это свидетельствует о том, что формулирование данного научного направления было объективно необходимым в условиях тех кардинальных исторических перемен, которые обусловили переход от полицейского государства к государству правовому.

В научном мире взгляды на теорию общественного права, равно как и на полицейско-правовую теорию, были и остаются противоречивыми. Однако именно разработки науки полицейского права легли в основу административного права, а положения общественного права нашли свое отражение в развитии муниципального права.

Список литературы

- Андреевский И.Е. 1874. Полицейское право. Т. 1. СПб.
- Андреевский И.Е. 1859. Разбор сочинения г. Лешкова под заглавием Русский народ и государство. Извлечение из отчета двадцать восьмого присуждения П.Н. Демидовым наград. СПб., 24 с.
- Беляев И.Д. 1859. Разбор сочинения г. Лешкова под заглавием: Русский народ и государство, история русского общественного права до XVIII века. Извлечение из Отчета третьего присуждения Уваровских наград. СПб., Типография Императорской академии: 17–64.
- Вольф Х., фон. 1765. Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды. СПб., Типография Артиллерийского и Инженерного Шляхетного Кадетского Корпуса.
- Голубев Н.Н. 1914. Значение теории общественного права для науки административного права. Юридические записки, 3: 337–354.
- Горбунов А.В. 1906. Методологические основы дисциплин, изучающих деятельность государства. Часть историческая. Выпуск 1. М., Типо-литография товарищества И.Н. Кушнерова и Ко.
- Горожанин А.В. 1999. Взаимосвязь учения о полиции и государстве в истории правовой мысли. СПб., Санкт-Петербургский университет МВД России.
- Дергилева С.Ю. 2014. Государственно-правовые воззрения А.И. Елистратова: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 450 с.

- Дмитриев Ф.М. 1900. Сочинения: публицистика. Статьи и исследования. Т. 2. М., Типография А.И. Мамонтова.
- Елистратов А.И. 1911. Административное право. М., Типография И. Д. Сытина, 235 с.
- Ивановский В.В. 1904. Учебник административного права. Полицейское право. Право внутреннего управления. Казань., Типолиитография Императорского университета, 578 с.
- Камаровский Л.А. 1898. Новые союзы государств в области общественных интересов. Русская мысль.
- Кистяковский Б.А. 1916. Социальные науки и право: Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., М. и С. Сабашниковы, 704 с.
- Козлова Н.В. 2022. Интересы населения муниципальных образований в единой системе публичной власти. Конституционное и муниципальное право, 4: 57–60.
- Левитский В.Ф. 1894. Предмет, задача и метод науки полицейского права. Записки Харьковского Университета. Харьков., Типография А. Дарре.
- Лешков В.Н. 1871. Полицейское право. Часть 1. Благоустройство. Выпуск 1, 2 и 3 курса, читанного в Университете св. Владимира профессором Н. Х. Бунге. Киев. 1869 г. I. Исторический очерк экономических учений. II. Обзорение различных отраслей хозяйственной деятельности. М., Издательство Императорского Московского университета, 18 с.
- Лешков В.Н. 1858. Русский народ и государство: История русского общественного права до XVIII в. М., Издательство Императорского Московского университета, 613 с.
- Мутагиров Д.З. 2014. Верховенство общества и служебная роль государства. Политекс, 10(3): 145–157.
- Нижник Н.С. 2016. Полицейское государство – государство «всеобщего благоденствия и всеобщего счастья». Genesis: исторические исследования, 6: 183–194.
- Обнинский П.Н. 1887. Общественная инициатива в государственной сфере. Юридический вестник. М., Издание Московского юридического общества. XXVI. Кн. 2(10): 229–234.
- Тарасов И.Т. 1910. Лекции по полицейскому (административному) праву. Т. 1. М., Печатня А.И. Снегиревой.
- Тарасов И.Т. 1897. Очерк науки полицейского права. М., Печатня С.П. Яковлева, 699 с.
- Тарасов И.Т. 1891. Учебник науки полицейского права. Вып. I. М., Печатня С.П. Яковлева, 377 с.
- Шпилевский М.М. 1875. Полицейское право, как самостоятельная отрасль правоповедения. Одесса., Типография Ульриха и Шульце.
- Heyssler M. 1850. Die Gesellschaft und ihre Stellung im System des Rechts. Magazin fur Rechts und Staatswissenschaft, Band II.
- Roesler H. 1872. Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrecht. Band I.
- Arens H. 1871. Naturrecht. Band II.
- Mohl R. von 1851. Die Staatswissenschaften und die Gesellschaftswissenschaften. Zeitschrift fur die gesammte Staatswissenschaften.

References

- Andreevskij I.E. 1874. Policejskoe pravo [Police law]. Vol. 1. SPb.
- Andreevskij I.E. 1859. Razbor sochinenija g. Leshkova pod zaglavijem Russkij narod i gosudarstvo [Analysis of the work of G. Leshkov under the title The Russian people and the state]. Izvlechenie iz otcheta dvadcat' vos'mogo prisuzhdenija P.N. Demidovym nagrad. SPb., 24 p.
- Beljaev I.D. 1859. Razbor sochinenija g. Leshkova pod zaglavijem: Russkij narod i gosudarstvo, istorija russkogo obshhestvennogo prava do XVIII veka [Russian Russian People and the State, the History of Russian Public Law up to the XVIII century, Analysis of G. Leshkov's essay under the title: The Russian People and the state, the History of Russian Public Law up to the XVIII century]. Izvlechenie iz Otcheta tret'ego prisuzhdenija Uvarovskih nagrad. SPb., Tipografija Imperatorskoj akademii: 17–64.
- Volf H., fon. 1765. Razumnye mysli o silah chelovecheskogo razuma i ih ispravnom upotreblenii v poznanii pravdy [Reasonable thoughts about the powers of the human mind and their correct use in

- the knowledge of truth]. SPb., Tipografija Artillerijskogo i Inzhenerного Shljahetного Kadetskogo Korpusa.
- Golubev N.N. 1914. Znachenie teorii obshhestvennogo prava dlja nauki administrativnogo prava [The importance of the theory of public law for the science of administrative law]. *Juridicheskie zapiski*, 3: 337–354.
- Gorbunov A.V. 1906. Metodologicheskie osnovy disciplin, izuchajushhih dejatel'nost' gosudarstva [Methodological foundations of disciplines studying the activities of the state]. Chast' istoricheskaja. V.1. M., Tipo-litografija tovarishhestva I.N. Kushnerova i Ko.
- Gorozhanin A.V. 1999. Vzaimosvjaz' uchenija o policii i gosudarstve v istorii pravovoj mysli [The interrelation of the doctrine of the police and the state in the history of legal thought]. Monografija. SPb., Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii.
- Dergileva S.Ju. 2014. Gosudarstvenno-pravovye vozzrenija A.I. Elistratova: Dis. ... cand. jurid. sciences'. [State-legal views of A.I. Elistratov: dis. ... cand. jurid. Sciences]. SPb., 450 p.
- Dmitriev F.M. 1900. Sochinenija: publicistika [Essays: journalism]. Stat'i i issledovanija. Vol. 2. M., Tipografija A.I. Mamontova.
- Elistratov A.I. 1911. Administrativnoe pravo [Administrative law]. M., Publ. Tipografija I. D. Sytina, 235 p.
- Ivanovskij V.V. 1904. Uchebnik administrativnogo prava. Policejskoe pravo. Pravo vnutrennego upravljenija [Textbook of administrative law. Police law. The right of internal management]. Kazan', Publ. Tipolitografija Imperatorskogo universiteta, 578 p.
- Kamarovskij L.A. 1898. Novye sojuzy gosudarstv v oblasti obshhestvennyh interesov [New unions of states in the field of public interests]. Publ. Russkaja mysl'.
- Kistjakovskij B.A. 1916. Social'nye nauki i pravo: Oчерki po metodologii social'nyh nauk i obshhej teorii prava [Social Sciences and Law: Essays on the methodology of social sciences and general theory of law]. M., Publ. M. i S. Sabashnikovy, 704 p.
- Kozlova N.V. 2022. Interesy naselenija municipal'nyh obrazovanij v edinoj sisteme publichnoj vlasti [The interests of the population of municipalities in the unified system of public power]. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*, 4: 57–60.
- Levitskij V.F. 1894. Predmet, zadacha i metod nauki policejskogo prava [The subject, task and method of the science of police law]. *Zapiski Har'kovskogo Universiteta*. Har'kov, Publ. Tipografija A. Darre.
- Leshkov V.N. 1871. Policejskoe pravo [Police law]. Part 1. Landscaping. Graduation of the 1st, 2nd and 3rd courses taught at the University of St. Vladimir by Professor N.H. Bunge. Kiev. 1869 I. Historical sketch of economic doctrines. II. Review of various branches of economic activity. M., Publishing House of the Imperial Moscow University, 18 p.
- Leshkov V.N. 1858. Russkij narod i gosudarstvo: Istorija russkogo obshhestvennogo prava do XVIII v. [The Russian People and the State: The History of Russian Public Law up to the XVIII century]. M., Publ. Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, 613 p.
- Mutagirov D.Z. 2014. Verhovenstvo obshhestva i sluzhebnaja rol' gosudarstva [The supremacy of society and the official role of the state]. *Politeks*, 10(3): 145–157.
- Nizhnik N.S. 2016. Policejskoe gosudarstvo – gosudarstvo «vseobshhego blagodenstvija i vseobshhego schast'ja» [The police state is a state of "universal welfare and universal happiness"]. *Genesis: istoricheskie issledovanija*, 6: 183–194.
- Obninskij P.N. 1887. Obshhestvennaja iniciativa v gosudarstvennoj sfere [Public initiative in the public sphere]. *Juridicheskij vestnik*, 2(10): 229–234.
- Tarasov I.T. 1910. Lekcii po policejskomu (administrativnomu) pravu [Lectures on police (administrative) law]. T. 1. M., Publ. Pечатnja A.I. Snegirevoj.
- Tarasov I.T. 1897. Oчерk nauki policejskogo prava [An essay on the science of police law]. M., Publ. Pечатnja S.P. Jakovleva, 699 p.
- Tarasov I.T. 1891. Uchebnik nauki policejskogo prava [Textbook of the science of police law]. Vol. 1. M., Publ. Pечатnja S.P. Jakovleva, 377 p.
- Shpilevskij M.M. 1875. Policejskoe pravo, kak samostojatel'naja otrasl' pravovedenija [Police law as an independent branch of jurisprudence]. Odessa. Publ. Tipografija Ul'riha i Shul'ce.

- Heysler M. 1850. Die Gesellschaft und ihre Stellung im System des Rechts. Magazin fur Rechts und Staatswissenschaft, [Society and its position in the system of law. Magazin fur Rechts und Staatswissenschaft], Vol. II.
- Mohl R. von 1851. Die Staatswissenschaften und die Gesellschaftswissenschaften. Zeitschrift fur die gesammte Staatswissenschaften. [Political sciences and social sciences. Zeitschrift fur die gesammte Staatswissenschaften].
- Roesler H. 1872. Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrecht. [Textbook of German administrative law]. Vol. I.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.04.2022
Поступила после рецензирования 20.05.2022
Принята к публикации 06.06.2022

Received April 18, 2021
Revised May 20, 2022
Accepted June 6, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Трофимова Светлана Александровна, адъюнкт, Белгородский юридический институт имени И.Д. Путилина, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana A. Trofimova, adjunct, Putilin Belgorod Law Institute of Ministry internal affairs, Belgorod, Russia

УДК 340.113

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-812-818

Юридическая терминология в ракурсе зарубежного опыта нормативного конструирования

¹ Туранин В.Ю., ² Волков Д.А.

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85;

² Санкт-Петербургский университет МВД РФ,
Россия, 198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1
demonhik2005@yandex.ru; turanin@bsu.edu.ru

Аннотация. Единство использования юридической терминологии приводит к единообразию применения норм права, что отражается на стабильности всей правовой системы. В противовес этому, наличие терминологического многообразия усложняет восприятие норм права, что может приводить к деформациям правовых норм на этапе их применения. В качестве примера проведен анализ трансформации содержания термина «потребитель», закрепленного в Законе Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» и иных специальных законах, регулирующих потребительские отношения. Сделан вывод о необоснованности избранного законодателем подхода по введению в оборот новых терминов, схожих по своему содержанию с термином «потребитель». На примере австралийского Закона о справедливом труде 2009 года исследованы использованные австралийским законодателем приемы работы с терминологическим аппаратом. Сделан вывод: использованные австралийским законодателем юридико-технические приемы представляются довольно успешными, поскольку позволяют достичь поставленные цели при исключении возможности двоякого толкования норм права и сохранении простоты юридических конструкций.

Ключевые слова: юридическая техника, юридическая терминология, нормы права, юридико-технические приемы, законотворческая деятельность

Для цитирования: Туранин В.Ю., Волков Д.А. 2022. Юридическая терминология в ракурсе зарубежного опыта нормативного конструирования. НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право, 47(4): 812–818. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-812-818

Legal Terminology in the Context of Foreign Law-making Experience

¹ Vladislav U. Turanin, ² Dmitriy A. Volkov

¹ Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation

² Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
1 Letchika Pilutova St, Saint-Petersburg 198206, Russian Federation
demonhik2005@yandex.ru; turanin@bsu.edu.ru

Abstract. The paper deals with the role and significance of legal terminology as a means of legal writing techniques. The authors stress that a uniform administration of legal norms is achieved by a uniform use of legal terminology and affects the stability of the whole legal system. In opposition to that, the variety of terminology, as well as new characteristics added to existing terms, complicates the perception of legal norms, which may eventually result in a deformation of the latter at the application stage. To exemplify that, the authors analyzed the content of the “consumer” term specified in the Law of the Russian Federation No. 2300-1 of 7 February 1992, “On Consumer Rights Protection”, and other special laws governing consumer relations. The lawmaker’s approach to introducing new terms having a similar

meaning to that of the “consumer” was shown to be groundless. Based on Australia’s Fair Work Act 2009, methods of working with the terminology used by an Australian lawmaker were studied. Norms of the above Act were analyzed, enabling the authors to discover an approach to the interpretation of the terms and to their use in framing legal norms that differs from the Russian one. The authors conclude that the legal writing techniques used by an Australian lawmaker appear to be rather successful, allowing to achieve the goals, excluding risks of dual interpretation, and keeping the simplicity of statutory concepts.

Keywords: legal writing, legal terminology, norms of law, legal writing techniques, lawmaking

For citation: Turanin V.U., Volkov D.A. 2022. Legal Terminology in the Context of Foreign Law-making Experience. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 812–818 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-812-818

Введение

Стабильность, отсутствие противоречий, а также единообразие применения действующих норм права традиционно признаются одними из основных задач нормативного регулирования общественных отношений. Достижение таких задач во многом зависит от качества и актуальности нормативной основы, точности изложения юридических дефиниций, доступности таковых для понимания как рядовыми гражданами, так и правоприменителями. Способствовать этому призвана юридическая техника, одним из основных средств которой является юридическая терминология. Причем особая значимость последней для эффективности нормативного регулирования фактически не вызывает каких-либо научных споров.

Так, говоря о терминологии, В.А. Толстик выделяет два относительно самостоятельных аспекта – требование к форме термина (слова или словосочетания) и требование к содержанию (к его смысловому значению) [Толстик, 2016]. Системность и точность используемого в правовых нормах терминологического аппарата признается С.В. Гуничем основой эффективности и стабильности функционирования всей правовой системы государства [Гунич, 2002]. По нашему мнению, «точное и недвусмысленное употребление юридических терминов играет важную роль и в недопущении деформации правовых норм, а ошибки в использовании юридических терминов в законодательных актах могут являться основаниями для ущемления прав и свобод граждан, служить предпосылками политико-правовых коллизий» [Туранин, 2017, с. 4].

В полной мере разделяя вышеуказанные позиции, следует отметить, что именно использование понятной терминологии, наполненной единым смыслом, позволяет сформировать однозначное понимание акторами предписаний законодателя, исключить двоякое восприятие норм права и сформировать тождественную практику применения закона на всей территории его действия.

По мнению М.Н. Семякина, цивилистическая юридическая техника без преувеличения является самой развитой из всего существующего сегодня отраслевого юридико-технического инструментария [Семякин, 2018]. Именно поэтому терминологические приемы, выработанные при формулировании норм гражданского права и смежных ему отраслей, во многом определяют и формируют тот юридический инструментарий, который будет использоваться законодателем в своей остальной деятельности.

Примеры использования юридической терминологии российским законодателем

Использование вышеуказанного подхода в качестве основного в рамках законотворческой деятельности на первый взгляд предполагает наделение конкретной правовой кате-

гории единым смыслом, а также дальнейшее ее использование в таком смысловом значении во всех существующих нормативных актах и при их разработке в будущем. Вместе с тем это не всегда представляется удобным и рациональным, поскольку для достижения целей регулирования конкретных правоотношений в определенных случаях требуется более широкое (или же узкое) понимание данной правовой категории, а также наделение ее дополнительным смысловым значением.

Вариант решения этой проблемы через введение дополнительных терминов в конечном итоге приводит к терминологическому дисбалансу, пестроте правовых категорий и наличию большого числа во многом схожих по своим характеристикам юридических понятий. Иной вариант разрешения данной проблемы, довольно часто используемый законодателем, представляет собой дополнение основополагающей правовой категории какими-либо конкретизирующими признаками, что в каждом случае ее использования утяжеляет норму права, усложняет ее восприятие и последующее внесение изменений в закон, что также может привести к различному ее толкованию на стадии правоприменения.

Одним из характерных примеров изложенного может служить использование законодателем категории «потребитель» и смежных ему понятий в законодательстве, регламентирующем потребительские отношения в России.

Так, действующий Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» является не только основополагающим актом, регламентирующим указанную сферу отношений, но и фактически модельным законом, поскольку в нем установлены объем прав и обязанностей потребителя, их содержание, а также правовые конструкции, которые впоследствии были воспроизведены во всех специальных законах, так или иначе затрагивающих сферу потребительских отношений¹.

Закон Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» содержит довольно четкое определение категории «потребитель» через раскрытие и описание характера правоотношений, в которые вступают стороны договора. В то же время принятый позднее Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», являясь специальным и регламентируя оказание потребителям конкретного вида услуг, апеллирует множеством схожих по своему содержанию понятий. В статье 1 данного закона используется понятие «турист», под которым понимается «лицо, посещающее страну (место) временного пребывания в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания, на период от 24 часов до 6 месяцев подряд или осуществляющее не менее одной ночевки в стране (месте) временного пребывания»². В дальнейшем в законе использованы как понятие «турист», так и иные смежные понятия: «потребитель», «потребитель гостиничных услуг», «потребитель услуг, связанных с использованием горнолыжной трассы или пляжа» и «потребитель туристского продукта».

Стоит отметить, что по объему прав и обязанностей, которые возникают в результате заключения договора о реализации туристского продукта и получения иных продуктов и услуг в рамках этого договора такие лица являются потребителями в том смысле, в котором такое понятие используется Законом Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1

¹ Имеются в виду федеральные законы «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации», «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»

² Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации». Собрание законодательства РФ. 02.12.1996. № 49. ст. 5491.

«О защите прав потребителей». В этом случае не совсем ясна необходимость терминологического разнообразия, примененного законодателем, а отмеченная пестрота правовых категорий представляется как минимум необоснованной.

Не совсем понятно и введение Федеральным законом от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в правовой оборот понятия «потерпевший», которое к тому же является омонимом одного из ключевых понятий, используемых уголовно-правовым законодательством, где ему придается совсем иной смысл. Из анализа упомянутого закона также следует, что потерпевший по объему прав и обязанностей является тем же потребителем, о котором ведется речь в Законе Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей», отличительной характеристикой которого является лишь наличие права на получение страхового возмещения в связи с наступлением страхового случая.

Аналогичная ситуация складывается и с Федеральным законом «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», которым введено понятие «потребитель финансовой услуги». Причем таковое является более широким по своему смысловому наполнению, чем понятие «потерпевший», используемое Федеральным законом от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», но при этом более узким, чем понятие «потребитель», используемое Законом Российской Федерации от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей».

В приведенном нами примере очевидно отсутствие терминологической преемственности при принятии четырех законов, регламентирующих фактически во многом схожие по своей структуре материальные правоотношения. Используемый законодателем прием (путем введения новых понятий) предполагает возможность правоприменителя апеллировать в каждом конкретном случае несколькими схожими правовыми категориями, что приводит к терминологическому диссонансу. При этом дополнение устоявшихся терминов новыми характеризующими критериями, приводит к громоздкости используемых законодателем правовых понятий и усложнению восприятия сущности правовых норм.

Юрико-технические приёмы, используемые в законотворческой деятельности Австралии

Даже поверхностное ознакомление со структурой нормативных актов, принимаемых законодателями стран англосаксонской правовой семьи, свидетельствует об использовании в аналогичных ситуациях принципиально иного подхода. Для иллюстрации этого нами проанализированы юрико-технические приемы, применяемые законодателем Австралии для решения схожих задач.

Подавляющее большинство законов, принимаемых в Австралии, содержат два обязательных раздела, посвященных особенностям использования терминологии при применении таких законов. Первый раздел именуется «Словарь» (The Dictionary), и в нем в алфавитном порядке перечислены все используемые в данном законе ключевые термины с их определением или отсылками к нормам того или иного закона. Второй раздел именуется «Определения» (Definitions), и в нем содержится более подробное описание ключевых терминов, приведены их основные характеристики и смысловое содержание, в котором они используются в тексте закона.

Безусловно, нормативный акт может регулировать разные правоотношения и предусматривать определенные особенности, при которых данные термины нуждаются в уточнении. Однако австралийским законодателем вместо добавления дополнительных критериев к используемым терминам или введению новых использован иной прием. Одним из

примеров этому может являться Закон о справедливом труде (Fair Work Act 2009), регулирующий трудовые отношения¹. Рассмотрим детально примененные при его создании приемы работы с терминологией на примере одного из основных понятий, используемых трудовым законодательством, – «работник».

Вышеупомянутый нормативный акт носит универсальный характер, в силу чего регулирует трудовые правоотношения, складывающиеся между различными по своему правовому статусу субъектами (гражданами, иностранными лицами, сезонными работниками и т.д.) и требующие различного нормативного регулирования применительно к возникающим конкретным правовым ситуациям. По этой причине уже в самом разделе «Словарь» указано на использование категории «работник» в различном смысловом значении: в общем понимании (employee) и в понимании «работник национальной системы» (national system employee).

В разделе «Определения» (Definitions) содержатся определения обоих понятий.

Так, понятие «работник национальной системы» раскрывается через установление двух критериев: через определение характера деятельности (работник, привлеченный к выполнению трудовой деятельности работодателем национальной системы²) и через установление исключаящего признака (работник не проходит профессиональное обучение).

Аналогичным образом раскрыто и содержание общей категории «работник», под которым понимается лицо, выполняющее трудовую деятельность и не проходящее профессионального обучения. Из сопоставления таких категорий следует, что австралийский законодатель предусмотрел различный объем прав и обязанностей в отношении лиц, трудящихся на работодателей национальной системы, и на иных работников (например, работников иностранных компаний, осуществляющих свою деятельность на территории Австралии). Несмотря на это, в дальнейшем в законе используется лишь простая для восприятия и понимания общая категория «работник» (employee), однако в начале каждой из глав указывается на то, в каком из приведенных понятий таковая используется.

К примеру, в главе, посвященной применению закона (Application of this Act), и главе об общих правах работников, работодателей и организаций (Rights and responsibilities of employees, employers, organisations) содержатся оговорки о том, что понятие «работник» применяется в общем понимании. В то же время в главах, посвященных национальным условиям занятости (The National Employment Standards), положениям о вознаграждении (Modern awards), корпоративным соглашениям (Enterprise agreements), условиям труда (Workplace determinations), минимальной заработной плате (Minimum wages), и ряде других термин «работник» используется в смысле «работник национальной системы».

Такая, на первый взгляд, сложная система определения содержания ключевого для трудового законодательства понятия представляется гораздо более логичной и последовательной. С одной стороны, примененный юридический прием не утяжеляет используемую фундаментальную категорию, упрощая и сокращая восприятие содержащихся в законе норм права и юридических дефиниций. С другой стороны, цель по доведению до правоприменителя смысла нормативного регулирования, в основу которого положено дифференцирование объема прав и обязанностей двух видов работников, достигнута лишь путем различного смыслового наполнения используемой правовой категории с конкретизацией такового в начале каждой главы.

¹ Fair Work Act 2009 [Электронный ресурс] URL: https://www.legislation.gov.au/Details/C2021C00189/Html/Volume_1

² Под работодателем национальной системы, в обобщенной форме, понимается юридическое лицо или органы власти, зарегистрированные в порядке, установленном австралийским законодательством о корпорациях, и действующие на территории, на которую распространяется действие такого закона.

Заключение

Подводя итог, следует сделать вывод о том, что юридико-технические приемы, используемые в различных правопорядках для достижения тождественных целей, существенно отличаются.

По нашему мнению, одной из ключевых целей юридической техники в целом и терминологии в частности является составление доступных для восприятия и простых для применения юридических конструкций.

В целом приведенный в статье пример использования терминологического аппарата, применяемый австралийским законодателем, представляется, на наш взгляд, довольно успешным, так как с его помощью были достигнуты поставленные цели в виде установления двух правовых режимов при регулировании трудовых правоотношений при одновременном исключении какого-либо двойного толкования норм права и сохранении простоты юридических конструкций.

Напротив, примененный российским законодателем прием при решении схожей задачи, сопряженный с введением новой терминологии и конкретизацией использованных понятий путем добавления к ним характеризующих признаков, приводит к терминологическому дисбалансу и усложняет восприятие правовых норм, что не может быть признано эффективным использованием юридической техники.

В таком разрезе видимая внешняя громоздкость исследованного австралийского Закона о справедливом труде 2009, обусловленная внутренней логикой документа и особенностями использования терминологии, по убеждению авторов, не оказывает негативного и деструктивного воздействия на порядок его применения.

Список литературы

- Гунич С.В. 2021. Системность и точность юридической терминологии в сфере конституционно-правового регулирования. Журнал российского права, 7: 41–53.
- Толстик В.А. 2016. Требования, предъявляемые к юридической терминологии: формально-логическое и социокультурное обоснование. Юридическая техника, 10: 302–307.
- Туранин В.Ю. 2017. Юридическая терминология в современном законодательстве: теоретико-правовой исследование: Автореф... дис. д-ра юрид. наук. Белгород, 46 с.
- Семякин М.Н. 2018. Юридическая техника в методологии цивилистического правоповедения. Российский юридический журнал, 36: 101–112.

References

- Gunich S.V. 2021. Sistemnost' i tochnost' yuridicheskoy terminologii v sfere konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya. [Consistency and accuracy of legal terminology in the field of constitutional and legal regulation]. *ZHurnal rossijskogo prava*, 7: 41–53.
- Tolstik V.A. 2016. Trebovaniya, pred'yavlyaemye k yuridicheskoy terminologii: formal'no-logicheskoe i sotsiokul'turnoe obosnovanie. [Requirements for legal terminology: formal-logical and socio-cultural justification]. *YUridicheskaya tekhnika*, 10: 302–307.
- Turanin V.YU. 2017. Legal terminology in modern legislation: theoretical and legal research: Abstract of the... Dis. Dr. jurid. sciences'. Belgorod, 46 p.
- Semyakin M.N. 2018. YUridicheskaya tekhnika v metodologii tsivilisticheskogo pravovedeniya [Legal technique in the methodology of civil law]. *Rossiyskij yuridicheskij zhurnal*, 3: 101–112.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 04.06.2022
Поступила после рецензирования 24.06.2022
Принята к публикации 02.07.2022

Received June 4, 2022
Revised June 24, 2022
Accepted July 2, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Туранин Владислав Юрьевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

Волков Дмитрий Анатольевич, старший преподаватель кафедры криминалистики, Санкт-Петербургский университет МВД РФ, г. Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vladislav U. Turanin, Professor, Sc.Dr. in Law, Head of the Department of Theory and History of State and Law at the Institute of Law, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia

Dmitriy A. Volkov, Senior Lecturer of the Forensics Department, Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg, Russia

УДК 340.1

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-819-829

Достоинство личности и права человека как традиционные российские духовно-нравственные ценности

Фоминская М.Д.

Ставропольский институт кооперации (филиал),
Белгородский университет кооперации, экономики и права
Россия, 355053, г. Ставрополь, ул. Голенева, д.36
E-mail: fominskaya@inbox.ru

Аннотация. В связи с подписанием Президентом Российской Федерации Указа «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» в правовой науке возросла роль исследований таких понятий как достоинство личности и права человека. Несмотря на имеющиеся научные публикации по данной проблематике, практически отсутствуют исследования, рассматривающие достоинство личности и права человека как традиционные российские ценности, имеющие духовно-нравственное измерение. Цель данного исследования – показать в историко-правовой и духовно-культурной ретроспективе роль Русской Православной Церкви (РПЦ) в признании обществом и государством достоинства личности и прав человека традиционными духовно-нравственными ценностями. Обращение автора к трудам представителей отечественной светской правовой мысли XIX – первой половины XX в.в. доказывает значимость и влияние православной религиозно-правовой концепции достоинства личности и прав человека на развитие секулярного и постсекулярного российского правового пространства. В целом, опираясь на методологические традиции в области истории политических и правовых учений, истории государства и права, среди которых логико-структурный, историко-философский, аксиологический и текстологический анализ, удалось проанализировать специфику представлений о достоинстве личности и правах человека в отечественной православной и светской правовой мысли, а использование цивилизационного подхода к праву позволило установить основные тенденции и направления дальнейшего развития исследуемых понятий в качестве векторных в формировании российской правовой доктрины достоинства личности и прав человека.

Ключевые слова: традиционные российские ценности, Русская Православная Церковь, отечественная православная мысль, светская правовая мысль, российская доктрина прав человека

Для цитирования: Фоминская М.Д. 2022. Достоинство личности и права человека как традиционные российские духовно-нравственные ценности. НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 47(4): 819–829. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-819-829

Individual Dignity and Human Rights as Traditional Russian Spiritual and Moral Values

Marina D. Fominskaya

Stavropol Institute of Cooperation (branch),
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law
36 Goleneva St, Stavropol 355053, Russian Federation
E-mail: fominskaya@inbox.ru

Abstract. In connection with the signing by the President of the Russian Federation of the Decree "On the Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" in legal science, the role of research on such concepts as individual

dignity and human rights has increased. Despite the available scientific publications on this issue, there are practically no studies that consider the dignity of the individual and human rights as traditional Russian values, which are spiritual and moral. The purpose of this study is to show in historical, legal, spiritual and cultural retrospective the role of the Russian Orthodox Church (ROC), one of the significant and stable institutions of Russian civil society, in the knowledge by society and the state of the dignity of the individual and human rights with traditional spiritual and moral values. The author's appeal to the works of representatives of domestic secular legal thought of the XIX – first half of the XX century. proves the significance and influence of the Orthodox religious and legal concept of the dignity of the person and human rights on the development of the secular and post-secular Russian legal space. The analysis of the fundamental modern documents of the Russian Orthodox Church in the social sphere made it possible to identify the co-operation of the Russian Orthodox Church, society and the state in finding an understanding of the spiritual and moral value, inalienability and all-commonality of the dignity of the person and human rights. In general, relying on methodological traditions in the field of the history of political and legal teachings, the history of the state and law, including logical-structural, historical-philosophical, axiological and textual analysis, managed to analyze the special figure of ideas about the dignity of the individual and human rights in domestic legal-glorious and secular legal thought, and the use of a civilizational campaign to the right of the post-will to establish the main trends and directions of further development of the studied concepts as vector in the formation of the Russian legal doctrine of the dignity of the person and human rights.

Keywords: traditional Russian values, Russian Orthodox Church, Russian Orthodox thought, secular legal thought, Russian doctrine of human rights

For citation: Fominskaya M.D. 2022. Individual Dignity and Human Rights as Traditional Russian Spiritual and Moral Values. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 819–829 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-819-829

Введение

9 ноября 2022 года Президент Российской Федерации подписал Указ № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»¹ (далее – Указ, Основы). В декабре 2021 года проект Указа был опубликован на официальном сайте Министерства культуры Российской Федерации и вызвал широкую дискуссию в российских научных и общественно-политических кругах. Касательно содержания самой дискуссии вокруг проекта Указа укажем лишь то, что он «взбередил» российскую общественность, не оставив равнодушных. Произошел разброс мнений от полного неприятия и критики до конструктивного обсуждения и выстраивания перспектив его реализации². На наш взгляд, и противники, и сторонники проекта Указа в основном обсуждали концепцию документа и возможные последствия его реализации (это в большей степени беспокоит противников Основ), при этом обе стороны «обходят» обсуждение закрепляемого перечня тради-

¹ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/69810> (дата обращения: 11.11.2022).

² Духовно-нравственные ценности России (обсуждение и доработка) // Стратегия24. URL: <https://strategy24.ru/rf/projects/ob-utverzhenii-osnov-gosudarstvennoy-politiki-po-sokhraneniyu-i-ukrepleniyu-traditsionnykh-rossiyskikh-duxovnonravstvennykh-tsennostey> (дата обращения: 25.07.2022); Заключение на проект Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Общественная палата Республики Крым. URL: <https://opcrimea.ru/ekspertiza-zakonoproektov/zaklyuchenie-na-proekt-ukaza-prezidenta-rossijskoj-federacii-ob-utverzhenii-osnov-gosudarstvennoj-politiki-po-sokhraneniyu-i-ukrepleniyu-traditsionnykh-rossiyskikh-duhovno-nravstvennykh-tsennostej.html> (дата обращения: 25.07.2022); Минкультуры приостановило обсуждение проекта о традиционных ценностях // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/14/02/2022/6209f4929a7947564896f881> (дата обращения: 27.07.2022).

ционных ценностей. По нашему мнению, именно эта часть Основ содержит квинтэссенцию того, что необходимо сохранять и укреплять в качестве традиционных российских духовно-нравственных ценностей и вокруг чего стоит выстраивать национальные приоритеты и духовно-нравственные концепции.

В пункте 5 Основ к числу традиционных российских духовно-нравственных ценностей отнесены достоинство, права и свободы человека. Поддерживая данную идею авторов документа, считаем, что и достоинство, и права человека являются нравственными ориентирами, тесно связанными с правовыми архетипами правосознания российского человека, в котором большое значение имеют представления о долге, совести, правде, ответственности, защите ближнего и Отечества, что и является, на наш взгляд, самобытным духовно-нравственным и историческим проявлением традиционных духовно-нравственных ценностей. Для обоснования нашего утверждения обратимся не только к истории отечественной светской и православной правовой мысли, но и рассмотрим современное понимание достоинства личности и прав человека в свете социальной концепции Русской Православной Церкви.

Прежде всего, в контексте рассматриваемой проблемы отметим: во-первых, более корректным было бы рассматривать данные категории как «достоинство личности» и «права человека», а во-вторых, поскольку основу и содержание прав человека определяет именно достоинство личности, то, с нашей точки зрения, данные понятия неразрывно связаны и обуславливают друг друга.

Идея достоинства личности и прав человека в православной и светской отечественной правовой мысли

Идея достоинства личности и прав человека является одной из основополагающей как в христианских религиозных и философско-правовых учениях, так и в светских, юридических теориях. Как мы уже отмечали в своих исследованиях о достоинстве личности и правах человека, в православной теологии права и государства тема стала популярной сравнительно недавно – в конце XX века, на столетия позже, чем в католическом богословии. Обращение автора статьи к православному осмыслению достоинства личности и прав человека связано с тем, что православие является не просто самой распространенной религией России, – она сыграла фундаментальную государство- и культуuroобразующую роль в истории России [Фоминская, 2021, с.210].

Принятие христианства на Руси не только существенным образом повлияло на дальнейшее развитие русского государства, но и изменило духовно-нравственную сферу жизни народа, признавшего духовно-нравственные и правовые ценности православия. Скрытые в Священном Писании правовые ценности трудно определяемы, но, как справедливо указывает профессор А. И. Овчинников, «в Новом Завете излагаются метаюридические принципы организации и нормирования отношений, а принципы договорных отношений уступают принципу любви» [Овчинников, 2011, с. 30].

Право в его христианском понимании исходит из ортодоксального представления о сотворении человека по образу и подобию Божьему, что изначально формировало у христиан уважение к другому человеку, к человеческой свободе и достоинству каждой личности. По своей сути Новый Завет не помышляет о каких-либо силовых формах обращения в христианство и признает право выбора служения Богу за каждым.

В традициях христианской культуры русского народа договорные отношения, законность и правовой порядок воспринимаются в качестве проводников нравственных ценностей [Суворов, 1907]. Идеи человеколюбия и социальной справедливости – это основа христианского общественного порядка, в котором безнравственный закон воспри-

нимается как нелегитимный. Достижение единой и неделимой, всеобщей и вечной правды для христианина есть нравственное обоснование права и государства.

Воспроизведение сегодня значительной долей россиян архетипа государства как большой семьи восходит к древности, формированию в правосознании русских христиан именно такого представления о государстве, где все поддерживают друг друга и являются родственниками. Русская земля воспринималась как святыня, а князь, царь, император – как защитник земли Русской и ответственный перед Богом за ее судьбу [Суворов, 1907]. Идея «спасения» в христианстве приобретала в православии обязанность правителя в различных проявлениях заботиться о своем народе и быть ответственным за выбранный путь к спасению.

После схизмы XI века и вплоть до XX столетия – длительный период времени тема достоинства личности и прав человека не являлась предметом анализа для отцов православной церкви. Вместе с тем необходимо отметить, что труды средневековых православных мыслителей, таких как Нил Сорский и продолжатель его идейной линии Максим Грек, буквально пронизаны безусловным уважением к человеческой личности, ее правам и свободам [Золотухина, 1985]. Тем не менее христианский персонализм не получил распространения в Московском царстве. Суровый характер «тяглого государства», вызванный постоянными внешними угрозами, тяжелые геоклиматические условия жизни, распространение ересей и отступничество от православной веры не позволяли осуществлять демократизацию и защищать идею свободы и достоинства каждой личности, прав человека. Идея сильной, независимой от светской власти церкви Иосифа Волоцкого победила на тот период концепцию государственно-конфессиональных отношений и свободы личности Нила Сорского и Максима Грека.

Архетипы правосознания русского человека во многом формировались под влиянием духовно-нравственных ценностей православного христианства. Достоинство личности и права человека в отечественной правовой культуре в большей степени воспринимаются не как абсолютные ценности, а как средства служения ближнему, обществу, Отечеству. В православии нет тенденции к преувеличению прав человека, свободы и достоинства по отношению к обязанностям и долгу перед обществом и государством: «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» [Ин, 15:13]. Скорее мы обнаруживаем гармонию между достоинством личности, правами человека с одной стороны и обязанностями, ответственностью, долгом перед обществом, государством – с другой. Такие архетипы и ценности, как Совесть, Правда, Закон, восходят из библейских представлений: «...Закон положен не для праведника, но для беззаконных и непокоривых, нечестивых и грешников, развратных и оскверненных, для отцеубийц, человекоубийц, для блудников...» [1Тим, 1:9]. Именно эти евангельские слова порождали представление о том, что закон нужен только для бессовестных, забывших Бога людей.

Российский религиозный и политический философ Н.А. Бердяев, рассуждая о достоинстве человека, видел многочисленные ошибки и пороки в истории Церкви не в ошибочности христианской и нравственной идеи, а в испорченности ее носителей – церковных служителей и мирян, ошибочно именуемых христианами [Бердяев, 1928]. Крайне отрицательно относились славянофилы к идеям построения западноевропейского общества, основанном на человеческом «я», заменившем собою Бога, где индивидуалистические начала и личные интересы стремятся овладеть обществом [Исаев, Золотухина, 1995, с. 239]. О понятии достоинства личности и прав человека как основополагающем в религиозных и светских научных концепциях достаточно много писали дореволюционные юристы [Коркунов, 1898; Коркунов, 2003; Муромцев, 2010]. По мнению, например, Б.А. Кистяковского [1916], М.А. Рейснера [2018], Б.Н. Чичерина [1879] и др. достоинство и свобода являются базовыми в формировании общественного порядка и правового государства.

В 1984 году советский и российский богослов А.И. Осипов опубликовал статью «Богословские аспекты прав человека» в Журнале Московской патриархии [Осипов, 1984].

Идеи, высказанные автором в указанной статье, – это отражение православного богословского взгляда на права человека. А.И. Осипов отмечает, что права человека должны иметь четко очерченные границы, в противном случае, они начинают служить оправданию порока [Осипов, 1984, с. 59]. Предостережения богослова оказались пророческими, что выяснилось спустя почти полвека. Сегодня права человека служат оправданием идей трансгуманизма, заключению однополых браков, прав гендера, ЛГБТ. Данные идеи усиленно пропагандируются на Западе и используются для оправдания греховных пороков, что ранее для христиан являлось неприемлемым. В современных геополитических условиях становится очевидным, что права человека, казалось бы, имеющие совершенно определенное содержание, установленное мировым сообществом и закрепленное в международно-правовых актах, могут иметь неоднозначную стандартизацию и «примеряться» в оправдание неуважения и непризнания прав всех без исключения людей. Сегодняшняя западная проповедь лжи и насилия под прикрытием прав человека превратилась в очевидное зло и отрицание прав человека как таковых. «Свобода, – пишет А.И. Осипов, – например, слова, печати и тому подобное, есть, бесспорно, нормальное явление в демократическом обществе. Однако таковым оно остается до тех пор, пока не переступает своих положительных границ, то есть пока служит благу человека» [Осипов, 1984, с. 56].

Для наиболее полного представления роли Русской Православной Церкви в формировании достоинства личности и прав человека как традиционных российских национально-духовных ценностей необходимо, на наш взгляд, обратиться к современному этапу деятельности РПЦ.

Достоинство личности и права человека в контексте социальной концепции Русской Православной Церкви

Крайне важным для признания достоинства личности и прав человека традиционными духовно-нравственными ценностями является современное понимание института достоинства личности и прав человека Русской Православной Церковью в контексте провозглашенной ею социальной концепции, нашедшей доктринальное закрепление в основополагающих документах: «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви» (2000 г.)¹, «Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора» (2006 г.)², «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» (2008 г.)³.

В светской и религиозной науке не угасает интерес к анализу документов и не прекращаются дискуссии о сути социальной концепции РПЦ. По мнению современных богословов в оценке значения Основ социальной концепции РПЦ, «Архиерейский Собор засвидетельствовал полную победу здорового консервативного большинства над либеральными экстремистами внутри Церкви и, при всей лояльности по отношению к светской власти, в полной мере проявил принципиальную приверженность Священному Преданию, православной традиции, отнюдь не намереваясь отдавать мир в руки нецерковных, враждебных традиционным ценностям и прямо антихристианских сил» [Семенко, 2000].

---

¹ Основы социальной концепции Русской православной церкви // Русская Православная Церковь Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 12.07.2022).

² Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора // Русская Православная Церковь. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (дата обращения: 12.07.2022).

³ Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека – Текст: электронный // Русская православная церковь. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html> (дата обращения: 12.07.2022).

Согласно указанным документам, основу социальной политики РПЦ составляют религиозно-нравственные ценности, такие как вера, нравственность, семья, материнство и детство, служение святыни, свобода, достоинство и права человека и др. Так, в Основах социальной концепции РПЦ закреплены области «сотрудничества Церкви и государства в нынешний исторический период», среди которых «...б) забота о сохранении нравственности в обществе; в) духовное, культурное, нравственное и патриотическое образование и воспитание; г) дела милосердия и благотворительности, развитие совместных социальных программ <...> з) труды по профилактике правонарушений, попечение о лицах, находящихся в местах лишения свободы; и) наука, включая гуманитарные исследования...». При этом в документе говорится, что «условиями церковно-государственного взаимодействия должны являться соответствие церковного участия в государственных трудах природе и призванию Церкви, отсутствие государственного диктата в общественной деятельности Церкви, невовлеченность Церкви в те сферы деятельности государства, где ее труды невозможны вследствие канонических и иных причин»¹.

Значительная часть социальной концепции РПЦ посвящена не только церковно-государственному взаимодействию, но и соотношению канонического и светского права, в частности пониманию достоинства личности и прав человека как важной части современной правовой системы.

Признание института прав человека одним из приоритетных в современной системе правового регулирования становится очевидным для религиозно-правового поля, что подтверждает, на наш взгляд, факт неоднократного обращения к теме достоинства личности и прав человека в ряде основополагающих документах РПЦ.

Идея неотъемлемости достоинства и прав личности основана на библейском учении о человеке как образе и подобии Божию, как онтологически свободном существе, – подчеркивается в Основах социальной концепции РПЦ. Утверждается, что «по мере секуляризации высокие принципы неотчуждаемых прав человека превратились в понятие о правах индивидуума вне его связи с Богом. При этом охрана свободы личности трансформировалась в защиту своеволия (до тех пор, пока оно не вредит иным индивидуумам), а также в требование от государства гарантий определенного материального уровня существования личности и семьи»².

Таким образом, права человека, по мнению РПЦ, находятся в неразрывной связи с божественной правдой и идеей служения – «Права нужны христианину прежде всего для того, чтобы, обладая ими, он мог наилучшим образом осуществить свое высокое призвание к "подобию Божию", исполнить свой долг перед Богом и Церковью, перед другими людьми, семьей, государством, народом и иными человеческими сообществами», – закрепляют Основы социальной концепции РПЦ³. Разрыв человека с Богом и Церковью приводит к «падности» человеческой природы, а значит, такой человек во грехе не в состоянии в полной мере реализовать главный божественный Закон, предписанный Спасителем. Этот общеизвестный канон Русской Православной Церкви лежит в основе соотношения канонического и светского права, тем не менее авторы Основ социальной концепции РПЦ указывают, что «человеческий закон никогда не содержит полноту закона божественного, но чтобы оставаться законом, он обязан соответствовать богоустановленным

¹ Основы социальной концепции Русской православной церкви // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 12.07.2022).

² Основы социальной концепции Русской православной церкви // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 12.07.2022).

³ Там же.

принципам, а не разрушать их. Исторически религиозное и светское право происходят из одного источника и долгое время являлись лишь двумя аспектами единого правового поля». В документе однозначно подчеркивается, что, например, гражданское, уголовное и государственное право не может быть исключительно каноническим, по крайней мере до тех пор пока не наступит полная победа над грехом, но эта победа, признают авторы Основ социальной концепции РПЦ, возможна лишь в эсхатологической перспективе ¹.

Идея о том, что содержание института прав человека не должно противоречить богоустановленным нравственным нормам, развивается в Основах учения РПЦ о достоинстве, свободе и правах человека. «Борьба за права человека становится плодотворной тогда, когда она служит духовному и материальному благу личности и общества», – говорится в документе ². В рамках данного документа дано обоснование тому, что Церковь не отказывает в достоинстве человеку, потерявшему «образ Божий» в силу греховного поведения: «Воплощение Бога Слова засвидетельствовало, что и после грехопадения достоинство не было утрачено человеческой природой, ибо в нем остался неистребимый образ Божий, а значит, и возможность восстановления человеческой жизни в полноте ее изначального совершенства». Жить человек может и не в соответствии со своим достоинством, поэтому появляется понятие «поступок, не достойный христианина». Из этого следует, что достоинство в РПЦ понимается с двух позиций: достоинство человека вообще и достоинство христианина. «Именно поэтому, – поясняется в документе, – святоотеческая и аскетическая мысль, литургическая традиция Церкви более говорят о недостоинстве человека, обусловленном грехом, чем о его достоинстве» ³.

В Основах учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека отмечается также, что «на протяжении всей истории человечества понимание того, что есть человек, сущностно влияло на устройство частной и общественной жизни людей. Несмотря на глубокие различия между отдельными цивилизациями и культурами, в любой из них наличествуют некоторые представления о правах и обязанностях человека». В другом месте данного документа Русской Православной Церкви более конкретно отмечается, что базовым, основополагающим понятием, на которое опирается, например, теория прав человека или концепция правового государства, «является понятие человеческого достоинства» ⁴.

Решение вопроса о достоинстве человека в контексте грехопадения и нравственного измерения этой ценности получило свое развитие еще в одном документе РПЦ – «Декларации о правах и достоинстве человека» (далее Декларация), принятой на X Всемирном русском народном соборе в 2006 году. В документе коллизия между безусловным признанием достоинства каждого человека и нравственным признанием достоинства была разрешена через разделение ценности человека и достоинства человека: «Человек как образ Божий имеет особую ценность, которая не может быть отнята. Она должна уважаться каждым из нас, обществом и государством. Совершая добро, личность приобретает достоинство. Таким образом, мы различаем ценность и достоинство личности. Ценность – это то, что дано, достоинство – это то, что приобретается» ⁵. Интересы личности не могут

¹ Основы социальной концепции Русской православной церкви // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 12.07.2022).

² Основы учения Русской православной церкви о достоинстве, свободе и правах человека // Русская православная церковь. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428616.html> (дата обращения: 12.07.2022).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора // Русская Православная Церковь. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/103235.html> (дата обращения: 12.07.2022).

быть выше интересов другой личности, семьи, общности и всего человечества. Декларация признает ценность прав и свобод человека в их неразрывной связи с обязанностями и ответственностью, что является, на наш взгляд, отражением сформированного на протяжении многих столетий православного феномена отрицания преобладания прав человека над обязанностями и служением обществу и Отечеству, о чем мы уже писали выше.

Очень часто в современной теории права, истории правовых учений, философии права теологическое правопонимание воспринимается как нечто архаичное и ушедшее в прошлое. При этом забывается, что многие современные правовые категории и понятия в концептуально-идейном отношении берут свое начало именно в теологии. На наш взгляд, весьма полезно в этом ключе теологического правопонимания обратиться к одному из элементов православного понятия прав человека – их классификации.

Системно-исторический подход в понимании РПЦ института прав человека видится в предложенной классификации, разделяющей права человека на внутренние (основные) и внешние (дополнительные). Причем к первым – основным правам относятся права на веру, жизнь, семью, ко вторым – дополнительным – права на свободу передвижения, получение информации, создание имущества, обладание им и его передачу. Здесь же выделен и критерий разделения прав человека на внешние и внутренние: защита сокровенных оснований человеческой свободы от произвола посторонних сил.

Идея классификации прав человека развивается в Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. На наш взгляд, усматривается некое противоречие предложенной классификации Основам социальной политики РПЦ. В последнем говорится, что в современной правовой традиции отсутствует общепризнанная классификация прав человека и предлагается в качестве критерия «рассматривать права и свободы с точки зрения их возможной роли в создании благоприятных внешних условий для совершенствования личности на пути спасения»¹. Так, с этих позиций установлены право на жизнь, свобода совести, свобода слова, свобода творчества, право на образование, гражданские и политические права, социально-экономические права, коллективные права. Недостатком (недоработанностью), на наш взгляд, данной классификации является тот факт, что неоднократно в тексте документа упоминается об индивидуальных и коллективных правах человека, но ни в одном случае не указывается, какие же права могут быть отнесены к индивидуальным. Путем исключения определим, что индивидуальными права человека являются все те, которые не являются коллективными, поскольку авторы Основ учения РПЦ о достоинстве, свободе и правах человека поясняют в документе, какие права человека являются коллективными: «В человеческую природу Богом заложено стремление индивида к общинному существованию (Быт. 2, 18). На пути к исполнению воли Божией о единстве человеческого рода важную роль играют различные виды общинной жизни, осуществляемой в национальных, государственных и социальных объединениях. Полноту же осуществления заповедей Божиих о любви к Богу и ближнему (см. Мф. 22, 37-39) являет собою Церковь – богочеловеческий организм»².

В то же время остается упомянутая нами ранее классификация, разделяющая права человека на внутренние и внешние. На наш взгляд, было бы последовательным и обоснованным признать уже существующую в учениях РПЦ классификацию прав человека и более детально ее изложить в основополагающих документах. Оригинальная концепция РПЦ о внутренних и внешних правах человека должна быть подвергнута дополнительно научному анализу и дальнейшему развитию. Данный подход может претендовать на

¹ Основы социальной концепции Русской православной церкви // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/419128.html> (дата обращения: 12.07.2022).

² Там же.

обобщенно-системную классификацию прав человека и вполне быть применим в секулярном рассмотрении института прав человека.

Заключение

В данной статье, на наш взгляд, доказательно обосновано, что достоинство личности и права человека являются традиционными российскими духовно-нравственными ценностями, и неоспоримую роль, в признании данного факта сыграла Русская Православная Церковь.

Многие ценностно-нормативные основания как отдельных правовых явлений, так и в целом современного российского правопонимания берут свое начало в древнем прошлом социального и государственно-правового становления российской цивилизации. Таким ценностно-нормативным основанием стала, на наш взгляд, христианская вера, духовно-нравственный потенциал которой заключен, прежде всего, в тексте Священного Писания – Библии, ветхозаветная часть которой почитается всеми представителями веры потомков Авраама: иудеями, христианами и мусульманами.

Нами сделан вывод о том, что именно духовные христианские ценности оказали влияние на архетипы правосознания русского человека. Особенность отечественной правовой культуры заключается в восприятии достоинства личности и прав личности не в качестве абсолютной ценности, а в качестве средства для служения обществу: в православии нет тенденции к преувеличению прав человека, свободы и достоинства по отношению к обязанностям и долгу перед обществом и государством.

Таким образом, полагаем, что достоинство личности и права человека являются не только традиционными российскими духовно-нравственными ценностями, но и обладают необходимым нравственно-правовым потенциалом, выступающим в качестве вектора развития российской доктрины прав человека, построенном на гармонии прав и обязанностей, личности и общества, «лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»¹.

Фактическое оформление социальной концепции Русской Православной Церкви в последние десятилетия доказывает, что достоинство личности, права человека остаются в центре теонормативных представлений о человеке, обществе, Отечестве. Соработничество РПЦ с российским обществом и государством направлено на укрепление таких традиционных православных ценностей, как вера, нравственность, семья, материнство и детство, служение, святости, свобода, достоинство и права человека.

Список литературы

- Бердяев Н. 1928. О достоинстве христианства и недостоинстве христиан. Варшава, Добро; Париж, YMCA-Press, 29 с.
- Золотухина Н.М. 1985. Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., Юридическая литература, 200 с.
- Исаев И.А., Золотухина Н.М. 1995. История политических и правовых учений России, XI–XX вв. М., Юристъ, 378 с.
- Кистяковский Б.А. 1916. Социальные науки и право. Очерк по методологии социальных наук и общей теории права. М., М. и С. Сабашниковы, 704 с.

---

¹ Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/69810> (дата обращения: 11.11.2022).

- Коркунов Н.М. 1898. Сборник статей. 1877–1897. С-Пб., Юридический Книжный магазин Н.К. Мартынова, 567 с.
- Коркунов Н.М. 2003. Лекции по общей теории права. С-Пб., Юрид. центр Пресс, 430 с.
- Муромцев С.А. 2010. Избранные труды. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 600 с.
- Овчинников А.И. 2011. Архетипы правовой культуры и преемственность в государственно-правовом развитии России. Юридическая техника, 5: 336–339.
- Овчинников А.И. 2011а. Ценность права в христианской культуре русского народа. Северо-Кавказский юридический вестник, 1: 24–32.
- Осипов А. 1984. Богословские аспекты прав человека. Журнал Московской патриархии, 5: 56–60.
- Рейснер М.А. 2018. Государство: культурно-исторические основы. М., URSS, 221 с.
- Семенко В. 2000. «Основы социальной концепции» Русской Церкви как манифест православного консерватизма. URL: <https://pravoslavie.ru/analit/rusideo/socialconcept.htm> (дата обращения 30.07.2022).
- Суворов Н.С. 1907. Из истории развития церковно-правительственной власти (Разбор сочинения П.В. Гудиянова «О восточных патриархах в период четырёх первых вселенских соборов»). М., Унив. тип., 39 с.
- Фоминская М.Д. 2021. Идея достоинства личности и прав человека в христианской правовой мысли: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Ростов н/Д, 480 с.
- Чичерин Б.Н. 1879. Наука и религия. М., Тип. Martynov i K°, 519 с.

References

- Berdyayev N. 1928. O dostoinstve hristianstva i nedostoinstve hristian. [On the dignity of Christianity and the unworthiness of Christians]. Warsaw, Dobro; Paris, YMCA-Press, 29 p.
- Zolotukhina N.M. 1985. Razvitie russkoj srednevekovoj politiko-pravovoj mysli. [The development of Russian medieval political and legal thought]. М., YUridicheskaya literatura, 200 p.
- Isaev I.A., Zolotukhina N.M. 1995. Istoriya politicheskikh i pravovyh uchenij Rossii, XI-XX vv. [History of political and legal teachings of Russia, XI-XX centuries]. М., YUrist", 378 p.
- Kistyakovskiy B.A. 1916. Social'nye nauki i pravo. Oчерк po metodologii social'nyh nauk i obshchej teorii prava. [Social sciences and law. Essay on the methodology of social sciences and the general theory of law]. М., М. i S. Sabashnikovy, 704 p.
- Korkunov N.M. 1898. Sbornik statej. 1877–1897. [Collection of articles. 1877–1897]. S-Pb., YUridicheskij Knizhnyj magazin N.K. Martynova, 567 p.
- Korkunov N.M. 2003. Lekcii po obshchej teorii prava. [Lectures on the general theory of law]. S-Pb., YUrid. centr Press, 430 p.
- Muromtsev S.A. 2010. Izbrannyye trudy. [Selected works]. М., Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 600 p.
- Ovchinnikov A.I. 2011. Arhetipy pravovoj kul'tury i preemstvennost' v gosudarstvenno-pravovom razvitii Rossii. [Archetypes of legal culture and continuity in the state and legal development of Russia]. YUridicheskaya tekhnika, 5: 336–339.
- Ovchinnikov A.I. 2011a. The aim of law in the Christian culture of the Russian people. Severo-Kavkazskij yuridicheskij vestnik, 1: 24–32.
- Osipov A. 1984. Bogoslovskie aspekty prav cheloveka. [Theological aspects of human rights]. ZHurnal Moskovskoj patriarii, 5: 56–60.
- Reisner M.A. 2018. Gosudarstvo: kul'turno-istoricheskie osnovy. [State: cultural and historical foundations]. Ed. 2nd, repr. М., URSS, 221 p.
- Semenko V. 2000. «Osnovy social'noj koncepcii» Russkoj Cerkvi kak manifest pravoslavnogo konservatizma ["Fundamentals social concept "of the Russian Church as a manifesto of Orthodox conservatism]. URL: <https://pravoslavie.ru/analit/rusideo/socialconcept.htm> (data obrashcheniya 30.07.2022).

- Suvorov N.S. 1907. Iz istorii razvitiya cerkovno-pravitel'svennoj vlasti (Razbor sochineniya P.V. Gudilyanova «O vostochnyh patriarhah v period chetyryoh pervyh vselenskih soborov»). [From the history of the development of church-government power (Analysis of the work of P.V. Gudilyanov "On the Eastern Patriarchs during the first four ecumenical councils"). M., Univ. tip, 39 p.
- Fominskaya M.D. 2021. Ideya dostoinstva lichnosti i prav cheloveka v hristianskoj pravovoj mysli: dissertation for the degree of Doctor of Law [The idea of the dignity of the individual and human rights in Christian Legal Thought: dissertation for the degree of Doctor of Law]. Rostov-on-Don, 480 p.
- Chicherin B.N. 1879. Nauka i religiya. [Science and religion]. M., Type. Martynov and C^o, 519 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.06.2022
Поступила после рецензирования 10.07.2022
Принята к публикации 02.08.2022

Received June 5, 2022
Revised July 10, 2022
Accepted August 2, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Фоминская Марина Дмитриевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Ставропольского института кооперации (филиал) Белгородского университета кооперации, экономики и права, г. Ставрополь, Россия
ORCID: [id 0000-0001-6417-2010](https://orcid.org/0000-0001-6417-2010)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Marina D. Fominskaya, doctor of Law, associate professor, professor, department of public administration and legal discipline, Stavropol Institute of Cooperation (Branch), Belgorod University of Cooperation, Economics and Law Economics and Practice, Stavropol, Russia
ORCID: [id 0000-0001-6417-2010](https://orcid.org/0000-0001-6417-2010)

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК 316.72

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-830-838

Этномедицина как социокультурный феномен

В.А. Бахтин

Донской государственный технический университет

Россия, 344010, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

E-mail: bakhtinvictor@icloud.com

Аннотация. На основе анализа широкого круга источников выявлен повышенный интерес зарубежных исследователей к индустрии традиционной медицины, отмечается значительный рост в последние десятилетия рынка этномедицинских услуг. Всемирная организация здравоохранения выделила данную проблему Стратегией ВОЗ в области народной медицины 2014–2023 гг. Проведенные социологические измерения (фокус-групповые дискуссии, массовый опрос) также выявили интерес наших соотечественников к этномедицине. Однако этот феномен исследован в России недостаточно и в пространстве медицинских наук, и в поле социологической экспликации. В связи с этим целью исследования является рассмотрение этномедицины как социокультурного фактора реализации лечебно-оздоровительных практик, ее соотношения с официальной медициной, обозначение конфликта ценностей этнокультуры и рыночной экономики в области медицины, представление на основе исследованного материала рекомендаций по принятию превентивных мер для предотвращения этих противоречий. Это определяет новизну исследования и актуализирует рассматриваемую тему работы в проектировании подходов, представленных в зарубежных источниках, на полиэтничное многообразие нашей страны.

Ключевые слова: этномедицина, интегративная медицина, социокультурные и этические проблемы

Благодарности: комиссии по социально-гуманитарным направлениям научно-образовательной деятельности в медицине кластера «Южный» Минздрава России, кафедре русского языка и социокультурной адаптации Волгоградского государственного медицинского университета (заведующий – д. соц. н., профессор Фомина Т.К.) за предоставленные архивы сочинений иностранных студентов.

Для цитирования: Бахтин В.А. 2022. Этномедицина как социокультурный феномен. НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право, 47(4): 830–838. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-830-838

Ethnomedicine as a Socio-Cultural Phenomenon

Victor A. Bakhtin

Don State Technical University

1 Gagarin square St, Rostov-on-Don 344022, Russian Federation

E-mail: bakhtinvictor@icloud.com

Abstract. Based on the analysis of a wide range of sources, the increased interest of foreign researchers in the traditional medicine industry has been revealed, there has been a significant growth in the market of ethnomedical services in recent decades. The World Health Organization has identified this problem with the WHO Strategy in the Field of Traditional Medicine 2014–2023. The conducted sociological

measurements (focus group discussions, mass survey) also revealed the interest of our compatriots in ethnomedicine. However, this phenomenon has not been sufficiently investigated in Russia both in the space of medical sciences, which turn to the study of traditional practices at best sporadically, and in the field of sociological explication. The Russian Federation has not developed special legal acts and definitions regulating the provision of ethnomedical services. The purpose of this article is to consider ethnomedicine as a socio-cultural factor in the implementation of medical practices, its relationship with official medicine, the designation of the conflict of values of ethnoculture and market economy in the field of medicine, the presentation of recommendations on the basis of the studied material on the adoption of preventive measures to prevent these contradictions. This determines the novelty of the research and actualizes the topic of the work in question in projecting the approaches presented in foreign sources on the multi-ethnic diversity of our country.

Keywords: ethnomedicine, integrative medicine, socio-cultural and ethical problems

Acknowledgments: to the Commission on Social and Humanitarian directions of scientific and educational activities in medicine of the Southern cluster of the Ministry of Health of Russia, the Department of Russian Language and Socio-Cultural Adaptation of the Volgograd State Medical University (Head - Doctor of Social Sciences, Professor T.K. Fomina) for the archives of the works of foreign students.

For citation: Bakhtin V.A. 2022. Ethnomedicine as a Socio-Cultural Phenomenon. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 830–838 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-830-838

Введение

Традиции и обычаи отдельных народов в отношении здоровья и болезни различаются. Этнокультура каждого народа включает в себя медицинские обычаи, традиции, знания, которые передаются от поколения к поколению, во многом определяя гигиенические и здоровьесберегающие технологии [Степанов, 2010]. Можно с уверенностью отметить, что потребность в лечении, оздоровлении этнокультурно детерминирована [Агаджанян, Макарова, 2014]. Особое место в исследовании социально обусловленной динамики изменений культурологических признаков этноса в их соотношении со здравоохранительными и конкретно медицинскими проблемами занимает феномен этномедицины [Антипов, 2016]. Понятие этномедицины не является окончательно оформленным, часто оно заменяется терминами «народная медицина», «альтернативная медицина», «традиционная медицина». Все эти определения мы считаем синонимами, рассматривая их в качестве культурного комплекса методов врачевания, которые основываются на генетическом, инверсионном, хозяйственном и социокультурном отличии данного этноса от других.

В России до развития и распространения бесплатной официальной медицины народные методы лечения имели широкое применение, однако постепенно в советское время отошли на «второй план». Государственная же политика открыто выражала свое отрицательное отношение к данному этнокультурному комплексу [Сухарев, Сухарева, 2021, с. 34], окружая его ореолом невежественности и даже угрозы для здоровья. В настоящее время можно отметить всевозрастающий интерес к данному явлению в планетарном масштабе.

Целью исследования является рассмотрение особенностей этномедицины как социокультурного фактора реализации лечебно-оздоровительных практик в ее соотношении с официальной медициной в мировой практике и в России, экспликация конфликтов ценностей этнокультуры и рыночной экономики в области медицины, представление на основе исследованного материала рекомендаций по принятию превентивных мер для предотвращения этих противоречий.

Объекты и методы исследования

В обзорных работах по рынку медицинских услуг в России ссылки на этномедицину отсутствуют. По всей видимости, это является свидетельством того, что народная медицина входит в рубрику «тенева медицина», тем более что реализуется она, как правило, в частном секторе здравоохранения¹, поэтому положение дел в данном сегменте изучалось на материалах зарубежных источников. В связи с тем, что в ковидный период замечен резкий всплеск интереса к этномедицине, особое внимание уделено исследованиям, выполненным в допандемийный период и представленным на Первом и Втором Международном конгрессах по традиционной и комплементарной медицине².

В работе использовались также следующие методы исследования:

1. Нарративный – ознакомление с сочинениями различных этногрупп среди обучающихся в медицинских вузах России. Было проанализировано 236 работ студентов из Юго-Восточной Азии, Южной Азии, Западной Азии, Северной Африки, Южной Африки, Латинской Америки с целью определения отношения жителей этих стран к традиции народной медицины, их предпочтений в обращении за лечебной помощью: специалисту-профессионалу или народному целителю.

2. Фокус-групповая дискуссия на тему «Этнокультурные факторы в практике медицинского туризма», состоявшаяся 20 марта 2018 года в ГБУ «Волгоградский медицинский научный центр» для врачей (9 человек) с циклом вопросов об отношении медицинских работников и пациентов к услугам этномедицины.

3. Массовый опрос, проведенный на генерации потенциальных потребителей услуг этномедицины среди жителей Ростовской области (453 респондента).

Результаты и обсуждение

Этномедицина является отражением культуры и традиций различных этнических групп, интегрируя в себе многовековой опыт о методах врачевания, использующих в качестве применяемых средств специфику флоры и фауны конкретной территории. Потому можно говорить о спектре представленности этномедицинских отличий различных обществ, что определяет стереотипные модели поведения этносов и семиотические отличия народной медицины от научной в виде особого языка. Однако по своему содержанию, несмотря на разнообразие подходов, этномедицина во всех исторических и культурных вариантах подходит к проблемам здоровья и болезни целостно, а именно с позиции установления баланса между физическим и духовным состоянием пациента.

Исследованные нарративы выявили глубоко укорененные этнокультурные установки у жителей азиатских и африканских континентов, выраженных в отсутствии противопоставлений между официальной и традиционной медициной, хотя и было отмечено, что к специалистам народной медицины чаще обращаются малоимущие слои населения, люди пожилого возраста. Главное же – выявлено полное отсутствие какого-либо недоверия к этномедицине. При этом имеет место выражение глубокого почтения к дипломированным врачам, гордость за внедрение в их странах новейших медицинских технологий, но четкое отмежевание от того, что посягает на традиционный жизненный уклад.

---

¹ Сухов Д.Р. От общего к частному. URL: <https://medvestnik.ru/content/interviews/Ot-obshego-k-chastnomu.html> (дата обращения: 15.09.2021); Рынок коммерческой медицины в России: тенденции и перспективы развития. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rynok-kommercheskoy-meditsiny-v-rossii-tendentsii-i-perspektivy-razvitiya/> (дата обращения: 18.04.2021).

² 1st & 2nd World Congresses on Traditional and Complementary Medicine (2017, 2018). URL: <https://traditionalmedicine.pharmaceuticalconferences.com> (дата обращения: 20.05.2019).

Проведенный анализ письменных ответов студентов-иностранцев выявил, что отношение к здоровью и болезни в контексте этногенеза включено в культурные стереотипы на индивидуальном уровне.

В ходе фокус-групповой дискуссии на тему этномедицины, особенно значимо было следующее выступление одного из экспертов: *«Вы все знаете, что многие народные знания используются в фармакологии, да и интегративная медицина, включающая альтернативные, но проверенные подходы интенсивно развивается, и мы это используем. Но я постоянно встречаюсь с лицами, которые обращаются конкретно к этномедицине и только к ней. Правда, нельзя сказать, что это тяжело больные люди, но такая группа есть. Однако этномедицина остается в стороне от пристального изучения, также в организационном плане не все здесь благополучно. В государственном масштабе это недопустимо, надо как-то регулировать в правовом поле»*. Также отмечались следующие факты: если в арабских и европейских странах этнокультурные компоненты являются сопутствующими основной цели пребывания пациентов, выехавших из своих родных стран для получения медицинских услуг, то в странах Восточной Азии, в частности в Китае, услуги медицинского туризма, наоборот, часто являются компонентом туризма этнокультурного. Типичный пример – виды восточного массажа и рефлексотерапия.

Отношение опрошенных жителей Ростовской области к этномедицине в целом можно считать позитивным. При этом 54 % опрошенных высказали свое предпочтение официальной медицине, 28 % склоняются к интегративной медицине, сочетающей научную медицину и этномедицину. Но есть отдельная группа, составляющая 17 % респондентов, которые предпочитают использовать при лечении только народные средства.

В последние годы интегративная медицина получила стремительное развитие благодаря сочетанию стандартной медицины с признанными безопасными комплементарными методами этномедицины, в ряду которых специальные диеты, массаж, гомеопатия, йога, хиропрактика, натуропатия, остеопатия, тай-чи, ци-гун, хрустальное исцеление. Отдельным блоком выступает иглотерапия.

Интегративная медицина – это тотальный подход к медицинскому обслуживанию, который сочетает стандартную медицину с комплементарными методами альтернативной медицины, признанными безопасными и эффективными. Это лечение включает в себя воздействие и на ум, и на тело, и на душу пациента. Отмечается определенная тяга официальной медицины к медицине альтернативной [Тишков, 2009], что выражается как в комплементарных подходах к здоровью, так и в попытках создать систему интегративной медицины [Алексеева, Щиткова, 2016]. Как показало наше исследование, 15 % респондентов ни при каких обстоятельствах не стали бы обращаться к услугам этномедицины, 33 % могли бы использовать эти методы, но только по совету врача, в случае не очень серьезных заболеваний 18 % респондентов охотно прибегают к методам этномедицины. Принципиальное недоверие к этномедицине проявлено у 14 % опрошенных, еще 14 % опасаются попасть в руки лжецелителей.

Между тем, как показал анализ источников ¹ [Eissler, Casken, 2013; Горшкова, 2017; Каленова, 2018; Sedova, Minasyan, Shchekin, Tabatadze, Kostenko, 2021] четко обозначена мировая тенденция роста рынка медицинских услуг. Большинство альтернативных медицинских практик, причем как одобренных, так и отвергнутых официальной медициной, предполагают длительное лечение и в основном используются для лечения хронических болей и болезней. Рост числа студий и торговых точек в виде стартапов и хорошо зарекомендовавших себя фирм, предлагающих диетические травяные добавки и многие другие препараты, необходимые для лечения, используются в рецептах средств от хронических

---

¹ Tadviser. Государство. Бизнес. Технологии. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> Статьи. Интернет вещей. _IoT, M2M_(мировой_рынок) (дата обращения: 14.03.2022).

заболеваний и при длительных болях, а также рекомендуются в качестве дополнительных витаминов и других диетических добавок. Кроме того, необходимо учитывать, что препараты этномедицины гораздо дешевле, чем официально признанные лекарства. В ситуации удорожания медицинских услуг это является серьезным мотивом для обращения к этномедицине как в слаборазвитых странах, так и небогатых пациентов.

Существует еще один фактор, способствующий расширению и росту этномедицинского рынка услуг. Речь идет о «медицине здоровья», которая стала в последние годы весьма популярной. Это ситуация, когда человек объективно здоров, но обращается за медицинской помощью с целью либо сохранить это здоровье, либо повысить качество жизни. Распространено мнение, что препараты народной медицины в большей степени способствуют этому, так как в глазах потребителей лекарством не являются. Особым спросом пользуются лекарства на основе животных и минеральных веществ, несекулярные методы лечения, мануальные стратегии и упражнения, выполняемые индивидуально или в группе для лечения, диагностики и реабилитации или поддержания хорошего самочувствия. В течение последнего десятилетия чрезмерная стоимость лекарств и рост лекарственной устойчивости к распространенным заболеваниям, таким как малярия, инфекции микроорганизмов и различные болезни, передаваемые половым путем, побудили пациентов все чаще обращаться к этномедицине в качестве альтернативы. Глобальный объем рынка комплементарной и альтернативной медицины был оценен в 59,76 млрд долларов США в 2018 году и, как ожидается, вскоре увеличится в среднем на 17,07 %¹. Согласно новому отчету компании Grand View Research, Inc. ожидается, что глобальный объем рынка комплементарной и альтернативной медицины принесет доход в размере 210,81 млрд долларов США к 2026 году. Причем рост доходов ожидается не столько от вовлечения в этот рынок местного населения, сколько благодаря туристам, приезжающим за медицинской помощью².

Правительства и органы управления здравоохранением в разных странах прилагают усилия для организации клинической поддержки альтернативных методов лечения с той целью, чтобы включить их в номенклатуру рынка. Однако методы доказательной медицины в этномедицине практически не используются. Властям стран с развитой этномедициной крайне выгодно расширение рынка ее услуг, но отсутствие соответствующей клинической поддержки замедляет этот процесс. По данным, представленным на упомянутых выше конгрессах, почти две трети населения большинства развитых и развивающихся стран признавались в том, что в той или иной форме обращались к услугам альтернативной или комплементарной медицины. Учитывая данный факт, в некоторых странах пошли не по пути запретов непроверенных методов, а по пути расширения клинических исследований в этих областях.

По данным Всемирной организации здравоохранения, 80 % населения Азии и Африки используют традиционную медицину (народную медицину) для удовлетворения своих медицинских потребностей, причем впервые эта статистика была обнародована в 1983 году [Громова, Рыбалкина, 2017, с. 57]. Это исследование было предпринято с целью обновления знаний о том, насколько широкое распространение приобрели методы традиционной медицины среди населения; другими целями были характеристика основных групп пользователей её услугами и информирование лиц, определяющих политику в области здравоохранения по данному предмету; и всё это проводилось на фоне усилий многих стран к выполнению программы ВОЗ по народной медицине, рассчитанной на период 2014–2023 годов, и общего стремления использовать этномедицину и её достижения для

¹ Joint Meeting on 2nd World Congress on Traditional & Complementary Medicine. June 20-21, 2019 Dubai, UAE. URL: <https://www.omicsonline.org/Archive/JHAM/traditional-medmeet-herbal-traditional-2019-proceedings.php> (дата обращения: 18.08.2019).

² Continuity and change – implementing the third WHO medicines strategy: 2008– 2013. Geneva, World Health Organization, 2009 (WHO/EMP/2009.1).

улучшения здоровья населения. Всего это исследование, проводившееся по инициативе ВОЗ в 2007–2010 годах, охватывало 35 334 участников¹. Пользователи услугами традиционной медицины и официального здравоохранения были соотнесены между собой в рамках одномерного и многомерного анализов. Исследуемые компоненты включали возраст, пол, географию (городской/сельский житель), уровень дохода, образование, самооценку здоровья и наличие конкретных хронических заболеваний. Это исследование показало, что страной, где традиционная медицина имеет наибольшее распространение, оказалась Индия; 11,7 % респондентов сообщили, что в течение трех предшествовавших опросу лет именно с традиционной медициной было связано их обращение за врачебной помощью; на вопрос, прибегали ли они к услугам традиционной медицины в течение последних 12 месяцев, утвердительный ответ дали 19,0 % опрошенных. С другой стороны, когда речь шла о таких странах, как Китай, Гана, Мексика, Россия и Южная Африка, показатели в пользу традиционной медицины как источника медицинской помощи составили менее 3 %. И ещё меньшую цифру – менее 2 % – составило в уже названных странах число тех, кто непосредственно обращался за помощью к народным врачевателям в течение года, предшествовавшего интервью. При однофакторном анализе с большей долей вероятности отдавали предпочтение традиционной медицине более бедные и менее образованные участники, проживавшие преимущественно в сельской местности.

Многофакторный же анализ применительно к материалу, собранному в КНР, позволил выявить, что жителей сельской местности чаще всего побуждали обратиться за помощью к представителям традиционной медицины плохое самочувствие в целом и наличие артрита в частности; в то время как наличие диагностированного диабета, гипертонии и катаракты можно отнести к причинам второго ряда. В Гане и Индии, где население характеризуется более низким уровнем доходов, основными заболеваниями, которые становились объектом лечения со стороны медиков-традиционалистов, оказались депрессия и гипертония. В целом, по итогам данного исследования, доля традиционной медицины в общем массиве оказываемых медицинских услуг оказалась меньше, чем можно было бы ожидать исходя из ранее проведённых исследований сходной тематики.

В настоящий период рынок альтернативной медицины отмечен увеличением спроса на натуральные лекарственные препараты. Стремительно меняющийся образ жизни обуславливает появление новых форм лекарственной терапии, в том числе и с применением традиционных, или «народных», средств. Претерпевает фундаментальные изменения потребительский подход к сохранению и поддержанию здоровья, в соответствии с которым в обращении к средствам этномедицины нет ничего предосудительного. Индустрия традиционной и комплементарной медицины переживает настоящий бум в последние годы [Sedova, Navrotskiy, Reumer, Bakhtin, 2018]. Определённые виды традиционной и комплементарной медицины показали эффективность в профилактике и лечении целого ряда заболеваний, что, в свою очередь, привлекает инвестиции западных фармацевтических компаний, а также венчурных финансистов².

Ожидается, что к 2028 году объем мирового рынка комплементарной и альтернативной медицины для борьбы со старением и долголетия достигнет 182,9 млрд долларов США, то есть с 2021 по 2028 год увеличится в среднем на 22,2 %³.

¹ WHO traditional medicine strategy:2014-2023 (дата доступа: 11.08.2017).

²Traditional and Complementary Medicine. URL: <https://traditionalmedicine.pharmaceuticalconferences.com/> (дата доступа: 18.11.2018); Preamble / Traditional and Complementary Medicine. URL: <https://traditionalmedicine.pharmaceuticalconferences.com> (дата доступа: 09.08.2019). Традиционные медицины: особенности интеграции в современном мире URL: <http://www.amarussia.ru/wp-content/uploads/2019/11/Программа-конференции-13-2019-..pdf> (дата обращения: 15.11.2019).

³ Global Anti-Aging & Longevity Complementary and Alternative Medicine Market Analysis & Forecasts, 2017–2021 & 2022–2028. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.cb02dcc8-638de1e6-6f340ed-

Всемирная организация здравоохранения активно занимается вопросами традиционной и комплементарной медицины. Все больше и больше исследований, посвященных этномедицине, появляется в серьезных международных журналах, таких как Nature и журнал Американской Медицинской Ассоциации. ВОЗ прогнозирует, что к 2050 году глобальный рынок травяных продуктов будет оцениваться в 5 триллионов долларов США. Возможно, по этой причине ВОЗ включила соответствующие положения в новую Международную классификацию болезней: «В новую МКБ также вошли новые главы, в частности по народной (традиционной) медицине: хотя методами народной медицины пользуются миллионы людей во всем мире, она до сих пор так и не была включена в эту систему классификации»¹.

ВСС Research анализирует глобальную рыночную стоимость ботанических и растительных препаратов, которая по прогнозам вырастет с \$ 29,4 млрд в 2017 году до \$ 39,6 млрд к 2022 году с совокупным ежегодным темпом роста (CAGR) 6,1 % в период 2017–2022 годов. Согласно исследованию ВСС, объемы мирового рынка внебиржевых лекарственных средств и пищевых добавок достигли \$164,7 млрд в 2016 году и должны достичь \$220,8 млрд в 2021 году с совокупным ежегодным темпом роста (CAGR) 6,0 %².

Далеко не все методы этномедицины являются официально признанными в тех или иных странах. Согласно законодательству многих стран, лица, уличенные в применении несанкционированных методов лечения, могут быть подвергнуты административному и даже уголовному преследованию. В Российской Федерации не выработано специальных юридических актов и определений, регулирующих предоставление нелегальных этномедицинских услуг, однако имеются положения о запрете оказания незаконных услуг в целом (ст. 23.1 КоАП РФ)³. Следует отметить, что в некоторых странах санкциям подвергаются и потребители незаконных услуг [Щекин, Кожевников, Бахтин, 2018].

Заключение

Из вышеприведенного обзора можно сделать вывод о том, что рост рынка этномедицины порождает определенные социокультурные и этические проблемы [Седова, 2013], среди которых:

- клиническая доказательность методов этномедицины не подтверждена;
- появление и развитие неконтролируемых сегментов рынка услуг этномедицины;
- негативное отношение местных органов управления здравоохранением к этномедицине.

Подчеркнем, что конфликт ценностей этнокультуры и рыночной экономики в области медицины особенно опасен, и необходимо принять превентивные меры для его предотвращения.

Для усиления этнокультурных аспектов, прежде всего ценностных и нормативных, необходимо создать базу данных о состоянии и развитии рынка этномедицины в России. Для этого потребуется:

- выработать юридическое определение понятия «этномедицина»;

74722d776562/https://www.yahoo.com/entertainment/global-anti-aging-longevity-complementary-104300181.html
(дата доступа: 02.02.2022)

¹ ВОЗ выпускает новый пересмотр Международной классификации болезней (МКБ-11). URL: [https://www.who.int/ru/news-room/detail/18-06-2018-who-releases-new-international-classification-of-diseases-\(icd-11\)](https://www.who.int/ru/news-room/detail/18-06-2018-who-releases-new-international-classification-of-diseases-(icd-11)) (дата обращения: 20.06.2018).

² Tadviser. Государство. Бизнес. Технологии. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> Статьи. Интернет вещей. IoT, M2M (мировой рынок) (дата обращения: 14.03.2022).

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях" от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 11.06.2022). URL: www.consultant.ru.

- составить реестр самозанятых, индивидуальных предпринимателей и частных клиник, оказывающих данные услуги;
- разработать и утвердить процедуру лицензирования, исключив из нее сомнительные или откровенные псевдомедицинские услуги.

Если этого не сделать, этнокультурный смысл этномедицины будет погребен коммерческой составляющей.

Список литературы

- Агаджанян Н.А., Макарова И.И. 2014. Этнический аспект адаптационной физиологии и заболеваемости населения. *Экология человека*, 3: 3–13.
- Алексеева Г.С., Щитикова О.Б. 2016. Организация интегративной помощи пациентам с онкопатологией. *Исследования и практика в медицине*, 3(4): 52–60.
- Антипов В.В., Антипова С.И. 2016. Этнические аспекты и междисциплинарные проблемы медицины. Часть 2. Междисциплинарные этнические проблемы в медицине. *Медицинские новости*, 9: 21–24.
- Горшкова Л.В. 2017. Основные направления медицинского туризма: статистический анализ. *Социальная политика и социология*, 16-5(124): 16–24.
- Громова О.Б., Рыбалкина О.Г. 2017. Традиционная медицина в системе здравоохранения стран Африки. *Азия и Африка сегодня*, 1: 57–61.
- Каленова С.А. 2018. Мировой опыт развития медицинского туризма. *Вестник университета Туран*, 4(80): 142–146.
- Седова Н.Н. 2013. Биоэтика этноса или этническая биоэтика? *Биоэтика*, 2: 5–9.
- Степанов В.А. 2010. Геномы, популяции, болезни: этническая геномика и персонализированная медицина. *Actanaturae*, 2-4(7): 18–34.
- Сухарева И.В., Сухарева Н.Н. 2017. Этническая медицина в системе жизнеобеспечения народов. *Вестник Башкирского государственного медицинского университета*, 5: 34–39.
- Трошин В.А. 2009. Проблемы интегративного врачевания. *Медицинский Альманах*, 2(7): 25–33.
- Щекин Г.Ю., Кожевников Л.Л., Бахтин В.А. 2018. Этика и право в медицинском туризме. *Биоэтика*, 2: 57–59.
- Eissler L.A., Casken J, Seeking health care through international medical tourism. *J NursScholarsh.* 2013; 45(2): 177-84.
- Sedova N., Minasyan L., Shchekin G., Tabatadze G., Kostenko O. 2021. Russian healthcare in the development of medical tourism. *All issues, E3S Web Conf.*, 273: 09003.
- Sedova N.N., Navrotskiy V.A., Reymer M.V., Bakhtin V.A. 2018. The ethnic Plots of Bioethics. *Jahr – European Journal of Bioethics*, 9(2): 143–158.

References

- Aghajanyan N.A., Makarova I.I. 2014. Ethnic aspect of adaptive physiology and morbidity of the population. *Human Ecology*, 3: 3–13 (in Russian).
- Alekseeva G.S., Shchitikova O.B. 2016. Organization of integrative care for patients with oncopathology. *Research and Practice in Medicine*, 3(4): 52–60 (in Russian).
- Antipov V.V., Antipova S.I. 2016. Ethnic aspects and interdisciplinary problems of medicine. Part 2. *Interdisciplinary ethnic problems in medicine. Medical News*, 9: 21–24 (in Russian).
- Gorshkova L.V., 2017. The Main Directions of Medical Tourism: Statistical Analysis. *Social Policy and Sociology*, 16-5 (124): 16–24 (in Russian).
- Gromova O.B., Rybalkina O.G. 2017. Traditional medicine in the healthcare system of African countries. *Asia and Africa Today*, 1: 57–61 (in Russian).
- Kalenova S.A. 2018. World Experience of Medical Tourism development. *Bulletin of the University of Turan*, 4(80): 142–146 (in Russian).
- Sedova N.N. 2013. Ethnos bioethics or ethnic bioethics? *Bioethics*, 2: 5–9 (in Russian).
- Stepanov V.A. 2010. Genomes, populations, diseases: ethnic genomics and personalized medicine. *Actanaturae*, Vol. 2, No. 4(7): 18–34 (in Russian).
- Sukhareva I.V., Sukhareva N.N. 2017. Ethnic medicine in the life support system of peoples. *Bulletin of Bashkir State Medical University*, 5: 34–39 (in Russian).

- Troshin V.A. 2009. Problems of integrative healing. *Medical Almanac*, 2(7): 25–33 (in Russian).
- Shchekin G.Yu., Kozhevnikov L.L., Bakhtin V.A. 2018. Ethics and law in medical tourism. *Bioethics*, 2: 57–59.
- Eissler L.A., Casken J. 2013. Seeking health care through international medical tourism. *J NursScholarsh*, 45(2): 177–84.
- Sedova N., Minasyan L., Shchekin G., Tabatadze G., Kostenko O. 2021. Russian healthcare in the development of medical tourism. All issues, E3S Web Conf., 273: 09003.
- Sedova N.N., Navrotskiy B.A., Reymer M.V., Bakhtin V.A. 2018. The ethnic Plots of Bioethics. Jahr – European. *Journal of Bioethics*, 9(2): 143–158.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 02.04.2022

Received April 2, 2022

Поступила после рецензирования 02.05.2022

Revised May 2, 2022

Принята к публикации 25.05.2022

Accepted May 25, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бахтин Виктор Александрович, преподаватель кафедры «Сервис, туризм и индустрия гостеприимства», Донской государственной технической университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Victor A. Bakhtin, Teacher of the Department "Service, Tourism and Hospitality industry", Don State Technical University Rostov-on-Don, Russia

УДК 141.4

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-839-846

Диалог философии и религии в контексте современной социокультурной реальности: может ли философия быть «новой религией»?

Казаков Е.Ф., Грицкевич Т.И., Жукова О.И.

Кемеровский государственный университет,
Россия, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6

E-mail: kemcitykazakov@mail.ru; taigree@yandex.ru; oizh@list.ru

Аннотация. Авторы исследуют ступени генезиса мировоззрения, проблемы его актуализации в современный период истории. Показано, что у человека можно выделить два важнейших способа постижения мира: иррациональный и рациональный, опирающиеся соответственно на веру и знание. Эволюция мировоззрения приводит к преобразованию человека иррационального (больше верящего) в человека рационального (больше знающего), и далее – к человеку рационально-иррациональному (с нарастающей актуализацией последнего). Если на первых этапах доминирующую роль играли миф, религия, а потом – наука, то в настоящее время интегрирующую роль в становлении целостного мировоззрения может осуществить философия. Философия стремится не к частичному, конкретному, относительному, внеценностному знанию, а к знанию полному, абсолютному, целостному и ценностному. Сделан вывод о том, что во всё более хаотизирующемся мире философия способна ассимилировать и научные, и религиозные идеи, интегрировать достижения всей человеческой культуры, став основой для становления всеединства.

Ключевые слова: мировоззрение, вера, знание, религия, философия, наука, миф, рациональное, иррациональное, всеединство

Для цитирования: Казаков Е.Ф., Грицкевич Т.И., Жукова О.И. 2022. Диалог философии и религии в контексте современной социокультурной реальности: может ли философия быть «новой религией»? *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*, 47(4): 839–846. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-839-846

The Dialogue of Philosophy and Religion in the Context of Modern Socio-Cultural Reality: Can Philosophy Be a "New Religion"?

Evgeny F. Kazakov, Tatiana I. Gritskevich, Olga I. Zhukova

Kemerovo State University,

6 Krasnaya St, Kemerovo 650000, Russian Federation

E-mail: kemcitykazakov@mail.ru; taigree@yandex.ru; oizh@list.ru

Abstract. The authors explore the stages of the genesis of the worldview, the problems of its actualization in the modern period of history. It is shown that a person can distinguish two most important ways of understanding the world: irrational and rational, based respectively on faith and knowledge. The evolution of the worldview leads to the transformation of an irrational person (who believes more) into a rational person (who knows more), and then to a rational–irrational person (with the increasing actualization of the latter). If at the first stages myth and religion played a dominant role, and then science, then at present philosophy can play an integrating role in the formation of a holistic worldview. Philosophy strives not for partial, concrete, relative, non-valuable knowledge, but for complete, absolute, integral and valuable knowledge. It is concluded that in an increasingly chaotic world, philosophy is able to assimilate both scientific and religious ideas, integrate the achievements of the entire human culture, becoming the basis for the formation of unity.

Keywords: worldview, faith, knowledge, religion, philosophy, science, myth, rational, irrational, unity

For citation: Kazakov E.F., Gritskevich T.I., Zhukova O.I. 2022. The Dialogue of Philosophy and Religion in the Context of Modern Socio-Cultural Reality: Can Philosophy Be a "New Religion"? NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 839–846 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-839-846

Введение

Знания – те представления, которые мы можем доказать, опираясь на факты и логику. Вера – те представления, которые мы принимаем без доказательств, исходя из «выбора» наших чувств. Понятие «верящий человек» – более широкое, чем понятие «верующий человек». *Верующий* человек – тот, кто является носителем того или иного религиозного мировосприятия. Верующими являются далеко не все люди. *Верящий* человек – тот, для кого вера в те или иные иррациональные представления является важнейшим основанием мировосприятия. Таковыми в той или иной степени являются все. Даже завзятые атеисты верят в себя, судьбу, удачу, приметы, дружбу и любовь, важность своей жизни, своего дела, верят в правоту или неправоту определённых идей. Таким образом, можно говорить о вере (религиозной) в «узком» смысле слова, и вере (в любые иррациональные представления) в «широком» смысле слова.

Вера – фундаментальнее знания, так как всё самое главное в нашей жизни – предмет веры: мы верим, что завтра (и далее...) будем живы, хотя доказать это не можем; верим, что будем любить и будем любимы, но это вовсе не очевидно; верим, что не заболеем ужасной болезнью, что не будет страшной войны, техногенной катастрофы; верим, что у нас будет счастливая семья, чудесные дети, что сложится карьера, что нас не предаст близкий человек... И всё это – предмет почти «голой» веры. Без веры мы не можем прожить и дня (потому что всё, что мы делаем сегодня, – мы делаем, полагая, что это пригодится в будущем; значит, верим, что будущее наступит). Если веру убрать, то у человека исчезнет «твёрдая почва» под ногами, ему не на что будет опереться. И в филогенезе, и в онтогенезе вера рождается вместе с человеком и остаётся с ним на протяжении всей жизни. С этой точки зрения можно сказать, что жизнь человека и вера – синонимы.

От homo fidelis к homo absurdum

Акцент на рациональность, когнитивность западной культуры имеет античные корни. И Платон, и Аристотель считали разум высшей частью человеческой души. В чеканной формуле *cogito ergo sum* закрепляет эту традицию Р. Декарт. Однако рациональной доминантой западная культура никогда не исчерпывалась. Это касается и античности (миф, скептики, стоики), и средневековья (делающего акцент на религиозную веру, волю, пусть и в союзе с разумом), и Нового времени (сенсуализм, иррационализм, интуитивизм, философия жизни), и современности (экзистенциализм, неотоцизм, постмодернизм). Тем не менее в западной культурной традиции утвердилось определение человека как *homo sapiens*; хотя изначально было понятно, что он гораздо многограннее, и вера имеет для него не менее фундаментальное значение. «Боль жизни гораздо могущественнее интереса к жизни. Вот отчего религия всегда будет одолевать философию», – писал В.В. Розанов [2021, с. 54].

Соотношение рационального и иррационального в человеке имеет динамичный характер, доминанта той или иной стороны задаёт и соответствующий взгляд на человека, находящий выражение в адекватной ему дефиниции. Около 84 % населения планеты – верующие [Перов, 2012]. Учитывая, что первые этапы развития общества были тотально мифо-религиозными (где рациональное выступало лишь «внутренним моментом»), чело-

века с полным на то основанием можно определить как «*существо иррациональное*» (*homo irrationalis*) или «*существо верующее*» (*homo fidelis*). Это определение вполне коррелируется с экзистенциальным определением человека как «*существа абсурдного*» (*homo absurdum*). Тертуллиан, как известно, говорил: «Верую, потому что абсурдно» [Тертуллиан, 2011, с. 84]. Человек верит «не потому что», «не ради того, что», а вопреки всему (вопреки тому, что видят глаза и слышат уши). *Верующий* (как и просто *верящий*) человек всегда предстаёт человеком абсурдным. Хотя человек абсурдный не всегда предстаёт человеком *верующим* (так как может быть атеистом), но всегда предстаёт человеком *верящим*.

Становление рационального, иррационального, эстетического, морального происходит в рамках синкретичного мифического мировоззрения, они предстают его «внутренними моментами», исполняя служебные функции (в определённой мере функционируя и автономно). Миф выступает в решающей степени иррациональным мировосприятием. Поэтому правомерно было бы определять не только первобытного, но и современного человека (тоже находящегося в плену ряда мифов) как *homo mifologius*. Мировоззрение имеет важную мифическую составляющую на всём протяжении истории [Лосев, 2021, с. 12], поэтому данное определение предстаёт общекультурным, общечеловеческим.

На мифо-религиозном этапе человеческой истории (продолжающемся в Европе в основном до 16–17 веков; в той или иной степени длящемся и донныне) формируется и утверждается *homo religious* [Gavrilov et al., 2020, p. 40]. В Новое время начинается переход к логоцентрическому мировосприятию. На смену *homo religious* всё более приходит *homo sapiens*. Нарастание светского взгляда на мир, доходящего до «воинствующего» атеизма, приводит к формированию *homo sapiens areligious*. Это было революционное по своим культурным последствиям изменение: интеллектуальное (светское) отделяется от мифо-религиозного, во многом противостоя ему, подчиняя его. Выделившись из целостной мифо-религиозной картины мира, рациональное из части стремится к превращению в самодостаточное целое. Отрыв от религии становится в решающей степени разрывом с религиозной моралью. Попытки вычленив из религиозной морали общечеловеческую, придав ей только светский характер, оказались малопродуктивны. Заполнить образовавшуюся в душе «дыру размером с Бога» (Ж.-П. Сартр) ни светская мораль, ни научное мировоззрение, ни фэнтези, ни виртуальная реальность не смогли. Мораль, не подкреплённая авторитетом Бога, «размывается». Вместе со «смертью Бога» происходит «*смерть*» *морали*, умирание веры в метафизический миропорядок (имморализм Ф. Ницше, релятивизм современной морали).

Редукция морали приводит к утверждению *безоценочного* сознания (подпитываемого распространяющимся позитивистски-прагматическим мировосприятием). Так, Р. Рорти утверждает, что не существует абсолютных моральных норм; моральным в обществе признаётся то, что начинает считать должным «достаточная масса» людей [Рорти, 2004]. *Homo sapiens areligious* превращается в *homo sapiens amoralis*. Разрыв рационального и морального привёл к доминанте регресса над прогрессом (по Аристотелю, «если человек больше движется в науках, но отстаёт в морали, то он больше движется назад, чем вперёд») [Аристотель, 2021, с. 34]. Нарастание в современную эпоху хаоса (вызванного в том числе и ослаблением основ религиозно-морального миропорядка) привело к редукции возможностей рационального миропостижения и мирорегулирования (так как «*формулы хаоса нет*») [Пригожин, Стенгерс, 2021, с. 124], к катастрофическому нарастанию безрассудности [Gritskevich et al., 2019, p. 25]. Бессознательное, импульсивное, сумбурное, абсурдное начинает доминировать всё более.

В результате *homo sapiens* превращается в *homo asapiens*, *homo absurdum*. Логика европейской истории выстраивается вполне в соответствии с гегелевской триадой: тезис – *homo absurdum* (мифо-религиозный этап), антитезис – *homo sapiens* (научно-позитивистский этап), синтез – современный *homo absurdum* (со свойственной ему *пост-*

правдой и постморалью). Нынешний «возврат» к *homo absurdum* происходит на новом уровне: абсурд современного человека имеет в большей степени не религиозный, а светский характер. Алогичность становится общей чертой и религиозного, и светского мировосприятия.

Мир настолько многообразен, сумбурен и противоречив, что практически под каждое утверждение можно подобрать факты [Поппер, 2019, с. 76]. Какие же факты выбрать, какие доказательства и логику принять? В этом бесконечном выборе приходится исходить из веры. Получается, что за знанием всё больше «скрывается» вера (или неверие) в него. Новый смысл приобретают высказывание Августина Блаженного о том, что «человек верит, чтобы понимать». Знания отбираются, выстраиваются, принимаются исходя из веры, подтверждая и развёртывая её.

Философия как «религия нового средневековья»

Опираясь на веру (как религиозную, так и светскую), современный человек вступает в «новую эпоху», в чём-то созвучную с прежними. Это нашло выражение, например, в идее наступления «нового средневековья» (Р. Вакка, У. Эко, У. Бек) [Эко, 1994], одной из составляющих которого является важная роль иррационального [Khanna, 2009; Galina M., 2014; Kasper, 2014; Rozman, 2017; Cosgel et al., 2018]. Всё более актуальной становится потребность внести в хаотизирующуюся картину мира «новую упорядоченность», «новую целостность», новую интегральную концепцию, предстающую (в соответствии с «философией всеединства») синтезом философии, религии и науки [Соловьёв, 2010, с. 45-46]. Наука, разрушив мифо-религиозный «дом», в котором человечество жило на протяжении большей части своей истории, предложило свою картину мира, но оказалась неспособна создать «новый дом», в котором можно было бы жить. Научная эпоха – это эпоха человеческой «бездомности», «бесприютности» [Бубер, 1995, с. 21-22]. Роль оси, вокруг которой будет строиться новая целостная картина мира (с возможностью превратиться в «новый дом»), может сыграть философия (не то или иное её направление в отдельности, а философское мировоззрение в целом).

Единой религии быть не может, и единой философии – тоже. Но, если каждая религия претендует на знание абсолютной истины, то философское знание изначально относительно. Это делает философию более открытой системой, способной к ассимиляции многообразных идей, а значит, способной на развитие, вплоть до самоотрицания. В отличие от религиозных постулатов, философские идеи предполагают (иногда осознанно провоцируют) критику и самокритику. Поэтому они, даже исключая, дополняют (продолжают) друг друга, актуализируя противоположные аспекты истины. Философия (в широком смысле) – более «всёшная», многовекторная, чем религия. Она включает в себя религиозное и атеистическое; рациональное и иррациональное; идеалистическое и материалистическое; объективное и субъективное; абсолютное и относительное. Философия – «больше» и религии, и науки, и мифа, и искусства.

Предельно близка к религии религиозная философия, нередко отличаясь лишь отсутствием священнослужителей, ритуалов и обрядов. Философия способна включать в себя не только трансцендентальное, но и трансцендентное (в терминах И. Канта) знание, то есть выходящее за границы возможного опыта (Платон, Г. Гегель, В. С. Соловьёв). Существует и понятие «философский бог» («бог философов»): это когда философ, рассуждая о первоначале мира, не называет его именем бога какой-либо из мировых религий (Саваоф, Аллах), чтобы не попадать в плен её догматов, а сохранить свободу мысли [Gavrilov et al., 2020, p. 41]. Обычно в таком случае используются более абстрактные наименования, такие как «мировая душа», «мировой дух», «мировой разум», «абсолютная идея».

Практически полноценной религией может быть и материалистическая философия (как, например, марксистско-ленинское учение в СССР). Однако и философия в целом близка религии. Философия, как и религия, стремится постичь абсолютную истину. Отличие лишь в том, что религия утверждает, что знает её, а философия чаще говорит, что стремление к ней – бесконечно. Религия поклоняется тем, кто приблизился к истине больше всего (святым), и философия преклоняется (иногда возводя в незыблемый авторитет, как то многие века было, например, с Аристотелем) перед теми, кто постиг истину (великие мыслители). Правда иногда это «поклонение авторитетам» превращается в беконовские «идолы театра», препятствующие постижению истины. С другой стороны, и в религии существует поклонение великим мыслителям, творцам. Так, в *каодаизме* (3 млн последователей) «святыми» считаются поэт Ли Бо, драматург В. Шекспир, учёные Л. Пастер и К. Фламарион, писатели В. Гюго и Л. Толстой, политики В. Ленин и У. Черчилль [Благов, 2011].

Нередко религии решают проблемы, являющиеся и предметом размышлений философов: как возникло мироздание, что такое человек, в чём смысл жизни, что такое смерть и бессмертие. Так, *бахайзм* (около 6 млн последователей) рассуждает о правомерности самостоятельного поиска истины каждым человеком; об отказе от расовых, национальных, религиозных, классовых, политических, гендерных предрассудков; о создании мировой цивилизации на основе принципов безопасности, справедливости, духовности [Степнянц, 2009].

В философии латентно присутствует и момент веры. Отдавая предпочтение тому или иному великому мыслителю, философ опирается на своё субъективное восприятие его идей и, в конце концов, на свою веру. Мы «понимаем, чтобы верить» (П. Абеляр) и «верим, чтобы понимать» (Августин Блаженный); и эти два витка (рационального и иррационального) постижения мира дополняют, продолжают друг друга. Ведь если вера истинная и знание истинное, то они должны сходиться, представая разными способами постижение (через чувство и дискурс) одного и того же мира.

В отличие от науки, философия стремится не к частичному, конкретному, относительному, внеценностному знанию, а к знанию полному, абсолютному (относительное понимается как путь к абсолютному или как грань его), целостному, ценностному. В отличие от искусства, морали и прикладной науки, философия не имеет такой связи с рынком, политикой, государственной идеологией, оборонными заказами. Сохраняя элитарность, она не стала (в такой степени, как они) частью массовой культуры. Занимаясь в большой степени отвлечёнными от конкретики и конъюнктуры проблемами, она (как и фундаментальная наука) оказалась «ненужной». И это «худо» предстало «добром»: философия сохранила «чистый», непосредственный, непредвзятый интерес к познанию глубинных проблем бытия. Этим она «выстрадала» право быть фундаментом современного мировоззрения.

В человеческой истории, как отмечалось выше, можно выделить три периода: мифо-религиозный (с доминантой иррационального познания); научно-позитивистский (с доминантой рационального познания); современный (рационально-иррациональный с нарастанием активности последнего). В первом периоде ведущую роль играют миф и религия, во втором – наука. Третьему периоду вполне может соответствовать философия, в которой присутствуют рациональная и иррациональная парадигмы, и их синтез. Данная периодизация развивает идею О. Конта, выделяющего теологическую, метафизическую и позитивистскую ступени истории [Конт, 2003]. Вторая ступень не рассматривается им как самостоятельная, она понимается лишь как переходная («транзитный пункт») от первой к третьей. Но, если О. Конт считал позитивистскую стадию высшей и последней, то с нашей точки зрения, эта стадия может лишь предшествовать философской ступени.

Метафизическая ступень (в понимании О. Конта) имеет сходство с философской, также включающей в себя стремление к абсолютному знанию, выявлению предельной

сущности вещей, определённую степень умозрительности. Но между этими стадиями есть и существенное различие: если контовская метафизическая ступень существовала до «триумфа наук», то философская (возникнув также до «триумфа») – и после. Если первая своей умозрительностью отрицает научное познание, то вторая ассимилирует как научные, так и религиозные идеи, изыскивая там и там «зёрна истины», сопрягая их друг с другом.

Заключение

В современный период истории возникают *постнаука, постправда, постмораль*. Чем больше увеличивается в мире хаос, тем более сужается «ниша» рационального (научно-позитивистского), так как «формулы энтропии» нет. Нарастающее бессилие интеллекта сопровождается усиливающимся «выбросом» бессознательного (обусловленным нарастанием сумбура, и обуславливающим его). Реакцией на это (и одновременно проявлением этого) является происходящий в настоящее время всплеск безрассудности (имеющей как религиозный, так и светский характер), стимулировавший (в том числе) размышления о наступлении «нового средневековья». Но «новое средневековье» не может быть новым религиозным этапом (история не развивается по кругу), от научно-технических достижений человечество никуда не уйдёт. Следующим этапом истории может быть только «новый синтез» религиозного, научного и метафизического мышления, который и способна осуществить философия [Казаков, 2021].

По К. Ясперсу, современная эпоха не может обойтись без веры, но она будет в решающей степени уже не религиозная, а философская [Ясперс, 2017]. «Философская вера» есть синтез рационального (логически выстроенного) и иррационального (основанного на *моей* вере в истинность того или иного мироощущения). Что важно для современного человека, «философскую веру» нельзя навязать (она оставляет свободным), она может быть лишь осмыслена и сознательно принята *мною*. «Философская вера» не окончательна, она обсуждаема, коммуникативна, многогранна, динамична.

Идея синтеза науки, философии и теологии (религии) развивалась В. Соловьёвым в «философии всеединства» [Соловьёв, 2010]. Целостный мир может постигнуть только целостный человек через целостное знание. Философия здесь предстаёт как «мировое древо» человеческого познания, «корнями» которого служат миф, религия, искусство, литература и наука; питая «древо» своими «соками», превращаясь в единую «новую плоть». Идеальный человек будущего – это «человек, равный человечеству» [Gritskевич et al., 2019, 750]. Органичным для него будет интегральное мировосприятие, «равное» мировой культуре. Такую миссию и способна выполнить философия, должна предстать не только квинтэссенцией эпохи, но и квинтэссенцией всей человеческой культуры.

Список литературы

- Аристотель. 2021. Этика. Политика. Риторика. М., Эксмо, 544 с.
- Благов С. А. 2011. Као-дай. В кн.: Философия буддизма: энциклопедия. М., Восточная литература, 1045 с.
- Бубер М. 1995. Два образа веры. М., Республика, 464 с.
- Казаков Е.Ф. 2021. Философия как «новая религия». В кн.: Философия в полицентричном мире. М., Логос: 801–804.
- Конт О. 2003. Дух позитивной философии. М., Феникс, 256 с.
- Лосев А. Ф. 2021. Диалектика мифа. М., АСТ, 448 с.
- Перов С.А. 2012. Под каким Богом ходят люди? Россия сегодня. URL: <https://inosmi.ru/world/20121222/203658541.html> (дата обращения: 05.01.22)
- Поппер К. 2019. Вопросы познания природы. М., Едиториал УРСС, 208 с.
- Пригожин И., Стенгерс И. 2021. Порядок из хаоса. М., Едиториал УРСС, 320 с.
- Розанов В.В. 2021. Уединённое. Апокалипсис нашего времени. М., Мартин, 224 с.
- Рорти Р. 2004. Универсализм, романтизм, гуманизм. М., РГГУ, 269 с.

- Соловьёв В.С. 2010. Оправдание добра. М., Академический проект, 671 с.
- Степанянц М.Т. 2009. Предисловие. В кн.: Индийская философия: энциклопедия. М., Восточная литература, 950 с.
- Тертуллиан К.С. Ф. 2011. Апология. М., Северо-Запад Пресс АСТ, 432 с.
- Эко У. 1994. Средние века уже начались. Иностранная литература, 4: 258–267.
- Ясперс К. 2017. Введение в философию. Философская автобиография. М., Канон+, 304 с.
- Gavrilov O.F., Gavrilov E.O., Kazakov E. F. Markov V.I. 2020. Religion and Philosophy: Experience and Perspectives of Interaction. Proceeding of the International Science and Technology Conference Solovev D.B., Savaley V.V., Bekker A.T., Petukhov V.I. (eds) "FarEastCon 2020". Smart Innovation, Systems and Technologies, 227: 39–49.
- Cosgel M., Histen M., Miceli T. 2018. Tate and religion over time. Journal of comparative economics, Vol. 46(1): 20–34.
- Galina M. 2014. Globalization as new middle ages. Novyi mir. 4: 217–221.
- Gritskovich T.I., Zolotukhin V.M., Kazakov E.F. 2019. Sociocultural grounds for transforming the concept of «man without essence». Smart Innovation, Systems and Technologies, 139: 743–751.
- Kasper K. 2014. The Future of the Past The "New Middle Ages" in the Russian Contemporary Novel. Osteuropa, 64(7): 121–129.
- Khanna P. 2009. Europe 2030: forward in the new Middle Ages. Internationale politik, 64 (5): 16–20.
- Rozman M.P. 2017. The Meaning and Role of Religion in Postmodern Society and the Question of the Essence of the Religious Phenomenon. Bogoslovni vestnik-theological quarterly-ephemerides theologicae, 77(2): 289–302.

References

- Aristotel'. 2021. Jetika. Politika. Ritorika [Ethics. Politics. Rhetoric]. Moscow, Publ. Jeksmo, 544 p.
- Blagov S.A. 2011. Kao-daj [Kao-dai]. Filosofija buddizma: jenciklopedija. Moscow, Publ. Vostochnaja literatura: 1045.
- Buber M. 1995. Dva obraza very [Two images of faith]. Moscow, Publ. Respublika, 464 p. (in Russian)
- Kazakov E.F. 2021. Filosofija kak «novaja religija» [Philosophy as a "new religion"]. Filosofija v policentrichnom mire. Dopolnenija i stendovye doklady Vos'mogo Rossijskogo Filosofskogo Kongressa. Moscow, Publ. Logos, 801–804.
- Kont O. 2003. Duh pozitivnoj filosofii [The spirit of positive philosophy]. Moscow, Publ. Feniks, 256 p. (in Russian)
- Losev A. F. 2021. Dialektika mifa [Dialectics of myth]. Moscow, Publ. AST, 448 p. (in Russian)
- Perov S.A. 2012. Pod kakim Bogom hodjat ljudi? [What kind of God do people walk under?]. Rossija segodnja. Available at: <https://inosmi.ru/world/20121222/203658541.html> (accessed: 05 January 22). (in Russian)
- Popper K. 2019. Voprosy poznaniya prirody [Questions of cognition of nature]. Moscow, Publ. Editorial URSS, 208 p.
- Prigozhin I., Stengers I. 2021. Porjadok iz haosa [Order from chaos]. M.: Editorial URSS: 320.
- Rozanov V.V. 2021. Uedinjonnoe. Apokalipsis nashego vremeni [Secluded. The Apocalypse of our time]. Moscow, Publ. Martin, 224 p. (in Russian)
- Rorti R. 2004. Universalizm, romantizm, gumanizm: Lekcija [Universalism, Romanticism, humanism: Lecture]. Moscow, Publ. RGGU, 269 p.
- Solov'jov V. S. 2010. Opravdanie dobra [Justification of good]. Moscow, Publ. Akademicheskij proekt, 671 p.
- Stepanjanc M.T. 2009. Predislovie [Preface]. Indijskaja filosofija: jenciklopedija. Moscow, Publ. Vostochnaja literature, 950 p.
- Tertullian K. S. F. 2011. Apologija [Apologia]. Moscow, Publ. Severo-Zapad Press AST, 432 p.
- Jeko U. 1994. Srednie veka uzhe nachalis' [The Middle Ages have already begun]. *Inostrannaja literatura*, 4: 258–267.
- Jaspers K. 2017. Vvedenie v filosofiju. Filosofskaja avtobiografija [Introduction to philosophy. Philosophical autobiography]. Moscow, Publ. Kanon: 304 p.
- Gavrilov O.F., Gavrilov E.O., Kazakov E.F., Markov V.I. 2020. Religion and Philosophy: Experience and Perspectives of Interaction. Proceeding of the International Science and Technology

- Conference Solovev D.B., Savaley V.V., Bekker A.T., Petukhov V.I. (eds) "FarEastSon 2020". *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 227: 39–49.
- Cosgel M., Histen M., Miceli T. 2018. Tate and religion over time. *Journal of comparative economics*, 46(1): 20–34.
- Galina M. 2014. Globalization as new middle ages. *Novyi mir*, 4: 217–221.
- Gritskevich T.I., Zolotukhin V.M., Kazakov E.F. 2019. Sociocultural grounds for transforming the concept of «man without essence». *Smart Innovation, Systems and Technologies*, 139: 743–751.
- Kasper K. 2014. The Future of the Past The "New Middle Ages" in the Russian Contemporary Novel. *Osteuropa*, 64(7): 121–129.
- Khanna P. 2009. Europe 2030: forward in the new Middle Ages. *Internationale politik*, 64 (5): 16–20.
- Rozman M.P. 2017. The Meaning and Role of Religion in Postmodern Society and the Question of the Essence of the Religious Phenomenon. *Bogoslovni vestnik-theological quarterly-ephemerides theologicae*, 77(2): 289–302.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 16.05.2022

Поступила после рецензирования 16.08.2022

Принята к публикации 30.10.2022

Received May 16, 2022

Revised August 16, 2022

Accepted October 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Казakov Евгений Фёдорович, доктор культурологии, профессор кафедры философии и общественных наук, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Evgeny F. Kazakov, Doctor of Cultural Studies, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Грицкевич Татьяна Игоревна, доктор философских наук, профессор кафедры философии и общественных наук, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Tatiana I. Gritskevich, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

Жукова Ольга Ивановна, доктор философских наук, заведующая кафедрой философии и общественных наук, Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

Olga I. Zhukova, Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences, Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ THESIS

УДК 340.12

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-847-854

Право и идея высшей нравственной справедливости у славянофилов и почвенников

Липич Т.И. , Липич Д.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85
E-mail: lipich@bsu.edu.ru; lipich_v@bsu.edu.ru

Аннотация. На протяжении всего XIX века в отечественной философии права не утихали споры о формировании справедливого гражданского общества, в котором был бы найден баланс между религией, моралью и правом. В современном российском обществе появилась потребность в изучении наследия прошлого, и прежде всего, анализа философско-правовых взглядов славянофилов и почвенников. Они заложили фундамент осмысления нравственно-правового идеала в русской религиозно-философской мысли, основанного на традиционных ценностях, соблюдении принципов соборности в государственном и общественном устройстве. Авторами рассмотрены вопросы законности как одного из важных элементов понимания славянофилами государственно-правового идеала. В результате выявлено, что славянофилы и почвенники видели объективную связь между общественными отношениями и нормами правового регулирования. Особо отмечали, что правовые обычаи должны формироваться на основе традиций и местных условий в культурной, хозяйственной, бытовой и других сферах жизни общества. Славянофилы и их последователи считали, что определяющим в обществе должен быть примат внутренней правды (справедливости) над внешней (юридическим законом). Авторами сделан вывод о том, что в качестве идеала христианского устройства общества славянофилы провозглашали такое сообщество людей, где люди будут творить добро без внешнего принуждения в виде законов и юридических норм.

Ключевые слова: мировоззрение, закон, справедливость, право, мораль, религия, нравственность, традиции, юридическая норма

Для цитирования: Липич Т.И., Липич Д.В. 2022. Право и идея высшей нравственной справедливости у славянофилов и почвенников. NOMOTNETIKA: Философия. Социология. Право, 47(4): 847–854. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-847-854

Law and the Idea of Higher Moral Justice Among Slavophiles and Soil Scientists

Tamara I. Lipich , Dmitry V. Lipich

Belgorod-National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod 308015, Russian Federation
E-mail: lipich@bsu.edu.ru; lipich_v@bsu.edu.ru

Annotation. Throughout the XIX century, in the Russian philosophy of law, disputes about the formation of a just civil society, in which a balance between religion, morality and law would be found, did not

subside. In this regard, in modern Russian society there is a need to study the heritage of the past, and above all, to analyze the philosophical and legal views of Slavophiles and soil scientists. They laid the foundation for understanding the moral and legal ideal in Russian religious and philosophical thought, based on traditional values, observance of the principles of conciliarity in the state and social structure. The article examines the issues of legality as one of the important elements of the Slavophiles' understanding of the state-legal ideal. As a result, it was revealed that Slavophiles and soil scientists saw an objective connection between social relations and the norms of legal regulation. It was emphasized that legal customs should be formed on the basis of traditions and local conditions in cultural, economic, household and other spheres of society. Slavophiles and their followers believed that the primacy of internal truth (justice) over external (legal law) should be decisive in society.

The authors conclude that the Slavophiles proclaimed such a community of people as the ideal of the Christian structure of society, where people would do good without external coercion in the form of laws and legal norms.

Keywords: worldview, law, justice, law, morality, religion, morality, traditions, legal norm

For citation: Lipich T.I., Lipich D.V. 2022. Law and the Idea of Higher Moral Justice Among Slavophiles and Soil Scientists. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 847–854. (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-847-854

Самое «право» не есть нечто само для себя и по себе
существующее: неспособное выразить полноты жизни и
правды, оно должно ведать свои пределы и находиться,
так сказать, в подчиненном отношении к жизни и
к идее высшей нравственной справедливости
И.С. Аксаков

Введение

Современные исследования в области русской философии права и культуры носят весьма актуальный характер. Прежде всего, это связано с новым осмыслением того духовного багажа, который оставила нам русская философская мысль конца XIX – начала XX века, соединенная с сегодняшними теоретическими размышлениями в самых разных аспектах становления русского национального мировоззрения невидимыми нитями. Одним из таких аспектов является становление русской философии права, русской государственности, законодательства, в целом правовой системы.

Философским, политическим и правовым взглядам славянофилов, неославянофилов и почвенников в современной литературе посвящен ряд работ, направленных на выявление методологической базы формирования русской философии права начала XX века. К примеру, можно выделить работы таких авторов, как Васильев А. А., Клименко Т.М., Киреев А.А., Шипов Д.Н. и другие, которые достаточно подробно рассматривают нравственно-религиозные, философско-правовые аспекты творчества славянофилов, неославянофилов, почвенников.

Вместе с тем в этих исследованиях отсутствует целостный взгляд на анализ теоретического вклада представителей этих направлений в формировании общей философско-правовой концепции, соотношение морали, религии и права в русской религиозно-философской интеллектуальной традиции.

Авторами поставлена цель показать преемственность идей о государстве и праве ранних славянофилов в формировании философско-правовых взглядов представителей почвенничества и неославянофилов; обосновать положение о том, что нравственно-правовой идеал славянофилов формируется на основе традиционных ценностей, на соблюдении принципов соборности в государственном и общественном устройстве.

О соотношении «внутренней» и «внешней» правды в славянофильской государственно-правовой доктрине

Представители разных направлений философско-правовой мысли с большим или меньшим успехом обращались к данной проблематике. Уже старшие славянофилы пытались решить проблему государственно-правового идеала. В частности, И. Киреевский, братья К. и И. Аксаковы, А. Хомяков изучали вопросы соборного устройства русского общества и государства, доминирования духовно-нравственных ценностей и, что очень важно, осмысления справедливости и правды.

Они считали, как отмечал А.А. Васильев, что церковь, семья, община – «внутренняя правда» – являются основными и доминирующими регуляторами жизни людей в обществе, а закон как «внешняя правда» при этом может выполнять только дополнительную функцию [Васильев, 2012]. В этом смысле они явно выступали в противовес западноевропейской традиции, отдающей главенствующую роль закону как «внешней правде» на основе внешнего (государственного) принуждения.

Вопросы законности как одного из важных элементов понимания славянофилами государственно-правового идеала интересовали И. Киреевского, который увидел объективную связь между общественными отношениями и нормами правового регулирования. Он считал, что закон с позиции необходимости и формальной логики может регулировать общественные процессы. По его мнению, русское общество формировалось и развивалось согласно внутреннему нравственному закону и не нуждалось во внешнем ограничительном начале в виде государственных правовых норм, которые, кстати, не просто записывались на бумаге, а фиксировались после того, как проходили свою апробацию в народных нравах и обычаях. Он писал: «Логическое движение законов может существовать только там, где самая общественность основана на искусственных условиях; где, следовательно, развитием общественного устройства может и должно управлять мнение всех или некоторых. Но там, где общественность основана на коренном единомыслии, там твердость нравов, святость предания и крепость обычных отношений не могут нарушаться, не разрушая самых существенных условий жизни общества. Там каждая насильственная перемена по логическому выводу была бы разрезом ножа в самом сердце общественного организма» [Киреевский, 2007, с. 208]. Характеризуя русскую традицию в понимании права, И. Киреевский отмечал: «Даже самое слово "право" было у нас известно в западном смысле, но означало только справедливость, правду» [Киреевский, 2007, с. 355]. Также он обращал внимание на тот факт, что в русском праве «внутренняя справедливость брала перевес над внешней формальностью» [там же, с. 174].

Славянофилы при формировании государственно-правовой доктрины исходили из того, что правовые обычаи должны формироваться на основе традиций и местных условий в культурной, хозяйственной, бытовой и других сферах жизни общества. Этим идей придерживался и К. Аксаков, который уделял большое значение общине и общинным отношениям, в основе которых лежат проверенные общественным мнением нравственно-правовые ценности. Он писал: «Для того, чтобы общественное мнение могло существовать, нужны два условия. Первое состоит в том, чтоб общественное мнение высказывалось непринужденно и без стеснения. Второе – в том, чтоб само общество представляло нравственный союз, имеющий одни и те же общие начала и основания, которые только и могут сообщить целостность и единство; без единых нравственных начал общество существовать не может» [Аксаков, www.gosudarstvo.voskres.ru/aksakv.htm].

К. Аксаков разделял взгляды своих единомышленников по вопросам понимания сущности закона. Он также выделял два вида закона: внешний и внутренний. Внешний закон, по его мнению, носит формальный характер, тут не важно, какими внутренними побудительными мотивами руководствуется человек в своих поступках: «его цель – устроить такой совершенный порядок вещей, чтобы душа оказалась не нужна человеку,

чтобы и без неё люди поступали нравственно и были бы прекрасные люди... и общество бы благоденствовало» [Аксаков, 1889, с. 56]. Исходя из всего этого, К. Аксаков делает вывод о том, все поступки человек должен совершать, руководствуясь внутренними нравственными установками, а не в результате внешнего принуждения, согласно своей внутренней свободе и осознанному выбору. Закон же, по его мнению, как и государство, возникает в результате нравственной испорченности человеческой души, которая не может руководствоваться своими внутренними убеждениями.

А. Хомяков во многом разделял взгляды своих единомышленников-славянофилов по вопросу о соотношении права и нравственности. В частности, он писал о том, что в гражданском обществе «должно быть признание человеческой правды как той цели, к которой оно обязано стремиться. Это признание, по необходимости, сопровождается верой в святость, обязательность и силу правды для всех членов общества» [Хомяков, 1900, с. 331]. А. Хомяков отмечал, что в соборном обществе «высшая нравственность», или «внутренняя правда», должны быть весомее «внешней правды», или юридической формы.

Он писал: «Римлянин поклонялся идее правды, не той внутренней правды, которая бьет живым ключом в душе, освещая и возвышая ее, а правды внешней, которая довольствуется освящением и охранением условных и случайных отношений между людьми» [Хомяков, 1900, с. 57]. Можно считать, что внешняя правда, выражаемая в правах и обязанностях, имеет дело с поступками человека, с его долгом, а внутренняя правда обращена к внутреннему миру человека, к его духовно-нравственному началу. Справедливо писал А. Хомяков: «Для того, чтобы сила сделалась правом, надобно, чтобы она получила свои границы закона, не закона внешнего, который опять не что иное, как сила, но от закона внутреннего, признанного самим человеком. Этот признанный закон есть признаваемая им нравственная обязанность. Она и только она дает силам человека значение права» [Хомяков, 2008, с. 86].

Если человек будет исходя из понимания внутренней правды в своих поступках руководствоваться совестью, он будет совершать свои поступки добровольно, не под внешним принудительным началом. В противовес этому внешняя правда, не имеющая к вопросам нравственного выбора никакого отношения, исключительно зависит от государственного принуждения. В этой ситуации человек становится не свободным, не могущим сделать осознанный нравственный выбор. Исходя из этого, внутренняя правда играет роль духовно-нравственного регулятора в поведении человека, а внешняя правда, или закон, борется с негативными проявлениями, с нарушением этого самого закона. Поэтому, считают славянофилы, если закон не совпадает с нравственными принципами, то его можно и отвергнуть, сохраняя в душе нравственную добродетель.

Соотношение справедливости и права у славянофилов и почвенников

Интересны рассуждения А. Хомякова о соотношении справедливости и правды, где справедливость – это добродетель, имеющая правовой характер и выступающая «высшей морально-правовой общелюдской ценностью» [Клименко, 2011, с. 109]. Но справедливость предполагает еще и обязанность, без которой невозможна ее реализация в реальной действительности: «Обязанность есть единственный живой источник права» [Хомяков, 1900, с. 406].

Таким образом, «правда» как «право» является ключевым благом в гражданском обществе. В нем каждый гражданин будет признавать нравственную обязанность как высшую ценность духовно-нравственного порядка.

Славянофилы исходили из идеи о том, что если закон нарушает нравственные нормы, то такой закон не может быть принят в обществе. Главный принцип – это сохранение духовной добродетели. Поэтому в правотворческой и правоприменительной деятельности

необходимо исходить из таких норм, которые бы не противоречили духовно-нравственным установкам, сформированным в обществе.

Позиции славянофилов во многом разделяли и творчески развивали и неославянофилы, к которым можно отнести А. Киреева, Д. Хомякова, Д. Шипова и других. К примеру, А. Киреев размышлял о праве в категориях формальной правды (это юридические законы) и божественной правды (нравственные законы). Он констатировал, что в Европе формальная правда доминирует над божественной, это может нивелировать высшую правду, имеющую важное значение для русского человека. Он отмечал: «Правовой порядок есть не что иное, как узаконенный эгоизм, кощунственно возведенный в этическое начало, и этому началу мы должны противопоставить наше христианское начало» [Киреев 2012, с. 57]

В этом же ключе рассуждал и другой неославянофил Д. Хомяков, характеризовавший формальное право как внешнее, и связывал его осуществление с принуждением. [Хомяков, 2011].

По мнению Д. Шипова, в стремлении общества к установлению высшей справедливости, внутренней правды право выступает как средство защиты материальных и духовных ценностей. Вместе с тем, в отличие от славянофильской позиции, Д. Шипов в своих рассуждениях не уделял должного внимания правовым обычаям, которые у старших славянофилов занимали промежуточное место между внешней и внутренней правдой [Шипов, 2007, с. 167].

Таких же установок придерживались и последователи славянофилов – почвенники, для которых государство и право не являлись абсолютными ценностями, как это провозглашалось в европейской правовой традиции. Каждый из представителей этого направления (А. Григорьев, братья Достоевские, Н. Данилевский, Н. Страхов) считали, что высшими нормами являются религиозно-нравственные, основанные на вере, совести, справедливости. Рассматривая закон как внешнее принудительное начало в обществе, они отмечали вслед за славянофилами, что он выступает как проявление несвободы человека, а проявлением его свободы может быть только наличие внутреннего духовно-нравственного основания, совести, любви к ближнему, милосердия и сострадания. У почвенников государственно-правовые институты должны подчиняться религиозно-нравственным установкам в обществе, но при этом не абсолютизироваться.

По этому поводу Ф.М. Достоевский отмечал: «В каком характере слагалась в народе религия, в таком характере зарождались и формулировались и гражданские формы этого народа. Стало быть, гражданские идеалы всегда прямо и органически связаны с идеалами нравственными, а главное то, что несомненно из них только одних и выходят... А стало быть, "самосовершенствование в духе религиозном" в жизни народов есть основание всему, ибо самосовершенствование и есть исповедание полученной религии, а "гражданские идеалы" сами, без этого стремления к самосовершенствованию, никогда не приходят, да и зародиться не могут» [Достоевский, 2004, с. 460.] Другими словами, если разрушаются религиозные нормы, то разрушаются и государственные и общественные формы. Чтобы укрепить государственное устройство, которое эффективно боролось бы со злом, нужно сохранять религиозные ценности. Человек должен духовно совершенствоваться, и только в нравственно совершенном обществе отпадет необходимость в существовании и государства, и правоприменительных практик. Но пока общество несовершенно, то необходимо соблюдать внешний порядок, закон, который может и должен поддерживаться полицией. Так произошло в Западной Европе, где человек из чувства страха перед наказанием не нарушает закон, совсем не заботясь о духовно-нравственном совершенствовании. В идеале общество должно стать церковью, но пока это не так, надо стараться создавать такое государство, которое было бы сильным и способным дать отпор любому внешнему врагу. В качестве иллюстрации можно привести слова Н. Стрехова, который отмечал: «Наши мысли обращаются к единому видимому и ясному проявлению народного духа, к нашему

государству. Одно у нас есть: мы создали, защитили и укрепили нашу государственную целостность, мы образуем огромное и крепкое государство, имеем возможность своей, независимой жизни. Немало было для нас в этом отношении опасностей и испытаний, но мы выдержали их, мы крепко стояли за идею самостоятельности и независимости» [Страхов, 2010, с. 40]. Почвенники отдавали предпочтение духовно-нравственным основаниям в жизни русского народа, а юридические нормы, закон как более низкие ступени в самопознании человека носили подчиненный характер. Человек свободно может волеизъявлять, только руководствуясь христианской совестью. В обществе, где главенствующую роль играет закон, не может быть свободы совести и духа

В свое время митрополит Илларион отмечал два возможных пути осмысления человека в мире. Во-первых, это самоутверждение в реальной, посюсторонней жизни, и во-вторых, духовное спасение. Уже в конце XIX – начале XX вв. представители русской религиозной мысли, такие как Б. Вышеславцев, Н. Афанасьев и ряд других философов права, многие из которых были вынуждены уехать из России, внимательнейшим образом исследовали вопрос о соотношении закона и благодати, права и морали.

Если происходит признание главенствующей роли права, то общество отказывается от благодати, понимаемой как результат спасительного воздействия Бога на человека. В этом случае происходит возврат к закону как к внешнему контролю со стороны государства, к страху перед наказанием. Вместе с тем философы почвы отмечают, что такое внешнее принуждение, как закон, не может регулировать внутреннюю духовную жизнь человека. Не всегда нравственные нормы и юридические могут совпадать. Можно мысленно совершать греховные поступки, но они могут осуждаться только морально, но не юридически, т. е. можно преступить в себе нравственный закон, будучи юридически законопослушным человеком. Достаточно вспомнить произведение Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», в котором позиции Дмитрия и Ивана Карамазовых противоположны в отношении убийства отца. Если Дмитрий готов понести нравственное наказание только за одни греховные мысли о смерти отца, то Иван юридически невиновен, хотя руками Смердякова убил его. Для Ф. Достоевского проблема человека и его нравственной составляющей, над которой он размышлял всю свою жизнь, является важнейшей.

А. Григорьев, один из ярких представителей почвенничества, имеющий юридическое образование, с романтических позиций рассматривал закон и порядок, но при этом он не абсолютизировал эти понятия. Рецензируя произведение И. Тургенева «Дворянское гнездо», он рассматривал героев с позиций, основанных на славянофильских традициях, следующим образом: «Паншин – тот деятельный человек, тот реформатор с высоты чиновничьего воззрения, тот нивелир, верующий в отвлеченный закон, в отвлеченную справедливость, который равно противен нашей русской душе, в каких бы образах он нам ни являлся» [Григорьев, 1930, с. 151]. Русскому человеку очень важна душа, внутренняя «правда». Если у человека нет святости в душе, он с легкостью нарушит нормы закона. Поэтому борьба с преступностью должна осуществляться не по пути ужесточения наказания, а по пути нравственного и духовного совершенствования, воспитания в своей душе чувства совести и справедливости. На это обращали особое внимание почвенники, предполагающие, что опасно возвращать человекобога, которому все дозволено, у которого нет никаких моральных границ в достижении своих целей. Почвенники также видели способ недопущения этого процесса, заключающийся в бережном следовании религиозным заповедям и традициям. В качестве идеала христианского устройства общества предстаёт такое сообщество людей, где люди будут творить добро без внешнего принуждения в виде законов и юридических норм. Поэтому, по мнению почвенников, высшим должен быть не государственный суд, а суд совести, который определяет, насколько нравственен поступок человека. Здесь налицо противоречие мировоззренческих оснований почвенников господ-

ствующим в секулярном обществе установкам на наказание не за помысленное правонарушение, а реально осуществленное нарушение закона.

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что взгляды славянофилов и их последователей на нравственно-юридическую природу и назначение права, на соотношение внутренней и внешней правды, закон и добродетель в свое время стали основополагающими для дальнейшего развития отечественной философии права.

Авторы статьи приходят к выводу: славянофилы и их последователи исходили из того, что определяющим в обществе должен быть примат внутренней правды (справедливости) над внешней (юридическим законом). Нравственные нормы, справедливость, веру они относили к «внутренней правде», которую человек может исполнять добровольно, к «внешней правде» относили юридические нормы, законы, которые являются формами внешнего принуждения.

Можно вспомнить слова Н. Бердяева: «В славянофильском сознании решительно преобладает нравственный момент над юридическим, идея обязанности – над идеей права. В этом нельзя не видеть здоровых начал... В них жил идеал органической христианской общественности, идеал, противоположный всякому механизму, всякому формализму» [Бердяев, 2007. с. 398].

Авторы также констатируют, что почвенники углубили эти идеи, признав, что закон не может в полной мере осуществлять функцию перевоспитания человека, поэтому так важно внутреннее самоусовершенствование человека, воспитания в нем чувства религиозно-нравственной ответственности. Все поступки должны быть соотнесены с верой, с совестью, т. к. потеря религиозных основ ведет к усилению роли юридических норм, наказания, которые не сделают людей более счастливыми. В обществе люди должны руководствоваться не нормой права, а судом Божиим, судом совести. На наш взгляд, этот путь долгий, а пока нужно находить баланс между религией, моралью и правом и постепенно продвигаться по пути создания справедливого гражданского общества.

Список источников

- Аксаков К.С. 1889. Полное собрание сочинений. Т. 1: Сочинения исторические. М., Университетская типография, 632 с.
- Аксаков К.С. 2014. Сборник статей. М., Книга по Требованию, 634 с.
- Бердяев Н.А. 2007. Константин Леонтьев. Алексей Степанович Хомяков. М., АСТ, 445 с.
- Григорьев Ап. 1930. Плачевные размышления о деспотизме и вольном рабстве мысли (Из записок ненужного человека). Воспоминания: 151-152.
- Достоевский Ф.М. 2004. Собр. Сочинений. В 9 т. Т. 9. Кн. 2. Дневник писателя. М., Астрель, 603 с.
- Киреевский И.В. 1911. О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России (письмо к гр. Е.Е. Комаровскому). В кн.: Киреевский И.В. Полное собрание сочинений. М., Типография Императорского университета, 300 с.
- Киреевский И.В. 2007а. О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России. В кн.: Духовные основы русской жизни. М., Институт русской цивилизации, 445 с.
- Киреевский И.В. 2007б. В ответ А.С. Хомякову. В кн.: Духовные основы русской жизни. М., Институт русской цивилизации, 445 с.
- Страхов Н.Н. 2010. Борьба с Западом. М.: Институт русской цивилизации, 576 с.
- Хомяков А.С. 1900а. К сербам. В кн.: Хомяков А.С. Полное собрание сочинений в 8 т. М., Университетская типография, 420 с.
- Хомяков А.С. 1900б. О юридических вопросах. В кн.: Хомяков А.С. Полное собрание сочинений в 8 т. М., Университетская типография, 420 с.
- Хомяков А.С. 1900в. По поводу статьи И.В. Киреевского. В кн.: Хомяков А.С. Полное собрание сочинений в 8 т. М., Университетская типография, 420 с.

- Хомяков А.С. 2008. Всемирная задача России. В кн.: Православие. Самодержавие. Народность. М., Институт русской цивилизации, 568 с.
- Хомяков Д.А. 2011. Самодержавие (опыт схематического построения этого понятия). В кн.: Православие. Самодержавие. Народность. М., Институт русской цивилизации, 568 с.

Список литературы

- Васильев АА. 2012. Консервативная правовая доктрина России: общетеоретические аспекты. М., Юрлитинформ, 332 с.
- Клименко Т.М. 2011. Справедливость как принцип права. Вектор науки Тольяттинского государственного университета, 1(4): 109–136.
- Киреев А.А. 2012. Учение славянофилов. М., Институт русской цивилизации, 631 с.
- Шипов Д.Н. 2007. Воспоминания и думы о пережитом. М., РОССПЭН, 678 с.

References

- Vasil'yev AA. 2012. Konservativnaya pravovaya doktrina Rossii: obshcheteoreticheskiye aspekty [Conservative Legal Doctrine of Russia: General Theoretical Aspects]. Moscow, Publ. Yurlitinform, 332 p.
- Klimenko T.M. 2011. Spravedlivost' kak printsip prava [Justice as a principle of law]. *Vektor nauki Tol'yattinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 1(4): 109–136.
- Kireyev A.A. 2012. Ucheniye slavyanofilov [Teachings of the Slavophiles]. Moscow, Publ. Institut russkoy tsivilizatsii, 631 p.
- Shipov D.N. 2007. Vospominaniya i dumy o perezhitom [Memories and thoughts about the experience]. Moscow, Publ. ROSSPEN, 678 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.06.2022
Поступила после рецензирования 19.09.2022
Принята к публикации 30.10.2022

Received June 06, 2022
Revised September 19, 2022
Accepted October 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Липич Тамара Ивановна, доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии и теологии, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
ORCID: [0000-0001-7200-0411](https://orcid.org/0000-0001-7200-0411)

Липич Дмитрий Васильевич, аспирант Юридического института Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия
ORCID: [0000-0001-5046-029X](https://orcid.org/0000-0001-5046-029X)

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Tamara I. Lipich, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Theology, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia
ORCID: [0000-0001-7200-0411](https://orcid.org/0000-0001-7200-0411)

Dmitry V. Lipich, postgraduate student at the Law Institute, Belgorod National Research University, Belgorod, Russia
ORCID: [0000-0001-5046-029X](https://orcid.org/0000-0001-5046-029X)

УДК 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-855-862

Анализ развития современной информационной культуры

¹ Кропивка Н.В., ² Пономарева Е.А.

¹ Белгородский университет кооперации, экономики и права
Россия, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, д. 116а

² ГБОУ гимназия № 24 им. И.А. Крылова г. Санкт-Петербурга
Россия, 199004, г. Санкт-Петербург ул. Средний проспект Васильевского острова, д. 20
e-mail: ringo_02@mail.ru; titlinovae@list.ru.

Аннотация. Современная информационная культура в своем развитии прошла долгий путь становления: от зарождения первых технологий первобытного общества до культурно-плюралистических моделей, господствующих в современном мире. Авторами предпринята попытка отметить и выделить неоспоримые приоритетные особенности, исследовать доминирующие концепции культуры информационного общества. Рассмотренные концепции позволяют констатировать, что информационная культура на всех этапах являлась движущей силой общественного развития. Доступность современной информационной культуры, возникающая благодаря новым технологическим условиям, непрерывно возрастает, однако на этом фоне все чаще возникают разнообразные проблемы, имеющие диффузный характер. Все возрастающая скорость информации и собственно доступность информационного обмена и общения с любым человеком мирового сообщества, народа, страны, говорит о качественных и количественных характеристиках транслируемой информации, о фундаментальности феномена современной информационной культуры.

Ключевые слова: техническое развитие, информационная культура, трансформации, мировоззренческие перспективы, циркуляция информации, трансенция, гиперреальность

Для цитирования: Кропивка Н.В., Пономарева Е.А. 2022. Анализ развития современной информационной культуры. НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право, 47(4): 855–862. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-855-862

Analysis of the Development of Modern Information Culture

¹ Natalia V. Kropivka, ² Elizaveta A. Ponomareva

¹ Belgorod University of Cooperation, Economics and Law,
116a Sadovaya St, Belgorod 308023, Russian Federation

² I. A. Krylov State Educational Institution Gymnasium No. 24, St. Petersburg
20 Sredny prospekt Vasilyevsky Island, Saint Petersburg 199004, Russian Federation
E-mail: ringo_02@mail.ru; titlinovae@list.ru.

Annotation. Modern information culture has gone a long way in its development: from the birth of the first technologies of primitive society to the cultural and pluralistic models prevailing in the modern world. The authors attempt to note and highlight the indisputable priority features, to explore the dominant concepts of the culture of the information society. The considered concepts allow us to state that information culture at all stages was the driving force of social development. The availability of modern information culture, which arises due to new technological conditions, is continuously increasing, however, against this background, various diffuse problems are increasingly emerging. The ever-increasing speed of information and the actual availability of information exchange and communication with any person of the world community, people, country, speaks about the qualitative and quantitative characteristics of the transmitted information, about the fundamental nature of the phenomenon of modern information culture.

Key words: technical development, information culture, transformations, world outlook perspectives, information circulation, transence, hyperreality

For citation: Kropivka N.V., Ponomareva E.A. 2022. Analysis of the Development of Modern Information Culture. NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 855–862 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-855-862

Своеобразной отправной точкой развития современной информационной культуры послужила трансформация отношений человека к природной среде, формируя свой особый трансцендентный мир. Информационная культура как фундаментальный источник данного исторического периода является атрибутом специфической формы социальной организации, формируя при этом общий вектор развития взаимодействия культуры человека с поступающей информацией. Анализ этих контекстов выявляет синтез новых феноменов, характерных этапам трансформации информационных и культурных процессов, которые с особой актуальностью высвечиваются в современном обществе.

Информационные и культурные процессы XXI века демонстрируют драматические концепции, которые на новом социокультурном витке приобретают политическую окраску. В таком ракурсе культура сейчас на подъеме, под флагом справедливости меняются представления не только в Америке, но и во многих европейских странах, в эфирах они легко читаются между строк суфлеров и телеведущих, и в репликах тех, кто сопровождает культурное падение бурными и продолжительными аплодисментами. Эти процессы, обусловленные стремительными изменениями в технологической сфере, распространяются на все сферы социокультурной деятельности, а доминирование сконцентрированной информации базируется на принципах искажения основных ценностей.

Исследования философов по информационной культуре начались в антропологическом направлении, когда человека осведомляли о способах направленного воздействия и доступности к накопленным цивилизацией информационным ресурсам. Информационное общество как социальная, экономическая и культурная система стало объектом внимания ученых уже со второй половины XX века, когда появились очевидные черты смены парадигмы эпохи, где признавалось доминирование информации, особая роль знания и основанных на нем технологий. Понятие «информационное общество» в своих концепциях вводят в 1960-х годах исследователи Ф. Махлуп и Ю. Хаяши, хотя идею информационного общества предложил еще в середине 40-х годов XX века японский идеолог Й. Масуда, а через несколько десятилетий человечество стало свидетелем информационной революции, зарождения информационного общества и информационной культуры, господствующих в современном мире. Он, обосновал необходимость принципиально нового типа общества, вывел на передний план производство знаний и информации, при которых устанавливаются необходимые для общественного развития социальные связи и взаимоотношения.

Существенный вклад в развитие информационной культуры внес кибернетик военно-космического НИИ Р. Ф. Абдеев, создавший информационные модели и средства управления для пилотируемых КЛА, который в социально-культурном плане в своих исследованиях показал технический прогресс, власть информации в современном мире. В 70-х годах он подошел к пониманию новых процессов, происходящих в окружающем мире и принципиально новом философском осмыслении вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего дня человеческой цивилизации [Абдеев, 1994. с. 95]. Исследователь А. И. Ракитов писал, что переход к информационному обществу предполагает превращение производства и использования услуг и знаний в важнейший продукт социокультурной деятельности, где каждый человек общества сможет получить необходимое количество и

качество информации, ее переработку и эффективную передачу [Ракитов, 1992]. И. С. Мелюхин, рассматривая концепцию информационной культуры в России, констатировал ее объединяющее идейное начало и конкретные пути достижения общественного развития [Мелюхин, 1999. с. 205-207]. Буева Л. Н., Дианова В. М., Иконникова С. Н., Каган М. С., Кармин А. С., Семенов В. С., Соколов Э. В., Афанасьев В. Г. и другие ученые в своих разработках отмечают прогресс и культурные перемены информационной деятельности, развитие гуманистических принципов, динамичность глобального единения человечества.

Новатор Д. Белл в своей концепции постиндустриального (информационного) общества рассматривал модель перехода развития культуры и человека [Bell, 1996. с. 121]. В центре футурологической концепции Э. Тоффлера – проблема трансценции (быстротечности) перемен в социальной и культурной жизни и степени адаптации к ним человека, а М. Кастельс рассматривает универсальный характер современных социальных структур цивилизации. Ж. Бодрийяр и Р. Барт, анализируя информацию как систему знаков и символов, пишут о ее гипнотическом воздействии на человека. Мак-Люэн сформулировал и выдвинул культурологическую концепцию, в которой решающая роль отводится средствам массовой коммуникации как основным ресурсам информационного общества и является общностью закономерностей развития всех уровней мировой культуры.

Наблюдаемое разнообразие подходов в исследовании информационной культуры сводится к тому, что ученые рассматривают и констатируют все возрастающее количество информации, знаний, новейших средств связи и компьютеризации, которые формируют особенности прогрессивного развития информационного общества.

Философский дискурс исследователей концентрирует пристальное внимание на мировоззренческих перспективах человека, связанных с информационными технологиями, вызывая к жизни теоретические и методологические споры [Римский, 2019]. И это понятно, так как, просматривая эволюцию информационных технологий человечества, можно обнаружить, что каждый исторический период характеризуется своего рода революцией, которые способствовали прогрессивному техническому развитию, трансформации противоречий классического мышления, коммуникации культурного поля всего человеческого сообщества. Однако все эти парадигмы, опираясь на интеллект как инструмент познания, на информацию, как результат познания, на интерес и активность к восприятию информации, не охватывают определенного уровня культуры обращения с информацией человека – информационной культурой.

Традиционно начнем рассмотрение с первобытности. В первобытном обществе зарождаются первые технологии, когда происходит появление языка и членораздельной человеческой речи – формируется новый информационный канал, способствующий развитию специфической формы сознания, культурно-плюралистических моделей абстрактного мышления, то есть формированию интеллектуальной деятельности людей. Накопление и распространение социально-гуманитарных знаний, которые в виде легенд, мифов и сказаний передавались из уст в уста, из поколения в поколение живыми людьми легло в основу теории антропосоциокультурогенеза. Старейшины, жрецы, шаманы распространяли экзистенциальные познания посредством языка, осуществляя стадиальную практическую деятельность, используя знания и навыки в ее рациональной организации.

В процессе формирования культурного архетипа первые мифологические воззрения, синкретизм (соединение, нерасчлененность ее форм, слитность человека и природы), способствовали регуляции поведения человека, взаимодействию и общению, способам передачи и хранения умозрительной информации. С изобретением письменности, переосмыслением классических философско-методологических парадигм происходит развитие науки и культуры, трансформируются традиционные представления, информационная среда общества, появляются новые виды коммуникаций между людьми – эта колоссальная коллективная культурная деятельность легла в основу современной цивилизации.

Зарождение, изобретение книгопечатания стало информационным взрывом, преломлением рационалистического духа просвещения, новый смысл приобрело и понятие «образование», что нашло отражение в современных технологиях, многие исследователи сегодня называют это явление – информационной культурой. Выпуск большими тиражами печатных книг приводит к существенному расширению возможностей для получения человеком знаний, образования и самообразования. В обществе появились типографии, как вид промышленных предприятий, стали быстро совершенствоваться технологии изданий печатной продукции. В XIX веке огромное значение имеет изобретение новых средств информационной коммуникации – радио, телефон, телевидение. В 50-е годы XX века в практической деятельности человечество стало использовать средства цифровой вычислительной техники. Сейчас существование человека немислимо в отрыве от мирового информационного пространства – передаются огромные объемы информации, информационные коммуникации осуществляются с более высокой оперативностью, происходящие события в течение нескольких часов становятся известными практически всем людям нашей планеты. Человек впервые получил новые персональные высокоэффективные средства вычислительной техники (ПЭВМ), способные усилить интеллектуальную деятельность [Yankelovich, 1981. с. 170]. В системе общественных отношений эта революция преобразовала сам предмет человеческого труда, фокусируя трансформацию человеческого сознания [Naisbitt, 1982. с. 40].

В настоящее время термин «информация» входит в самые различные отрасли современной науки и техники, в повседневную жизнь человека. Содержание этого категориального понятия определяется как сообщение, передача, отражение разнообразных процессов живой или неживой природы. Но его определение коррелируется в соответствии с синтаксическими, семантическими и прагматическими характеристиками наук – математики, физики, кибернетики, биологии, социологии и других. Мы будем понимать информацию как рациональное познание объективного мира, смысл передаваемого содержания.

Многочисленные определения информационной культуры актуализируют кардинальные трансформации деятельности в информационном пространстве. Термин «информационная культура» довольно широко используется в научных и литературных источниках и его появление связано с концепцией формирования информационного сектора общества, атрибутикой повседневной жизни человека и его профессиональной деятельности, то есть с социокультурными элементами. В настоящее время пока не имеется общепризнанного определения информационной культуры. Понятие «информационная культура» достаточно многогранно и представляет баланс социальной природы и разнообразных творческих способностей человека, умения целенаправленной работы и использования современных технических средств и методов с информацией и проявляется в различных ее аспектах и особенностях. Культура включает в себе особые информационные структуры, а информация является ключевой категорией постиндустриального общества [Eisenberg, 2004]. Жизнь в «постиндустриальном обществе основана на услугах... и является взаимодействием с людьми. Главную роль играет не грубая мускульная сила, не энергия, а информация» [Белл. 2004, с.127]. Информация придает универсуму совершенно обусловленную прогрессивную направленность, благодаря этому целенаправленность становится универсальной особенностью и идеологией современного информационного общества [Davenport, 1994. с. 119-131].

Ученый М. Кастельс усиливает данное понятие ключевой комплексностью терминов как «информационная эпоха», «проводниковое общество», «информационная кольцевая магистраль», «супермагистраль», информационализм, что определяет «воздействие знания на знание как основной источник производительности» [Кастельс, 2017, с. 17]. Он констатирует, «знание и информация стали главным сырьем современного производственного процесса, а образование – основным качественным показателем труда, (а пото-

му) новыми производителями при информационном капитализме являются те генераторы знаний и обработчики информации, чей вклад наиболее значим» [Кастельс, 2017, с. 345].

Основоположник культурно-исторической концепции петербургский философ М. С. Каган раскрыл общие закономерности развития информационной культуры, основывающиеся на системно-синергетической методологии, как едином процессе, в котором диалектическое сопряжение единства и многообразия выходит на общую направленность – нелинейную эволюцию. Свободная циркуляция информации и разнообразные пути движения культуры позволяют им стать важнейшим фактором общественного развития, формируя при этом основной принцип- «код» новой цивилизации. Бытие или Действительность по отношению к культуре является метасистемой: «Действительность включает в себе природу, общество как сферу социальных отношений, синтез природной и социальной «субстанций» человека и культуру, являющуюся совокупным продуктом деятельности человека» [Каган, 2016, с. 14]. В системе бытия культура зарождается из природы параллельно с человеком и обществом, а взаимодействие трех ее «модальностей»: человеческой, процессуальной и предметной сохраняется на всех ее уровнях развития [Каган, 2016, с. 45].

А. С. Кармин развивает информационно-семиотический подход к пониманию информационной культуры. Слово «культура» как обширная сфера социальной жизни – это факт [Кармин, 2007, с. 21]. В этом подходе культура есть историческая реальность, целостность образа жизни, моделирование многообразия деятельности человека являющейся следствием внутренней детерминации и как развитие всех происходящих изменений социума.

Д. Белл философски осмысливает феномен информации и обосновывает существование доиндустриального, индустриального и постиндустриального обществ, в которых происходят стремительные изменения в технологической сфере. Раскрывая комплексную теорию информационной и культурной эволюции, где информационные структуры включаются в исторически сложившуюся культуру, он подчеркивает ее уникальность и новизну, определяет собственную методологию, рассматривая информацию как ресурс общественного развития, фундаментальную идею для своих концепций – «деидеологизации» и «постиндустриального общества» [Белл, 2004, с.129].

Элвин Тоффлер один из авторов концепции постиндустриального общества, называет его высокотехничным, сверхиндустриальным, где трансенция (быстротечность) как новый темп повседневной жизни является уникальностью нашей эпохи. Информационная культура у него складывается как культура информационного общества преобразуя социокультурное пространство, ускоряя процесс движения к разнообразию и непостоянству, где человек выступает как совокупность модулей, перегруженный и утомленный быстротечностью объема, емкостью, потоками, количеством информации. Рассматривая теорию «модульного человека», ученый обращает внимание на демассификацию «массового сознания», прогнозирует сращивание человека с компьютером (виртуализация), эксперименты вживления чипов, что соответственно несет с собой новые общественные отношения и социокультурные ценности. Сейчас в западных странах уже можно наблюдать новшества в семейных отношениях, на смену традиционным формам приходят другие: гомосексуальные семьи, полигамные секты-коммуны, временные браки молодежи на несколько месяцев как репетиция взрослой жизни, суррогатное материнство – детей не только воспитывать, но и рожать будут другие покупая эмбрионы, с заранее запрограммированными, выбранными параметрами. При этом университеты заменятся «пара-университетами», с разнообразным выбором дисциплин – эта модель в некотором смысле уже создана на западе, пока не с таким разнообразием и свободой выбора.

Фукурошок Тоффлера (12.08.2014) выражается в разнообразии (сверхвыборе) большого количества новшеств: в начале он вытекает из культурного шока – чувство потери, изоляции, одиночества, апатии, усталости, депрессий – результат перестимулирования

нервной системы человека, резкая смена света, звука и т.д. Затем, информационная перегрузка – результат увеличения скорости и количества информации и потом – затруднение в принятии решений [Тоффлер, 2013, с.109]. То есть это исторически данное и существующее как фиксируемая эмпирическая реальность или это идеальный тип, мыслительный конструкт, который соотносится с реальностью, но ни в коем случае не тождественен ей. Такую постановку вопроса Э. Тоффлер называет новым строем жизни, «электронным коттеджем» – дестандартизация, деспециализация, десинхронизация, деконцентрация, демаксимизация, децентрализация, которые в основании своего происхождения содержат разнообразные возобновляемые источники энергии, методы производства, новые структуры всех сфер жизнедеятельности человека, разделяя общество на: техносферы, социосферы и инфосферы [Тоффлер, 2013, с.110]. Рассматривая качественные характеристики информационной культуры, Э. Тоффлер предлагает обществу достойный образ будущего, мобилизационный проект и технологии его реализации в обозримой перспективе.

Жан Бодрийяр в своей философии постмодернизма исследует вопросы соотношения действительности и ее символических отображений, осуществляет корректировку механизмов потребления, как знаковой системы современного общества, сохраняя верность своей избранной стратегии. Бодрийяр радикализировал критику культуры, сделав слово «симулякр» ее главным инструментом качественных характеристик. Погрузившись в мир разнообразия медийных форм, видеозаписей, конструируя их в виде системы знаков и символов он утверждал, что жизнь – непрерывная циркуляция знаков о том, что произошло в мире. Это знаки новостей, какое впечатление мы хотим произвести на окружающих (знаки самого себя), какое положение в обществе мы занимаем (знаки статуса и уважения), какую функцию выполняет данное здание (архитектурные знаки), какие существуют эстетические предпочтения (афиши, сервировка, реклама) и т.д. [Бодрийяр, 2015, с. 104]. Simulacrum (подобие) – в основном имело нейтральные коннотации значения сходства, однако в контекстах золотого века (не всегда нейтральных) подчеркивалась фундаментальная мысль европейской культуры – подлинного и иллюзорного, «симулякр» – образ, скрывающий отсутствие, подобие, копии, заменяющие реальность (Лукреций «О природе вещей»), сама «природа вещей» создана нашим сознанием, и она иллюзорна.

Бодрийяр пишет о том же самом, у него мир человека – мир культуры базируется на симулятивном отражении действительности, так как окружающие вещи, являются симулякрами (образами, знаками). Его радикальная критика культуры становится острой, чтобы тем самым показать обострение состояния дел в современном обществе, которое стало опасным для человеческой мысли, души. Современный человек у него существует в той действительности европейской цивилизации, которую называют обществом потребления, культуриндустрией. Конструируя механику вопросов о внутренней структуре культуриндустрии, Ж. Бодрийяр прекрасно понимал, что действительность, если она достигла степени предельной «симулякризации», иллюзорности, постоянно ускользает, поэтому необходимо осознать рождение, эволюцию и функционирование симулякров.

Жан Бодрийяр полагал, что современный поток информации формирует огромное количество копий и симулякров, которые в итоге уничтожают реальность и назвал это симуляцией жизни или гиперреальностью [Бодрийяр, 2015, с. 171]. Бодрийяр вводит это новое понятие «гиперреальность» как качественную характеристику современной эпохи и предполагает в нем возможность развития марксистского понятия «надстройка», взяв за основу своей концепции – «симуляцию». Человек – симулякр, смотрит на вещи и видит только свое собственное иллюзорное желание. Восприятие человеком окружающего мира предопределяется этой экранной (связанной с темой зеркала) информацией, которая считается главным богатством, а значит является важной и ценной, однако это все есть иллюзорность наших желаний. В какой-то мере его идеи были провокационными, а иногда и откровенно эпатажными, однако он считал, что наши представления, получаемые с экранов телевидения и смартфонов, детерминированы принимаемой информацией.

Выводы

Рассмотренные концепции позволяют сделать выводы и констатировать, что информационная культура на всех этапах являлась движущей силой общественного развития. Доступность современной информационной культуры, возникающая благодаря новым технологическим условиям, непрерывно возрастает, однако на этом фоне все чаще возникают разнообразные проблемы, имеющие диффузный характер, способные воздействовать на людей по принципу проникающей радиации. Увеличение репрезентативности информации соответственно усиливает социокультурные доминанты в сознании человека, что не всегда совпадает с уже существующими мировоззренческими установками и они подвергаются корректировке. Антропологические различия в несущественных вариациях поведения в семье, быту относятся скорее к области психологии, индивидуализма и могут интериоризироваться или влиять на определенную часть географической территории, а в начале XXI века – это можно рассматривать как реально состоявшийся процесс полной деструкции всех духовных элементов какой-либо нации или народа. Модель поведения воспринимается и фиксируется как цельный образ, выступает в роли недискретной единицы культурной информации, встраивается и применяется по мере необходимости в реальной действительности, занимая свою нишу в современной культуре. Все возрастающая скорость информации и собственно доступность информационного обмена и общения с любым человеком мирового сообщества, народа, страны, говорит о качественных и количественных характеристиках транслируемой информации, о фундаментальности феномена современной информационной культуры.

Список литературы

- Абдеев Р.Ф. 1994. Философия информационной цивилизации: Диалектика прогрессивной линии развития как гуманная общечеловеческая философия для XXI в. М., Владос, 336 с.
- Белл Д. 2004. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования. Пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., Academia, 783 с.
- Бодрийяр Ж. 2015. Симулякры и симуляция. Пер. с фр. А. Качалова, М., Постум, 240 с.
- Иноземцев В.Л. 2000. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. М., Логос, 330 с.
- Инглегарт Р. 1999. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. Под ред. В. Иноземцева. М., Academia, С. 249–260.
- Каган М.С. 2016. Взгляд современника. Е.А. Норкина. Молодой ученый, 7(111): 1071–1073.
- Кармин А.С. 2007. Культурология. СПб., Лань, 926 с.
- Кастельс М. 2017. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. Пер. с англ. А.Н. Субочев и др. М.: ГУ ВШЭ, 609 с. С.77.
- Мелюхин И. С. 1999. Информационное общество: истоки, проблемы, тенденции развития. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 308 с. (21 век: информация и общество). С. 205–207.
- Ракитов А.И. 1992. Цивилизация, культура, технология и рынок. *Вопросы философии*, 5: 3–23.
- Римский В.П., Варава В.В. и др. 2019. Русская философия в России и мире (Колл. монография). Науч. ред. В.В. Варава. М.: Русская философия. 196 с.
- Тоффлер Э. 2013. Раса, власть и культура. Новая технократическая волна на Западе Пер. с англ. П.С. Гуревич. М.: Изд. АСТ. М., Прогресс, 452 с.
- Bell D. 1996. The cultural contradictions of capitalism. New York: Basic Books, 363 с.
- Davenport T.H. 1994. Saving IT's Soul: Human-Centered Information Management. *Harvard Business Review*, 72(2), 119–131 p.
- Eisenberg M. 2004. Lowe, C., & Spitzer, K. Information Literacy: Essential Skills for the Information Age. 2nd. edition. Libraries Unlimited.
- Yankelovich D. 1981. New Rules. Searching for Selffulfillment in a World Turned Upside Down. N.Y., 521 p.
- Naisbitt J. 1982. Megatrends: Ten new directions transforming our lives. New York, P. 40.

References

- Abdeev R.F. 1994. Philosophy of information civilization: Dialectics of the progressive line of development as a humane universal philosophy for the XXI century. M., Vldos, 336 p.
- Bell D. 2004. The future post-industrial society: the experience of social forecasting. ed. by V.L. Inozemtsev. M., Academia, 783 p.
- Baudrillard J. 2015. Simulacra and simulation. Per. s fr. A. Kachalova, M., Postum, 240 p.
- Inozemtsev V.L. 2000. Modern postindustrial society: nature, contradictions, Prospects. M., Logos, 330 p.
- Inglehart, p. 1999. Cultural shift in a mature industrial society A new post-industrial wave in the West. Anthology. Edited by V. Inozemtsev. M., Academia, pp. 249–260.
- Kagan M.S. 2016. The view of a contemporary. E.A. Norkin. *A young scientist*, 7(111): 1071–1073.
- Karmin A.S. 2007. Kulturologiya. SPb., Lan 926 p.
- Castels M. 2017. The Information Age. Economy, society and culture. Per. s engl. A. N. Subochev et al. M., GU HSE, 609 p. p. 77.
- Melyukhin I.S. 1999. Information Society: the origins, problems, and trends of development. Un-ta, 308 p. (21st century: information and society). pp. 205-207.
- Rakitov A.I. 1992. Civilization, culture, technology, and the market. *Questions of philosophy*. No. 5. pp. 3–23.
- Rimsky V.P., Varava V.V., et al., 2019. Russian Philosophy in Russia and the World (Coll. monograph). Scientific ed. by V.V. Varava. M., Russian Philosophy, 196 p.
- Toffler E. 2013. Race, power, and culture. The new technocratic wave in the West Per. s. eng. P.S. Gurevich. M.: Ed. ACT. M., Progress. 452 p.
- Bell D. 1996. The cultural contradictions of capitalism. New York: Basic Books, 363 c.
- Davenport, T.H. 1994. Saving IT's Soul: Human-Centered Information Management. *Harvard Business Review*, 72(2): 119–131 p.
- Eisenberg M. 2004. Lowe, C., & Spitzer, K. Information Literacy: Essential Skills for the Information Age. 2nd. edition. Libraries Unlimited.
- Yankelovich D. 1981. New Rules. Searching for Selffulfillment in a World Turned Upside Down. N.Y., 521 p.
- Naisbitt J. 1982. Megatrends: Ten new directions transforming our lives. New York, P. 40.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.

Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.09.2021

Поступила после рецензирования 18.12.2021

Принята к публикации 09.02.2022

Received September 18, 2021

Revised December 18, 2021

Accepted February 9, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кропивка Наталья Владимировна, кандидат философских наук, старший преподаватель, Белгородский университет кооперации, экономики и права, Белгород, Россия

Пономарева Елизавета Александровна, заместитель директора по воспитательной работе, ГБОУ гимназия № 24 им. И.А. Крылова, Санкт-Петербург, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Natalia V. Kropivka, Candidate of Philosophy, Senior Lecturer, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, Belgorod, Russia

Elizaveta A. Ponomareva, Deputy Director for educational work of the State Educational Institution Gymnasium 24 I.A. Krylova, Saint Petersburg, Russia

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATIONS

УДК 316.334.52

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-863-868

Контексты социального недовольства и деконсолидации в социальных медиа региональных кластеров РФ

Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю.

Финансовый университет при Правительстве РФ,
Россия, 125167, Москва, пр-кт Ленинградский, д. 49/2.
E-mail: aydombrovskaya@fa.ru

Аннотация. Показана специфика репрезентации контекстов социального недовольства, отраженных в социально-медийном пространстве российских регионов, кластеризованных по экономическим и социально-политическим признакам. В ходе кластеризации использовались открытые данные индексов экономического и политического развития регионов России. Сегментация субъектов РФ осуществлена с применением иерархического кластерного анализа (метод complete) на языке программирования R. Для анализа региональных особенностей репрезентации контекстов социального недовольства использовалось когнитивное картирование содержания социально-медийных сообществ субъектов РФ, входящих в разные кластеры. База данных когнитивного картирования обработана в программе IBM SPSS Statistics 26.0. Итоги исследования показали взаимосвязь контекстов социального недовольства, получающих отражение в социальных медиа региона, и показателей их социально-экономического и социально-политического развития.

Ключевые слова: социальные медиа, сети социального недовольства, контексты социального недовольства, когнитивное картирование, кластерный анализ, регионалистика

Для цитирования: Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю. 2022. Контексты социального недовольства в социальных медиа региональных кластеров РФ: материалы Международного круглого стола «Консолидация городских сообществ: проблемы диагностики и регулирования» (09 сентября 2022 г., Белгород). НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право, 47(4): 863–868. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-863-868

Social Discontent and Consolidation Contexts on Social Media of the Russian Federation Regional Clusters

Elena V. Brodovskaya, Anna Yu. Dombrovskaya

Financial University under the Government of RF
42/2 Leningradskii Av., Moscow 125167, Russian Federation
E-mail: aydombrovskaya@fa.ru

Abstract. The specificity of the representation of the contexts of social discontent reflected in the social media space of Russian regions, clustered according to economic and socio-political characteristics, is shown. In the course of clustering, open data of indices of economic and political development of Russian regions were used. Segmentation of the subjects of the Russian Federation was carried out using hierarchical cluster analysis (complete method) in the R programming language. To analyze the regional features of the representation of the contexts of social discontent, cognitive mapping of the content of

social media communities of the subjects of the Russian Federation included in different clusters was used. The cognitive mapping database was processed in IBM SPSS Statistics 26.0. The results of the study showed the relationship between the contexts of social discontent reflected in the social media of the region and the indicators of their socio-economic and socio-political development.

Keywords: social media, networks of social discontent, contexts of social discontent, cognitive mapping, cluster analysis, regionalism

For citation: Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu. 2022. Social Discontent and Deconsolidation Contexts on Social Media of the Russian Federation Regional Clusters: Materials of the International Round Table "Consolidation of urban communities: problems of diagnostics and regulation" (September 09, 2022, Belgorod). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 863–868 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-863-868

Введение

Всё растущая роль цифрового пространства в формировании социальных установок граждан эмпирически подтверждается цифрами, отражающими интенсивное использование социальных медиа россиянами от 14 до 45 лет [Digital, 2022]. Социальные медиа не только не ослабили, но, напротив, усилили своё воздействие на сознание пользователей. Региональные и городские цифровые сообщества укрепляют свои позиции как выразители социального недовольства, критики в отношении различных социальных сфер субъектов Федерации, муниципалитета, как площадки для обсуждения значимых вопросов региональной и городской жизни, а потому играют существенную роль в консолидационных/деконсолидационных процессах локального сообщества [Andres, 2017; Boulliane, 2017; Grasso, 2019; Jost, 2018; Kahne, 2018].

Цель исследования состоит в установлении специфики когнитивных карт социального недовольства, отраженных в региональных и муниципальных социальных сетях РФ, и интерпретации их содержания в контексте деконсолидационных процессов в городских сообществах.

Объекты и методы исследования

Исследование основано на структурно-функциональном подходе, обеспечившим изучение сетей социального недовольства как дисфункцию цифровой среды [Мертон, 2006; Parsons, 1967]; когнитивном подходе, позволившем установить соотношение между рациональными и иррациональными приемами воздействия на сознание региональных и муниципальных пользователей в российском сегменте социальных сетей [Далтон, 1999; Данливи, 1999]; сетевом подходе, обеспечившем понимание социальных медиа как сетей, формирующих плотную среду информационного влияния лидеров общественного мнения на сознание и общественные установки своей цифровой аудитории [Бродовская, 2017; Howard, 2012]. Региональные кластеры были выделены на основе социально-экономических показателей развития регионов РФ (инструмент: язык программирования R, метод complete). Критерии кластеризации: социально-экономическое положение региона, финансовое благополучие жителей региона, доля людей за чертой бедности и крайней бедности, уровень безработицы, соотношение среднедушевого долга и зарплаты, объем задолженности перед банками на одного человека в тыс. руб., социальные расходы консолидированного бюджета на одного жителя в тыс. руб., отношение медианных доходов к стоимости фиксированного набора товаров и услуг, количество расследованных преступлений по ст. 290 УК РФ (коррупция в органах власти), рейтинг влияния глав субъектов РФ, электоральные предпочтения жителей регионов.

На втором этапе был проведен содержательный анализ материалов отобранных сообществ с целью выявления ключевых контекстов и триггеров формирования и мобилизации настроений социального недовольства у пользователей социально-медийных групп (всего изучено 6000 документов, в базу данных отобрано 600 сообщений методом целевого отбора внутри срединной недели каждого месяца, не более 10 наиболее релевантных сообщений в каждой группе – исследовательском кейсе, глубина анализа: 10.01.2022 – 10.08.2022), база содержательного анализа обработана в программе SPSS Statistics 26.0. Материалы социально-медийных сообществ с риторикой социального недовольства стали базой когнитивного картирования (480 цифровых групп из 3 социальных сетей: ВКонтакте, Одноклассники, TikTok и мессенджера Телеграмм). Критериями отбора выступали следующие позиции: наличие групповой риторики социального недовольства; невысокая ботовость участников (не превышающая 10%) и публикационная активность (не реже 3 сообщений в неделю и опубликование последнего поста не позднее 3 дней на момент анализа). Когнитивное картирование сетей социального недовольства осуществлялось в соответствии с выявленными на основе критериев социально-экономического и социально-политического развития региональными кластерами.

Результаты и их обсуждение

Первый кластер ¹ включает наибольшее число регионов из разных федеральных округов и субъекты со специфическими социальными проблемами: пограничные, этнические субъекты РФ, острота экономических и межэтнических противоречий которых делает их регионами – мишенями внешнего информационного воздействия. В информационных потоках недовольства в регионах первого кластера широко представлены дискурсы «рассержанных горожан», «рассержанных патриотов», «самодостаточности территорий», «несправедливости распределения ресурсов в пользу федерального центра», «локального национализма».

Второй кластер ² отличается невысокими показателями социально-экономического развития, высокой долей бедных слоев населения, протестным характером голосования. Дискурсы, доминирующие в сообществах недовольства регионов этого кластера: «социальная депривация», «недовольство локальными элитами», «недовольство качеством обратной связи во взаимодействии с локальными элитными группами», «поражение маленького человека от элит», «Левиафан», «не Россия, анклавность».

В третьем кластере ³ сосредоточилось большинство Республик Северного Кавказа со специфическими особенностями экономического и социально-политического уклада. Контексты и дискурсы информационных потоков данного кластера во многом повторяют

---

¹ Алтайский край, Амурская область, Архангельская область, Астраханская область, Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Вологодская область, Еврейская автономная область, Ивановская область, Иркутская область, Калужская область, Кемеровская область, Кировская область, Костромская область, Красноярский край, Курская область, Ленинградская область, Липецкая область, Новгородская область, Новосибирская область, Омская область, Оренбургская область, Пензенская Республика Крым, Республика Мордовия, Республика Саха (Якутия), федерального значения Севастополь, Смоленская область, Ставропольский край, Тамбовская область, Тверская область, Томская область, Тульская область, Тюменская область, Удмуртская Республика, Ульяновская область, Хабаровский край, Ярославская область, Рязанская область, Саратовская область, город область, Пермский край, Республика Адыгея, Республика Бурятия, Республика Карелия, Республика Коми,

² Забайкальский край, Курганская область, Орловская область, Псковская область, Республика Алтай, Республика Калмыкия, Республика Марий Эл, Республика Хакасия, Чувашская Республика

³ Кабардино-Балкарская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Дагестан, Республика Ингушетия, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Тыва, Чеченская Республика

таковые других региональных кластеров в аспектах недовольства локальными элитами, качеством жизни, довольно распространен дискурс «локальный национализм».

Четвертый кластер ¹ включает некоторые регионы – мишени, имеющие приграничный статус и характеризующиеся сецессионными процессами, как и некоторые регионы третьего кластера. В этой связи преимущественные контексты информационных потоков связаны с дискурсами «отдельная цивилизация», «анклавность», «внешнее информационное давление», «эскалация истории в отношении других республик региона и в отношении федерального центра», «доминирование религиозной и локальной идентичностей», «межрелигиозная, межнациональная вражда».

Пятый кластер содержит единственный субъект РФ – город федерального значения Москву. Выделение столичного региона в отдельный кластер связано со спецификой социально-экономических и социально-политических показателей Москвы, отличных от показателей других субъектов РФ. В Московских цифровых сообществах недовольство правозащитной и судебной сферами фигурирует чаще, чем в остальных региональных кластерах.

Шестой региональный кластер ² – это класс субъектов РФ, который аккумулирует регионы с центрами – мегаполисами. Общими для пятого и шестого кластеров контекстуальными полями информационных потоков служат дискурсы «фассерженных горожан», «диффузное недовольство» и «притеснение прав личности, отсутствие свобод».

Заключение

Анализ показал, что в регионах с невысокими показателями экономического развития в дискурсивных практиках сетей данного кластера проявляется внешний локус контроля, или, по-другому, паттерналистические установки массового сознания, неготовность к социальной ответственности. Признается, что ответственность за все проблемы несут исключительно представители органов власти, а гражданам отводится позиция критиков. На фоне этих убеждений диффузный, ситуационный формат недовольства комбинируется с неполитическим контекстом недовольства изученных информационных потоков. В региональных сетях экономически более развитых и благополучных кластеров наряду с общими для всех российских региональных сегментов социальными медиа дискурсами социального неравенства и несправедливости заметны политические контексты, фокусирование на нематериальных ценностях (свобода, права личности).

В целом исследование информационных потоков региональных сообществ показало существование значимого триггера социальной деконсолидации региональных и городских сообществ – ощущение социального неравенства, разницы в уровне жизни рядовых граждан и представителей элиты, чиновников, убежденность в том, что принадлежность к социальному слою власть имущих предопределяет обязательную коррумпированность, использование своей профессиональной позиции для получения личных выгод и благ.

Ближайшими перспективами исследования служат такие направления, как автоматизированный социально-медийный анализ информационных потоков, отражающих дискурсы социального недовольства в регионах РФ с использованием сервиса для мониторинга социальных сетей IQBuzz с целью выявления весовых, динамических, технологических характеристик этих потоков, а также социально-демографических показателей аудитории

¹ Калининградская область, Камчатский край, Магаданская область, Мурманская область, Ненецкий автономный округ, Сахалинская область, Чукотский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ.

² Волгоградская область, Воронежская область, Краснодарский край, Московская область, Нижегородская область, Приморский край, Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Ростовская область, Самарская область, Санкт-Петербург, Свердловская область, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Челябинская область).

данных потоков; построение социальных графов цифровых сообществ социального недовольства для выявления технологий управления целевыми группами сетей социального недовольства; когнитивная инструментальная диагностика: айтрекинг пользователей региональных сообществ, состоящий в изучении глазодвигательной реакции граждан на стимульный цифровой контент, отражающий контексты и дискурсы социального недовольства в социальных медиа регионов и муниципалитетов РФ.

Цифровая среда регионов и муниципалитетов – значимый индикатор процессов консолидации и деkonsолидации локальных сообществ. Мониторинг содержания и мобилизационного потенциала информационных потоков этих сообществ позволит своевременно разрабатывать меры реагирования на доминирующие контексты социального недовольства и путем формирования альтернативных информационных потоков преодолевать социально-медийные триггеры деkonsолидационных процессов в региональных и городских сообществах.

Список литературы

- Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н., Сияков А.В. 2017. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 5(141): 79–104.
- Далтон Р.Дж. 1999. Сравнительная политология: микроповеденческий аспект. Политическая наука: новые направления. М., Вече, 330–344.
- Данливи П., 1999. Политическое поведение: институциональный и эмпирический подходы. Политическая наука: Новые направления. М, Вече, 282.
- Мертон Р. 2006. Социальная теория и социальная структура. М., 873 с.
- Andres M.-H. 2017. Social Media, Civic Engagement, and Slacktivism. *Colombia Journal of International Affairs*: 230–246.
- Boulliane S. 2017. Revolution in the making? Social media effects across the globe *Inf. Information Communication and Society*, 22: 1–16.
- Digital 2022: another year of bumper growth [Internet resource]: URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/> (data access 20.08.2022).
- Grasso M.T., Yoxon B., Karampampas S. et al. 2019. Relative deprivation and inequalities in social and political activism. *Acta Politica*, 54: 398–429.
- Howard Ph.N., Parks M.R. 2012. Social Media and Political Change: Capacity, Constraint and Consequence. *Journal of Communication*, 1(62): 359–362.
- Jost T.J., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker A. J. 2018. How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks. *Advances in Political Psychology*, 1: 85–118.
- Kahne J., Bowyer B. 2018. The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks. *Political Communication*, 35: 1–24.
- Parsons T. 1967. *Sociological theory and modern society*. N.Y.: Free Press, 564 p.

References

- Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Karzubov D.N., Sinyakov A.V., 2017. Development of methodology and methods of intellectual search for digital markers of political processes in social media. *Monitoring public opinion: economic and social changes*, 5(141): 79–104. (In Russian).
- Dalton R.J. 1999. Comparative Politics: A Microbehavioral Aspect. *Political Science: New Directions*. Moscow, Veche, 330–344. (In Russian).
- Dunleavy P., 1999. Political Behavior: Institutional and Empirical Approaches. *Political Science: New Directions*. M., Veche, 282. (In Russian).
- Merton R. 2006. Social theory and social structure. M., 873 p. (In Russian).
- Andres M.-H. 2017. Social Media, Civic Engagement, and Slacktivism. *Colombia. Journal of International Affairs*: 230–246.
- Boulliane S. 2017. Revolution in the making? Social media effects across the globe *Inf. Information Communication and Society*, 22: 1–16.

- Digital 2022: another year of bumper growth [Internet resource]: URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/> (data access 20.08.2022).
- Digital 2022: another year of bumper growth [Internet resource]: URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/> (data access 20.08.2022).
- Howard Ph.N., Parks M.R. 2012. Social Media and Political Change: Capacity, Constraint and Consequence. *Journal of Communication*, 1 (62): 359–362.
- Grasso M.T., Yoxon B., Karampampas S. et al. 2019. Relative deprivation and inequalities in social and political activism. *Acta Politica*, 54: 398–429.
- Jost T.J., Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker A. J. 2018. How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks. *Advances in Political Psychology*, 1: 85–118.
- Kahne J., Bowyer B. 2018. The Political Significance of Social Media Activity and Social Networks. *Political Communication*, 35: 1–24.
- Parsons T. 1967. Sociological theory and modern society. N.Y.: Free Press, 564 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 15.09.2022
Поступила после рецензирования 05.11.2022
Принята к публикации 21.11.2022

Received September 15, 2022
Revised November 05, 2022
Accepted November 21, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Бродовская Елена Викторовна, гл. н. сотр. Центра политических исследований, профессор Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия

Домбровская Анна Юрьевна, директор Центра политических исследований, профессор Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Elena V. Brodovskaya, Chief Researcher of the Center for Political Studies, Professor of the Department of Political Science of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Anna Yu. Dombrovskaya, Director of the Center for Political Studies, Professor of the Department of Political Science of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

УДК 316.455

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-869-872

Этноконфессиональные риски консолидации городского сообщества

Зинурова Р.И., Никитина Т.Н.

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
Россия, 420015, г. Казань, ул. К. Маркса, 68
E-mail: nita101@mail.ru

Аннотация. Изменения во внешней политике и экономике вызывают большой приток мигрантов в регионы России, что определяет высокую актуальность вопроса консолидации городских сообществ, представленных различными этническими группами коренного населения и приезжих. Проблемы консолидации городского сообщества рассмотрены авторами на примере казанской агломерации. Особое внимание уделено следующим категориям рисков: витального, социального характера; связанным с трудовой деятельностью; совместного обучения детей в системе начального и среднего специального образования; информационным, коммуникационным. Определена роль превентивных мер для устранения политических рисков с целью консолидации городских сообществ. Существование на единой территории представителей различных этнических групп создает необходимость детального изучения вопросов консолидации и поиска путей межэтнического взаимодействия.

Ключевые слова: консолидация, городские сообщества, городская агломерация, этноконфессиональные риски, национальная политика

Для цитирования: Зинурова Р.И., Никитина Т.Н. 2022. Этноконфессиональные риски консолидации городского сообщества: материалы Международного круглого стола «Консолидация городских сообществ: проблемы диагностики и регулирования» (09 сентября 2022 г., Белгород). НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 47(4): 869–872. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-869-872

Ethno-confessional Risks of Urban Community Consolidation

Zinurova R.I., Nikitina T.N.

Kazan National Research Technological University
68 K. Marx St, Kazan 420015, Russian Federation
E-mail: rushazi@rambler.ru, nita101@mail.ru

Annotation. The article attaches great importance to identifying the problems associated with the cohabitation of representatives of various ethnic and religious groups in the urban agglomeration. Changes in foreign policy and the economy cause a large influx of migrants to the regions of Russia, which determines the high relevance of the issue of consolidation, primarily of urban communities, represented by various ethnic groups of the indigenous population and visitors. The article outlines the main prerequisites leading to the problems of urban community consolidation on the example of the Kazan agglomeration. The categories of ethno-confessional risks that impede consolidating processes are considered. Particular attention is paid to the following categories of risks: risks of a vital, social nature; risks associated with labor activity; risks of joint education of children in the system of primary and secondary specialized education; information and communication risks. The topic of identifying ethno-confessional risks, which determines the consolidation opportunities of the urban community, plays a role in shaping the mechanisms of interethnic interaction. The role of preventive measures to eliminate political risks in order to consolidate urban communities has been determined. The existence of representatives of various ethnic groups on a single territory creates the need for a detailed study of the issues of consolidation and the search for ways of interethnic interaction.

Keywords: consolidation, urban communities, urban agglomeration, ethno-confessional risks, national policy

For citation: Zinurova R.I., Nikitina T.N. 2022. Ethno-confessional Risks of Urban Community Consolidation: Materials of the International Round Table "Consolidation of urban communities: problems of diagnostics and regulation" (September 09, 2022, Belgorod). NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 869–872 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-869-872

Процессы консолидации городских сообществ становятся актуальной повесткой для государства. Это связано с экономической и социальной ситуацией в регионах в связи с усилением миграционных потоков, в первую очередь из стран СНГ. Тенденцией государственной национальной политики становится направленность на консолидацию сообществ в пределах мегаполисов и городских агломераций – основных мест сосредоточения приезжего населения. Городская агломерация становится географическим, культурным и социальным пространством, в котором проживают как коренные жители, так и приезжее население. Для совместного проживания людей на единой территории недостаточно только лишь государственного регулирования. Интуитивно развиваются собственные законы консолидирующей среды, которые требуют изучения со стороны научного сообщества.

В последние годы актуализации вопроса консолидации городских сообществ способствуют изменения в составе российского общества. В 2021 году в Приволжский федеральный округ только из стран СНГ прибыло 75 тысяч человек¹. Опросы показывают, что причинами переезда в казанскую агломерацию являются в первую очередь экономические причины, во вторую – благоприятная межэтническая и экологическая среда для проживания семей мигрантов. Приток мигрантов из стран СНГ обусловлен близостью сопредельных территорий, отсутствием языковых барьеров, наличием общей культуры и системы образования, у многих после распада СССР в России проживают дальние родственники.

Являясь формой взаимодействий контактирующих этнических общностей на основе совместного или раздельного использования ресурсов, экономической и политической кооперации и культурного диалога в пределах региона, межэтническая интеграция становится площадкой для консолидации этнических групп в пределах городских агломераций. Этнические группы внутри агломерации пересекаются с молодежными субкультурами, которыми представлено городское население. Тогда проблемы, связанные с молодежной повесткой, пересекаются с этноконфессиональными, связанными с адаптацией приезжающих, в основном молодежи.

Процессы консолидации требуют системного решения, так как проблема межэтнических, межземляческих отношений, особенно в молодежной среде, нередко сопряжена с конфликтами на почве националистических и религиозных мотивов, что может стать удобным плацдармом для работы пропагандистов-радикалов. Проблемы консолидации, связанные с этническими, конфессиональными, миграционными этнополитическими рисками, могут проявляться как риски индивидуальные, частного характера, а также как риски, связанные с государственными и муниципальными интересами. Основными становятся риски социальной группы принимающего сообщества (на основе их этнической и конфессиональной принадлежности).

Процессам консолидации препятствует состояние напряженности, которое может испытывать коренное население в отношении мигрантов. Это может проявляться в форме латентных опасений возрастания рисков в различных сферах жизнедеятельности в пределах социального и географического пространства городской агломерации. Ниже перечислены этноконфессиональные риски консолидации городских сообществ. Особенно чувствительными для процессов консолидации становятся риски следующего характера.

Латентные опасения возрастания рисков более выражены для сферы занятости. Трудоустройство мигрантов в сферах транспорта, системы ЖКХ, строительства формирует конкурентные отношения с мигрантами. Исследования показывают, что современными

¹ Официальный сайт Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>. (дата обращения 06.08.2022).

тенденциями становятся конкурентные отношения в системе высшего образования и организованной торговли [Зинурова, 2020]. Авторами выделены в отдельную категорию риски витального, социального характера, влияющие на консолидацию городских сообществ. К ним относятся: ухудшение социального самочувствия принимающей стороны; изменения привычного образа жизни населения; формирование негативного гетеростереотипа этнических групп мигрантов.

Отдельно выделим риски, связанные с трудовой деятельностью: моноотраслевая характеристика региона, появление в регионе предприятий с доминирующим числом рабочих-мигрантов; криминализация, связанная с мигрантами низкого социально-экономического статуса; трудоустройство мигрантов в негосударственный сектор экономики; нарушения трудового законодательства; нелегальная миграция; агрессивная форма поведения мигрантов на рынке труда; конкуренция за низко квалифицированные рабочие места (ЖКХ, строительство, транспорт); конкуренция за статусные рабочие места (в сфере высшего образования, например).

На территории казанской агломерации особое место занимают семьи мигрантов. Появление нового слоя мигрантов – детей мигрантов, рожденных в регионе, обладающих хорошим знанием русского языка, обучающихся в системе российского образования, – создает как возможности для консолидации этнических групп, так и ставит новые задачи для государственной национальной политики. К рискам совместного обучения детей в системе начального и среднего специального образования относятся: маргинализация в среде детей мигрантов; плохое знание культуры и языка принимающего этноса; межэтнические конфликтные ситуации в детской среде; отсутствие интернационального компонента в системе воспитания и образования как фактора не толерантного отношения к другим этносам; этническая «дедовщина» со стороны детей мигрантов в школах; демографический прирост населения региона из-за высокого уровня рождаемости детей в семьях мигрантов; локальное территориальное расположение учебных заведений в пригородной зоне [Зинурова, 2020].

СМИ занимаются освещением событий, связанных с миграционными процессами. Через каналы СМИ население получает информацию о деятельности государственных органов власти в области национальной политики, миграционных процессах. Если информация о приезжих выносится на публичную арену как негативная сенсация о нарушении мигрантами российского законодательства, это становится препятствием для формирования позитивных представлений об этнических группах, въезжающих на территорию России. Необходимо освещать деятельность организаций, участвующих в организации культурной жизни этнических меньшинств для формирования позитивного опыта взаимодействия различных этнических групп на территории Татарстана. К рискам информационным, коммуникационным относятся: драматичность освещения событий СМИ, связанных с мигрантами; причины бытовых конфликтов, освещаемые СМИ в связи с этническими особенностями субъектов; культурная изолированность приезжих этнических групп; этноцентрические настроения принимающей стороны; коммуникационные связи мигрантов с Родиной; глобальная коммуникация как основа этнических конфликтов; транснациональная этнодиаспорная политика; появление в регионе национальной элиты; новые солидарности на почве этнических или поселенческих признаков; появление микрорайонов компактного проживания мигрантов; опасность диффузного распространения этнических конфликтов в регионе.

Роль стабилизации миграционных процессов и ответственность за адаптацию мигрантов отводится государству. Учет таких рисков, как несоответствие деятельности государственных органов власти по отношению к мигрантам реальной ситуации, низкий социально-экономический и правовой статус мигранта, рост недовольства принимающего общества, должен определить цели национальной политики в разработке превентивных мероприятий, нивелирующих риски. Только в этом случае разработанная государством национальная политика и ее исполнение региональными органами власти будет способствовать стабилизации межэтнических отношений, в дальнейшем – межэтнической консо-

лидации на уровне формирования общегражданской идентичности и идеологии добрососедства и межэтнического взаимодействия.

Список литературы

- Зинурова Р.И., Никитина Т.Н. 2020. Алгоритмизация и содержание деятельности региональных органов исполнительной власти по нейтрализации этноконфессиональных рисков в городской агломерации (на примере Республики Татарстан). *Управление устойчивым развитием*, 5(30): 41–48.
- Зинурова Р.И., Никитина Т.Н. 2020. Система мер по нейтрализации этноконфессиональных и миграционных рисков в городских агломерациях. *Управление устойчивым развитием*, 6(31): 3–36.
- Макарова Г.И. 2018. Образ Татарстана и стратегии его брендинга в представлениях и оценках населения региона. *Регионология*, 2(103): 338–357. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.338-357
- Молодов О.Б. 2016. Социальная консолидация в условиях новой реальности: проблема общественной активности и идентичности населения региона. *Проблемы развития территории*, 2(82): 82–97.
- Zinurova, R.I., Nikitina, T.N. 2020. Algoritmizatsiya i sodержaniye predstavleniya organov ispolnitel'noy vlasti po neytralizatsii etnokonfessional'nykh riskov v gorodskikh aglomeratsiyakh (na territorii Respubliki Tatarstan) [Algorithmization and content of the activities of regional executive authorities to neutralize ethno-confessional risks in the urban agglomeration (on the example of the Republic of Tatarstan)]. *Upravleniye ustoychivym razvitiyem*, 5(30): 41–48.
- Zinurova, R.I., Nikitina, T.N. 2020. Sistema mer po neytralizatsii etnokonfessional'nykh i kontroliruyushchikh riskov v aglomeratsiyakh poberezh'ya [System of measures to neutralize ethno-confessional and migration risks in urban agglomerations]. *Upravleniye ustoychivym razvitiyem*, 6(31): 31–36.
- Makarova, G.I. 2018. Obraz Tatarstana i strategii yego brendirovaniya v predstavleniyakh i otsenkakh naseleniya regiona [The image of Tatarstan and its branding strategies in the perceptions and assessments of the population of the region]. *Regionologiya*, 2(103): 338–357. DOI: 10.15507/2413-1407.103.026.201802.338-357
- Molodov, O.B. 2016. Sotsial'naya konsolidatsiya v usloviyakh sovremennoy real'nosti: problema obshchestvennoy aktivnosti i loy'al'nosti naseleniya regiona [Social Consolidation in the Conditions of New Reality: The Problem of Social Activism and Identity of the Region's Population]. *Problemy razvitiya territorii*, 2(82): 82–97.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалась.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 18.09.2022
Поступила после рецензирования 11.11.2022
Принята к публикации 25.11.2022

Received September 18, 2022
Revised November 11, 2022
Accepted November 25, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Зинурова Раушания Ильшатовна, д. социол. н., профессор кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Казань, Россия

Raushania I. Zinurova, Doctor of Sociology, Professor of the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia

Никитина Татьяна Николаевна, к. социол. н., доцент кафедры менеджмента и предпринимательской деятельности, Казанский национальный исследовательский технологический университет, г. Казань, Россия

Tatiana N. Nikitina, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Management and Entrepreneurship, Kazan National Research Technological University, Kazan, Russia

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

УДК 316.42

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-873-877

Социальная консолидация городских сообществ: возможности регулирования (рецензия на монографию «Консолидация городских сообществ: проблемы и перспективы в условиях цифровизации урбанизированной среды». Белгород: ООО «Эпицентр», 2022)

¹ Домбровская А.Ю., ² Тарабаева В.Б.

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Россия, 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
E-mail: an-doc@yandex.ru, tarabaeva@bsu.edu.ru

Аннотация. В рецензии анализируется научная и практическая значимость исследования, результаты которого представлены в коллективной монографии под ред. проф. В.П. Бабинцева «Консолидация городских сообществ: проблемы и перспективы в условиях цифровизации урбанизированной среды». Рецензируемая работа направлена на осмысление реального состояния консолидации городских сообществ, ее возможностей и ограничений в гибридной техноантропоферной среде современного города.

Ключевые слова: социальная солидарность, социальная консолидация, городское сообщество, цифровизация, дигитализация, город

Для цитирования: Домбровская А.Ю., Тарабаева В.Б. 2022. Социальная консолидация городских сообществ: возможности регулирования (рецензия на монографию «Консолидация городских сообществ: проблемы и перспективы в условиях цифровизации урбанизированной среды»). Белгород: ООО «Эпицентр», 2022). НОМОТНЕТІКА: Філософія. Соціологія. Право, 47(4): 873–877. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-873-877

Social consolidation of urban communities: regulatory opportunities (review of the monograph "Consolidation of urban communities: problems and prospects in the conditions of digitalization of the urban environment". Belgorod: Epicenter LLC, 2022)

¹ Anna Yu. Dombrovskaya, ² Victoria B. Tarabayeva

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation,
49 Leningradsky Prospekt, Moscow, 125993, Russian Federation

² Belgorod National Research University,
85 Pobedy St, Belgorod, 308015, Russian Federation
E-mail: an-doc@yandex.ru, tarabaeva@bsu.edu.ru

Annotation. The review analyzes the scientific and practical significance of the research, the results of which are presented in a collective monograph edited by prof. V.P. Babintsev "Consolidation of urban communities: problems and prospects in the conditions of digitalization of the urban environment". The

reviewed work is aimed at understanding the real state of consolidation of urban communities, its opportunities and limitations in the hybrid techno-anthropospheric environment of a modern city.

Keywords: social solidarity, social consolidation, urban community, digitalization, city

For citation: Dombrovskaya A.Yu., Tarabaeva V.B. 2022. Social consolidation of urban communities: regulatory opportunities (review of the monograph "Consolidation of urban communities: problems and prospects in the conditions of digitalization of the urban environment". Belgorod: Epicenter LLC, 2022). NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 873–877 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-873-877

Рецензируемая монография¹ подготовлена в рамках исследовательского поля городской социологии. Несмотря на то, что эта отрасль социологического знания в последние годы довольно успешно развивается в России, остается немало проблем, требующих внимания исследователей. К их числу, в частности, относится проблема межличностных и межгрупповых отношений в современном дигитализирующемся пространстве города, которые были существенно деформированы в последнее время, что создало крайне тревожную не только в духовном, но и в социально-политическом отношении ситуацию.

Коллектив авторов рассматриваемой научной работы продолжает и развивает в своей работе традицию теоретического анализа феномена социальной солидарности и консолидации, к которой все чаще обращаются не только отечественные, но и зарубежные обществоведы². В то же время вполне можно согласиться с авторами монографии в том, что проблема социальной консолидации слабо рассмотрена применительно к современному городу, в котором этот процесс особенно востребован в силу необходимости создания благоприятных для воспроизводства, преодоления характерного, особенно для крупных городов, отчуждения между жителями, формирования условий для совместного решения ими проблем, возникающих в ходе функционирования урбанизированной среды. Кроме того, в условиях цифровой трансформации городского пространства, с одной сто-

¹ Консолидация городских сообществ: проблемы и перспективы в условиях цифровизации урбанизированной среды: монография / Под общ. ред. д.ф.н., проф. В.П. Бабинцева. 2022. Белгород, ООО «Эпицентр».

² Аносов С.С. 2021. Эффективность консолидации: социальная политика государства. Социология, 2: 5–20; Вавилина Н.Д. 2019. Солидаризация как социальное явление и социальный процесс: региональный контекст. Регион: Экономика и Социология, 3(103): 164–194; Ильичева М.В., Иванов А.В. 2022. Социальное доверие и процесс консолидации общества: новые возможности и риски. Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 1: 129–140; Нарыков Н.В., Кузьменко И.С. 2020. Информационная коммуникация как фактор социальной солидарности. Общество: философия, история, культура, 4(72): 25–29; Попова И.В. 2018. Ослабление консолидационного потенциала социума как фактор системного кризиса социальной солидарности. Социальные и гуманитарные знания, 4(16): 242–254; Самсонова Т.Н., Цыганкова Д.Н. 2020. Основные проблемы и направления достижения консолидации российского общества. Теория и практика общественного развития, 11(153): 24–31; Селезнев П.С., Сургуладзе В.Ш. 2021. Цифровые вызовы социально-политической консолидации и коллективной идентичности общества. Век глобализации, 4: 131–144; Харичев А.Д., Шутов А.Ю., Полосин А.В., Соколова Е.Н. 2022. Восприятие базовых ценностей, факторов и структур социально-исторического развития России (по материалам исследований и апробации). Журнал политических исследований, 6(3): 9–19. DOI 10.12737/2587-6295-2022-6-3-9-19; Чигрин В.А., Узунов В.В. 2022. Особенности социальной консолидации региональных сообществ Юга России. Гуманитарий Юга России, 1(53) 11: 150–159; Frega R. 2021. Solidarity as Social Involvement. Moral Philosophy and Politics. 8(2): 179–208. DOI:10.1515/mopp-2019-0008; Salustri A. 2021. Social and solidarity economy and social and solidarity commons: Towards the (re)discovery of an ethic of the common good? Annals of Public and Cooperative Economics. 92(1). DOI:10.1111/apce.12307; Zheng R. 2022. Reconceptualizing solidarity as power from below. Philosophical Studies, Springer. DOI:10.1007/s11098-022-01845-y; Ziegler F., Wallaschek S., Kahle P., Schammann H., Corsten M. & Kneuer M. 2022. Claiming solidarity: A multilevel discursive reconstruction of solidarity. European Journal of Social Theory, 25(3): 366–385. DOI: 10.1177/13684310211045794.

роны, открываются ранее не имевшие места возможности для утверждения солидарности в качестве основания жизнедеятельности городских сообществ, но одновременно возникают нетрадиционные барьеры. Рассмотреть и решить в той или иной степени эти проблемы и пытаются авторы рецензируемого труда.

Первая глава монографии посвящена анализу особенностей современного города как гибридной социобиотехнической системы, рассмотрению понятия «городское сообщество» и выявлению основных конъюнктивных и дизъюнктивных тенденций его развития, определению роли культуры в гибридной техноантропосферной городской среде. В этой же главе уточняется методология и содержание понятийного аппарата исследования, дается авторская трактовка ключевых для исследования терминов, таких как «городское сообщество», «консолидация», «конъюнкция» и другие.

Авторы последовательно отстаивают представление о том, что в настоящее время конъюнктивные и дизъюнктивные тенденции в развитии городской среды находятся в состоянии относительного динамического равновесия, и выделяют факторы, способствующие интеграции и препятствующие ей. В частности, объективные предпосылки конъюнкции авторы связывают с природно-человеческими качествами, заключающимися в естественном стремлении людей к объединению, необходимостью создания благоприятных условий для воспроизводства городских сообществ, повышения уровня их субъектности, обеспечения конкурентоспособности и безопасности, а субъективные – с привлекательностью самой идеи социальной конъюнкции. В то же время в монографии выделяются формирующиеся в новой социальной реальности предпосылки для социальной дизъюнкции и деконсолидации, обусловленные высоким уровнем социального неравенства, дефицитом объединяющих ценностей и социальной аномией (Консолидация..., с. 33). С данными выводами, очевидно, трудно не согласиться.

В рецензируемой работе сделан акцент на исследовании сферы городской культуры, которая, как полагают авторы, обладает наиболее значительными из всех сфер урбанизированной среды возможностями для концентрации конъюнктивно-консолидационного потенциала городского сообщества, выражающегося в конечном итоге в обретении горожанами способности и готовности к взаимной лояльности и конструктивному взаимодействию. Однако вместе с такими возможностями авторы выделяют и ряд барьеров консолидации, которые определяются протекающими в сфере современной культуры процессами, в частности утверждением в культурном пространстве модели автономной личности, чьи приоритеты носят ярко выраженный гедонистический характер и замыкаются почти исключительно на потребление продукции масскультуры (Консолидация..., с. 47).

Вторая глава монографии начинается с развернутого аналитического обзора зарубежных и отечественных исследований по проблемам социальной солидарности и консолидации, охватывающего период от эпохи античности до 2022 года. Авторы подчеркивают наличие длительной традиции исследования проблем солидарности и консолидации, разнообразие существующих в современном обществоведении подходов к пониманию данных терминов, однако в то же время отмечают, что к настоящему времени многие их аспекты остаются практически не изученными. В частности, менее всего разработана в научной литературе идея консолидации как самоорганизации различных сообществ (Консолидация..., с. 74).

В монографии выявляются важнейшие предпосылки социальной консолидации в урбанизированной среде: потребность в обеспечивающем просоциальное воспроизводство городских сообществ метаинституте, необходимость социокультурной регуляции их развития, улучшения качества человеческих отношений и повышения уровня самоорганизации в условиях превращения городов в СБТ-системы (Консолидация..., с. 97). В то же время авторы выделяют три группы ограничителей консолидации, которые обусловлены особенностями внешней среды жизнедеятельности городских сообществ; спецификой их

самоорганизации в нестабильной среде; особенностями концепции консолидации и процесса ее практической реализации.

Третья глава монографии посвящена выявлению специфики консолидационных процессов городских сообществ в условиях цифровизации/дигитализации. При этом авторы формулируют понятия «цифровизации» и «дигитализации» и подчеркивают важность второго в контексте проблемы исследования, поскольку оно акцентирует внимание не на технологической, но на социальной и даже социокультурной стороне связанных с цифровизацией изменений. В обоснование данной позиции приводится ряд аргументов: во-первых, использование «дигитализации»/«диджитализации» в научной литературе наряду понятиями, образованными на основе лексемы «цифра»¹; во-вторых, неизбежность дальнейших изменений самого процесса цифровизации, для характеристики которых обязательно потребуются новая терминология. Вместе с тем авторы отмечают, что если в научных работах еще можно сделать акцент на специфике каждого понятия, то для массового сознания она малозначима. Именно по этой причине в монографии они используются в связке.

Для авторов монографии однозначно и очевидно, что воздействие цифровизации/дигитализации на перспективы консолидации носит амбивалентный характер. Так, негативные следствия заключаются, в частности, в росте виртуальной псевдоактивности; снижении способности «цифрового человека» к сопереживанию и социализации; проблемах игровой зависимости; размывании консолидирующих ценностей; утрачивании навыков долговременной памяти; депрессивности населения в информационно перегруженной цифровой среде; росте числа не чувствующих между собой солидарности «фрилансеров»; «заспамленности» информационного потока и т.д. (Консолидация..., с. 131–132). В то же время авторы усматривают и ряд позитивных возможностей для социальной конъюнкции, которые дает цифровизация: стимулирование общественного диалога на основе доступности социальной информации и роста интенсивности коммуникаций; возникновение новых площадок для взаимодействия в социальных сетях и на цифровых сетевых платформах; повышение уровня интеллектуальной насыщенности, рациональной мотивированности и сбалансированности интересов во внутригородском дискурсе; стимулирование добровольчества и самостоятельности при принятии решений (Консолидация..., 2022, с. 133).

Переходя непосредственно к управленческим аспектам рассматриваемой темы в четвертой главе рецензируемого труда, авторский коллектив подчеркивает, что консолидация как регулируемый процесс может быть успешной, если она органически вписана в общую логику социокультурного развития городского сообщества в условиях цифровизации. Эту логику авторы определяют как консолидационный маршрут. Очевидно, что авторы монографии отчетливо понимают всю сложность задачи регулирования процесса консолидации. Но при этом они убеждены – решение ее необходимо, и в первую очередь, в силу отмеченной значимости консолидации в обеспечении воспроизводства сообщества.

В качестве базового подхода к регулированию консолидации в контексте цифровизации и дигитализации социальной реальности в монографии вполне обоснованно предлагается процессный, алгоритмический подход, в соответствии с которым консолидационный маршрут может быть представлен как совокупность последовательных этапов, включающих формирование городской идентичности, ценностную селекцию и агрегацию интересов, выстраивание культуры доверия, формирование символического пространства консолидации, инициацию консолидационных практик (Консолидация..., с. 155–164). Несомненную прикладную ценность представляет собой предлагаемый ав-

¹ Бальчиндоржиева О.В., Золжоева М.В. 2022. Цифровая культура vs культурная уникальность? (к вопросу о сохранении китайской культурной идентичности). Социологические исследования, 3: 90–97; Груздева М.А. 2022. Диджитализация гражданского участия: ограничения в поле цифровых разрывов. Цифровая социология, 5(1): 15–24.

торами в последнем параграфе работы комплекс управленческих технологий, которые целесообразно использовать на каждом из этапов маршрута с учетом его специфики.

Важной заслугой авторского коллектива представляется трактовка социальной консолидации не только как регулируемого, но и как саморегулируемого процесса. По мнению авторов, консолидация является сознательным и добровольно реализуемым процессом, который нельзя «навязать сверху», используя лишь административные ресурсы управления (Консолидация..., с. 168). Одновременно для авторов очевидна необходимость и обязательность внешнего регулирующего воздействия, но лишь в «мягкой» форме социальной регуляции, предполагающей применение точечных воздействий в ситуациях бифуркации, создание условий для движения в желательном направлении и мотивацию различных групп территориального сообщества к прохождению маршрута. В состав субъектов регуляции в данном случае в монографии включаются экспертное (интеллектуальное) сообщество, органы муниципального управления, институты гражданского общества.

Рассматривая в целом рецензируемую монографию, считаем возможным в качестве достоинства отметить использование значительного массива эмпирических данных, полученных в ходе многочисленных социологических исследований, проведенных авторским коллективом не только в Белгородской области, но и в ряде иных регионов страны, и включающих массовые опросы жителей, экспертные интервью, фокус-группы с представителями различных категорий населения. Полученные авторами данные в ряде случаев интерпретировались также с использованием статистических данных и результатов вторичного анализа материалов исследований, проведенных иными учеными.

В целом рецензируемая работа белгородских ученых заслуживает однозначно положительной оценки как фундаментальный труд, посвященный весьма актуальной проблеме, содержащий элементы научной новизны в исследовании социальной консолидации городских жителей. Выводы и рекомендации, изложенные в монографии, затрагивают важные задачи, решение которых определит стратегию развития городских территорий в долгосрочной перспективе. А это свидетельствует не только о теоретической, но и практической значимости представленного труда.

Поступила в редакцию 28.02.2022

Поступила после рецензирования 30.05.2022

Принята к публикации 30.10.2022

Received February 28, 2022

Revised May 30, 2022

Accepted October 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Домбровская Анна Юрьевна, доктор социологических наук, Директор Центра политических исследований, профессор Департамента политологии, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Тарабаева Виктория Борисовна, доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Anna Yu. Dombrovskaya, DSc in Sociology, Director of the Center for Political Studies, Professor of the Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Victoria B. Tarabayeva, DSc in Sociology, Doctor of Sociology, Professor, Director of the Pedagogical Institute, Belgorod National Research University, Russia, Belgorod

УДК 82.0; 130.2

DOI 10.52575/2712-746X-2022-47-4-878-882

Герменевтика «Божественной комедии» Данте
(рецензия на книгу В.Н. Назарова «Данте: Восхождение к небесам Рая.
Морально-эстетическая символика «Рая» в «Божественной Комедии»)

Римский В.П.

Белгородский государственный институт искусств и культуры
Россия, 308000, Белгород, ул. Королева, 7
E-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

Аннотация. Представлена рецензия на иллюстрированные монографии В.Н. Назарова, опубликованные фактически к 700-летию смерти Данте Алигьери и завершения создания его «Божественной комедии». В.Н. Назаров, замечательный профессионал в сфере этики, религиозной философии и теологии, автор многих статей, посвящённых дантовскому литературно-философскому творчеству, представил неординарное герменевтическое прочтение великого литературно-философского произведения, оказавшего огромное влияние на всю мировую художественную литературу и философию.

Ключевые слова: Данте Алигьери, герменевтика, символизм, мифология, философия, этика, русская литература

Для цитирования: Римский В.П. 2022. Герменевтика «Божественной комедии» Данте (рецензия на книгу В.Н. Назарова «Данте: Восхождение к небесам Рая. Морально-эстетическая символика «Рая» в «Божественной Комедии»). НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право, 47(4): 878–882. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-878-882

Hermeneutics of Dante's Divine Comedy
(review of the book by V.N. Nazarov "Dante: Ascent to heaven of Paradise.
Moral and aesthetic symbolism of "Paradise" in the "Divine Comedy")

Victor P. Rimsky

Belgorod State Institute of Arts and Culture
7 Korolyova St, Belgorod 308000, Russia
E-mail: rimskiy@bsu.edu.ru

Abstract. A review of illustrated monographs by V.N. Nazarov, published in fact to the 700th anniversary of the death of Dante Alighieri and his "Divine Comedy", is presented. V.N. Nazarov, a great professional in the field of ethics, religious philosophy and theology, the author of many articles on Dante's literary and philosophical work, presented an extraordinary hermeneutic reading of the great literary and philosophical work, which has had a profound influence on the entire world of fiction and philosophy.

Keywords. Dante Alighieri, hermeneutics, symbolism, mythology, philosophy, ethics, Russian literature

For citation: Rimsky V.P. 2022. Hermeneutics of Dante's Divine Comedy (Review of the book by V.N. Nazarov "Dante: Ascent to heaven of Paradise. Moral and aesthetic symbolism of "Paradise" in the "Divine Comedy"). NOMOTNETIKA: Philosophy. Sociology. Law, 47(4): 878–882 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-4-878-882

Получилось так, что после выхода рецензируемых в данной статье монографий¹, я обсудил их с другим исследователем дантовой поэтики и философии – ростовским философом Г.Ф. Перетятыкиным², который с увлечением прочитал и положительно оценил работы В.Н. Назарова, однако и критически отозвался о назаровской «модернизации Данте». К большому сожалению, в августе 2021 года Григорий Фёдорович преждевременно скончался, и мне приходится отвечать на его не совсем точную критику посмертно.

Модернизация в понимании и интерпретации культурного наследия – это всегда «осовременивание» текстов культуры и их создателей. Поэтому каждая эпоха и национальная культура будут по-своему прочитывать и литературно-философский дискурс великого Данте, «осовременивать», «модернизировать» его «Божественную комедию» (уже на стадии чтения и перевода), а самого поэта и мыслителя превращать в «собственного» современника, «присваивать» его культурный капитал.

Тексты рецензируемых монографий содержат как бы два параллельных дискурса, порой пересекающихся или дополняющих друг друга: большая, развёрнутая аналитика текста и герменевтическое толкование «Божественной комедии», что в результате дало и новую, интересную, вполне обоснованную реконструкцию «подлинной этики» Данте; и одновременно авторскую философскую этику, отмеченную печатью самобытности мышления нашего современника, замечательного философа Владимира Назарова. При этом не только реконструкция подлинных смыслов дантовского текста (аналитический комментарий), но и философско-этические интуиции самого автора опираются на титаническое освоение всего сделанного в дантоведении, прежде всего литературы на иностранных языках.

В своей методологической интерпретации текста Данте автор, во-первых, исходит из собственного дантовского метода построения и герменевтического толкования «многосмысленности» поэмы: буквального и аллегорического (морального) прочтения «Божественной комедии», о чём сам Данте писал в своих диалогах и письмах. В.Н. Назаров отмечает: «Исходя из этих положений, большинство комментаторов традиционно определяют буквальный смысл Комедии в целом как описание загробного странствия и загробных видений (на основе исторических событий, исторических и мифологических имен и лиц), которые сопровождают это путешествие. В свою очередь, аллегорический смысл принято толковать как историю человеческой души вообще – как путь человека, блуждавшего по греховной и темной жизни, вначале с помощью Разума (Вергилий), а затем Божественной Мудрости (Беатриче), вышедшего на путь истины и очищающегося зрелищем загробных кар и блаженств» (Назаров, 2019, с. 16).

Однако, во-вторых, В.Н. Назаров «буквальный метод» в своём аналитическом комментарии разворачивает в пространстве современного его бытования: от сравнительно-исторических и историко-философских методов до семиотики, филологической текстологии и экзистенциальной контекстологии, что даёт совершенно нетривиальное прочтение и реконструкцию глубинной религиозно-философской структуры поэмы.

В-третьих, «аллегорический» или герменевтический метод в нашем понимании В.Н. Назаров использует в неожиданном ракурсе, высвечивающем также и актуальное прочтение поэмы: «Аллегорический метод интерпретации предполагает некий "глобаль-

---

¹ Назаров В.Н. 2019. Право на ад: Семиотика пороков в «Божественной Комедии» Данте («Ад» и «Чистилище»). Тула, ООО «Аквариус», 604 с.; Назаров В.Н. 2020. Данте: Восхождение к небесам Рая. Морально-эстетическая символика «Рая» в «Божественной Комедии». Тула, ООО «Аквариус», 484 с.

² Перетятыкин Г.Ф. 2010. Ещё раз о Данте в философском отношении. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право, № 20 (91): 5-17; Перетятыкин Г.Ф. 2011. Данте, Гегель и "метафизика света". Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право, № 20 (115): 5–15; Перетятыкин Г.Ф. 2012. Идеи "метафизики света" у Данте и Гегеля. Vox. Философский журнал, № 12: 64-82.

ный" уровень толкования моральной символики... мы считаем, что современное исследование аллегорического смысла "Комедии" должно стать не просто толкованием традиционных образов "Ада", рискующим выродиться в повторение и "открытие" известных мест, но и интегрированием герменевтического опыта прочтения этической темы "Ада" на основе актуальных идей современности. В качестве такой идеи мы избираем тему "Ада" как пророческой аллегории будущей глобальной цивилизации пороков и предвестие эпохи "*носле порока*", знаменующей собой превращение основной массы человечества в цивилизацию "ничтожных душ", недостойных ада. Назовем такого рода метод толкования и комментирования *трансимволическим*» (Назаров, 2019, с. 17, 18). Собственно, здесь он развивает методологические интуиции Шеллинга, но совершенно оригинально и парадоксально.

И, наконец, во второй книге В.Н. Назаров дополняет герменевтику в понимании «Божественной комедии» ещё и методом эстетической символизации: «Вольно или невольно Данте хочет сказать: чтобы оценить степень заслуг перед Богом, мы должны перестать мерить нашу жизнь только мерками морали, мерками порока и добродетели. Есть более высокое мерило, определяющее принадлежность человека к небесам Рая. Это – Красота (*Bellezza*). Рай – есть символ Прекрасного... "Генеральный план" дантовского Рая представляет собой совокупность небесных сфер, начертанных и выстроенных по определенному принципу иерархической *морально-эстетической* гармонии» (Назаров, 2020, с. 16, 17, 21). Всё это в совокупности и даёт эффективное методологическое основание как оригинальному и плодотворному аналитическому комментарию «Божественной комедии», так и собственным авторским философско-этическим идеям, новым и парадоксальным.

Вообще философия занимает важное место и в глубинах дантовского дискурса, и в символике и семантике кругов Ада и сфер Рая, виртуозно реконструированных в книгах «Языческих» и иноверных философов – от Сократа до Аверроэса – вместе с некрещёнными младенцами, некоторыми библейскими патриархами, античными поэтами и героями Данте поместил в первом круге Ада, Лимбе: «Представление о Лимбе патриархов (*limbus patrum*), называемом также Лоном Авраамовым (Лк. 16, 22), и о Лимбе младенцев (*limbus puerorum*), умерших некрещеными, было широко распространено в средневековой католической теологии, но поместить туда доблестных, благородных нехристиан (*gente di molto valore*) – "людей великой доблести" (героев, поэтов, мудрецов древнего мира) – было подлинным откровением Данте – своеобразным прологом к возрождению античных ценностей» (Назаров, 2019, с. 122). Рая на небе Солнца удостоились лишь католические теологи, которых мы помещаем в диатрибической иерархии по ведомству «средневековой философии» (Назаров, 2020, с. 117–197).

Интересно, что сам Данте не упоминает при описании персонажей Лимба имени Аристотеля. И это не случайно: В.Н. Назаров в книгах воссоздал своеобразный диалог этики Аристотеля и этики Данте, в том числе сквозь призму прочтения Аристотеля Фомой Аквинским. Особый интерес представляет в этом плане «Сравнительный лексикон пороков: Аристотель – Данте (опыт Указателя пороков)» (Назаров, 2019, с. 588–600). Вообще проблема «средневекового Аристотеля» – особый предмет для осмысления, так как западное христианство восприняло античную философию преимущественно через экспорт арабских переводов, и только в разграбленном крестоносцами Константинополе они присвоили себе огромные запасы книг античных философов на греческом языке. Вопрос остаётся открытым: насколько Данте был знаком с оригинальными «этиками» Аристотеля или воспринял его философию сквозь призму теологии Фомы?

Очевидно, что всегда будет трудно сохранить аристотелевскую «золотую середину», меру в соотношении «аутентичного» и «современного» в постижении Данте. Сразу замечу, что В.Н. Назарову, на мой взгляд, эту меру соблюсти удалось, хотя в своих моногра-

фиях он не только в аналитическом комментарии поэмы, но и в размышлениях «по поводу Данте» высказывает весьма нетривиальные, а порой и парадоксальные философские идеи, предлагая нам собственную «этику пороков и грехов» и «философию свободы».

Вот только несколько таких спорных, но оригинальных и глубоких мыслей автора, сравнимых с этическими парадоксами Ницше, экзистенциальными интуициями Камю или образами Кафки. Например, о «праве на ад» в связи с человеческой свободой он пишет: «Это – право каждого человека свободно выбирать не только между добром и злом (в чем традиционно усматривается критерий человеческой свободы), но, прежде всего, между "посмертным" вердиктом Высшего суда своей жизни – между "раем" и "адам". Парадоксальность такого выбора в том, что никто не может выбрать рай свободно, по собственному волеизъявлению. Свободно можно выбрать только ад. Даже если человек заслужил рай, заслужил высшую, посмертную оценку своей жизни, он должен понимать, что недостойн этого. Он может оказаться в раю только по закону высшей Справедливости, а в аду по *благодати* собственной воли... Право на ад, – это вместе с тем право преступника на наказание, право грешника на свободный *суд Справедливости*» (Назаров, 2019, с. 12, 13). При этом «Дантов Ад один для всех, а Рай должен принадлежать *только христианам... Ад Данте – гуманнее и справедливее земной жизни*» (Назаров, 2020, с. 288, 463).

Столь же парадоксальным вопреки обыденным представлениям верующих и неверующих в трактовке В.Н. Назарова выглядит и Рай: «В чем причина того, что в дантовском Раю собраны души, вкусившие зло? Один из возможных ответов состоит в том, что человек должен чувствовать в раю не только блаженство, но и свободу. А для этого он должен вкусить зло, согрешить» (Назаров, 2020, с. 14).

Второй семантический пласт («назаровский дискурс») представлен особенно очевидно в таких разделах первой книги, как «Замысел», «Смысл названия», «Введение», «Вместо заключения: После порока (Маргиналии на кругах Ада)», «Лабиринт пороков», «Культурно-мифологические и эзотерические параллели дантовского Ада: опыт сравнительной инфернологии» (Назаров, 2019), и в разделах второй книги о Рае: «Замысел. Избранные грешники Рая», «Вместо Заключения. Визионерский опыт Данте: от куртуазных видений к райским созерцаниям» и «Приложение. Метаморфозы райского Света в «Божественной Комедии»: сравнительная символика и религиозно-мифологические параллели» (Назаров, 2020). Но это не значит, что в самом многостраничном комментарии «Божественной комедии» нет авторских этико-философских интуиций. Более того, без синергии этих пересекающихся семантических пластов книги В.Н. Назарова потеряли бы всю свою оригинальность и фундаментальность.

Однако я не рекомендовал бы разделы, где «назаровский дискурс» представлен в эзотерическом виде, толковать и браться спорить по их поводу умудрённым богословам или теологизирующим философам – они не для догматического и некритического мышления. Ведь к ним обращена ремарка В.Н. Назарова, выведенная из прояснения дантовского текста: «Богослов обосновывает *созерцательную автономию церковной жизни*, а философ отстаивает *независимость философии от теологии*» (Назаров, 2020, с. 128).

Для меня парадоксальным и новым стало толкование *Antinferno*, «преддверия Ада», в котором обитают «ничтожные души», «теплохладные» (Ф. Достоевский), которые и недостойны Ада, души безымянных, обезличенных масс, inferнальный «человейник» (А. Зиновьев). И меня несколько не смутили «модернизаторские» смыслы такого толкования: «В описании преддверия Ада мы видим некий общечеловеческий, массовый «ад», лишенный элитарных кругов, рвов, поясов с персональными нишами для наказаний. Этот массовый «ад» разверзся в «беззвездной тьме». В нем слышны «обрывки всех наречий, ропот дикий». Данте намекает на то, что здесь собраны не только все ничтожные души

прошлого, но и все ничтожные души будущего, ибо в нем «сливались в гул без времени, в веках» и «боль, и гнев, и страх, и жалобы и вскрики»... Им отказано в праве на Ад, и, следовательно, в праве на наказание. У них отнято одно из главных прав, завоеванных человеческой цивилизацией, – *право преступника (грешника) на наказание*» (Назаров, 2019, с. 102–104). Здесь ассоциативно вспоминается не только «банька с пауками» из «Братьев Карамазовых» Ф. Достоевского, но и «Философия права» Гегеля.

Вообще в книгах много явных и неявных отсылок к классикам русской литературы (особенно к Н. Гоголю), но и сами тексты В.Н. Назарова выполнены в прекрасном литературно-философском стиле и языковом изяществе. Прозрачный язык всегда помогает глубоким философским интуициям.

Поступила в редакцию 28.02.2022
Поступила после рецензирования 30.05.2022
Принята к публикации 30.10.2022

Received February 28, 2022
Revised May 30, 2022
Accepted October 30, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Римский Виктор Павлович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии, науковедения, Белгородский государственный институт искусств и культуры, Белгород, Россия

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Viktor P. Rimsky, DSc in Philosophy, Professor, Professor of the Department of philosophy, cultural studies, science, Belgorod State Institute of Arts and Culture, Belgorod, Russia